

**ВАСИЛИЙ
САХАРОВ**

РАЗВИЛКА

2017

Annotation

Альтернативная история Великой Отечественной Войны. Не стандарт. Главный герой сражается на стороне Германии против СССР. Гитлера нет. Вместо него Борман. Власов верный генерал Сталина. Вместо него генерал Трухин. Построение Казакии и Русского государства.

Сахаров Василий Иванович

Развилка

Пролог.

Борисов. 04.08.1941.

Иногда, крайне редко, судьба мира оказывается в руках одного человека. Как правило, он даже не знает о том, что ему уготовано, его имя остается неизвестным и все происходит случайно. Герой делает, что должен, и 4 августа 1941 года таким человеком стал курсант Борисовского танко-технического училища Иван Смирнов. Ему было всего девятнадцать лет. Однако, несмотря на молодость, он успел пережить много горя и бед.

Курсант, грязный оборванный юноша, голодный и раненый в левую ногу, лежал в густых придорожных зарослях невдалеке от немецкого аэродрома. Фашисты были рядом, они постоянно патрулировали дорогу и прочесывали местность. Но Смирнова, которого воспитал дед, уральский охотник, враги до сих пор не заметили. Иван умел прятаться и чувствовал опасность. Когда было нужно, он уходил в сторону и скрывался, а потом упрямо возвращался к дороге и ждал своего часа. Боец понимал, что далеко ему не уйти, сил практически не осталось, и все, чего курсант-комсомолец хотел, подороже продать свою жизнь и прикончить еще хотя бы нескольких фашистов.

Сдерживая готовые вырваться стоны, Смирнов слегка приподнялся и посмотрел на пустынную дорогу. Один патруль прошел, а второй будет через несколько минут. Пока спокойно и курсант, положив перед собой две тяжелые противотанковые гранаты и трофейный МР-38, листал страницы своей памяти. Перед его мысленным взором проносились лица и события, хорошие и плохие. Иван понимал, что вскоре умрет, но он улыбался и был уверен, что поступает правильно...

Детство в небольшой уральской деревушке. Трудовые будни на колхозных полях и походы с дедом в лес. Мать, вдова красноармейца, которая растила пять детей. Голодные годы. Первая охота. Первая любовь. Первый робкий поцелуй с деревенской девчонкой. А потом комсомольское собрание и он получает путевку в училище. Иван надеялся, что будет учиться недалеко от дома. Но судьба распорядилась иначе. Его отправили в Белоруссию, в Борисовское танко-техническое училище.

Год учебы пролетел незаметно. А затем началась война. Орды немецко-фашистских захватчиков вторглись на территорию СССР, и свой первый бой курсант Смирнов принял 1-го июля. Подразделения 1-й Московской Пролетарской мотострелковой дивизии, разрозненные соединения 44-го корпуса РККА, сводный отряд Лизюкова, курсанты-танкисты и ополченцы вступили в бой с 18-й танковой дивизией генерала Неринга.

Бойцы советской армией сражались храбро и были готовы умереть, но не отступить. Однако массированные налеты "юнкеров" и постоянные артиллерийские обстрелы сделали свое дело. Они расчищали путь для немецких танков и мотопехоты, а парашютные десанты и диверсанты "Бранденбурга" в тылу советских войск, вносили сумятицу и разжигали панику среди личного состава. Все дороги были забиты беженцами, подвоз боеприпасов оказался

затруднен, а резервы РККА, которые подходили к Борисову, опаздывали. В итоге сражение было проиграно, и командир 1-й Мотострелковой Пролетарской дивизии полковник Крейцер, на несколько дней задержав наступление гитлеровцев, отдал приказ отступить.

Неся потери и бросая поломанную технику, обескровленные советские войска под ударами немецкой авиации откатились на восток, к следующему оборонительному рубежу. А отряд, в котором воевал Смирнов, был отрезан от основных сил и попал в окружение. Темной ночью бойцы приготовились к прорыву, пошли в атаку и смогли вырваться из кольца. Но курсант получил ранение, и его оставили в одной из деревень.

Смирнов прятался в погребе у сердобольных хозяев, чьи дети ушли в ополчение, и пережил три облавы. Фашисты раз за разом прочесывали деревню и когда враги снова появились, курсант ушел в лес. Это был правильный поступок, и он спас приютивших его селян от расправы. Однако рана загноилась. Уйти от Борисова курсант не смог, партизан найти не удалось, сдаваться он не хотел, и тогда Иван принял решение принять свой последний бой и сжег личные документы...

На дороге появились мотоциклисты. Что характерно, все в новой форме, а техника просто сияла. Они промчались мимо Смирнова, а за ними появились красивые черные автомобили.

"Кто-то важный едет", — чувствуя, как его покидают силы, с равнодушием подумал Иван и метнул противотанковую гранату, которая попала аккурат под третий автомобиль в кортеже.

— Бум-м-м!!! — сильный взрыв перекрыл шум двигателей, а взрывная волна пригнула к земле кустарник.

Иван кинул вторую гранату и схватился за автомат.

— Бум-м-м!!! — очередной взрыв окончательно разметал в клочья уже поврежденный немецкий автомобиль.

— Своло-чи-и-и!!! — зарычал курсант, с трудом приподнялся и открыл огонь по фашистам.

Смирнов успел дать всего пару неприцельных очередей, а потом получил пулю, которая разнесла ему череп. Однако самое главное он совершил — в машине, которую Иван уничтожил, находился верховный канцлер Третьего Рейха Адольф Гитлер и история пошла по иному пути...

Курсант, чье бездыханное тело валялось на обочине дороги, конечно же, не мог знать, что фюрер прилетел в Борисов на совещание с генералами Вермахта. Именно здесь, в Борисове, должно было решиться, в каком направлении двинется германский стальной каток. И если генералы Вермахта: Шмундт, Бок, Гот и Хойзингер; хотели продолжения наступления на Москву, рейхсканцлер был настроен иначе. Гитлер собирался расплыть силы для наступления по нескольким направлениям: на Москву, Ленинград, Украину и Крым.

Впрочем, совещание не состоялось. Партийные функционеры НСДАП в Берлине начали делить кресло покойного Адольфа и на некоторое время военачальники оказались предоставлены сами себе. Война продолжалась, и генералы приняли решение сконцентрировать основные силы на Московском направлении.

Что же касательно выборов нового рейхсканцлера, спустя четыре дня, сумев обойти Геббельса и Геринга, им стал личный секретарь покойного фюрера и начальник Партийной канцелярии НСДАП Мартин Борман.

1.

Смоленская область. 10.08.1941.

Крадущейся мягкой походкой старшина Захаров прошел мимо и остановился. Кряжистый и крепкий, природный ловкий вояка и потомок пластунов, он пытался понять, где я спрятался, и застать меня врасплох. Но старшина ничего не заметил. Это хорошо.

— Андрий! — с заметным малороссийским акцентом окликнул меня Захаров и покрутил головой.

Тишина. Я молчал.

— Красноармеец Погиба! — снова, на этот раз командным тоном, позвал старшина.

— Здесь! — я отодвинул в сторону куст, за которым прятался, и выполз из-под упавшего старого ствола, под которым была глубокая промоина.

Старшина усмехнулся и кивнул:

— Добре сховался.

Когда мы были одни, Захаров обращался ко мне по-свойски, как земляк. Он на пятнадцать лет старше, половину жизни в армии, участник Гражданской войны и прошел Финскую. Но главное — мы земляки. Он родом с Кубани, и я оттуда. Правда, он на родине лет десять уже не бывал, и его семья проживала в Подмосковье, а я детдомовский с Катеринодара, то есть с Краснодара.

— Ну как тут, спокойно? — не выходя в поле, Захаров кивнул в сторону Боброво, которое было занято немцами.

— Спокойно, — подтвердил я.

— Плохо, — сказал он.

Месяц назад я мог задать ему резонный вопрос — что плохого в тишине. А сейчас промолчал. За спиной уже есть боевой опыт, бои за Смоленск и выход из окружения. На войне учишься быстро и я усвоил одну простую истину — если на передовой тишина, значит, противник готовит наступление и копит силы, а возможно, нас уже обходят, и скоро мы в очередной раз окажемся в котле. Уж лучше пусть немцы стреляют.

— Сидай, Андрий, — старшина присел под дерево и положил на колени автомат ППД.

Я разместился с ним рядом и поставив между ног карабин Мосина образца 38-го года. После чего спросил старшину:

— Иваныч, новости есть?

Он пожал плечами:

— Нет. Только сводку вчерашнюю повторяли.

— И что в сводке?

— Наши войска ведут ожесточенные бои на Смоленском, Кексгольмском, Коростенском и Белоцерковском направлениях. На остальных участках бои разведывательного характера. Корабли Балтийского флота потопили один и повредили два торпедных катера противника. Летчики сбили сколько-то самолетов и сколько-то потеряли.

— Понятно... — протянул я.

Сидим. Молчим. Каждый думает о своем. Но неожиданно Захаров задает новый вопрос:

— Андрий, а ты точно своих родичей не помнишь?

Эта тема, которую старшина за полгода поднимал несколько раз, мне неприятна. Не люблю ворошить прошлое, от этого сразу приходила тоска. Однако я ответил:

— Не помню. Меня в детдом в тридцать втором году привезли, в декабре, как раз перед

Новым Годом. Я уже доходил, от голода разум помутился. Десять лет мне тогда исполнилось. Помню только, что в станице жил. Хата была. Двор большой. Потом стрельба какая-то. Дальше детдом и завод, пока в армию не призвали.

— А лица родителей?

— Нет. Все, словно в тумане.

— А станица, говоришь, Уманская?

— Так в документах записано. Ты же сам их видел, Иваныч. Раньше называлась Уманская. Потом переименовали в Ленинградскую.

— И что, в станицу после детдома не ездил?

— Как? Денег не было, и кто бы меня отпустил. Только школу окончил, с детдома в жизнь выпустили и на завод. У станка поработал и призыв.

— А про родных узнать пытался?

— Мать умерла. Это точно. Про отца сведений нет, пропал. А больше никого.

— Ну да... — он поднялся и сказал: — Ладно, ты бди, а я другие посты обойду.

— Есть! — я тоже встал и когда старшина ушел, снова спрятался в своем логове.

Позади траншеи нашей 2-й роты 3-го батальона 518-го стрелкового полка 129-й стрелковой дивизии. Остальные бойцы моего взвода сейчас готовили оборонительные позиции и зарывались в землю, а я в боевом дозоре, за сто метров от позиций. С одной стороны это ответственность, а с другой сплошной отдых. Кто-то киркой машет, а я, благодаря старшине Захарову, чей авторитет в роте почти вровень с командиром, наблюдаю за противником, который ведет себя на удивление спокойно.

Конечно, наш старшина человек странный. По службе ведет себя, словно цепной пес, который живет по уставу. Но такой он для всех рядовых бойцов, кроме меня. Как только Захаров узнал, кто я и откуда, сразу взял под свое крыло и многому научил. Стрелять и маршировать — это понятно. Важнее другое — ходить в разведку, сидеть в засаде, пугать следы, метать ножи и драться. Многие хотели позаниматься с ним отдельно, даже командиры. Однако он учеников не брал и накоротке общался только с такими же сверхсрочниками, как он сам. Да и то не со всеми.

В общем, старшина человек военный и командиры его ценили. При мне Захарова несколько раз в дивизионную разведку звали, только он отказался, да и ротный его отдавать не хотел. И, как на ситуацию ни посмотри, для меня это хорошо. На войне с таким человеком не пропадешь — это я понял, когда мы выходили из окружения и привитые Захаровым навыки пару раз спасли мне жизнь. Вот только вопросы, которые он задает... К чему они? Зачем спрашивать и давить на больное? Ведь ничего не меняется и память о прошлом для меня закрыта. Врачи говорили — последствия стресса, который я пережил в детстве. Наверное, они правы. Но сейчас это неважно. Идет война и я девятнадцатилетний красноармеец Андрей Погиба винтик огромной военной машины и защитник Родины...

Послышался шум. С запада еле слышный рев движков. Танки. Не иначе. Сколько точно, определить невозможно. Пять или шесть? Скорее всего, больше.

Вскоре шум стих, но зато в небе, двигаясь на восток, появились две девятки "юнкерсов". Ох, не просто так движение началось. Чует мое сердце, что вечером или завтра утром нам придется туго...

Тем временем дело к обеду. Меня сменили, и я отправился на позиции роты. Бойцы, полуголые и загорелые, на время оставив в сторону лопаты и кирки, набивали брюхо. На обед жидкий супчик, перловая каша, пара кусочков хлеба и чай.

В животе заурчало. Организм молодой и требовал пищи. Но сначала я доложил взводному, младшему лейтенанту Ерофееву. Рассказал про шум, который слышал, и он побежал к ротному.

Взяв свой котелок, я подошел к бачкам с едой, получил пайку и присел в окопе. Пока насыщался, появилась немецкая "рама". Разведчик кружил над нашими позициями, и я представил себе, что пилот видит сверху. Поле. Редкие рощи. На востоке густой лес. И перед ним неровные линии траншей.

— Не зря летает, сволочь, — посмотрев в небо, сказал кто-то из бойцов. — Наверное, скоро обстрел будет.

"Это само собой", — подумал я, но промолчал и кинул взгляд в сторону недостроенного блиндажа неподалеку.

От "рамы" отделилась темная точка, и по позициям разнесся истошный крик:

— Бомба!!!

Новички из последнего пополнения задержались, а ветераны сохранили спокойствие и правильно сделали. Разведчик бомбы бросает редко, а вот агитационными листовками сыплет постоянно.

Темная точка, приближаясь к земле, распалась еще на несколько, а потом еще. В воздухе закружились белые листы, и целый ворох опустился на наши окопы. Так и есть — листовки.

Сам того не желая, я подобрал одну из них и взгляд заскользил по тексту:

"Бойцы Красной Армии! Сдавайтесь! Сопротивление бесполезно! Интернациональные жидо-коммунистические преступники гонят вас на бойню. Они говорят, что немецкая армия собирается вас поработить, но это не правда. Солдаты Вермахта несут вам освобождение от большевистского ига.

Эта листовка служит пропуском для сдачи в плен. Гуманное отношение гарантируется. Помните о своих родных — вы нужны им. Всех, кто окажет сопротивление, ждет смерть".

— Отдай! — ко мне подскочил лейтенант Ерофеев и вырвал лист из рук.

Я не спорил. У командира приказ — уничтожать немецкие листовки. Если откажется, вмещается политрук и ему влетит. Это понятно.

Лейтенант пробежал по траншее и собрал все листовки, какие смог. Неопытный еще. Другой бы старых бойцов заставил шевелиться, а он все сам да сам. Поэтому часть прокламаций уцелела. Не потому, что бойцы собирались сдаваться в плен, а просто им нужна бумага для самокруток. Я не курящий. Мне без надобности. А остальным что делать, когда табак еще есть, а бумаги на пять километров вокруг не найдешь? То-то же...

Обед закончился. Как и другие бойцы, я должен был взяться за лопату. Однако начался обстрел.

Противно завывали мины и, подхватив оружие, я юркнул в блиндаж и притих.

Через взрывы прошла по нашим позициям. Первая серия. Следом вторая и третья. Под обстрелом вся храбрость куда-то уходит и в голове только одна мысль:

"Лишь бы не в меня... Господи пронеси"...

Минометный обстрел продолжался четверть часа. А когда он закончился, я первым выбрался из блиндажа и обнаружил, что часть траншей засыпало грунтом. Кругом воронки, а над землей стелился едкий пороховой дым, и где-то невдалеке стонали люди.

— К бою! К бою! — из какой-то ямы выбрался обсыпанный землей лейтенант Ерофеев. — Санитары! Раненых в тыл! Живее!

Взвод занял оборону. В потерях не менее пяти человек, трех завалило в соседнем блиндаже, а остальных посеколо осколками. Нас и так-то не особо много после выхода из окружения, человек пятнадцать во взводе, а у немцев танки с мотопехотой.

— Гранаты разбирайте!

По окопам с открытым вещмешком пробежал старшина Захаров, всучил мне две противотанковые гранаты и хлопнул по плечу:

— Держись, Андрий!

— Ага, — отозвался я и выглянул за бруствер.

Немцы шли в атаку. Семь танков, это только в пределах моей видимости, больше десяти бронетранспортеров, полтора десятка мотоциклов с пулеметами и, конечно же, пехота. Такого я даже под Смоленском не видел. Противник решил взломать оборону именно на участке нашего батальона и удержаться будет сложно.

Заговорили сорокопятки из приданного противотанкового дивизиона. Рано. Артиллеристы обнаружили себя раньше времени и немцы ответили. Танки открыли огонь. Они били по позициям дивизиона и сорокопятки замолчали. Видать, накрыло их или отходят. Неважно. Главное — делать, что должен. Карабин при мне. Шесть снаряженных обойм и сотня патронов в вещмешке. Гранат три, одна осколочная и две противотанковые. Могло быть и хуже. Например, дали бы вместо гранат бутылки с горючей жидкостью и воюй, как знаешь. А помимо того при мне еще трофейный немецкий штык-нож.

Над головой прошла пулеметная очередь, и я пригнулся. Но практически сразу услышал команду лейтенанта:

— Вз-во-од!!! Ого-нь!!!

Немцы в ста пятидесяти метрах, а мой карабин бьет на тысячу. Промазать сложно, если не лупить в белый свет, как в копеечку, и я открыл огонь.

Первая обойма закончилась быстро. Попал или нет? Разбираться нет времени и желания. Перезарядил оружие и снова начал стрелять. На этот раз более-менее прицельно.

Враги уже ближе. Они тоже стреляют, и кажется, все пули именно в меня. Вот-вот они вонзятся в тело и порвут его на куски. Но я уже знал, что это самовнушение. СВОЮ ПУЛК ПОЧУЕШЬ. Так говорил старшина, и я ему почему-то верил. Может быть по той причине что хотел верить.

Выстрел! Есть! Достал немца! Раскинув руки, он выронил винтовку и свалился.

Выстрел! Мимо!

Выстрел! Немец успел уйти с траектории.

Выстрел! Снова попал! Не убил гада, но задел!

Выстрел в пулеметчика на бронетранспортере! Промазал!

— Берегись! — окрикнули меня.

Я опустил на дно окопа и увидел, что прямо на меня идет танк. Громадная железная машина казалась несокрушимой, и захотелось убежать. Страх попытался овладеть мной, но я остался на месте и схватился за гранату. Не потому, что такой храбрый, а потому что действовал так, как меня учили.

Сминая не укрепленные деревом окопы, танк перевалился через них. Он прошел рядом, засыпал грунтом двух бойцов и стал разворачиваться.

"Если пойдет по окопам, — промелькнула мысль, — всем плохо будет, и первым под гусеницами окажусь я".

Как поднялся и метнул гранату, сам не понимаю. Тело скованно, а руки, словно

деревянные, и меня не слушались. Но я не промазал. Тяжелая болванка упала на корму боевой машины, и я рухнул на дно окопа раньше, чем она взорвалась.

Взрыв был не сильным или у меня проблемы со слухом. Кругом стрельба и крики. Но я смотрел только на танк, который стоял на месте и чадил.

"Получил, сука! — со злорадством подумал я и в этот момент люк танка распахнулся. — Оружие! Где мой карабин?! Стрелять! Стрелять!"

Карабин был рядом. Но перезарядить оружие я не успевал. На башне танка показался немец. В правой руке у него был автомат. За ним вылезал второй. Чтобы спастись, я должен был уйти дальше по траншее. Иначе никак. Убьют. Однако меня выручил старшина. Захаров оказался неподалеку и двумя очередями срезал немецких танкистов. А потом он ловко взобрался на башню и разрядил остатки магазина внутрь.

— Молодец, Андрий! — старшина спрыгнул вниз и оказался рядом.

Я промолчал. Подрагивающими руками загнал в карабин новую обойму и увидел лейтенанта, который выскочил на бруствер, героически вскинул ТТ, слегка обернулся и закричал:

— В ата-ку-у!!!

Нужно было встать, но я не успел. Взводный получил в грудь пулеметную очередь и рухнул обратно в траншею. Не жилец. Это было ясно сразу. Контратака закончилась, не успев начаться.

— Уходим! — старшина дернул меня за плечо и по узким траншейным переходам мы стали отходить в тыл.

2.

Хаммельбург, Офлаг XIII. 15.08.1941.

В небольшом помещении без окон стоял стол, за которым сидели два человека, русский и немец. Первый — бывший генерал-майор Красной армии Федор Иванович Трухин. Второй — руководитель главного управления политики в Имперском министерстве оккупированных восточных территорий Георг Лейббрандт. Русский, высокий худощавый мужчина с волевым лицом, одет в гимнастерку защитного цвета. Немец, средних лет круглолицый мужчина в сером костюме.

Генерал Трухин был потомственным русским дворянином Костромского уезда, предки которого на протяжении нескольких веков верно служили России. После окончания Костромской гимназии он учился на юридическом факультете Московского университета. Но шла Первая Мировая война, а молодой Федор Трухин был патриотом и все бросив, он окончил школу прапорщиков и отправился воевать. Потом произошла революция и прапорщик Трухин, поверив в ее идеалы, был избран командиром батальона 181-го Остроленского полка.

Карьера Федора Трухина пошла в гору. Он воевал против Деникина, против украинских националистов и поляков, доказал свою верность большевикам и после окончания Гражданской войны отправился на учебу в Военную Академию РККА. В 1925 году он уже командир полка. В 1926 году начальник штаба дивизии. В 1931 году начальник штаба корпуса. Далее преподаватель Военной академии имени Фрунзе и начальник кафедры методики боевой подготовки в этой же академии. В 1935 году Трухин получил звание полковника и учился в Военной академии Генерального штаба. В 1937 году старший руководитель курса Военной академии Генерального штаба. А в 1939 году старший

преподаватель кафедры оперативного искусства в этой же академии. Что характерно, он никогда не состоял в ВКП(б). Но был награждён орденом Красного Знамени и медалью "ХХ лет РККА".

Тем временем СССР готовился к большой войне. В 1939 году Трухин стал комбригом, а в 1940 году генерал-майором и заместителем начальника 2-го отдела Управления боевой подготовки РККА. Немного позже он уже заместитель начальника штаба Прибалтийского военного округа. А когда началась война с Германией заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта.

Генерал Трухин перешел на сторону немцев на пятый день войны, 27 июня в Литве, и передал германскому командованию штабные документы фронта. Естественно, такого ценного для себя человека немцы сразу взяли на особый учет и отправили его в Хаммельбург, Офлаг XIII, где генерал вступил в созданную антисоветски настроенными военнопленными "Русскую трудовую народную партию". После чего он стал работать и составлять проекты, согласно которым, созданные из военнопленных части и соединения, помогут Германии одержать победу над СССР.

Что же касательно Георга Лейббрандта, для него Россия тоже не была чужой страной. Он родился в немецкой колонии Хоффнунгсфельд под Одессой в многодетной крестьянской семье колонистов из Швабии. Когда во время Гражданской войны немецкие и австрийские войска заняли часть Украины, он стал переводчиком при местной оккупационной администрации и бойцом немецкой самообороны.

Германия потерпела поражение, и Георг эмигрировал на историческую родину. Жил в Тюбингене, изучал теологию, историю, философию и экономику в Марбурге и Лейпциге. В 1923 году создал и возглавил ассоциацию черноморских немцев. Со временем получил степень доктора философии и специализировался по России. Много раз посещал Советский Союз и пару лет провел на стажировке в США. Еще находясь в Вашингтоне, Лейббрандт стал связным НСДАП, а в 1933 году вступил в партию. Вышел из нее в 1934 году и вторично вступил в 1938 году. Числился в СА. С 1933 года — заседатель Народной судебной палаты, а позже занял пост руководителя восточного отделения управления внешней политики нацистской партии.

После нападения Германии на СССР, Георг Лейббранд был приглашен Альфредом Розенбергом в Имперское министерство оккупированных восточных территорий, стал начальником главного управления политики этого министерства и погрузился в работу, которой было очень много. Территории, люди, заводы и фабрики, жизнь крупных городов и мелких поселков, коммуникации и установление власти на оккупированных землях. Все это требовало самого пристального внимания. А помимо того на плечи Лейббрандта легло создание меморандума о националистических организациях СССР и вооруженных инациональных формированиях...

Трухин и Лейббрандт беседовали уже целый час. Разговор шел на русском, и они прощупывали один другого. Но, наконец, подошли к самому главному.

— Господин генерал, — сказал Лейббрандт, — ответьте мне честно на один вопрос. Без обиняков. Как есть. Сможете?

— Конечно, — Трухин кивнул. — Что именно вас интересует?

— Почему вы перешли на сторону Германии?

— Меня об этом уже спрашивали.

— Да-да, я читал протоколы ваших допросов. Ненависть к коммунистам и желание

видеть Россию свободной — это хорошие доводы. Однако, неужели вы, в самом деле, ждете освобождения своей родины? Вы не боитесь, что захватив Россию, мы никуда не уйдем?

Трухин усмехнулся, и в его усмешке была горечь:

— Господин Лейббранд, раз уж пошел такой разговор, давайте говорить на чистоту. Без посторонней помощи вы никогда не сможете полностью захватить Россию. На это вам не хватит сил и ресурсов. Максимум, дойдете до Волги и выдохнетесь. А что потом? Все равно придется договариваться с СССР и приводить в порядок дела на оккупированных территориях. А причины, которые я указывал вашим офицерам, они такие и есть. Я — русский патриот и примкнул к большевикам потому, что именно они, а не кто-то другой, стали реальной властью в стране. Поверьте, сидел бы в Москве Корнилов, Деникин или Колчак, я встал бы на их сторону. Но амбиции белогвардейцев и отсутствие единства среди бывшей русской элиты привели к тому, что победили красные. Народ в основе своей пошел за ними, а когда люди осознали ошибку, было поздно. Ленин, а в дальнейшем его преемники, ошибку царя не допустили, не отреклись от власти и не позволили народу выразить свое истинное мнение. Предатели — вот кто для меня большевики и коммунисты. Они развалили Российскую империю, оторвали от нее Прибалтику, Среднюю Азию, Украину и Финляндию, а потом снова стали все собирать. Но не ради России, не ради людей, а ради победы коммунизма во всем мире. Меня это не устраивало и, когда я оказался перед выбором, служить вам или кровавому палачу Сталину, все решилось быстро.

Поверьте, господин Лейббранд, я не хочу быть с вами. Но иного выхода нет. По крайней мере, я его не вижу. Русский народ надломлен, запуган, заморожен и обездолен. Однако в нем еще есть сила, которая способна вас остановить и погнать обратно. Русские еще могут совершить сверхусилие. Может быть, последнее. И они сделают, что нужно. Вот только нам, русским, и вам, немцам, это счастья не принесет. Обе стороны понесут в этой борьбе настолько огромные потери, что конкуренты нас легко обойдут...

— Вы говорите про англичан?

— Возможно, — генерал пожал плечами. — Хотя не только они. Взять хоть Америку, для примера, Японию или Китай. Если фортуна повернется к ним лицом, они своего шанса не упустят. Кто-то обязательно будет до последнего момента держаться в стороне, богатеть, наблюдать за битвой двух гигантов и копить силы, а потом добьет самого слабого. Это очевидно. Неужели Первая Мировая война вас ничему не научила?

— Уроки прошлой Мировой войны даром не прошли, господин генерал. Мы все помним. Поэтому я здесь, беседую с вами, а не в Берлине, где меня ждут дела. Вашу мотивацию я понимаю. Но каким вы видите наше сотрудничество в дальнейшем?

— Рано или поздно вам понадобятся солдаты. Не только для охраны коммуникаций и подконтрольных областей, но и полноценные боевые соединения: полки, бригады, дивизии и корпуса; которые смогут сражаться на фронте. Вы начнете искать резервы, и таким резервом можем стать мы — русские патриоты и представители других народов СССР, которые ненавидят большевиков. Мы поможем вам разгромить Сталина и заплатим за это кровью. А взамен, когда СССР капитулирует или окажется на грани краха, вы возьмете, что вам нужно, а остальную Россию оставите нам. Разумеется, как верным союзникам.

— А потом вы попытаетесь взять реванш? — немец усмехнулся.

— Вряд ли. Слишком много сил и времени придется потратить на восстановление того, что окажется под нами, а затем появятся новые враги.

Лейббранд задумался...

Война с Советской Россией была неизбежна, и покорение восточных народов являлось краеугольным камнем политики Адольфа Гитлера. Поэтому спустя три месяца после его прихода к власти, 1 апреля 1933 года, по личному распоряжению фюрера было создано Внешнеполитическое бюро НСДАП под руководством Розенберга. При нем Восточный отдел. А при отделе РОНД — Российское объединенное национально-социалистическое движение. Его руководителями стали балтийский немец Светозаров (Пельхау), полковник Гершгельманн и князь Оболенский. А затем к нему стали присоединяться белогвардейские организации. Не все. Конечно же, не все, ибо часть была ориентирована на Англию. И в 1937 году председатель РОВС (Российского Общевоинского Союза) генерал Миллер даже издал приказ, в котором было сказано: "Мы, члены РОВС, являемся идейными фашистами". А помимо русских в РОНД вошли украинцы, которые создали "Особый Украинский Отдел РОНД".

Война началась, и немало русских белоэмигрантов вступили в Вермахт или отправились попытать счастья в оккупированных районах. НО! Это было совсем не то, чего хотели и ждали лидеры белой эмиграции. Они мечтали, что им разрешат создать собственную армию. Боевую. Самостоятельную. И если часть немецких генералов (прагматики) под негласным лидерством Браухича соглашалась дать добровольным помощникам оружие и относительную свободу, другая (нацисты) во главе с Кейтелем была категорически против. Фюрер поддерживал Кейтеля. "Славяне — будущие рабы арийской расы!" — заявлял Гитлер. И равными он признавал только часть северокавказских народов и казаков. При этом казаки должны были согласиться, что по роду-племени являются остготами, и обязаны служить под командованием немецких офицеров.

Так было в самом начале войны, когда Вермахт еще не понес огромных потерь и не наступили холода. Однако фюрер погиб. Его кресло занял Мартин Борман. Не идеолог и оратор, а хитрый, жесткий и циничный управленец. Для него на первом месте эффективность. Поэтому речи оголтелых нацистов слегка стихли и отношение к народам СССР, а так же к военнопленным, изменилось в лучшую сторону. Пока незначительно. Не чиновники Имперского министерства оккупированных восточных территорий и лояльные к русским германские генералы надеялись, что-то с этого выгадать — получить дармовую рабочую силу и дополнительных солдат на фронте. Вот потому Лейббранд прибыл в Хаммельбург и разговаривал с Трухиным. Не с белоэмигрантом, который жаждал реванша (что думают белогвардейские генералы он уже знал), а с кадровым советским офицером и русским дворянином...

— Господин генерал, — решив, что Трухин ему подходит, прервал свое молчание Лейббрандт, — не все, что вы сказали, мне нравится. Однако в ваших словах есть здоровое зерно, и я приглашаю вас отправиться со мной в Берлин.

— И что я там буду делать?

— Вы поможете мне подготовить документ, который определит отношение Германии к добровольцам из числа русских военнопленных, готовых служить на благо Третьего Рейха.

Трухин поднялся, машинально оправил гимнастерку без знаков различия и кивнул:

— Я готов. Когда отправляемся?

Лейббранд тоже встал и ответил:

— Немедленно.

3.

Смоленская область. 17.08.1941.

Седьмой день пробираемся к своим. Группа небольшая, всего девять человек. Оружие и документы сохранили — это главное. Боеприпасов почти не осталось, у меня три обоймы на карабин, нож и граната, а у остальных хуже. Провиант закончился еще вчера. Так что тоска. Сидим в лесу и не можем перейти дорогу, которая буквально забита немецкими войсками. Фрицы прорвали оборону нашей дивизии, расчленили ее и рвутся на восток. А мы чувствуем свое бессилие, скрипим зубами и ждем наступления темноты. Если удача улыбнется, пересечем дорогу и двинемся дальше. Сил осталось немного, но они еще есть, на один рывок хватит.

Я покосился на старшину Захарова, который расположился неподалеку, закутался в кусок брезента и дремал. Если бы не он, пропали бы мы — все бойцы нашей группы. Признаюсь, когда мы отошли от подбитого танка и немцы ворвались в траншею, я растерялся. Поэтому, скорее всего, отстреливался бы до последнего патрона и погиб "смертью храбрых". Но погибнуть дело не хитрое — говорит старшина, — нужно выжить и продолжать бой, чтобы убивать врагов. Такая позиция мне нравится гораздо больше, чем "стоять насмерть и ни шагу назад". Ведь что я видел в своей жизни? Кроме детдома и завода ничего. Даже девушки не было. Целоваться с девчонками целовался, но дальше этого дело не шло, хотя на лицо не рябой и статью вышел. Просто ждал чистой и светлой любви, как в книгах, да и некогда было. За день у станка так намаешься, что к вечеру еле ноги передвигаешь, и вместо отдыха идешь на дополнительные занятия, чтобы получить новые знания, или на комсомольское собрание. Ладно. Это уже в прошлом. Вот закончится война, все наладится. Конечно, если я ее переживу...

Прерывая мои размышления, из кустарника буквально вывалился взволнованный Жора Садчиков, минометчик, который стоял в дозоре.

— Там... — он указал в сторону дороги и задохнулся.

Старшина моментально вскочил, подхватил автомат, подошел к Садчикову и поторопил его:

— Говори! Что случилось?!

Жора набрал полную грудь воздуха и ответил:

— Авдеев с Исмаиловым ушли!

— Как?! — старшина оскалился, словно волк.

— Я за дорогой наблюдал... Они мимо прошли... Окликнул их... А они убежали... Смотрю... Дальше на дорогу выскочили, оружие бросили и руки подняли... Немцы их окружили и они в нашу сторону стали указывать...

— Суки! — Захаров ногой откинул в сторону крупный сучок, который валялся на траве, и прошипел: — Предатели!

Остальные бойцы нашей группы сгрудились вокруг старшины и Садчикова.

— Что делать? — спросил кто-то.

— Уйдем в болото, — Захаров указал на север. — Там спрячемся. До наступления темноты три-четыре часа осталось, продержимся.

В болото, так в болото. С опытным Иванычем никто не спорил и, путая следы, мы двинулись к болоту.

Погони не было. Мы немцев пока не интересовали или они собирали поисковую группу. И пока шли, я размышлял о причинах, которые побудили Исмаилова и Авдеева сдаться.

Кавказца я не знал, он из другого батальона, прибил к нам уже в лесу. А вот Серега

Авдеев... Как же так? Мы же с ним полгода бок о бок. Крепкий парень, комсомолец, потомственный рабочий из Тулы. Мне казалось, что я его знаю, а выходит, что нет. Сгнильцой оказался Авдеев, предал Родину и переметнулся к врагу.

До болота добрались быстро. Выломали несколько длинных крепких палок и вошли в воду. Впереди старшина. Я замыкающий.

Раздвигая болотные заросли и петляя между редкими чахлыми кривыми деревьями, мы отмахали от берега метров двести. Набредли на крохотный островок, который едва вместил, и остановились. Только устроились, как послышались голоса. Они приближались, и вскоре стало понятно, что это немцы. Фрицы прочесывали лес, дошли по нашим следам до болота и раздался крик Авдеева:

— Ребята!!! Эге-ге-й!!! Выходите!!!

Разумеется, мы промолчали. Все посмотрели на старшину, и он приложил к губам указательный палец — тихо!

— Не надо прятаться! — продолжал надрываться Серега. — Немцы тоже люди! Пожрать дали и обещают отпустить! Хватит бегать! Отвоевались — штыки в землю! Скоро германцы Киев возьмут, а потом Москву, скинут усатого кровопийцу Сталина и заживем! Иваныч! Андрюха! Семен! Демьян!

Он звал нас, а мы продолжали молчать. Но вскоре немцам надоело ждать, когда мы выйдем, и они стали стрелять. Высоко над головой прошло несколько очередей, а потом грохнули два взрыва. Немцы бросили в заросли пару гранат и успокоились.

Тишина. Враги затаились или ушли. Проверять не стали, слишком рискованно, и мы просидели на островке до наступления темноты.

Ночь опустилась на землю и болото ожило. Тысячи лягушек стали петь свои песни, и старшина решил рискнуть. Он вывел нас обратно в лес, не к тому месту, где мы входили в болото, а немного левее. После чего группа двинулась на восток и через час уперлась в дорогу.

Несмотря на темноту, движение вражеских войск продолжалось. Но немецкие колонны проходили гораздо реже, и у нас появился шанс.

— За мной! — старшина первым выбежал из леса и оказался на открытом пространстве.

Группа последовала за лидером, и мы бежали так быстро, что, очень может быть, побили пару мировых рекордов. Проскочили дорогу и убранное поле. Отмахали километр, не меньше, и только тогда остановились.

Перекличка. Шестеро здесь, одного нет. Пропал Иванов, пулеметчик из 1-го взвода, степенный мужик.

Осмотрелись. Иванова нигде не видно. То ли отстал, то ли остался в лесу, то ли соблазнился речами Авдеева и надумал сдаться. Гадать не стали, толку от этого нет никакого, и группа продолжила движение.

Сколько прошли, сказать сложно. Километров пятнадцать точно. И к утру набредли на небольшой полевой стан, который раньше использовался местными колхозниками.

Просторный навес. Под ним брошенные веялки и еще какая-то сельхозтехника. Людей нет. Собак не слышно. А в воздухе противный запах горелого мяса и шерсти.

— Сюда! — позвал нас Садчиков.

Побежали к нему. Он стоял над большой ямой, смотрел вниз и на его бледном лице был ужас.

Я остановился, тоже посмотрел в яму и меня едва не вывернуло.

В яме были трупы, пять человек, взрослые люди, и две собаки. Их расстреляли, а потом облили бензином и подожгли. Вот только топлива оказалось мало. Тела обуглились, но полностью не сгорели.

— Евреи... — выдохнул Семен Колесников, еще один уцелевший боец нашего взвода.

— Почему так решил? — спросил старшина.

— А вот... — он поворошил ногой испачканную засохшей кровью траву возле ямы, и мы увидели украшение, шестиконечную звезду Давида, судя по всему, из серебра. А немного дальше обрывки мужской и женской одежды. Я хоть в этом и не специалист, но, судя по всему, в яме, действительно, сжигали евреев. Кто, зачем и за что? Мы не следственная бригада милиции.

Молча, ни слова не говоря, все отошли от ямы, обыскали полевой стан и нашли немного еды, сухари и кусок колбасы.

Вдали послышался шум моторов, и мы опять бросились бежать...

День пролетел незаметно. Шли и останавливались. Опять шли, а потом прятались. Ближе к вечеру выскочили еще на одну дорогу, обычную грунтовку, и обнаружили на ней разбитую советскую автоколонну. Много сожженных и раскуроченных взрывами автомобилей, мотоциклы и тягачи, один танк БТ-7 и рядом с ним два броневика. Автоколонну разбомбила авиация, сомнений не было. Трупов нет, наверное, успели собрать.

Пока никого не было, и нам не мешали, посмотрели, что в грузовиках, и нашли ящики с рыбными консервами. Набрали, сколько смогли, собрались уже уходить, но не успели. Появились немецкие мотоциклы с колясками. Бежать поздно. Справа и слева открытое пространство, нас посекут из пулеметов.

Затаились под разбитой полуторкой. Немцы нас не видели, остановились, и начали осматривать автомобили. Видать, искали, чем поживиться.

— Короче, — прошептал старшина, — придется принять бой. Фрицев шестеро и нас столько же. По моей команде наваливаемся на них. Не стрелять. Берем противника в ножи. Вопросы?

Вопросов не было, и мы приготовились к бою. Я отставил в сторону карабин и вытащил штык-нож. Ладонь сразу вспотела — нервы шалют. Однако я не боялся. Страх не было. Совсем. Мозг, словно отключился, и я был готов убивать.

Немцы были сытые и расслабленные. Рукава засучены. Воротники расстегнуты. Каски брошены в мотоциклах. Автоматы за спиной. Они чувствовали себя в полной безопасности, наверное, до сих пор считали, что война легкая прогулка. Ну-ну, они не первые и не последние, кто так думал.

Фрицы держались кучкой и не разбредались. Для нас это идеально и когда они подошли вплотную, старшина заорал:

— Бей их!

Как обычно, Захаров был первым. Он оказался среди немцев и быстро заработал ножом. Я последовал за ним. Поднялся, метнулся вперед и оказался лицом к лицу с мордастым румяным фрицем. Он смотрел на меня с недоумением и не понимал, откуда я появился и что происходит, а я не медлил. Как учил старшина, резко ударил его клинком в живот и сразу потянул его обратно. Немец открыл рот, и я нанес второй удар, по горлу.

Захлебываясь кровью, фриц стал медленно оседать, но я на него уже не смотрел. На Захарова надели сразу двое и один из них попытался поднять автомат. Но я был за его спиной и, запрыгнув на плечи немца, левой рукой зацепился за его лицо, а правой ударил

противника в грудь. Клинок вошел в тело фрица легко, и он практически сразу упал. Я вместе с ним и нож остался в теле противника.

Поднимаюсь. Глядь, а передо мной еще один немец. В руке у него пистолет, ствол которого был нацелен на меня. Однако выстрелить он не успел. Рядом находился Садчиков, без ножа, но с саперной лопаткой, и боец рубанул его по черепу, который не выдержал удара и характерно хрустнул.

Этот фриц был последним. У нас без потерь, только синяки и пара порезов. А враги вот они. Шесть трупов.

— Собираем оружие! — отдал команду старшина, и мы бросились врассыпную, кто к телам, кто к мотоциклам.

В процессе сбора появилась идея — оседлать технику и рвануть к линии фронта на колесах, с ветерком. Но от нее отказались, слишком безрассудно. Поэтому собрали оружие, шесть автоматов, пистолет и два пулемета, прокололи мотоциклам шины, а затем в очередной раз ушли под прикрытие леса. Надо сказать, вовремя, потому что мотоциклисты оказались авангардом моторизованного батальона.

Еще один день был позади. Мы выжили и нанесли врагу урон, добыли еду и оружие. Война продолжалась, и настроение бойцов заметно приподнялось. А утром на нас вышел крупный отряд отступающих советских войск во главе с командирами, и наша группа вошла в состав сводной стрелковой роты.

4.

Смоленская область. 24.08.1941.

Захаров был бледен. Он лежал на свежем сене в просторном крестьянском амбаре и что-то шептал.

Я наклонился к нему и услышал:

— Пи-и-ть...

Вода неподалеку, бадейка с ковшиком, и я дал ему напиться. Старшина сделал пару больших жадных глотков, немного оклемался и посмотрел на меня:

— Что... Андрей... плохи мои дела?

— Ничего страшного, — ответил я. — Врач сказал, будешь жить. Тебе осколками ногу располосовало. Он их вытащил, но кровопотеря серьезная. Отлежаться надо и силы восстановить.

— Мы где?

— Хутор какой-то.

— Меня здесь оставят?

— Да.

— Плохо... Если немцы набредут... в плен попадем...

— Местные селяне обещали тебя и других раненых спрятать, тут лесок неподалеку.

— Не обманут?

— Не знаю.

— Автомат мой... где?

— Разбит осколками, бросили.

— А документы?

— У селян.

— Пистолет оставь...

— Уже. Он у тебя в вещмешке.

— Добрэ... — он немного помолчал, сглотнул слюну и добавил: — Я виноват перед тобой... Андрей... Ты уж прости меня...

— О чем ты, Иваныч? В чем вина?

— Сложно говорить...

— Вот и помолчи.

— Нет... Нужно сказать... Не знаю, увидимся ли снова... А я к тебе прикипел... Ты меня послушай... и прости... если сможешь...

— Говори, Иваныч, — понимая, что мне его не переубедить, согласился я.

— В общем... Это из-за меня ты сиротой стал... Когда зимой тридцать второго года станицу Уманскую выселяли, я там был... Твоего отца звали Семеном... верно?

— Ты же знаешь, я Андрей Семенович.

— Это... я его шлепнул... Мы казаков из хат выгоняли... В зиму... на мороз... с детьми малыми... чтобы гнать к вагонам и в Сибирь отправлять... Многие сопротивлялись... Он тоже... Одного активиста кинжалом зарезал... и бойца ранил... Тут я... батька твой прыгнул... и пулю схлопотал... Я его из винтаря... В упор...

— А это точно он?

— Не сумлевайся... Я бумаги подписывал по делу... Запомнил хорошо... Семен Михайлович Погиба... казак... И потом еще наш командир говорил, что сына надо в Краснодар отправить... Мол, родственников не осталось... Помню это... Сколько лет прошло, а не позабыл... Это первый человек, которого я... прикончил...

— И зачем ты мне это говоришь?

— Душу облегчить хочу... Не зря нас судьба свела... Такое редко бывает... Не просто так... Я когда понял с кем она меня столкнула... сразу все скумекал... Должен повиниться... Обязан... Прости, Андрей...

— Бог простит, Иваныч, — сам не понимая почему, я помянул Бога, хотя в детстве меня приучили, что его нет.

— Добрэ... Мне даже легче стало...

В амбар заглянул один из бойцов нашей роты и позвал меня:

— Андрей, пора уходить!

Боец исчез, а я посмотрел на старшину, поднялся и сказал:

— Бывай, Иваныч.

— Прощай... — выдохнул он и закрыл глаза.

Я покинул амбар и присоединился к своим товарищам. В голове сумбур, я никак не мог до конца осознать то, что сказал Захаров. Он говорил правду, сомнений в этом не было. Но тогда выходит, что я сын "врага народа"? Как это страшно звучит — "враг народа". Не партии. Не какой-то идеологии. Не определенной группы людей. А целого народа. Хотя у нас в приюте половина таких. Кто-то из кулаков, кто-то из казаков или дворян, но были и дети красных командиров, кого в тридцать девятом к стенке поставили или загнали, куда Макар телят не гонял. Это жизнь. Вчера человек на коне, уважаемый комбриг или ответственный партийный работник, а завтра уже преступник. Подобное в стране происходило часто, и когда в приюте появлялся очередной воспитанник из бывших "партийных", его судьбу обсуждали. Разумеется, полупрошепотом, чтобы никто посторонний не услышал.

— Ты чего, Андрей? — толкнул меня в бок Садчиков, который заметил, что я не в себе.

— Ничего, — я покачал головой.

— Из-за старшины переживаешь? Брось. Он человек крепкий, восстановится и продолжит воевать. Жаль только, что ранение по глупости получил. Все из-за Ерошкина. Не повезло нам с командиром.

— Заткнись! — поправляя вещмешок, одернул Садчикова пожилой боец Гурьянов. — Нечего командира обсуждать, а то беду накличешь.

Садчиков замолчал, а я подумал, что с командиром нам, действительно, не повезло, и лучше было бы выходить из окружения своей группой. Что у нас отобрали оружие и продовольствие — это понятно. Трофейные автоматы достались командирам, которых в соединении полсотни, потому что отряд сформировался на основе штаба дивизии, а консервы пошли в общий котел. Большим отрядом незаметно проскочить мимо немцев тяжело — это тоже ясно. Почти каждый день бой и потери, помимо того, что фрицы отслеживают наше движение по лесам при помощи "рамы" и мы находимся под постоянной угрозой авианалета или артобстрела. С этим всем можно смириться, ибо такова солдатская доля. Как говорится — наше дело воевать и погибать, а за что и почему, полковник знает. Но командир роты у нас карьерист и дурак. Самый настоящий. Майор Ерошкин боевого опыта не имел, делал карьеру при штабе, а когда отступали, он потерял какие-то важные документы и теперь выслуживается, пытается кровью искупить вину. Ладно бы своей испугал. Но он ведь на нашей крови поднимается. Вот в чем дело. И когда другие стрелковые роты нашего сводно-сбродного соединения обходят противника, Ерошкин так и норовит поднять бойцов в атаку, в полный рост. Мы с ним уже неделю и за это время потеряли три десятка только убитыми, не считая раненых. Всем это надоело, и даже старшина как-то обронил, что надо утихомирить слишком рьяного майора, а то поляжем. Однако не успел Захаров. Во время очередного прорыва через немцев, когда мы прикрывали отход основных сил, старшина получил ранение.

— Марш! — отдал команду лейтенант Сафиулин, командир нашего взвода, и мы отправились по следам отряда.

Леса и перелески. Поля и ручьи. Где-то шли в полный рост, где-то пригибаясь, а кое-где ползли по-пластунски. Говорят, до линии фронта тридцать километров. Если идти по дороге, можно добраться за один день. Но мы окруженцы, у которых не бывает прямых путей, и до вечера, обогнув пару занятых немецкими гарнизонами поселков, успели пройти примерно десять километров.

На ночевку отряд остановился вдали от дорог, на берегу небольшой речушки. Кругом густые заросли и карьеры, в которых раньше добывали глину для обжига красного кирпича. Место такое, что подойти незаметно сложно, и вражеская авиаразведка нас сегодня не тревожила. Был шанс, что ночь пройдет спокойно. Поэтому уставшие люди, а в отряде почти четыреста человек, стали разбивать лагерь.

Кто-то заступил в караул и в боевой дозор. Кто-то разводил небольшой костерок, на котором будет вариться каша. Кто-то пошел с котелками за водой. Ну а я временно в стороне. Меня никто не тревожил и мыслями я опять вернулся к тому, что сказал старшина. Я и раньше догадывался, что мои предки казаки. Все-таки из станицы в приют поступил и фамилия черноморская. Однако значения этому никогда не придавал, потому что меня воспитывали как советского человека. Я верил в идеалы коммунистической партии и комсомола, защищал нашу Родину и был спокоен. Да, конечно, есть перегибы на местах, когда от наветов и доносов страдали невинные люди. Но так же есть заговорщики и

предатели, которые готовы продать первое в мире государство рабочих и крестьян западным капиталистам. Все это имело место быть. Поэтому НКВД и работало. Я все понимал. Газетку читал и на политинформациях не спал. Только раньше меня это никак не задевало. До поры до времени, пока старшина Захаров не сказал, что убил моего отца. Пусть я его не помню, но это мой отец, кровный родич. И он дрался с теми, кто пришел отнимать у него нажитое добро и выселять. Значит, было что забирать? Выходит, что так. Или причина в ином?

В этот момент я сильно пожалел, что не выкроил время и не выбрался в родную станицу. Может быть, там я смог бы что-то вспомнить или узнать. Конечно, вряд ли. Станицу переименовали, коренных жителей выселили, а на их место пришли семьи красноармейцев.

"Как же несправедливо устроена жизнь", — подумал я и неожиданно почувствовал злость. На кого и на что я злился? На судьбу, на старшину Захарова, на жизнь, которая так жестоко со мной обошлась? Хотя не было это злостью. Скорее всего, это какой-то внутренний протест — так не должно быть. Не должно. Не правильно.

Я крепко сжал кулаки. Грязные ногти вонзились в кожу, и это вернуло меня в реальность. Я встряхнул головой, прогнал прочь беспокойные мысли и подошел к костру, вокруг которого собирались бойцы взвода.

— Андрюха, — Садчиков улыбнулся, — сейчас кашу из топора будем есть.

Я тоже улыбнулся и спросил:

— Из чего сделали варево?

— Немного пшенной крупы, кусок старого сала и рыбная консервация. Что в вещмешках было, все скинули.

— А селяне, у кого раненых оставили, разве ничего не дали?

— Чем они поделились, не про нашу честь.

В разговор моментально вмешался лейтенант Сафиулин, молодой татарин, который прислушивался к разговору:

— Садчиков, ты на что намекаешь? Хочешь сказать, что командиры себе все самое лучшее забирают, а ты голодаешь?

В голосе лейтенанта, который, к слову, питался с нами из одного котла и был неплохим человеком, появилась угроза. Поэтому Садчиков сдал назад:

— Товарищ лейтенант, к слову пришлось. Брякнул, не подумавши.

— Ладно, — Сафиулин кивнул и замолчал.

"Когда-нибудь Садчиков договорится", — промелькнула у меня мысль, и я стал ворошить свой вещмешок. Вдруг где-то сухарь завалился.

Тем временем появился майор Ерошкин. Он остановился на границе света и тьмы, поправил МР-38, кстати, из трофеев нашей группы, окинул взглядом бойцов и отозвал в сторону взводных. Понятно, инструктаж. А спустя пять минут вернулся Сафиулин и сказал, что на отдых всего три часа. После полуночи форсируем реку, она неглубокая, и двигаемся к линии фронта. Основной привал будет на рассвете.

Бойцы вопросов не задавали. Как раз поспела каша. Все хотели есть. Однако перекусить не удалось...

— Ви-у-у-у!!! — противно завывала первая вражеская мина, и начался обстрел.

Немцы все-таки обнаружили нас, и мы, схватив оружие и вещмешки, бросились, кто куда. Я спрятался в неглубокую извилистую канаву, которая спускалась в карьер, обхватил руками голову и лицом уткнулся в землю.

Взрывы следовали один за другим. Фрицы били из пяти-шести минометов и, казалось, что мы попали в ад. И тут неважно, ветеран ты или новобранец, страшно каждому. Только одни свой страх контролируют и, как правило, выживают, а другие дают слабинку, бегут непонятно куда и погибают. Главное — не дергаться. Место у меня хорошее, осколки проходят выше.

Обстрел прекратился через десять минут. Я вылез из укрытия и осмотрелся. Кустарник посечен осколками. Земля дымилась, и над ней стелился сизый пороховой дым. Кругом раненые. Слышны стоны. Почти все костры погасли, их разметало взрывами. Бойцы растеряны. Командиров не видно. Плохо. Все очень и очень плохо.

— К бою! — услышал я крик Сафиулина. — Противник с правого фланга! Третий взвод, ко мне!

Бой так бой, мне не привыкать. Вместе с выжившими бойцами, кто не получил ранений и контузий, я подбежал к лейтенанту. Он повел нас в темноту, вскоре мы заняли оборону над карьерным обрывом и увидели немцев. Точнее, сначала услышали. К нам приближались бронетранспортеры и когда немцы обнаружили нас по непогашенным кострам, они открыли огонь из пулеметов.

Ночь раскрасилась яркими огоньками-выстрелами и трассерами. Фрицы плотно прижали нас к земле и остановились на противоположном конце карьера. Мы попытались ответить. Да куда там... Плотность огня у немцев такая, что голову не поднимешь.

"Надо отходить", — подумал я и начал отползать назад.

Быстро спрятавшись за невысокий бугорок, выдохнул. Слева и справа стрекочут немецкие автоматы. Нас обходили, еще немного и возьмут в кольцо. Драпать надо, пока есть такая возможность, выжить и продолжать сражаться. Снова я вспомнил заветы старшины Захарова и опять попятился. Однако быстро уперся во что-то мягкое. Оглянулся, а это майор Ерошкин собственной персоной, в тылу отлеживается, пока бойцы на открытом пространстве под пулеметами погибают.

— Ты куда?! — заорал он на меня и приподнялся. — Назад!

— Отходить надо, товарищ майор, — ответил я.

— Трус! Дезертир! Да я тебя...

Он попытался направить на меня автомат, и я действовал, повинуюсь инстинктам, выстрелил в него раньше. Иначе никак, или он меня, или я его.

Пуля разнесла ротному череп. Взгляд направо. Взгляд налево. Никого. Свидетелей нет. Ну и хорошо.

Я рванул к реке. Сначала ползком, а потом, когда спустился в низину, бегом. Едва успел пристроиться к арьергарду отряда и вместе с бойцами другой роты перешел реку.

Потери оказались большими. От нашего взвода уцелело всего пять человек, не один я такой умный, что без команды отступил. А отряд потерял половину личного состава. Конечно, не всех убили, многие потерялись, попали в плен или решили отделиться. Но факт остается фактом — на рассвете была проведена перекличка, и в строю оказалось сто девяносто три бойца. Причем треть имела ранения. Сил немного. Однако фронт уже недалеко, и мы пошли на прорыв.

5.

Берлин. 26.08.1941.

Еще до того как Третий Рейх напал на Советский Союз, многие вожди белоэмигрантского движения заверяли германских политиков и военачальников, что окажут

всемерное содействие в разгроме большевиков. Например, начальник Объединения Русских Воинских Союзов генерал-майор фон Лампе, который обратился к генерал-фельдмаршалу фон Браухичу с просьбой предоставить чинам РОВСа возможность принять участие в вооружённой борьбе с большевистской властью в России. Браухич свое согласие дал и после начала боевых действий группы чинов РОВС отправились на Восточный фронт. Что двигало этими людьми, которые в большинстве являлись патриотами России? Они не были трусами, сребролюбцами, мерзавцами или подлецами и многие из них воевали против немцев в Первую Мировую войну. Ответ на поверхности. Для них большевики были непримиримыми врагами, которые лишили беглецов Родины, и для немалой части белоэмигрантов Вторая Мировая война являлась продолжением войны Гражданской. Они рвались на Родину, в Россию, которая, по их мнению, была оккупирована жидками-коммунистами и ждала освобождения. А в Гитлере многие из них видели избавителя и пусть они ошибались, эти люди не присягали СССР и борьбу с советским народом считали святым Крестовым походом против красной чумы. Поэтому не приходится удивляться словам казачьего генерала Краснова, которые были сказаны сразу после начала войны: "Я прошу передать всем казакам, что эта война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих Русской кровью. Да поможет Господь немецкому оружию и Хитлеру! Пусть совершат они то, что сделали для Пруссии Русские и Император Александр Первый в 1813 году". Или приказу-воззванию старого и больного Донского Атамана графа Граббе: "Донцы! Неоднократно за последние годы в моих к вам обращениях предсказывал я великие потрясения, которые должны всколыхнуть мир; говорил неоднократно, что из потрясений этих засияет для нас заря освобождения, возвращения нашего в родные края. 22 сего июня Вождь Великогерманского рейха Адольф Гитлер объявил войну Союзу Советских Социалистических Республик. От Ледовитого океана до Черного моря грозною стеной надвинулась и перешла красные границы грозная германская армия, поражая полки Коминтерна. Великая началась борьба. Донское казачество! Эта борьба — наша борьба. Мы начали ее в 1918 году, в тот момент, когда, пользуясь преходящими затруднениями Империи, интернациональная клика революционеров-марксистов своей лживой демократичностью обманула русский народ и захватила власть в Петербурге — не Донская ли Область первую отринула власть захватчиков? Не Донские ли казаки объявили власти этой войне не на живот, а на смерть, провозгласив для сего независимость Всевеликого Войска Донского? И можем ли мы забыть ту дружескую помощь, которую оказала нам в борьбе, ведшейся нами рука об руку с не принимавшими большевизма национальными русскими силами, находившаяся в то время на юге России Германская Армия? В героических, неравных боях за родные очаги, за Тихий Дон, за Мать нашу Святую Русь мы не сложили оружия перед красными полчищами, не свернули своих старых знамен. Все казаки, принимавшие участие в борьбе, предпочли покинуть в 1920 году Родину, уйти на чужбину, где ждало их неизвестное будущее, тяготы и тяжелые испытания. Войско Донское не подчинилось захватчикам, оно сохранило свою независимость, казачью честь, свое право на родную землю. В условиях тягчайших, отстаивая право на жизнь, Донское казачество в эмиграции осталось верным казачьим традициям, Дону, исторической России. Самим существованием каждого казака на чужбине оно утверждало идейную борьбу против коммунизма и большевиков, ожидая той заветной минуты, когда дрогнут и покачнутся красные флаги над занятым врагами Кремлем. Двадцать лет надо было ждать, двадцать долгих лет! Сложили иные из нас свои кости вдали от дедовских могил, но так же, как и прежде, грозит врагу Донское войско. Есть еще порох в

пороховницах, не гнется казачья пика! И вот, наконец, пробил час, столь долгожданный. Поднято знамя вооруженной борьбы с коммунизмом, с большевиками, с советчиной. Поднял это знамя мощный народ, силе которого ныне удивляется мир. Мы не имеем пока возможности стать на поле битвы рядом с теми, кто очищает нашу землю от скверны коминтерна; но все наши помыслы, все наши надежды летят к тем, кто помогает поработенной нашей Родине освободиться от Красного ярма, обрести свои исторические пути. От имени Всевеликого Войска Донского я, Донской Атаман, единственный носитель Донской власти, заявляю, что Войско Донское, коего я являюсь Главою, продолжает свой двадцатилетний поход, что оружие оно не сложило, мира с Советской властью не заключало; что оно продолжает считать себя с нею в состоянии войны; а цель этой войны — свержение Советской власти и возвращение в чести и достоинстве домой для возобновления и возрождения Родных Краев при помощи дружественной нам Германии. Бог браней да ниспошлет победу знаменам, ныне поднятым против богоборческой красной власти! Атаманам всех Донских казачьих и Общеказачьих станиц по всем странам в эмиграции приказываю произвести полный учет всех казаков. Всем казакам, в станицах и организациях казачьих не состоящим, приказываю в них записаться. Связь со мною держать всемерно. Донской Атаман, генерал-лейтенант Граф Граббе". Подобных воззваний летом 1941 года было превеликое множество, и даже великий князь Владимир Кириллович Романов высказался: "В этот грозный час, когда Германией и почти всеми народами Европы объявлен крестовый поход против коммунизма-большевизма, который поработил и угнетает народ России в течение двадцати четырех лет, я обращаюсь ко всем верным и преданным сынам нашей Родины с призывом способствовать по мере сил и возможностей свержению большевистской власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма". В общем, желающих поквитаться с большевиками оказалось немало. Немцы хотели этот потенциал использовать, а белоэмигранты сами рвались в бой. Однако существовал ряд сложностей, и главная проблема заключалась в том, что каждый лидер эмигрантов имел свое, ОСОБОЕ, мнение о будущем России. Одни мечтали о восстановлении монархии и Российской империи. Другие думали о протекторате Германии. Третьи о федеративной республике. А четвертые о самостоятельной Украине, Белоруссии, Прибалтике, Казакии, Татарии, Черкесии, Северокавказских эмиратах и так далее. Сколько людей, столько мнений. Договориться с каждым по отдельности не представлялось возможным — не хватит никаких ресурсов. А еще, помимо всего прочего, обязательно возникнет проблема объединения "белых" и бывших "красных" командиров, которые перешли или перейдут на сторону немцев. Георг Лейббранд это прекрасно понимал и, после консультаций со своим шефом, сделал ставку на генерала Трухина, который мог стать лидером готовых встать под знамена Третьего Рейха военнопленных. А так же на вождей РОВС, вменяемых украинскими националистами Андрея Мельника и трех казачьих генералов, Балабина, Краснова и Шкуро, чьи имена в последнее время снова были на слуху среди казаков-эмигрантов. Не факт, что они будут обладать реальными рычагами управления, но символами станут. Всех этих людей предлагалось объединить под эгидой РОНД, которое в дальнейшем создаст общий штаб РОА (Русской Освободительной Армии) и начнет формирование боевых, тыловых и охранных частей. Остальным организациям белой эмиграции предстояло присоединиться к ним или ждать своего часа, когда немцы обратят на них внимание и смогут им что-то предложить. Георг Лейббранд принял решение и на имя нового рейхсканцлера Германии Мартина Бормана был составлен меморандум о восточных добровольцах. После чего, прихватив

доказавшего свою преданность генерала Трухина, он отправился к своему непосредственному начальнику Альфреду Розенбергу. Несмотря на исключительную занятость, глава Имперского министерства оккупированных восточных территорий Альфред Эрнст Розенберг смог уделить Лейббранду и Трухину пару часов. Он слушал доклад и одновременно с этим вчитывался в строки меморандума, который повлияет на судьбы миллионов людей, на их жизнь и смерть. Слабые места в документе, по мнению Розенберга, имелись. Например, вооружившись и получив относительную свободу, русские, украинцы, казаки и представители иных народов могли поиграть в самостийность уже против Германии, как это сделала некоторая часть ОУН. Но пока ошибки не критичны и могут быть исправлены позднее при ужесточении контроля. Главное — меморандум составлен так, что обязательно понравится Борману, который чувствовал, что его положение не устойчиво и пытался показать, что он не хуже своего предшественника и способен принимать важные решения. В свете недовольства некоторых идеологов национал-социализма, которые не оставляли надежду сменить Бормана, это было очень важно. Рейхсканцлер искал союзников, в первую очередь среди военачальников, а они постоянно требовали подкреплений и пытались избавиться от контроля чиновников. Поэтому уже на следующий день меморандум был представлен рейхсканцлеру, а затем, после непродолжительных споров и обсуждений, одобрен и подписан. Ключевой документ был принят и к будущим вождям РОА отправились эмиссары. Сотрудники РОНД, Трухин и лидер подконтрольных украинских националистов Андрей Мельник под боком, продолжают работать. Атаман Балабин тоже рядом, поскольку возглавлял "Общеказачье объединение в Германской империи". А вот остальных предстояло ждать, одни в Париже, другие в Белграде. Но это ничего. Первый большой шаг сделан, машина запущена, движение пошло.

6.

Смоленская область. 27.08.1941.

— Погиба, на выход! — голос караульного разнесся по комнате и я поднялся.

Сейчас решится моя участь. Я это понимал и к двери шел без всякой охоты. Перед выходом, где меня ожидал конвоир, на миг оглянулся, и взгляд скользнул по лицам сокамерников. Они люди разные и в тюрьму фильтрационного лагеря НКВД попадали за разные проступки. Как правило, за дело. Один бабу изнасиловал. Второй мародерил. Третий проявил трусость и не выполнил приказ. А четвертый хотел перейти на сторону немцев и подбивал сослуживцев на измену. Вчера в тюрьме, бывшем актовом зале поселкового клуба, куда меня привели, было три десятка задержанных. Сейчас, спустя сутки, уже полсотни...

— Шевелись! — поторопил караульный. — Руки за спину!

Выполнив команду, я вышел в коридор. Охранник передал меня конвоиру. И он, командами указывая направление, повел меня к следователю. Все рядом, идти недалеко. Но пока шли, я в очередной раз попробовал понять, за что задержан. Ведь вроде все в порядке.

Отряд пошел на прорыв, и мы практически сразу вступили в бой. Наши услышали стрельбу и решились ударить навстречу. Несколько танков и две стрелковые роты смогли проломить хлипкую оборону немцев, которые особо не сопротивлялись, и нас вывели в тыл. А поскольку обстановка на этом участке фронта пока еще относительно спокойная, окруженцев отправили в фильтрационный лагерь.

Сначала с контрразведчиками побеседовали командиры. Потом дошла очередь до красноармейцев, и вопросы были стандартные. Документы сохранил? Как и при каких

обстоятельствах попал в окружение? Кто еще с тобой был? Как прорывались? Что можешь сказать о том или ином человеке?

В общем, ничего сложного. Я отвечал предельно честно и проскочил. После чего вернулся к выжившим бойцам нашей роты, поужинал и начал приводить в порядок форму. Партизанщина кончилась — мы снова в регулярной армии.

Ночь прошла спокойно. А утром за мной пришли товарищи из органов. Сопротивляться было глупо, да и нечем, поскольку оружие отобрали. Пришлось смириться, сдаться и надеяться, что все обойдется, компетентные люди разберутся в моем деле, а потом я вернусь в роту и продолжу воевать.

Однако не все так просто. Пока я сидел в тюрьме, некоторые арестованные говорили — крытке, пообщался с другими бойцами и пришел к выводу, что на меня кто-то стукнул. Если специально никому на большой мозоль не наступал, под арест брать не стали бы, у сотрудников НКВД сейчас работы хватало, и судьба обычного красноармейца никого по большому счету не интересовала. Но что на меня могли нарыть? А главное — кому я перешел дорогу? Зацепиться можно только за одно, за убийство майора Ерошкина. Вот только уцелевшие бойцы нашего взвода отошли к реке раньше меня. Больше никто не выжил, и свидетелей не имелось.

— Стоять! — новая команда конвоира. — К стене!

Я повернулся лицом к серой шершавой стене. Боец доложил следователю, что привел арестанта, а затем подтолкнул меня прикладом в спину:

— Заходи!

Я вошел в небольшое помещение. Напротив стена, а на ней портрет Ленина. Под ним стол, на котором лежали стопки бумаг. За столом следователь, моложавый коротко стриженный брюнет с покрасневшими от недосыпа кругами под глазами. Справа от него одинокий стул, а на нем лейтенант Сафиулин. Как в песне: "Голова повязана, кровь на рукаве". Мой взводный выглядел паршиво, судя по всему, только из госпиталя, бинты свежие. Выжил все-таки. А мы думали, что он погиб на том злосчастном карьере, где немцы нас к земле прижали.

"Вот и свидетель того, что я убил Ерошкина", — промелькнула мысль, и в этот момент конвоир поставил для меня стул.

— Сесть! — приказал боец и остался за спиной.

Команду исполнил. Присел. Посмотрел на лейтенанта, и он сказал:

— Допрыгался Погиба? Думал, что убил командира роты и все шито-крыто? Нет уж... Придется отвечать...

— Спокойнее, — одернул лейтенанта следователь. — Всему свой черед. Когда я вас спрошу, тогда и говорите.

Лейтенант замолчал и дальше пошла рутина. Следователь хотел, чтобы я признался в невыполнении приказа, бегстве с поля боя и убийстве. А оно мне надо? Слово лейтенанта против моего. Поэтому я уперся — знать ничего не знаю, видеть ничего не видел, с майором Ерошкиным в том бою не встречался, отступил, когда остался один, а лейтенанту что-то померещилось, темно было, и он мог легко спутать меня с кем-то другим.

Разумеется, следователя, который пытался поскорее покончить с делом, такие ответы не устраивали. Ему проще выбить из меня признание вины, передать материалы в тройку и конец. Пять минут на обсуждение, потом приговор и к стенке. Или тюремный срок — это уж если повезет.

В конце концов, следователю все это надоело. Он выпроводил лейтенанта, который упорно стоял на своем и доказывал, что я убийца, из кабинета, вышел из-за стола и навис надо мной.

"Сейчас ударит", — подумал я и не ошибся.

Хлесткий удар в челюсть сбросил меня со стула и сразу два удара ногой в живот. Я зажался, ждал продолжения, а следователь присел на корточки и, подпустив в голос сочувствия, заговорил:

— Пойми ты, дурила, если признаешь вину, все сложится хорошо. Считай, сотрудничество со следствием. Врать не стану, явку с повинной оформить не получится. Но тебя не расстреляют. Получишь пятнадцать лет и поедешь на восток, подальше от войны и фронта. А потом все в твоих руках. Государство может дать тебе шанс искупить проступок кровью...

— Я не убивал Ерошкина... — выдохнул я. — Лейтенант ошибся...

— Жаль, — следователь поднялся. — Сегодня еще подумай, а завтра у тебя будет выбор. Подписываешь признание и живешь. Или упираешься, и тобой занимаются бойцы охранного взвода. Они парни крепкие и на расправу скорые, быстро из тебя отбивную сделают. Понял?

— Да.

Следователь сказал конвоиру:

— Увести.

Боец отвесил мне легкий пинок:

— Подъем!

К счастью, следователь меня не покалечил, хотя мог. Однако завтра меня дождут. Даже если я не сдамся, здоровье потеряю, тут следователю можно было верить.

Конвоир отвел меня к остальным арестантам, и я прилег в уголке. В голове сотни мыслей и ни одной веселой. Куда ни кинь — всюду клин. Поэтому, скорее всего, чтобы сберечь здоровье, мне придется подписать признание. Может, не обманет следователь, и я еще поживу. Хоть в тюрьме, но люди и там как-то приспособляются...

Совершенно незаметно я задремал, и меня не тревожили. Однако в состоянии покоя я находился недолго. Рядом что-то взорвалось, стекла вылетели и я очнулся.

— Бомбежка! — закричал кто-то.

— Конвоир! Выпусти! — ударил кулаками в дверь другой арестант.

— Хана нам! — истерично заверещал третий.

Я остался на месте, потому что дергаться бессмысленно. Чему суждено произойти, то и случится. Здесь и сейчас от меня ничего не зависело.

Авианалет продолжался недолго, несколько минут, и в здание клуба немецкие летчики не попали. Рядом штаб стрелкового корпуса и артиллерия. Видимо, они в приоритете. Вот только сразу после налета началась перестрелка, и я не стерпел, поднялся и подошел к окну, которое было забрано крупными железными прутьями.

Судя по звукам, в поселке разгорался полноценный бой. Винтовки, автоматы, пулеметы и гранаты. В ход шло все, а это не просто так.

— Кто же это на красноперых налетел? — ни к кому конкретно не обращаясь, спросил приклатненный пожилой боец, которого поймали на воровстве.

Краткая пауза и ответ из толпы:

— Это немцы. Я стрекот их автоматов и пулеметов с нашими не спутаю.

— Так чего нас здесь держат?! — возмутился щуплый вихрастый паренек в порванной

гимнастерке. — Пусть выпустят и дадут оружие!

— Сиди на попе ровно, — цыкнул на него приклатненный. — Умник нашелся. Ты, сынок, сейчас для советской армии враг. Или ты насадка, которой среди нас не место?

Все посмотрели на шуплого бойца, который рвался в бой, и он стушевался, вжал голову в плечи и промолчал.

Тем временем по соседнему окну стеганула шальная автоматная очередь. Любопытный арестант, который к нему прилип, получил пулю в шею и, заливаясь кровью, упал. Я его участь повторять не хотел и юркнул к стене. Но перед этим увидел немцев. Несколько автоматчиков, судя по экипировке десантники, перебегая с места на место, стреляли и быстро продвигались к развалинам горящего невдалеке штаба корпуса.

"Ловкие бойцы", — машинально отметил я и затих...

Тогда я не знал и не мог знать, что немцы перешли в очередное наступление. Они рвались к Вязьме, которая находилась в тридцати километрах от нас, и очередной рывок противника вперед для советских командармов стал неожиданностью. Красные военачальники не предполагали, что немцы смогут так быстро перегруппировать силы и подтянуть резервы. Думали, что у них еще есть неделя. Но ее не было, и спустя сутки начнутся кровопролитные бои за окруженную Вязьму. Соппротивление советских войск будет сломлено и немцы еще на сто с лишним километров приблизятся к Москве...

Такие вот дела. Невеселые. А что касательно нас, то немецкие десантники уже через час заняли поселок. Еще через два часа появилась германская мотопехота, а ближе к вечеру всех арестантов вывели во двор клуба и построили.

Чего ждем или кого? Мы не знали. Может быть, даже пустят в распыл.

Народ заволновался. Однако разговорчики быстро пресекались немцами, которые не стеснялись постреливать над головами и отвешивать арестантам пинки.

Во дворе нас продержали недолго. Вскоре появился немецкий офицер, который довольно чисто говорил по-русски. Он прошелся вдоль нашего строя, отпустил пару соленых шуток и поинтересовался наличием командиров, комиссаров и жидов. Приклатненный ответил ему, что таковых нет. После чего офицер приказал ему выйти из строя и отдал солдатам приказ на немецком вернуть нас обратно.

Интересные какие финты судьбина крутит. Утром я был преступник и меня охранял боец НКВД. А вечером я уже военнопленный и меня охраняет немецкий солдат. Пожрать при этом, конечно, не дали. Про нас просто позабыли и хорошо еще, что было вдоволь воды, а то бы совсем загнулись.

7.

Смоленск. 07.09.1941.

На восток нескончаемым потоком двигались немецкие войска. Сытые и хорошо обученные германские солдаты, победители Европы, шли покорять СССР. Они улыбались и часто шутили, выполняли приказы своих генералов и были уверены, что уже в этом году война закончится, и каждый получит кусок пирога, гектары жирного чернозема, денежную помощь от государства и рабов. А я и люди, которые, по воле судьбы, оказались со мной рядом, брели на запад. Мы стали военнопленными и, глядя на немецкие танки, бронетранспортеры, орудия, тысячи солдат и пролетающие в небе самолеты, многие искренне радовались и желали фашистам удачи.

Как же так? Как можно желать чего-то доброго врагу? Все просто. Наша колонна была

не совсем обычной. Она состояла из тех бойцов, которых немцы вытащили из тюрьмы НКВД и перебежчиков. По мнению немцев, мы имели претензии к советской власти и могли быть полезны. Поэтому нас сразу отделили от красноармейцев, которые попали в плен после боя.

Куда и зачем нас гнали, никто не объяснял. Судя по направлению, идем на Смоленск, и каждый день к нам присоединялись новые группы военнопленных. Контингент соответствующий: мародеры, бандиты, трусы, бывшие кулаки, пострадавшие от репрессий и так далее. Народ беспокойный и чтобы мы не бузили, не устраивали драк и резни, над нами поставили старших. И одним из них стал тот самый прибалтийский боец, который общался с немецким офицером. Звали его Владимир Петрович Лопухин, матерый уголовник по прозвищу Сайка, который успел отсидеть шесть лет на севере, вернулся на Родину, а тут война. Его мобилизовали и, получив оружие, он занялся воровством и был пойман. Для вора советская власть — вражеская, а немцы вроде как поближе, приподняли его и дали немного власти. После чего он сразу показал себя во всей красе. Сколотил небольшую банду, которая помогала ему контролировать остальных военнопленных, издевался над слабыми и лебезил перед конвоирами. Короче говоря, сука! Но меня он и его братки не трогали. В отличие от большинства военнопленных я успел повоевать и мог за себя постоять. Я сам себе на уме, ни с кем близко не сходил, разговаривал мало и ни во что не вмешивался.

Конечно, противно наблюдать, как Сайка унижал других людей, и не по себе от того, что кто-то откровенно радовался поражениям советской армии. Но я тоже не ангел. Командира убил? Да. Преступник? Да. И вокруг меня такие же люди. За каждым есть свой грех. И если со мной что-то случится, помощи ждать неоткуда. Я это прекрасно понимал и, прислушиваясь к разговорам других военнопленных, которые гадали о дальнейшей судьбе, думал о будущем.

Скорее всего, нас пригонят в полевой лагерь для военнопленных и начнут сортировать. Кто готов служить немцам на добровольных началах в трудовых подразделениях — в одну сторону. Кто готов стать полицаем — в другую. Кто отказывается — в общую массу к обычным военнопленным. Нас поставят перед выбором. И что должен делать я, Андрей Погиба? Самый простой вариант, согласиться на сотрудничество с немцами и при первом удобном случае сбежать. Может быть, прибиться к партизанам и продолжить борьбу. Однако что мне это даст? Буду воевать, рисковать своей жизнью и после войны, которая, как я хотел верить, закончится победой СССР, за мной снова придут ребята из НКВД. Опять меня возьмут под белы ручки, а потом поставят к стенке. В общем-то, загадывать глупо, ибо шансов пережить войну немного. Но если выживу и не сменю фамилию, обязательно попаду под пресс.

Идея! Надо сменить фамилию. Это возможно? В принципе, сделать это не так уж и трудно. Кругом неразбериха и найти чужие документы можно. В этом есть здравое зерно, и я решил, что именно так и поступлю. Соглашусь служить немцам, совершу побег и стану каким-нибудь Ивановым-Петровым-Сидоровым. А потом по обстоятельствам. Уйду к партизанам или затаюсь в глухой деревне.

Определившись с дальнейшими действиями, я приободрился. Появилась цель. Однако человек предполагает, а судьбина располагает, и все сложилась совсем не так, как мне хотелось...

Пятого сентября, после многочисленных остановок и расстрела трех красноармейцев, которые попытались сбежать, нас пригнали на окраину Смоленска и поместили в лагерь для военнопленных. Кругом колючая проволока и вышки, а за периметром корпуса

животноводческой фермы. В лагере находилось больше тысячи человек. Охрана серьезная, сбежать без подготовки не выйдет, тем более в одиночку. Если решаться на такой поступок, обязательно нужен напарник. А взять его негде, потому что лагерь не простой, а для добровольно сдавшихся в плен бойцов и здесь командовали такие люди как Сайка-Лопухин. Они меня сразу сдадут и немцы им поверят.

В общем, я не рыпался и на следующий день познакомился с человеком, который сильно повлиял на мою судьбу.

В жилой корпус, где обосновались военнопленные нашей колонны, вошел средних лет крепкий мужчина. Судя по споротым знакам различия на гимнастике, в прошлом красный командир. Он вел себя уверенно, осмотрелся и задал вопрос:

— С Кубани, Дона или Терека есть кто-нибудь?

Земляков искали часто, так легче выжить, в этом ничего удивительного.

— Есть! — поднявшись с деревянного лежака, отозвался я.

Незнакомец приблизился и протянул руку:

— Андрей Иванович Тихоновский.

Я пожал его руку и тоже представился:

— Андрей Погиба.

— Тезка? Это хорошо. Ты откуда?

— Родом с Уманской. А так детдомовский, из Краснодара.

— Из казаков?

— Да.

Он улыбнулся и кивнул в сторону выхода:

— Пойдем, потолкуем?

— Давай.

Мы собрались выйти. Однако уверенность, с какой держался Тихоновский, не понравилась Сайке, и он его окликнул:

— Слышь, командир, а ты в каком звании в Красной армии был?

На вопрос Тихоновский ответил встречным резким вопросом:

— А ты кто такой, чтобы вопросы задавать?

Лопухин мог промолчать и ничего бы не произошло. Однако безнаказанность что-то сдвинула у него в мозгах, и он решил проучить бывшего красного командира.

Вор поднялся и в сопровождении трех шестерок двинулся к нам. Его намерения были написаны на лице, и Тихоновский шепнул мне:

— Ты со мной или в стороне?

— С тобой, — сказал я.

— Добрэ.

Я приготовился драться. Плевать, что нас двое против четверых, я был уверен, что мы сильнее. Однако драка не произошла. Вместо нее было избиение.

Тихоновский свистнул в сторону выхода и в помещение вошли еще три человека. Как и мой земляк, бывшие командиры Красной армии. Если судить по повадкам, люди жесткие, и они сходу, без объяснений, набросились на Лопухина и его бойцов.

Разница между уголовниками и профессиональными военными была видна сразу. Сайка попытался сдать назад, но его и подельников не выпустили, свалили всех в кучу и стали избивать. Молотили воров жестко, но без членовредительства. А они валялись по полу, кричали и звали на помощь, но никто из военнопленных даже с места не сдвинулся. Это и

понятно — своя рубаха ближе к телу и в нашем корпусе Сайку уже успели невзлюбить.

Моя помощь неожиданным союзникам не понадобилась. Мы с Тихоновским наблюдали за избиванием воров со стороны, а затем вышли. Как раз появились немцы, которые услышали вопли уголовников, но с ними объяснялись без нас. Один из бывших командиров очень хорошо говорил по-немецки и быстро убедил охранников, что виновники беспорядков уже наказаны и все под контролем.

Спустя четверть часа все затихло, уголовники забились в дальний угол, а немцы ушли. Тихоновский пригласил меня перебраться в соседний корпус, где преимущественно находились командиры, я согласился, и там мы разговорились. Сначала свою историю рассказал я, предельно честно и открыто, потому что скрывать нечего, а потом он.

Андрей Иванович Тихоновский из казаков станицы Ново-Корсунской. В Гражданской войне участия не принимал по малолетству. Школу закончил уже при советской власти и отправился учиться в индустриальный техникум. Не доучился. Его призвали в армию, и началась военная карьера. Срочную службу тянул красноармейцем химической роты в горно-стрелковой дивизии. После демобилизации поступил в Высшее инженерно-строительное училище и получил диплом гражданского инженера. А потом пошло-поехало. Военно-инженерная Академия РККА имени Куйбышева, должность помощника начальника 2-го сектора 2-го отдела Управления инженеров РККА, начальник 25-го строительного участка Осовецкого УРа, начальник отделения дорожного батальона и звание военинженера 2-го ранга. Чего-то в жизни он достиг и у вышестоящего командования был на хорошем счету. Однако когда началась война, Тихоновский посмотрел, что вокруг происходит, вспомнил все обиды к советской власти и перешел на сторону немцев.

Но это не самое главное, что я узнал. Оказалось, что Тихоновский искал земляков не просто так, от нечего делать или по прихоти. Немцы дали ему первое поручение — выявить в лагере и собрать в одном месте всех уроженцев Дона, Кубани и Терека. Чем он и занялся, организовал поисковую группу и прошелся по корпусам. Наш был последним, и теперь у Тихоновского имелась группа из двадцати трех человек.

Для чего немцам уроженцы юга можно было только догадываться. Вопросы новому знакомому я не задавал, решил в очередной раз проявить терпение, и вскоре Тихоновский сам сказал, что германцы собирают не просто южан, а казаков. В чем причина? Подробностей он не знал. Но предположил, что из казаков создадут отдельное вспомогательное подразделение, и не ошибся.

На следующий день группу Тихоновского вывели из лагеря и построили возле штаба, который раньше являлся конторой животноводческой фермы. Потом к нам добавили еще пять человек — это те, кого немцы выявили самостоятельно по документам. А затем из штаба вышли три немецких офицера, а с ними усатый подтянутый казак в черкеске и кубанке, при погонах, с кобурой на ремне и при кинжале. Он оглядел нас и громко произнес:

— Здорово живете, казаки!

Половина военнопленных промолчала, в основном молодые, и я в том числе. Мы просто не знали, что ответить. А вторая половина, кто постарше, отозвалась:

— Слава Богу!

— Что-то не дружно! — казак усмехнулся. — А ну еще раз! Здорово живете, казаки!

Теперь уже все знали, что нужно отвечать, и получилось довольно дружно:

— Слава Богу!

Казак удовлетворенно кивнул и назвал себя:

— Я есаул Корнеев, прибыл за вами. Агитировать не стану. Сразу к делу. Кто готов воевать против красногадов под командованием казачьих атаманов, шаг вперед!

Тихоновский толкнул меня в бок, мол, не зевай. После чего вышел из строя, и я последовал за ним.

8.

Рава-Русская. 30.09.1941.

Иван Сергеевич, пожилой полный мужчина с гладко выбритой головой, оправил серый китель без знаков различия, прошелся вдоль доски и продолжил лекцию:

— Почему большевики звериной ненавистью ненавидели казаков? По той причине, что они прекрасно понимали — пока есть у казачьего народа сила, он будет сопротивляться бесам. И даже такие красные командиры как Миронов, Сорокин и Кочубей, природные казаки, оказались в опале. Они осознали, что их обманывают, что новая власть ничего кроме горя и беды России не несет, попытались пойти против течения и за это поплатились. Проклятое жидовье уцепилось за Кремль и проводило политику уничтожения православной церкви, отбирало у казаков их привилегии и политую кровью дедов землю Присуда. Одержимые бесноватой идеей — покорить весь мир и заставить его жить по своим законам, они шли по трупам и не останавливались ни перед чем. Казаки это видели, ногнули свою линию. Бились так, как никогда до этого. Однако конец был один — смерть. Или в бою от клинка побратима, или от пули подосланного чекиста, или от голода и тяжкого труда в лагерях смерти.

Пострадали все — спора нет. Досталось тамбовским и сибирским крестьянам, рабочим, интеллигентам и дворянам. От репрессий большевиков погибли миллионы людей. Но более всего пострадали казаки и священники. Нас выселяли и расказачивали, жгли, пытали и убивали, ссылали на север и запрещали иметь оружие. Казака приравнивали к мужику. Наши семьи морили голодом, и мы никогда не забудем тридцать второй год, чекистов, отряды интернационалистов-карателей и проклятые "черные доски". Не забудем героев, которые поднялись в станице Тихорецкой и несколько дней отбивались от превосходящих сил красного интернационала. Не забудем атаманов, которые долгие годы вели партизанскую войну и были опозорены перед народом. Не забудем переименованные станицы и расстрелянных офицеров. Не забудем казаков, которые поверили словам большевиков, вернулись на Родину из-за границы и пропали в сибирских лагерях. Трагедия нашего народа — казачьего народа, навечно в сердцах казаков.

Я говорю об этом для того, чтобы вы знали — примкнув к немцам, казаки не совершают измену России. Нет! Мы идем с иностранцами для того, чтобы прогнать захватчика-оккупанта и вернуть свое. В моих словах нет лжи, а только голые факты. Как пример, зачитаю отрывки из нескольких советских документов. Для начала директива ЦК РКП "Кс всем ответственным товарищам, работающим в казачьих районах".

Преподаватель сделал паузу, взял со стола лист бумаги, прокашлялся и начал читать:

"Учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путём поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-

либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставляя ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организовав переселение, где это возможно"...

А вот одно из предписаний Донбюро:

"В целях скорейшей ликвидации казачьей контрреволюции и предупреждения возможных восстаний Донбюро предлагает провести через соответствующие советские учреждения следующее:

1) Во всех станицах, хуторах немедленно арестовать всех видных представителей данной станицы или хутора, пользующихся каким-либо авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях, и отправить как заложников в районный революционный трибунал. (Уличенные, согласно директиве ЦК, должны быть расстреляны.)

2) При опубликовании приказа о сдаче оружия объявить, что, в случае обнаружения по истечении указанного срока у кого-либо оружия, будет расстрелян не только владелец оружия, но и несколько заложников.

3) В состав ревкома ни в коем случае не могут входить лица казачьего звания, некоммунисты. Ответственность за нарушение указанного возлагается на райревкомы и организатора местного ревкома.

4) Составить по станицам под ответственность ревкомов списки всех бежавших казаков (то же относится и к кулакам) и без всякого исключения арестовывать и направлять в районные трибуналы, где должна быть применена высшая мера наказания"...

Или еще один пример, директива Реввоенсовета Южфронта от 16 марта 1919 года:

"Предлагаю к неуклонному исполнению следующее: напрячь все усилия к быстрой ликвидации возникших беспорядков путём сосредоточения максимума сил для подавления восстания и путём применения самых суровых мер по отношению к зачинщикам-хуторам:

а) сожжение восставших хуторов;

б) беспощадные расстрелы всех без исключения лиц, принимавших прямое или косвенное участие в восстании;

в) расстрелы через 5 или 10 человек взрослого мужского населения восставших хуторов;

г) массовое взятие заложников из соседних к восставшим хуторам;

д) широкое оповещение населения хуторов станиц и т. д. о том, что все станицы и хутора, замеченные в оказании помощи восставшим, будут подвергаться беспощадному истреблению всего взрослого мужского населения и предаваться сожжению при первом случае обнаружения помощи; примерное проведение карательных мер с широким оповещением населения"...

Иван Сергеевич взял паузу, оглядел притихший класс, тяжело вздохнул и продолжил:

— Много бед причинили нам большевики, и теперь Сталин думает, что мы все забудем? Нет! Этому не бывать. Или мы или советская власть. С любым правительством можно договориться, даже с немецким. Но только не с коммунистами. Хотя вы должны знать, что в тридцать шестом году Сталин разрешил казакам служить в армии. Раньше мы были представителями эксплуататорского класса и нам не доверяли, а перед большой войной, которую намечал Сталин, даже казаки сгодились. И теперь на стороне советской власти есть

казачьи части, пусть сильно разбавленные обманутыми русскими мужиками и еврейскими политруками, но казачьи. Это 10-я Терско-Ставропольская территориальная дивизия, 12-я Кубанская, 4-я Донская Краснознаменная имени Ворошилова, 6-я Кубано-Терская Краснознаменная имени Буденного и еще несколько соединений. Так что учтите сразу — Гражданская война продолжается. Может быть, она для кого-то и закончилась, но только не для нас. Придется рубить своих братьев, кто отравлен идеологией коммунизма и верит Сталину, иначе они порубят вас. Я это уже проходил и знаю, о чем говорю...

Преподаватель посмотрел на наручные часы, а затем на временного командира нашего взвода урядника Аверина:

— Занятие окончено. До обеда полчаса. Можете немного побездельничать.

— Слушаюсь, Иван Сергеевич, — отозвался кряжистый урядник, который в Гражданскую войну воевал на стороне белых и долгое время проживал в Сербии, а теперь горел желанием вернуться на родной Дон. — Класс, встать! Занятие окончено! На выход!

Загремели отодвигаемые стулья. Один за другим казаки потянулись к двери, а я решил немного задержаться...

Вот уже две недели я в городе Рава-Русская, недалеко от бывшей советско-польской границы. Сюда попал с подачи Тихоновского, который посчитал, что мне не стоит сразу служить в охранных батальонах. Самого военинженера 2-го ранга отправили в Германию, в школу пропагандистов, но перед этим он шепнул за меня словечко есаулу Корнееву. После чего вместе еще с девятью уже бывшими военнопленными под конвоем немецких солдат я добрался до школы, где готовился младший командный состав для будущих казачьих формирований. Сначала на поезде до польского городка с труднопроизносимым названием, а потом на грузовике в Раву-Русскую.

В пути я несколько раз был близок к тому, чтобы совершить побег. Охранникам на нас плевать, а попутчики люди серьезные и вели себя спокойно. Вдоль дорог лес — на повороте прыгай и беги, никто следом не кинется. Однако каждый раз меня что-то удерживало, возможно, любопытство. И вот я курсант. В школе четыре учебных взвода, два десятка белоэмигрантов, которые служат преподавателями и наставниками, а так же полтора десятка немцев. Учебная программа сильно ужата, рассчитана на месяц, и мы занимаемся каждый день без выходных. Тактика и стрелковая подготовка на полигоне за городом. Идеология и политинформация. Изучение оружия, основ немецкого языка и уставов. Строевая и физическая подготовка. Половина курса за плечами и я уже не собираюсь никуда бежать. За немцев воевать не хочу. Но кругом свои. Ко мне относились по-человечески и это меня подкупило. Учеба мне нравилась, кормили хорошо, а муштровали в меру. В общем, норма и даже польская униформа без знаков различия с немецкой пилоткой меня не смущали. Говорят, казачью еще не пошили, а нашивки РОА пока не придумали.

Кстати, про РОА. Если верить инструкторам и немецким радиопередачам на русском языке, которые помимо свежих сводок с фронта передают музыку и речи белоэмигрантов, пленных советских генералов и чиновников, германцы создают Русскую Освободительную Армию. Командует ею советский перебежчик генерал-майор Трухин. Следовательно, мы его солдаты, хотя он, скорее всего, ширма и не более, а решения принимают немцы. НО! Помимо этого мы еще и казаки. Отдельный этнос, немцы говорят остготского происхождения. Поэтому подчиняемся УКФ — Управлению Казачьих Формирований, которое возглавляет всем известный атаман Петр Николаевич Краснов, а в помощниках у него атаманы Балабин, Шкуро и еще много других известных белоказачков. Пока, как говорят,

все очень и очень зыбко. Однако формирование армии началось. Это помимо полиции и охранных батальонов. И если все пойдет гладко, уже через пару месяцев появится 1-я дивизия РОА, в которой будет пара казачьих полков, кавалерийский и пластунский. С меня взятки гладки, за что купил информацию, за то и продаю. Хотя чего я? Птичка-невеличка. Главный слушатель немецких радиопередач не курсант Андрей Погиба, а советские граждане, которые видят, что РККА продолжает отступать, а германцы захватили Минск и Киев, и с каждым днем все ближе к Москве и Ленинграду...

Тем временем класс опустел, и преподаватель обратил на меня внимание:

— Погиба? Вы что-то хотели?

— Разрешите задать вопрос, Иван Сергеевич?

Преподаватель, чья фамилия для курсантов была секретом, присел за стол и милостиво кивнул:

— Спрашивайте.

— Я вот одного не пойму. Вы постоянно говорите — казачий народ. Но разве мы не русские?

Он улыбнулся, а затем ответил:

— Скажу словами царского историка и генерала Ригельмана: "Кзаки не считают себя выходцами из Московии: кто же москалями их назовет, то отвечают: Я не москаль, а русский, и то по закону и вере православной, но не по природе".

— И что это значит?

— Это значит, что русскими при царях были все славяне, кроме поляков. Мы в основе славяне. Не великороссы, как думают русские националисты, и не остготы, как считал Адольф Гитлер. Следовательно, для нас все остается, как было при царе-батюшке, покойся он с миром. Мы часть России и русские, если считать таковыми великороссов-москалей, украинцев, белорусов и казаков. Но мы отдельный народ, если русские только великороссы.

— А как же произошло разделение?

— Во время переписи 1926 года, которую провели большевики. Украинцы, белорусы и казаки могли указать себя как отдельную национальность, а русскими стали называть одних великороссов. Вы еще молоды, Погиба, не помните этого.

— А разве вы в это время не за границей были?

— Я в эмиграции оказался только в двадцать восьмом, когда понял, что смысла оставаться на территории СССР уже нет. Впрочем, это вам знать не обязательно.

— Понял, — я кивнул.

— Очень хорошо, что вы такой понятливый, Погиба. А к чему вообще про казачий народ спросили?

— Хочу определиться, кто есть кто.

— И мой ответ как-то повлиял на вас?

— Пока не знаю, — я пожал плечами. — Разрешите идти?

— Ступайте.

Я направился к выходу, но преподаватель окликнул меня:

— Погиба?

— Я! — четкий поворот назад.

— А есаул Кондрат Погиба вам не родственник?

— Не могу знать.

— Ладно, это я так, для себя поинтересовался.

Он махнул рукой и я вышел. Остановился в коридоре и мимо меня пробежал знакомый курсант, бывший сержант-танкист Костя Федоров. Он выглядел взволнованным и я его окликнул:

— Ты куда?

Федоров ответил на ходу:

— К радио! Там свежая сводка! Немцы ворвались на окраину Москвы!

"Москва — как много в этом звуке"... — вспомнил я слова поэта и побежал за Костей.

Спустя минуту я был на плацу, где находился практически весь личный состав школы. Подвешенный на столб раструб радиоточки передавал немецкую сводку на русском языке. И если верить диктору, сегодня ночью 10-й танковый полк 8-й танковой дивизии немцев захватил Волоколамск, совершил марш-бросок по Волоколамскому шоссе и ворвался на окраину Москвы. Идут бои в районе Сходненского водохранилища и Тушино. Против регулярных германских частей бьются ополченцы. Долго они не выстоят и захват Москвы дело двух-трех дней. Иосиф Сталин, Ставка Верховного Главнокомандующего и партийные работники, прихватив труп Ленина и награбленные у русского народа богатства, на специальном поезде бежали в Куйбышев...

Сводка закончилась. Заиграл бравурный немецкий марш. А среди курсантов и преподавателей царила тишина. Как ни странно, никто не радовался. Почему? Думаю, причины были разными. Кто-то считал, что если немцы быстро возьмут столицу, Сталин пойдет на мирные переговоры, сдаст западные районы страны и мы германцам уже ни к чему. А кто-то тайно сочувствовал красноармейцам и ополченцам, которые сейчас грудью встречали немецкие танки и погибали. Какие ни есть советские граждане, но они не чужие люди, в конце концов. В одной стране жили, одни и те же радости-горести делили, один хлебушек кушали.

Впрочем, вскоре все разошлись. Обед. А после него курсантов построили на плацу, и начальник школы Карл Бушенгаген прошелся вдоль строя и лично вручил каждому по два шеврона РОА. После чего произнес небольшую бодрую речь, в которой главная мысль была проста — арийцы одолели славян и это потому, что они сверхчеловеки, первый сорт.

— Рано празднуешь победу, — глядя на Бушенгагена, еле слышно прошептал стоящий рядом Федоров, — кровушкой еще умоетесь и тогда про нас вспомните.

"Это точно", — мысленно согласился я с ним и посмотрел на новенькие шевроны, в щите Андреевский Крест, а над ним буквы РОА.

9.

Москва. 30.09.1941.

— Товарищ, боец! Товарищ, боец!

К старшине Захарову подбежала худенькая синеглазая девочка в белой блузке и синей юбке. Ее забавные русые косички раскачивались на бегу, а красный пионерский галстук сбился набок.

— Чего тебе, пигалица? — старшина приставил к стене дома трофейный немецкий пулемет и посмотрел на пионерку.

— Фашисты! — девочка указала на улицу. — Там они! Много! Идут!

— Знаю, — кивнул Захаров и, погладив девчонку по голове, слегка оттолкнул: — Беги отсюда. Прячься.

— А может, я могу чем-то помочь? — в глазах пионерки, которая не хотела уходить,

была мольба.

— Уходи! — старшина повысил тон и девчонка отступила.

Возле Захарова появились ополченцы, молодые ребята из комсомольского отряда истребителей танков. Они были растеряны и не знали, что делать. Комсомольцы смотрели на старшину и он, понимая, что здесь и сейчас является главным командиром, стал отдавать приказы...

Передовая ударная группировка 8-й танковой дивизии ворвалась на окраину Москвы, и настрой немецких солдат был таков, что уже через пару часов они собирались выехать на Красную площадь. В советской столице царил хаос, правительство начало эвакуацию, в штабах неразбериха, милиция дезорганизована, а мародеры грабили магазины и склады. Казалось, что можно взять главный город страны голыми руками. Но не тут-то было и в Тушино немцев встретили ополченцы во главе с несколькими фронтовиками, которые совершенно случайно оказались в тылу, и среди них был старшина Николай Иванович Захаров.

Раны старшины затянулись быстро. Сильный организм справился и уже через пару недель Захаров, покинув селян, ушел в лес к партизанам. Там его встретили хорошо, без подозрения, поскольку о нем уже знали от местных жителей. После чего он сразу включился в боевую работу.

Партизан было немного, всего три десятка, но оружия у них хватало — отступающие советские войска бросали его много и часто. Однако они не знали, что делать, и тогда старшина предложил напасть на колонну военнопленных, освободить их и вооружить. Командир отряда, в прошлом председатель колхоза, с ним согласился, и партизаны организовали налет на временный дивизионный лагерь.

В ходе скоротечного боя было уничтожено семнадцать немцев и освобождено почти двести военнопленных. Что немаловажно, среди них оказались кадровые командиры. Один даже в чине полковника, хотя и был в форме рядового красноармейца, но сохранил документы. Звали его Кириллов, и он потребовал немедленно связать его с вышестоящим командованием. Вот только какая же связь в то время, когда фронт продолжает откатываться на восток, а партизаны только начинают свою деятельность? Опять же нет ради и связиста, да и вообще не понятно с кем именно связываться. Все это командир партизанского отряда попробовал объяснить полковнику, а тот сорвался и наорал на него.

Возник конфликт между бывшим председателем, который уже почувствовал вкус вражеской крови, и кадровым военным. Но опять вмешался старшина Захаров. Он человек опытный, в войсках половину жизни, и сразу сообразил, что полковник не пустышка. Бывает — человек орет и что-то требует, а на самом деле он никто и звать его никак. Вот только Кириллов был другой. Заметно, что человек привык отдавать приказы, а еще он прошел отличную подготовку, скорее всего, диверсионную. Все это старшина определил по повадкам полковника, его манере двигаться и реакции на те или иные события.

Старшина пообещал обеспечить отряд связью и развил кипучую деятельность. Среди бывших военнопленных он нашел связиста, а затем собрал группу отчаянных бойцов, вышел к ближайшей деревне, где, по информации местных жителей, находился штаб немецкой тыловой части и после полуночи, лично убрав часового, повел партизан в атаку.

Снова удача не оставила лихого старшину. В ходе ночного боя советские бойцы понесли серьезные потери, но врагов положили втрое больше, а главное — захватили мощную радиостанцию и дотянули ее до лесного убежища партизан.

Вскоре связь с советским командованием была установлена и Кириллов, действительно, оказался важной птицей. Настолько, что за ним обещали прислать самолет. Партизанам отдали приказ подготовить полевой аэродром и запас топлива, и они приступили к выполнению задания. А полковник подошел к Захарову и предложил отправиться с ним. Мол, он из "Особого сектора ЦК ВКП(б)" и такие люди как старшина ему нужны.

Захаров долго не думал. Это был его шанс. Подобное предложение можно никогда в жизни уже не услышать. Поэтому он согласился и спустя сутки на партизанском аэродроме приземлился трехместный У-2СП, который дозаправился, забрал пассажиров и благополучно перелетел линию фронта.

Кириллова, который с Захаровым больше откровенных разговоров не вел, сразу отправили дальше, в Москву, и снова старшина был с ним. А в столице его двое суток продержали взаперти и постоянно задавали вопросы о приключениях на фронте, происхождении и пребывании на оккупированной территории.

В конце концов, все уладилось. Старшине выдали новенькую форму и документы, согласно которым он являлся водителем и был приписан к гаражу "Особого сектора ЦК ВКП(б)". Оружие, трофейный "парабеллум", вернули. А потом дали сутки на то, чтобы съездить в Подмосковье и забрать семью. Все это с подачи Кириллова, который про Захарова не забывал и даже выделил ему машину-полуторку.

Старшина женился два года назад, сразу после Финской кампании, но у него уже имелись дети, сын и дочь. Семья проживала в десяти километрах от столицы по Волоколамскому шоссе, и он надеялся уладить свои дела быстро, без помех и в срок. Однако все его планы пошли крахом. Когда машина оказалась в Тушино, дорогу перегородила баррикада, которую спешно воздвигали ополченцы. Они объяснили старшине, что немцы уже рядом, только что примчался мотоциклист-разведчик, который видел немецкие танки, и дальше хода нет.

Бывалый фронтовик, который много раз видел, как из-за панических слухов рассыпаются целые батальоны, не поверил ополченцам и стал ругаться. Он даже достал свой грозный документ и уже почти убедил бойцов, что противник еще далеко, но затем увидел немецкий танк, который появился из-за поворота и быстро приближался к баррикаде. Ну а дальше от него уже ничего не зависело.

Немецкая "тройка" разнесла хлипкую баррикаду одним выстрелом и разогнала ее защитников. Многие бросились наутек. Но не все. Часть ополченцев из состава комсомольского истребительного батальона приняла бой, и, может быть, именно эти парни, вчерашние школьники, спасли Москву от быстрого захвата. У комсомольцев не было автоматического оружия, пулеметов и пушек. Одна противотанковая граната на бойца, винтовка и сорок патронов, а так же бутылки с горючей смесью. Полсотни не имевших боевого опыта парней, а с ними старшина Захаров, пара бывших в увольнении фронтовиков и три молодых лейтенанта, которые были отправлены в Волоколамск, но уперлись в преграду.

К счастью в передовом отряде немцев был всего один танк, несколько мотоциклов, два грузовика с пехотой и три бронетранспортера. Эта группа значительно опередила остальные подразделения 8-й танковой дивизии, и комсомольцы смогли ее остановить. Половина этих отважных ребят погибла, но они не отступили. Танк был подожжен двумя комсомольцами, которые закидали боевую машину "коктейлями Молотова" с крыши дома, а пехота и бронетранспортеры после перестрелки откатились назад.

Истребители выиграли полчаса. За это время к разрушенной баррикаде подошел

сводный взвод милиционеров, рота рабочих и еще несколько фронтовиков, а старшина собрал трофеи, послал связных к подразделениями на соседних улицах и обзавелся пулеметом...

— Идут, — сказал Захарову молодой боец, услышав приближающийся шум моторов.

— Да, — старшина кивнул, взглядом проследил, как комсомольцы занимают боевые позиции, и поднялся на второй этаж жилого дома.

Захаров засел в обычной квартире, чьи окна выходили на улицу, прикинул сектор обстрела, остался доволен и затих. Жильцы разбежались. Он был один и в этот момент понимал, что, скорее всего, уже не увидит свою семью, жену и детей. Слишком невелики шансы выжить. А еще он думал о том, что мог бы уйти, но не уйдет. Не честно это. Не правильно. Нельзя оставить мальчишек, которые еще не видели жизни. И, наверное, сейчас самый важный момент в его жизни. Возможно, ради него он и появился на свет.

Немецкий MG-34 в умелых руках машинка хорошая, а старшина умел с ним обращаться, и надеялся проредить наступающих фашистов. Главное — не прозевать момент, потому что патронов мало, всего одна лента.

На улице вспыхнула перестрелка. Фашисты получили подкрепления и двинулись вглубь города. Пехотинцы стреляли во все, что внушало подозрения. Они были в авангарде, а за ними шла бронетехника.

Защитники Москвы, следуя указаниям старшины и других фронтовиков, огонь не открывали. Пусть враги подойдут поближе. Но все-таки нервы ополченцев не выдержали и кто-то выстрелил. Попал или нет — неважно. Его примеру последовали другие бойцы, и начался бой.

Опытные немецкие солдаты грамотно давили одну огневую точку за другой, расстреливали опорные точки ополчения из автоматов и забрасывали их гранатами. А если они не могли достать стрелков свое веское слово говорили танковые пушки или пулеметы бронетранспортеров. Фашисты все ближе и ближе. Они уже возле дома, в котором засел старшина. Ополченцы стали отступать и Захаров, выдохнув, прижал к плечу приклад MG, поймал в прицел вражеского пулеметчика в "ганомаге" и открыл огонь.

Оружие задергалось в руках старшины. Но он не промазал. Пулеметная очередь прошла по открытому бронетранспортеру и свалила двух солдат, стрелка и механика-водителя. После чего Захаров стал расстреливать пехоту. Он бил короткими экономными очередями и старался убить как можно больше врагов. Однако лента закончилась быстро и старшина, бросив пулемет на пол, быстро отступил вглубь комнаты.

Вражеские автоматчики стали расстреливать окно, но поздно. Старшина покинул квартиру и выбежал на лестницу, где находился резерв, несколько комсомольцев, и один из них передал ему винтовку.

Старшина передернул затвор и начал спускаться. Комсомольцы последовали за ним и на первом этаже они столкнулись с немцами. Пехотинцы ворвались в подъезд. Не развернуться, не повернуться, и старшина выстрелил от бедра. Его пуля вошла в грудь вражеского солдата, и он мог бы упасть, однако за его спиной были другие немцы, которые толкали тело мертвого камрада вперед.

— А-а-а!!! — не выдержав нервного напряжения, истошно завопил кто-то из ополченцев за спиной старшины и бросил в толпу врагов противотанковую гранату.

"Дурак! Какой же дурак! Мальчишка! Что же ты творишь?!" — подумал Захаров и плечом толкнул дверь ближайшей квартиры.

К счастью для старшины и еще двух бойцов, дверь была открыта. Они вломились в квартиру, и произошел взрыв. Мощная граната встряхнула дом и с потолка посыпалась штукатурка. Однако старшина с бойцами, в отличие от тех, кто остался снаружи, не пострадали. А когда слегка контуженные они покинули квартиру, то обнаружили только трупы. Комсомольцы и немцы лежали вперемешку среди кусков разбитой лестницы и вывалившихся из стены кирпичей.

— За мной! — подобрав немецкий автомат и сдернув с мертвого пехотинца подсумок, сказал старшина и первым выскочил во двор.

Захаров ожидал, что сейчас примет последний бой и ринется на улицу. Но здесь, совершенно неожиданно, он обнаружил бойцов Красной армии, не ополченцев, а красноармейцев. Они вели бой с немцами, которые снова отступали, и посреди улицы горела вражеская бронетехника. В штабах все-таки сориентировались, осознали, откуда грозит опасность, и бросили навстречу немцам все, что было под рукой, два батальона мотострелков из 4-й МСД и сводные отряды ополчения.

Фашисты отступили и больше не атаковали. Первый день боев за Москву закончился, и уже ночью старшина Захаров вернулся к полковнику Кириллову.

10.

Рава-Русская. 15.09.1941.

Где-то далеко на востоке кипели кровопролитные сражения. Немцы, несмотря на громкие заявления, не смогли сходу взять Москву и обе противоборствующие стороны бросали в котел все новые и новые силы. Если верить речам Геббельса, немцы уже контролируют всю северо-западную часть города, дошли до Паркового кольца, заняли Химки, Тушино, Кунцево и Фили, под обстрелом Красная площадь, жители радостно встречают германских освободителей и в Москве царит безвластие. А если послушать СовИнформбюро, все наоборот. Немцы несут огромные потери и выдыхаются, горожане массово вступают в ряды ополчения, а доблестные бойцы Красной армии каждый день совершают чудеса героизма. Скорее всего, правда где-то посередине, как обычно.

Что же касательно нас, то занятия в школе продолжались своим чередом и приближался выпуск. Вот только мы никак не могли взять в толк, что ожидает нас дальше. Немцы, с которыми мы могли общаться, были уверены, что война закончится еще до наступления Нового Года. СССР капитулирует и после того как они быстренько дождут англичан наступит мир, который принесет Третьему Рейху процветание. Следовательно, никакой Русской Освободительной Армии не будет и нас, кто изъявит желание служить Великой Германии, отправят в подразделения вспомогательной полиции, а остальных разгонят. Однако преподаватели придерживались иного мнения, диаметрально противоположного. Они верили, что война продлится долго, не год и не два. Поэтому создание РОА, которое в свете последних событий, немного приостановилось, неизбежно и войны хватит всем.

Иван Сергеевич по этому поводу высказался неоднозначно:

— Это до поры до времени немцы так уверены в своих силах. Погодите, наступит русская зима, они поморозят сопли и начнут понимать, куда залезли. Сейчас у них эйфория, особенно у тех, кто сидит в тылу, и каждый день слушает речи Геббельса. Но скоро она пройдет. Поэтому не забивайте себе голову ерундой...

По моему глубокому убеждению, Иван Сергеевич был прав на все сто процентов и я не отвлекался, впитывал в себя новые знания, хорошо питался, занимался спортом и очень

хотел стать сильнее, быстрее и умнее. Что завтра меня ожидает — неизвестно, и пока есть время необходимо готовиться к очередным испытаниям. Я уже не за красных, не за белых, не за немцев, а за самого себя. Минувший месяц очень сильно изменил мое отношение к советской власти в худшую сторону, но я все равно не мог до конца отделить себя от прошлого, в котором было не только плохое, но и хорошее. И как-то незаметно я решил, что пока буду катиться по колее. Куда кривая судьбы выведет, там и буду. Главное — выжить. Остальное пока мимо.

День сменялся другим днем. Наступил выпуск, курсанты сдали зачеты и каждый из нас, невзирая на прежние звания, происхождение, возраст и заслуги, получил чин урядника. Никаких торжеств начальник школы решил не устраивать. Нам выдали немецкие документы и мы отправились в казарму. Я собирался выспаться, однако неожиданно меня вызвали к Ивану Сергеевичу.

Я вошел в пустой класс, увидел Ивана Сергеевича, который сидел за столом и читал какую-то книгу, а затем доложил:

— Господин преподаватель, урядник Погиба по вашему приказанию прибыл!

— Тише-тише, — не глядя на меня, он положил книгу на стол и махнул рукой: — Присаживайтесь, Погиба. У меня к вам есть разговор.

Присев напротив Ивана Сергеевича, я замер. Зачем он меня вызвал? Чего хочет? Сейчас узнаю.

Преподаватель посмотрел на меня и наши взгляды встретились. Я отвернулся раньше и услышал:

— Погиба, у меня к вам два дела. Одно личного свойства. Другое по службе. С какого начать?

Я пожал плечами:

— Без разницы.

— Тогда с личного. Нашелся ваш родственник.

— Какой родственник? — не понял я. — О чем вы, Иван Сергеевич?

— У вашего отца был родной брат, Кондрат. Вы знали об этом?

— Нет.

— Тем не менее, это так. Не стану скрывать, вы меня заинтересовали, в будущем из вас может выйти неплохой офицер, да и фамилия знакомая. Казачий мир хоть и велик, но, так или иначе, все друг друга знают. Кто-то кому-то родич, кто-то с кем-то служил и воевал, а кто-то в мирной жизни пересекался. Я связался с Кондратом Погибой и он подтвердил, что родом из Уманской, что в станице оставался его родной младший брат, и что у него был сын Андрей, то есть вы.

— И где мой дядя сейчас?

— Он в Берлине, при штабе Казачьих Формирований. Какую именно должность занимает мне неизвестно, но раньше он был при атамане Шкуро. О вас родственник уже в курсе и желает встретиться. Вы этому рады?

Ошарашенный таким известием, я ответил честно:

— Пока не знаю.

— А хотели бы этого?

— Трудно сказать... Наверное...

— Понимаю вас. Хотя в любом случае эта встреча пока невозможна.

— Почему?

— Формирование 1-й дивизии РОА идет со скрипом, слишком много препятствий, и завтра вас отправят не на запад, где находятся наши главные лагеря, а на юго-восток, поближе к линии фронта.

— И с чем это связано?

— Я мог бы ничего не объяснять, но отвечу. Вам это пригодится для понимания подоплеки некоторых событий. Тем более, это не такая уж большая военная тайна. Немцы до сих пор не определяются, чего именно они от нас хотят. Многие германские генералы сомневаются в целесообразности крупных воинских соединений из числа казаков, русских эмигрантов, перебежчиков и военнопленных. В Берлине идет подковерная борьба, а рейхсканцлер использует грызню политиков и военных в своих целях. Поэтому в один день он может одобрять создание РОА, а в другой нет. Когда школа формировалась, нам обещали, что все курсанты отправятся в 1-ю дивизию. А сейчас, спустя полтора месяца, первый выпуск раскидают по вспомогательным подразделениям, которые будут подчиняться не генералу Трухину и его штабу, а непосредственно командирам немецких дивизий, корпусов и армий, комендантам тыловых районов и офицерам Абвера. Со временем все разрешится. По крайней мере, на это есть надежда. Вас вернут в РОА, а вспомогательные подразделения войдут в состав наших соединений. Однако на это понадобится время. Может быть месяц, а может быть, год или два. И вот тут мы подходим к делу, точнее, к заданию, которое я хочу вам поручить.

Снова он поймал мой взгляд, опять я отвернулся и уточнил:

— Это лично ваше задание?

Иван Сергеевич усмехнулся:

— Правильный вопрос.

Я промолчал и он продолжил:

— Задание лично от меня. Хотя вышестоящее командование о нем будет проинформировано.

— И что вы от меня хотите?

— Завтра за вами приедут "покупатели". Знаете кто это?

— Представители частей, которые доставят нас в подразделение.

— Верно. Их будет пять-шесть человек. Скорее всего, офицеры, командный состав части. Люди разные. Как правило, бывшие красные командиры в сопровождении немцев. Про некоторых нам уже кое-что известно и я хотел бы, чтобы вы присмотрелись к одному из них и наблюдали за тем, что вокруг него происходит.

— Выходит, я должен стать вашим секретным агентом или стукачом?

— Глупость! Так или иначе, мы все в одной лодке. Никто не станет требовать от вас каких-то отчетов или донесений. Но когда мы снова встретимся и я спрошу, что за человек ваш командир, мне хотелось бы услышать честный, правдивый и объективный ответ. На что способен. К чему стремится. Как воюет. Что о нем думают подчиненные. В каких отношениях с немцами. Не захотите отвечать, промолчите.

— Я вас понял, Иван Сергеевич.

— И...

— Если это не вербовка и ничего не надо подписывать, я согласен.

— Значит, договорились?

— Договорились. Но хотелось бы сразу узнать, к кому вы меня хотите приставить.

Указательным пальцем преподаватель почесал кончик носа и ответил:

— Информации мало. Скажу, что знаю. Это бывший майор, по другим данным подполковник, Красной армии Иван Никитич Кононов. Утверждает, что из донских казаков станицы Новониколаевской Таганрогского округа. Командир полка. Попал в окружение. С частью своих красноармейцев и офицеров, среди которых были политработники, перешел к немцам. Сразу заявил, что готов сражаться с большевиками. Вступить в РОА пока отказался. Смог наладить контакты с германскими офицерами, в частности с генералом Шенкендорфом, и получил разрешение на создание вспомогательного казачьего подразделения. Что от него ожидать и на что он способен сказать трудно. Но завтра Кононов заберет два взвода. Первый и ваш.

— Получается, вы готовили кадры для себя, а их забирает другой?

— Именно.

— Это все?

— Да, Погиба. Желаю вам удачи. Не теряйтесь, берегите себя и внимательно смотрите по сторонам.

Вежливый преподаватель с повадками дворянина замолчал и я поднялся.

— Разрешите идти?

— Конечно.

Иван Сергеевич снова потянулся к книге, а я покинул класс и вернулся в казарму. Естественно, сослуживцы поинтересовались, где был и зачем вызывали, а я ответил, что у меня нашлись родственники.

Вряд ли мне поверили. Хотя бы потому, что в тот вечер треть курсантов под разными предложениями была вызвана к инструкторам и преподавателям. Люди вокруг не глупые и все прекрасно понимали, что это не просто так.

Наступила ночь и школа заснула, а после полуночи нас подняли по тревоге. Три свежеиспеченных урядника из второго взвода разоружили часового и совершили побег. Это обнаружили слишком поздно, только, когда патруль заметил беглецов на окраине города. Одного немцы застрелили, а двое, отстреливаясь, ушли.

В общем, выспаться не удалось. Всю ночь нас пересчитывали, а утром приехали "покупатели", среди которых был лично Иван Никитич Кононов. И что о нем можно сказать? На первый взгляд ничего особенного. Крепкий мужчина, брюнет, выправка военная, заметно, что кадровый. Походка уверенная. С немцами разговаривал на равных. С нами не общался. Сразу прошел в штаб, где оформил документы. А еще через час на территорию школы заехали два больших немецких грузовика, и поступил приказ грузиться.

Ехали весь день с одной остановкой под охраной нескольких немецких мотоциклистов, и в расположении батальона, который назывался добровольческой казачьей частью № 102, оказались уже глубокой ночью. Здесь выгрузились и отправились в казарму, которая раньше была санаторием для партийных работников. Переночевали, а рано утром вышли на общее построение батальона.

11.

Берлин. 20.09.1941.

Обхватив голову, генерал Трухин склонился над столом. Он размышлял о том, что ждет Россию и лично его в будущем. И мысли потомственного военного были невеселыми.

Ему повезло. Трухин пережил Гражданскую войну и его не коснулись сталинские чистки. А когда представился удобный случай, он перешел на сторону немцев, лично

встретился с Георгом Лейббрандом, получил от него поддержку, был отправлен в Берлин и даже стал командующим Русской Освободительной Армии. Однако эта армия существовала только на бумаге и все, что у Трухина было, стремительно разрастающийся штаб, несколько школ младшего командного состава и группа пропагандистов.

Конечно, Федор Иванович понимал, что будет трудно. Но он не представлял насколько. Мнение германских военачальников и политиков менялось каждый день. Захватят очередной район Москвы или добьются успеха на другом участке фронта — РОА не нужна. Получат щелчок по носу — сразу вспоминают, что есть генерал Трухин, который предлагает свою помощь. Однако личный состав, который планировалось влить в 1-ю дивизию РОА, раскидали по вспомогательным подразделениям. Оставались только силы, которые подчинялись белоэмигрантам. А у них отношение к бывшему красному командиру, который в Гражданскую войну воевал против Белой гвардии, разумеется, негативное. Они постоянно интриговали, наговаривали на Трухина германским генералам, пытались его подсадить и всячески очерняли в эмигрантских газетах и журналах.

"Как можно иметь дело с такими людьми?" — Этот вопрос генерал Трухин задавал себе постоянно. Каждый белоэмигрант мнил себя великим стратегом и вождем. Каждый хотел вернуться на Родину в лучах славы. Каждый собирался поквитаться с теми, из-за кого был вынужден покинуть Россию. Вроде бы серьезные люди, доказавшие свою состоятельность делами и поступками. Но многие из них выгорели, их души превратились в пепел, и там не осталось ничего, кроме ненависти к советским гражданам и тщеславия. Поэтому, когда Трухин пытался донести до них мысль, что необходимо забыть прежние разногласия и сплотиться во имя одной цели, его слова отклика не находили. Генералы Белой гвардии его попросту игнорировали. После чего, временно забыв про него, они вспоминали прежние обиды и выдвигали своим собратьям претензии. Кто-то не поддержал соседа в бою. Кто-то обманул прежних друзей, запятнал офицерскую честь и кинул их на деньги. А кто-то уплыл из Новороссийска, Одессы и Севастополя, а боевых товарищей бросил.

— Самостийники! — тыкал пальцем в казаков один из белых генералов.

— Подстилка английская! — отвечали казаки.

— Господа! Опомнитесь! Россию спасет только монархия! — вмешивался в разгорающийся спор престарелый, но все еще крепкий, атаман Краснов.

— Нет! — влезал в спор очередной вождь. — Мы будем драться за республику!

— Прекратить! — Трухин встал и ударил кулаком по столу.

— Гнида красная! — выкрикнул кто-то в адрес командующего РОА.

Примерно так проходили первые общие военные советы Русской Освободительной Армии. До драк, слава Богу, не доходило. Но в дальнейшем этот опыт был учтен, и совещания велись в присутствии немецких офицеров, а список приглашенных резко сокращался.

Яростные споры. Планы и прожекты. Много разговоров. А по существу ноль. Собрать в кулак всех, кто был готов сражаться против советской власти, никак не выходило. Однако, несмотря на это, генерал Трухин веру в успех не терял. Он внимательно слушал каждую сводку с фронта, как немецкую, так и советскую. После чего аккуратно переставлял красные и черные флажки на большой карте СССР, возвращался к работе и ждал вызова в вышестоящему начальству.

Кстати, о начальниках. Интерес к созданию инациональных формирований проявили многие. Само собой, Имперское министерство оккупированных восточных территорий и

Вермахт. А помимо этого еще Абвер и СС. Бойцы были нужны всем, и Трухин соглашался работать с любым, если РОА могла с этого сотрудничества что-то получить. Но проблема в том, что у него не было реальной власти. Опять двадцать пять и его обходили. Зачем Абверу генерал Трухин, если разведка может набирать военнопленных самостоятельно и отправляет их в собственные школы? Зачем главе СС Генриху Гиммлеру командующий РОА, если он всего лишь номинальный глава? Зачем Вермахту боевая русская дивизия, если проще комплектовать отдельные охранные роты, сотни и батальоны? А ведомство Альфреда Розенберга постоянно реорганизовывалось и серьезными ресурсами не обладало. Так что начальников у генерала Трухина было много, но ни одного, кто, действительно, мог и хотел отстаивать интересы РОА. И каждый день его штаб получал сотни директив и приказов, а по сути это просто бумага...

Тяжело вздохнув, генерал встряхнул головой, откинулся на спинку стула и взял первый попавшийся лист бумаги. Это оказался присланный командующему на утверждение "Марш РОА" на мотив "Широка страна моя родная":

"Мы идём широкими полями
На восходе утренних лучей.
Мы идём на бой с большевиками
За свободу Родины своей.
Марш вперёд, железными рядами
В бой за Родину, за наш народ!
Только вера двигает горами,
Только смелость города берёт!
Только вера двигает горами,
Только смелость города берёт!
Мы идём вдоль тлеющих пожарищ
По развалинам родной страны,
Приходи и ты к нам в полк, товарищ,
Если любишь Родину, как мы.
Мы идём, нам дальний путь не страшен,
Не страшна суровая война.
Твёрдо верим мы в победу нашу
И твою, любимая страна".

Федор Иванович взял ручку, мгновение помедлил и поставил свою резолюцию:

"Утверждаю. Командующий Русской Освободительной Армии генерал-майор Трухин.
Подпись".

Отложив текст марша в сторону, он собрался взять другой лист, но в кабинет вошел его секретарь капитан Мохов. Как и Трухин, он был перебежчиком, имел претензии к советской власти и сразу согласился воевать против большевиков. Из вологодских мещан, воевал на Халхин-Голе, имел медаль. Бравый вояка, а главное — Трухин его хорошо знал по службе в РККА. Поэтому сразу, как только узнал, что Мохов в плену, вытащил его из лагеря и оставил при себе.

— Господин командующий, — Мохов был официален, — к вам генерал Шкуро.

Трухин белого казака Шкуро недолюбливал. Впрочем, как и других белоэмигрантов. Однако он ему нравился. Была у Андрея Григорьевича какая-то харизма и он не лез в политику. Воин. Лихой и грамотный. С хорошим чутьем на опасность.

— Пригласи его, — Федор Иванович кивнул.

Секретарь удалился, а спустя минуту, в кабинете появился Андрей Григорьевич Шкуро, и в руках у него была черная кожаная папка. Как всегда, быстрый и порывистый, широкими шагами он прошел к столу и, не спрашивая разрешения Трухина, присел.

— Что вас привело ко мне, Андрей Григорьевич? — спросил Трухин гостя.

— Давай без имен-отчеств, — предложил казак. — Не на совещании, в конце концов, и мы не паркетные генералы. В свое время вместе царю-батюшке служили. Неужели общий язык не найдем?

Помедлив, командуящий РОА, поморщился, но согласился:

— Можно без отчеств. Что нужно?

— На фронт хочу. Надоел Берлин, спасу нет. Кроме геморроя тут ничего не высидишь.

— А поконкретней?

— Соберу своих "волков" и вперед. Пока по Украине погуляю, а потом, глядишь, до Кубани дойду и дальше. Мне бы только до родных краев добраться, и у большевиков под ногами земля загорится. Весь Кавказ подниму.

— Ты же понимаешь, что это не просто?

— Все понимаю. Деньги нужны, оружие и справа, разрешение немцев и куча документов. Все это уже есть, нашел. Людей собрал, связи прежние подергал, нужна только твоя помощь.

— Под флагом РОА пойдешь?

— Под своим флагом. А вот шевроны твои.

— Мои... — Трухин скривился, словно съел что-то очень кислое. — Ты же знаешь, что у нас ничего нет, ни людей, ни ресурсов, ни оружия. Сейчас проще воевать самостоятельно, как это многие уже делают.

— Ничего-ничего, — Шкуро усмехнулся. — Всею своя черга. Это сейчас РОА ничто, а со временем все наладится. Уверен в этом — я чую, куда ветер дует.

— Допустим. А сколько людей собрал?

— Две сотни.

— Казаки?

— Конечно. Все, как один.

— И под чье командование встанешь?

— Есть связи в штабе генерала фон Рунштедта.

— Группа армий "Юг"?

— Она самая.

— Кто?

— Пока сказать не могу.

— Ты хитрец, Андрей Григорьевич. Подпись хочешь, а информацией делиться не желаешь.

— Если это отказ, я могу уйти.

— Сиди, — Трухин слегка махнул рукой. — Говори по сути, напрямую, что задумал. Тогда, возможно, договоримся.

Шкуро усмехнулся:

— Все уже сказано — хочу воевать. Хоть с чертом в одном строю, только бы против большевиков. А если тебе так надо знать фамилию того, кто меня примет, то это генерал Карл фон Рок, командуящий тылового района группы армий "Юг". Я буду собирать трофеи,

бороться с партизанами и охранять дороги, а заодно вливать в отряд казаков, если таковых встречу.

— Но и про себя, наверное, не забудешь?

— Это уж как водится.

— Давай свой документ, посмотрю, что там.

Атаман протянул Трухину папку. Командующий открыл ее и обнаружил несколько листов с приказом. Половина на русском, половина на немецком.

Федор Иванович вчитался в текст, который был составлен очень грамотно. Видно, что над ним потрудился опытный штабист, который хорошо понимал, как работает германская военная машина. Но это не самое интересное. Гораздо важнее, что из приказа, который он должен был подписать, следовало, что Шкуро никому напрямую не подчинялся. На документе будет много серьезных печатей и солидных подписей, но это пустышка. Добровольческая боевая группа генерала Шкуро отправляется в тыловые районы группы армий "Юг" для охраны коммуникаций и борьбы с партизанами, а так же для сбора военнопленных, вооружения и трофеев. Откомандирована штабом РОА, но поступает по собственному усмотрению и никем кроме генерала фон Рока не контролируется. А если с ним есть договор, согласно которому часть трофеев будет уходить в его личные закорма, казаки могут чувствовать себя весьма вольготно.

— Ты понимаешь, что этот приказ филькина грамота и если тебе понадобится моя помощь, я разведу руками и останусь в стороне? — Трухин посмотрел на Шкуро.

— Прекрасно понимаю. Но ты не беспокойся. С тебя взятки гладки, а с немцами я сам договорюсь.

— Хорошо. А что с этой командировки будем иметь мы?

— Ты о себе или о РОА? — уточнил Андрей Григорьевич.

— Личная выгода меня не интересует. Поэтому я говорю про армию.

— Во-первых, всем и каждому ты сможешь сказать, что одно из подразделений РОА уже воюет на благо Третьего Рейха. Во-вторых, часть военнопленных, кто готов служить на благо России, а не СССР, напрямую отправим в твое распоряжение, минуя немецкие лагеря. А в-третьих, сбор оружия такое дело, что часть его может легко оказаться неучтенной, и передачу вооружения бойцам РОА мы легко оформим задним числом.

— Кто еще знает о твоей задумке?

— Из числа генералов?

— Да.

— Петр Николаевич Краснов.

— А...

У генерала Трухина было много вопросов, а у генерала Шкуро на все был заготовлен ответ. Они разговаривали еще полчаса и в итоге командующий РОА, пусть и без реальных полномочий, подписал приказ. После чего они расстались и Трухин, посмотрев на дверь, которая закрылась, покачал головой. Он не был уверен, что хитрый казак не попадет на своих махинациях с немецкими тыловиками. Но очень надеялся, что у него все получится и Русская Освободительная Армия сможет с этого что-то выгадать.

12.

Могилев. 20.09.1941.

Нежданно-негаданно, я оказался в составе добровольческой казачьей части $\underline{1}$ 102 под

командованием Ивана Никитича Кононова. На тот момент уже не батальон, как нам говорили в школе, а полноценный усиленный казачий полк.

История этого формирования проста и незатейлива.

С частью своего полка майор Кононов перешел на сторону немцев и после бесед с офицерами германской разведки его пригласил к себе начальник тыла группы армий "Центр" генерал-лейтенант Шенкендорф. Встреча проходила в неформальной обстановке, под шнапс и пиво, было много разговоров и тостов за скорейший крах коммунизма. Кононов и Шенкендорф быстро нашли общий язык, и майору было разрешено сформировать казачье подразделение. А чтобы он не шалил, к нему приставили немецкого офицера связи, лейтенанта графа Риттберга, и нескольких унтер-офицеров.

Имея такого высокого покровителя, который ожидал, что казачье формирование поможет германцам навести порядок в своих тылах, Иван Никитич мог позволить себе многое, и он развил бурную деятельность. Для начала разделил бойцов родного 436-го стрелкового полка. Казаки налево. Все остальные направо. Кто имел казачьи корни, тот остался, а русских, украинцев и других, за редким исключением, перевели во вспомогательные подразделения и полицию. После чего личный состав полка и приданные ему немецкие саперы начали оборудовать казармы, склады, конюшни, тир и манежи, а командир посвятил себя организационным мероприятиям: подбору личного состава, получению обмундирования, снабжения и вооружения.

1-го сентября Кононов прибыл в лагерь военнопленных под Могилевым. Народу там сидело прилично, более пяти тысяч человек. Выбор имелся, и майор произнес перед военнопленными зажигательную речь:

"Дорогие братья, нашей необъятной родины России! Я, донской казак, прослуживший в Красной армии с 1920 года по 22 августа 1941 года, прекрасно знаю, как вы жили при советской власти. Видел все ужасы, принесенные нам большевиками — голод, нищету, бесправие. Поэтому решил уйти от большевиков и поднять всех честных людей, любящих свою родину, на борьбу за освобождение нашего Отечества от преступной власти Сталина. Немцы идут нам навстречу, как союзники, и помогут снабжением, оружием, обмундированием, продовольствием и другими средствами до полного разгрома большевиков. После свержения советской власти мы сами установим свою народную власть. За помощь, оказанную нам немцами, мы, безусловно, отплатим добром: как? тогда будет видно. Но это не значит, что мы немцам отдадим территорию, или себя в кабалу. Нам помогут немцы, а мы им, ибо коммунизм угрожал и угрожает немецкому народу тоже. Поэтому мы выступаем как союзники. Мы выступаем не против русского народа или других национальностей, населяющих просторы России — мы выступаем против кровавой власти Сталина. Мы будем представлять из себя армию освобождения нашей Родины от коммунизма и восстановления в ней настоящего справедливого всеобеспечивающего порядка к жизни людей. Свобода слова, печати, право на вероисповедание. В скором будущем, я думаю и уверен, найдутся люди из нашего народа, которые образуют правительство и выработают программу наших чаяний и желаний. В этой борьбе мы, безусловно, должны использовать помощь Германии, другого выхода у нас нет.

Завтра в 10 часов утра, здесь, в лагере, я буду отбирать всех тех людей, которые хотят идти в открытый бой против большевиков. Конечно, в первую очередь, буду брать казаков, так как первая формирующаяся часть будет казачья.

До свиданья, братья!"

По рассказам казаков, которые сопровождали Кононова в этой поездке, ночью в лагере никто не спал. Военнопленные спорили, и произошло несколько драк. Желających присоединиться к казачьему соединению и бороться за освобождение России от большевиков оказалось много. Но было немало и тех, кто верил в гений "отца народов" и коммунистические идеи. Каждый отстаивал собственную точку зрения, порой, с камнем или заточкой в руке. Поэтому под утро за колючую проволоку вытащили десяток трупов.

Наконец, в лагере снова появился Кононов, который произнес очередную речь:

"Мои родные! Я бесконечно рад и горд за вас всех, дорогие братья. Я еще больше верю в правоту освободительной борьбы. Ваше желание вступать в ряды борцов против коммунизма, подтверждает правоту начатого нами дела. Верьте, братья, я не единственный, таких как я будет много. Формирования скоро начнутся по всему фронту. Мы развернемся в огромную освободительную армию. Красная армия — это наша армия и вся она перейдет на нашу сторону. Тиран-Сталин останется один со своей кучной кровопийц, палачей-садистов из НКВД. Но уже с этими "героями", я думаю, мы как-нибудь справимся"...

На этом моменте многие военнопленные искренне рассмеялись, а майор продолжал:

"Я прошу вас всех быть выдержанными и соблюдать порядок. Сейчас я вас всех взять не могу, так как имею пока что разрешение формировать один казачий полк, но оставшихся прошу духом не падать. Вскоре придет разрешение немецкого правительства на формирование других полков и дивизий Освободительной армии, и все вы будете иметь счастье вступить в ее ряды. Как я уже сказал вчера, в первую очередь буду брать казаков".

Начался отбор, и большая часть военнопленных, несмотря на место рождения и национальные корни, решила записаться в казачье подразделение. Люди поверили Кононову и хотели воевать под его командованием. Это дорогого стоило и следовало ценить. Однако майор не мог забрать всех и каждому военнопленному задавал простые вопросы:

"Казак? Какого Войска? Какой станицы? Сколько и где служил в армии?"

Для родового казака определить своего не сложно. Казака видно сразу. Хотя среди военнопленных не казачьего происхождения попадались настолько ценные специалисты и опытные вояки, что Кононов рисковал и все-таки записывал их в казаки. Самовольно. Самостоятельно. Под свою ответственность.

Из этой поездки Кононов привез в подразделение 542 человека. Казаков — 405, не казаков — 137.

После Могилевского лагеря майор выезжал в другие. Он был в Бобруйске, Орше, Смоленске, Пропойске, Гомеле и так далее. Численность полка стремительно росла и к нему прибыли эмиссары Русской Освободительной Армии. Они предложили майору присоединиться к РОА, но он, по совету немецкого офицера связи, отказался. Раз ему нет никакой пользы от РОА, зачем себя обременять? Есть один начальник — генерал-лейтенант Шенкендорф, и этого достаточно.

Посланцы генерала Трухина уехали, а спустя несколько дней Кононов отправился за ними следом и забрал из школы урядников два взвода.

На общем фоне урядники школы РОА, выходя на первое построение, казались белыми воронами. Из-за обмундирования, которое у казаков Кононова уже было единообразным — гимнастерки с казачьими погонами, донские казачьи папахи, брюки с красными лампасами и сапоги. Но это временно. Нас распределяли по сотням, а затем выдавали оружие и справу.

К полудню вместе с Федоровым и еще четверьмя урядниками я прибыл в казарму 4-й пластунской сотни и представился командиру. После чего был назначен заместителем

командира 3-го взвода и познакомился с будущими сослуживцами. Что тут скажешь? Люди везде остаются людьми. Со всеми хорошими и плохими качествами. Все мы бывшие красноармейцы и, узнав, что я уже успел повоевать и родом с Кубани, казаки приняли меня как равного. По крайней мере, до первого боя. А пока все было неплохо. Поставив выданный мне ППД в оружейную комнату, я занял койку и начал подгонять под себя казачью справу.

На следующий день 4-я пластунская сотня вышла на полигон. По учебной программе — стрельбы и тактика. Я показал, что умею, и сотник Тихонов остался доволен.

Каждый день прибывали новые бойцы. Учения шли постоянно, и я сильно уставал. Но не потому, что много бегал, а из-за ответственности. Все-таки урядник. Какой-никакой, а младший командный состав. Теперь приходилось отвечать не только за себя и меня это изрядно напрягало. Хотя, должен сказать, народ в 3-м взводе подобрался степенный и не буйный. В этом мне повезло, однако тогда я этого не понимал.

Тем временем полк расширялся. На 20-е сентября в нем было почти две тысячи человек, и он состоял из восьми сотен. Первая, вторая и третья — конные. Четвертая, пятая и шестая — пластунские. В каждой "боевой" сотне пулеметный взвод из четырех "максимов". Седьмая сотня — пулеметная, четыре взвода по четыре "максима". Восьмая сотня — конвойная. Разумеется, имелся штаб. А помимо всего вышеперечисленного минометная батарея (дивизион) из двенадцати 82-х миллиметровых минометов, артиллерийская батарея (дивизион) из шести "сорокапяток" и шести 76-мм орудий. Плюс к этому связисты, саперы, тыловики, полковой духовой оркестр и знаменная группа.

Кстати, в этот самый день, 20-го сентября, перед строем был зачитан приказ штаба армейского тылового корпуса группы армий "Центр":

I. На основании распоряжений генерального штаба казачий отряд, формирующийся в городе Могилеве, именовать "102-й Донской казачий полк". Командиром полка назначается казачий майор Иван Кононов.

II. Все порядки, обучение, офицеры, унтер-офицеры должны быть установлены усмотрением и распоряжением майора Коконова.

III. Все части казаков и не казаков зачисляются на полное довольствие равное немецким частям".

Так все и было. Нас поставили вровень с немцами. Это было свидетельством того, что нас воспринимают как равноправных союзников, и среди казаков полка раздавались веселые смешки.

Разговорчики в строю пресекли офицеры. Снова над плацем воцарилась тишина, и выступил Кононов:

"Дорогие казаки! Около 22-х лет миллионы наших соотечественников томились и томятся в тюрьмах, подвалах и концлагерях НКВД благодаря советской власти. Мы потеряли свои семьи, своих близких; потеряли свои родные места, хутора, станицы. Потеряли все, что было сердцу близким и родным. Нет такого места в Советском Союзе, где не была бы пролита казачья кровь.

Наконец мы дождались времени, когда можно взять оружие в руки и отважной борьбой изгнать со своей Родины большевистскую нечисть. Мы не одиноки, с нами весь народ святой Руси. Вы знаете, русский народ не раз пытался сбросить с себя иго коммунизма. Вы все так же знаете о восстании казаков на Дону, на Кубани, на Тереке и других казачьих землях; знаете о восстании моряков в Кронштадте, восстании уральских рабочих, колхозные бунтах. Все это было потоплено в море крови. Кровавый изверг Сталин организовал свой аппарат

насилия так, что российские народы лишены всякой возможности внутренними силами свергнуть его иго. Теперь, при помощи иностранного государства, мы имеем единственный шанс организовать во Всероссийское Освободительное Движение и раз навсегда покончить с коммунистическим режимом. Во имя освобождения нашей Родины мы обязаны принять помощь Германии. Конечно, за оказанную помощь мы должны будем отплатить Германии, ибо мир так устроен, что в нем пока ничего даром не дается. Но мы не собираемся торговать своим народом или своей территорией. Мы идейно и совершенно сознательно идем на борьбу за освобождение нашей Родины от преступной власти Сталина и его банды.

Казачество, как авангард российского народа, всегда выступало первым на борьбу за его и свою свободу. Так это есть и на сегодняшний день. Вы, стоящие здесь, являетесь подтверждением этого неоспоримого факта. Если сегодня у нас один, только один, полк, то в скором будущем мы сможем иметь армию.

Я рад вас видеть, славные сыны казачества, в нашей родной казачьей форме. Слава вам, сыны мои! Да пошлет Господь Бог вам сил и здоровья для подвигов и славы казачьей. Не посраим наших славных предков своими ратными делами! Пусть дрожит палач Сталин! Пусть знает весь мир, что казаки были, есть и будут передовым отрядом в борьбе с коммунистическим террором. Вы, мои родные, первый камень в фундаменте Российского Освободительного Движения. Россия не забудет вас и золотыми буквами запишет ваши подвиги! Да здравствует великая свободная Россия! Вечная слава казачеству!

А теперь, мои славные, примем нашу казачью Присягу, Прошу повторять за мною:

Я, казак, совершенно сознательно вступаю на путь вооруженной борьбы со злейшим врагом всего человечества — коммунизмом. Моя цель — изгнать из моей Родины большевизм. Во имя этой цели клянусь перед Богом и Казачеством служить честно и добросовестно и исполнять все, что от меня будет требоваться моими начальниками для достижения этой высокой цели. Я обязуюсь всюду показывать образец дисциплинированности и гражданского мужества. Если будет необходимо — готов отдать свою жизнь в борьбе за освобождение своего Отечества от коммунистического рабства. Если отступлюсь от этих торжественных слов, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарают меня братья по оружию. Аминь".

Мы принесли присягу, и после построения личный состав полка был отпущен в город. Могилев вот он — за воротами, а население встречало казаков хорошо. Может показаться, что это странно. Ведь совсем недавно в Могилеве и вокруг него шли ожесточенные бои. Но обычным горожанам на войну плевать. Они обыватели и ко всему относились достаточно спокойно. Даже к немцам. А казаки в национальной справе были своими, не хулиганили, за покупки расплачивались честно и вели себя дисциплинированно.

В общем, все было хорошо, вместе с казаками я гулял по городу и в тот день встретил Веру...

13.

Могилев. 27–28.10.1941.

Близился вечер, я приводил в порядок купленный по случаю костюм и ждал командира сотни Тихонова. В прошлом он советский десантник, боец отменный, а главное — толковый командир. "С таким не пропадем", — говорили про него казаки, и я был с ними полностью согласен. Он никогда не орал попусту и не срывал зло на подчиненных, а когда сотник

узнал, что у меня в городе появилась девушка, разрешал иногда отлучаться вне увольнительной. Основных условий при этом три. Первое — я уйду под покровом темноты, в гражданской одежде, и возвращаюсь до рассвета. Второе — при себе обязательно пистолет. Третье — все новости, которые узнаю от девушки, должен сообщать командиру. Меня это устраивало и пока обходилось без происшествий. Да и какие происшествия? В городе спокойно, а Вера, моя зазноба, проживала в ста метрах от нашей части. Из ее окна хозяйственные ворота, через которые завозили сено, видно. Случись что, через десять минут я снова в строю.

Вообще, должен сказать, жизнь наладилась. С момента, как я оказался в полку Кононова, прошло пять недель. Война где-то далеко, а служба в радость и совсем не обременительна. Довольствие хорошее. Жалованье заплатили в срок, немецкими оккупационными марками. На полигонах выкладываемся по полной. Боевых задач пока нет. Пару раз выдвигались в патруль и один раз на усиление немцев, которые прочесывали окрестности города. Но главное — в моей жизни появилась Вера.

Как я уже упоминал, мы встретились в тот день, когда меня впервые выпустили в город. Казаки зашли в местный храм и помолились. Кто постарше, остался пообщаться с батюшкой, а молодежь прошлась по улицам, и я увидел, как молодая симпатичная девушка споткнулась и выронила тяжелую корзину с яблоками. Остановился. Помог собрать фрукты. Она меня поблагодарила, а я сделал неловкий комплимент, представился и спросил ее имя. Слово за слово, разговорились. Как и я, Вера была сиротой. Я предложил проводить ее, и она согласилась, а спустя неделю мы оказались в одной постели. У нее до меня уже были мужчины. А для меня она первая. О любви речи нет. Просто вместе нам было хорошо. Вера торговала на рынке фруктами и присматривала за двумя бабушками-соседками. С этого жила. Ну и я помогал, чем мог.

Вспомнив Веру и представляя нашу очередную встречу, я заулыбался. Уже собрался снять казачью справу и примерить костюм, как услышал команду дежурного по сотне:

— Командиры взводов на выход!

Мой непосредственный начальник, командир 3-го взвода вахмистр Силаев, находился на конюшне. Он хоть и пластун, но лошадей любил и давно хотел перевестись в 1-ю сотню, к конникам. Раз его нет, значит, команда мне, ибо я его заместитель.

Выскочив из казармы, я остановился перед отдельной комнатой, которую занимал сотник. Рядом замерли командиры других взводов. А спустя минуту появился сотник, подвижный мужчина с повадками барса и автоматом на плече.

"Чего это он с оружием? — промелькнула у меня мысль — Случилось что?"

Сотник прошелся вдоль строя и заговорил:

— Для нас есть дело. Сегодня казаки 2-й сотни ездили за сеном в Княжицы. Там к ним присоединились перебежчики, три советских десантника. По их словам, десант выброшен несколько дней назад и он крупный, почти тысяча человек. Многие красноармейцы владеют немецким языком, имеют трофейное вооружение и германскую униформу. Цели десанта — вести партизанскую борьбу, взрывать эшелоны и под видом немцев терроризировать народ: насиловать, грабить, убивать и напускать побольше страха. Сейчас с перебежчиками беседует командир полка и, скорее всего, с советским десантом придется разбираться нам. Поэтому общий сбор личного состава сотни. Получить оружие и боеприпасы. Приготовиться к маршу. Предварительно, выдвигаемся после полуночи. Разойтись!

"Вот и все, — объявив сбор взвода и дождавшись Силаева, подумал я, — придется

драться против своих. Но разве советские мне свои? Я казак и пострадал от власти коммунистов, служу в казачьем полку и помогаю немцам. Моя дорожка с большевиками разошлась. Мы — враги, наверное, навсегда. Либо они нас. Либо мы их. Третьего не дано". Спустя два часа, получив оружие, я стоял рядом с вахмистром Силаевым и слушал приказ: "Боевой приказ № 1 Донского казачьего полка № 102.

1. Парашютный советский десант численностью до 1000 бойцов хорошо вооруженный, 20.10.41 сброшен в районе деревни Шепелевичи. Этот отряд (командир — майор Яснов, кличка "Зеленый", комиссар — старший батальонный комиссар Гуценко, кличка — "Мягкий") именуется "Белорусский патриот". Положение противника к 12-00 27.10.41: деревни Мортяновичи и Глубокое — 75 бойцов в каждой; в лесу 4 км юго-западнее. Мортяновичи группа (впредь — "Лесная") до 300 бойцов; деревни Полесье и Шепелевичи — до 125-150 бойцов в каждом; штаб отряда с группой (впредь — "Штабная") до 275 бойцов в лесу 6 км северо-западнее Шепелевичи.

Противник произвел земляные оборонительные сооружения.

2. Соседей нет. Агентурная разведка продолжает действовать. Войсковую разведку использовать только для непосредственного обеспечения.

3. Я решил: к 5-30 28.10.41 окружить противника в районе Мортяновичи-Глубокое-Полесье-Шепелевичи и к 15-00 того же дня уничтожить его в этом районе"...

Далее пошли задачи, какой сотне и где действовать. Наша 4-я пластунская выдвигалась на Полесье. Основная цель — уничтожение штабной группы противника. Вместе с нами 1-я и 2-я сотни.

Пункт постоянной дислокации покинули в час ночи. С нами артиллерия, сорокапятки и минометы. Боеприпасы на телегах. Две первые сотни верхами. Настроение личного состава бодрое. Рядом с сотником Тихоновым один из перебежчиков, молодой крепкий парень, которому по распоряжению Кононова оставили оружие.

К деревушке Полесье подошли с юга. Добрались без проблем. Сосредоточились и на рассвете, после дополнительного инструктажа, пошли в атаку.

Осень. Светало поздно. Сыро и зябко, недавно прошел дождь. Разделенные на группы советские десантники ночевали в лесу и в селе. Немцы рядом появлялись редко и они расслабились. Красноармейцы не ожидали нашего появления, а мы рвались в бой. Не потому, что ненавидели врага. А по той причине, что хотелось доказать, прежде всего самим себе, свою состоятельность. Раз уж мы начало армии освобождения России, пора показать себя в деле. Сколько можно бегать по полигонам? В бой! Давай, казаки! Бей красногадов!

По селу ударили минометы и пушки. Наши артиллеристы не промазали и разнесли амбар на окраине Полесья. В нем находилось полтора десятка красноармейцев. Объятый огнем амбар развалился на части, и пока кавалерия обходила село по флангам, пластуны рванулись вперед.

Выпустив два десятка мин и снарядов, артиллерия замолчала и двинулась за нами, а мы ворвались в Полесье и сразу вступили в бой. Советский десант — элита, лучшие из лучших, это нам известно, достаточно посмотреть на Тихонова. Однако красноармейцы были растеряны. Они метались по селу, а мы их расстреливали.

Из-за угла выбежал боец. Он в одном белье, но в руках у него карабин. Я срезал его короткой очередью, переступил через мертвеца и посмотрел за дом. Три десантника с пулеметом Дегтярева вломились в сарай и стали готовиться к бою. Поздно. Но, что хуже всего для них, они не видели меня.

Достав гранату, я метнул ее в сарай. Она влетела внутрь и взорвалась. После чего я подбежал к нему и добил двух раненых. Ни сомнений. Ни сожалений. Я делал то, что должен.

Тем временем, пока я оторвался от взвода и воевал сам по себе, небольшая группа красноармейцев покинула Полесье и встретилась с конными казаками. Не выжил никто. А пластуны двинулись дальше, к перелеску, где находились основные силы советского десанта.

Пару километров одолели за четверть часа. Артиллерия уже тут как тут. Часть конных казаков спешила, и присоединилась к нам, а одна сотня снова пошла в обход. Перед нами окопы, которые красноармейцы вырыли на окраине зеленого массива. Нужно давить противника сразу, пока он не опомнился, и мы не медлили. Под прикрытием минометов, сорокапятков и пулеметов, закрепились в лесу и оказались во вражеском лагере.

Противник никак не мог собраться. Нам это на руку и, закидав вражеские землянки гранатами, казаки рассекли группировку красноармейцев на части и приступили к их планомерному уничтожению. Бой был жаркий, но десантники не выдержали и вскоре стали сдаваться.

К одиннадцати часам утра все было кончено и, собрав трофеи, мы оттянулись обратно в Полесье. Здесь узнали, что другие отряды противника тоже разбиты. Опасаться больше некого, и мы устроили привал.

В расположение полка вернулись затемно. Хотелось только одного — спать. Однако перед отбоем нас построили на плацу, и была зачитана общая сводка по боевым действиям полка в первом бою.

Потери советских десантников: убитых — 155, раненых — 350, пленных — 240. Трофеи богатые: станковых пулеметов — 9, ручных пулеметов — 20, винтовок и карабинов — 350, автоматов — 380, ротных минометов — 21, полевых телеграфов — 5, радиостанций — 1, крестьянских телег — 15, лошадей — 28, немецкого обмундирования — 110 комплектов. Из-под ареста освобождено 160 человек. В основном мужчины от 17 до 45 лет, которых десантники насильно мобилизовали или задержали за сотрудничество с немцами.

Что касательно наших потерь, они тоже были. Полк потерял 30 человек убитыми и 65 ранеными. И среди тех, кто погиб, оказался вахмистр Силаев. Он получил свою пулю в самом конце боя, приподнялся, когда наступило затишье, и его подстрелили. Судьба... От нее не уйдешь...

Казалось бы, можно расходиться. Однако нас ожидала еще одна новость — сломив ожесточенное сопротивление Красной армии, в течение дня немецкие штурмовые группы продолжали бои за центр Москвы и сегодня водрузили знамя над Кремлем. Точнее, над развалинами, которые от него остались после многочисленных боев, штурмов, бомбардировок и обстрелов.

Немцы, которые были в нашем полку, радовались. А нам, сказать по совести, было все равно. Плевать!

Когда казаков распустили, и мы вернулись в казарму, меня позвал Тихонов. Я собрался доложить ему по уставу — прибыл такой-то такой, но он дал знак, что можно обойтись без этого. После чего спросил:

— Погиба, взвод потянешь?

— Потяну, — ответил я. — Только я молодой еще. Как казаки — примут или нет?

— Насчет этого не думай. Ты для них свой, я это знаю, и в бою тебя видели. Труса не праздновал, себя показал. С этого момента ты взводный. В помощь тебе дам урядника из

"старых".

Из "старых" это хорошо. Значит, человек прошел Гражданскую войну. Взвод не для него, но порядок в подразделении будет.

Тихонов меня отпустил, и я пошел в баню. Надо отмыть пот, грязь и кровь. Выбрался на улицу, посмотрел на чистое звездное небо и вздохнул полной грудью.

— А хорошо мы сегодня красным врезали, — услышал я знакомый голос.

Обернулся. За спиной стоял урядник Федоров.

"Не так давно мы тоже были красными", — хотел сказать я ему, но промолчал.

14.

Москва. 01.11.1941.

Краткая передышка. Рядом никого не было и командующий группы армий "Центр" генерал-полковник Мориц Альбрехт Франц-Фридрих Федор фон Бок, расположившись в старинном кресле, которое солдаты привезли из какого-то советского учреждения, смотрел на карту Москвы и размышлял.

Шел пятый месяц войны. Адольфа Гитлера, вождя нации и главного идеолога Германии, чье имя для фанатичных членов НСДАП стало святым, давно уже нет в живых. Его порванный в клочья труп с почестями захоронили в Берлине. Вместо него Мартин Борман, который больше озабочен внутривластной борьбой, чем положением дел на фронте. Профессиональные военные, наконец-то, получили свободу действий. Им не мешали, и они добились превосходных результатов, которые, тем не менее, многих не устраивали. Часть политиков резко критиковала командующих, среди которых был Федор фон Бок. Однако военные отмалчивались и продолжали делать свое дело. Пусть перед политиками оправдывается начальник Генштаба Франц Гальдер, а им некогда.

Плохие дороги выводили из строя автомобили. Пыль и грязь быстро изнашивали моторы. Не хватало горючего и запчастей. Промышленность не справлялась с заказами военных. Снабжение отставало от нужд армии. Колея советских железных дорог была шире европейских стандартов. Проклятые советские партизаны и диверсионные группы парашютистов взрывали мосты, совершали нападения на автоколонны и пускали под откос железнодорожные эшелоны. Осколки разбитых и окруженных красных армий продолжали сражаться. Фанатизм некоторых русских солдат, в частности молодых комсомольцев, зашкаливал и поражал воображение европейцев. Потери среди немецких солдат, особенно безвозвратные, оказались гораздо больше запланированных. А скоро наступят холода, придет русская зима, которую немецкая армия встретит с нехваткой теплого обмундирования, лекарств и горюче-смазочных материалов.

В общем, проблем, которые препятствовали победе германского оружия, хватало. Однако, несмотря на многочисленные трудности, наступление всех трех групп армий продолжались.

Летом на совещании в Борисове направлением главного удара была выбрана старая русская столица Москва. Следовательно, именно группа армий "Центр" должна получать большую часть резервов и сил. Это логично и для начала группа армий "Север", которая наступала на Ленинград, передала под командование фон Бока 39-й танковый корпус генерала Рудольфа Шмидта и 16-ю армию. После чего группа армий "Центр" перешла к решительному наступлению.

Стремительным ударом усиленный дополнительными моторизованными соединениями

39-й танковый корпус прорвал оборону советских войск и вышел на трассу Москва-Ленинград, передал захваченные позиции пехотным дивизиям и повернул на юго-восток. Одновременно с этим 3-я танковая группа (армия) Гота ударила на Ржев, захватила его и, разделившись, взяла в кольцо несколько советских армий, а 2-я танковая группа (армия) Гудериана двинулась на Брянск и Калугу. Бронированные кулаки Вермахта не подвели фон Бока. Поддержанные авиацией "ролики" Гота и Гудериана катились на восток, а 4-я, 9-я и 16-я армия двигались за ними следом, давили сопротивление попавших в окружение советских войск, брали под контроль территорию и занимали новые города.

Красная армия терпела одно поражение за другим. Несмотря на беспримерный героизм красноармейцев, вооруженные силы СССР отступали и в окружение попадали даже не корпуса, а целые армии. Они оказались не готовы к большой войне и на это имелись объективные причины. Во время кадровых чисток офицерского состава РККА потерял немало достойных офицеров с боевым опытом. Часть из них, действительно, могла устроить против "вождя народов" заговор и их следовало устранить. Но таких было немного, и часто страдали невинные люди. Но даже не это главное. Дело в другом. А именно в психологическом моменте. Запуганный сотрудниками НКВД командный состав Красной армии начал бояться проявлять инициативу. Она стала предвестником беды, и это сказывалось на всем. Лишенный возможности проявлять себя командир превратился в винтик огромной военной машины и опасался высказывать собственное мнение. Для многих советских генералов оказалось проще бросить в пекло механизированный корпус и погубить его, чем вступить в спор с сотрудником НКВД, политруком или представителем Ставки. Отсюда неповоротливость. Отсюда огромнейшие потери. Отсюда перебежчики. Отсюда поражения сорок первого года. Отсюда потеря веры в своего лидера.

Конечно же, Сталин все понимал. Вождь страны Советов не был глупым человеком, раз смог столько лет удерживаться на вершине властной пирамиды, создать огромную армию и провести модернизацию промышленности. Но отыграть ситуацию он не мог. По крайней мере, не сразу, не в один момент. На пересмотр собственной политики ему требовалось время, а как раз его-то немцы товарищу Сталину и не давали. Они наносили один удар за другим, и Ставка Верховного Главнокомандующего, пытаясь задержать наступление противника, кидала навстречу захватчикам слабо обученные армии, корпуса, дивизии и бригады.

В начале сентября образовалось несколько "котлов". Самые крупные в зоне ответственности группы армий "Центр" Ржевский и Ельнинско-Вяземский. Пехотные части немцев сжимали вокруг обреченных советских армий кольца, а танковые и моторизованные дивизии группы армий "Центр" готовились к новому рывку. Они ждали команду "фас" и десятого сентября фон Бок ее дал.

Вновь стремительный рывок танков и мотопехоты под прикрытием лучших асов Геринга. Были заняты Калинин, Можайск и Калуга. Немцы приближались к Москве с трех направлений, и Сталин бросил в бой армии Резервного фронта, которые усилили Брянский фронт под командованием Тимошенко.

В период с 20-го по 22-е сентября произошла грандиозная битва. Однако Гудериан оказался сильнее Тимошенко. Вновь Красная армия потерпела поражение, и в Кремле прошло экстренное совещание Ставки, на котором было принято решение об эвакуации правительства в Куйбышев. Планировалось сделать это организованно, не поднимая панику среди населения и войск Московского гарнизона. Однако эвакуация очень быстро

превратилась в драп. Жители четырехмиллионной Москвы узнали о бегстве правительства и в охваченной хаосом столице начались бунты, для подавления которых пришлось ввести в город дополнительные войска. Кстати, те самые войска, которые были нужны на передовой.

Правительство эвакуировалось. В Москве был введен комендантский час, и центр города снова оказался под контролем советских управленцев и коменданта. После чего многие жители были отправлены на рытье рвов и окопов. Особо ценных специалистов поставили в очередь на эвакуацию. Началось формирование отрядов истребителей танков и ополчения. Ну и, само собой, производился демонтаж заводского оборудования, которое отправлялось на Урал. Советский Союз не собирался так быстро сдаваться. Еще имелись людские ресурсы, за Москвой простирались огромные территории, и Сталину была обещана помощь союзников по Антигерманской коалиции. Пусть проиграны первые сражения, но не проиграна война. Только бы остановить немцев, только бы задержать, только бы выиграть время, которое можно использовать для формирования новых армий и переброски заводов на восток. А потом все изменится, германцы выдохнутся, и Красная армия перейдет в контрнаступление. Так считал Сталин, и члены советского правительства его, разумеется, поддерживали.

Немцы, в самом деле, выдохлись. Однако перед ними была Москва, и они верили, что захватив ее, Вермахт сломит сопротивление упрямых русских. Нужен еще один удар, один рывок и конец войне. Поэтому они рвались к вожделенной цели и 30-го сентября, захватив Волоколамск, передовые части 8-й танковой дивизии ворвались на окраину Москвы. Но германским солдатам не хватило сил. Они были задержаны сводными отрядами ополченцев, а затем отброшены регулярными частями Красной армии.

С этого дня начался отсчет битвы за столицу СССР. По сведениям разведки советская армия имела в Москве пару сводных дивизий, которые состояли из бойцов НКВД, милиционеров и ополченцев. Только протяни руку и город, подобно спелому яблоку, сам упадет тебе в ладонь. И Федор фон Бок оказался перед выбором. Можно потерять еще несколько дней, возможно, пару недель, и нанести фланговые удары моторизованными соединениями, которые замкнут вокруг Москвы кольцо окружения. А можно кинуть в лобовую атаку несколько дивизий и взять город за три дня. Что выбрать? Решение было за фон Бок, и он совершил ошибку. Вся Германия смотрела на него. Радиостанции передавали сообщения о захвате очередной вражеской столицы. Политики и общественные организации присылали ему поздравительные телеграммы. От него требовали, как можно скорее занять Москву, и он поддался. Даже такой волевой человек, профессиональный военный, не мог не учитывать мнение лидеров государства и общественности. Поэтому основной удар был нанесен в лоб, со стороны Волоколамска, а на других участках фронта германские войска продолжали теснить полевые части Красной армии.

В авангарде наспех собранной ударной группировки была 8-я танковая дивизия в составе 10-го танкового полка, 67-го танкового батальона, 8-й стрелковой бригады, 80-го артиллерийского полка и 59-го разведывательного батальона. Дивизия боевая, с опытом боев в Польше, Франции и Югославии. За ней шли 19-я танковая, 161-я пехотная и 14-я моторизованная дивизии. А в третьем эшелоне еще две пехотные дивизии и 900-я моторизованная бригада. Больше у фон Бока в резерве ничего не оказалось, но он посчитал, что этих сил будет достаточно.

Немцы ударили и практически сразу закрепились на окраинах Москвы. Авиация и артиллерия обрушили на советские войска, которые закрепились в жилых кварталах, бомбы

и снаряды. А хорошо обученная немецкая пехота, которая шла под прикрытием танков и бронетранспортеров, рвалась к центру города. Однако прошел день. За ним другой. А дальше пригородов продвинуться не удалось. Русские сопротивлялись отчаянно и тоже бросали в мясорубку новые резервы. А когда они не могли удержаться и были вынуждены отступить, коммунисты спускались в метро и взрывали за собой все, что только можно, и ничего не жалели.

Битва за Москву шла без остановок и перерывов, днем и ночью. Никого из генералов, что германских, что советских, не волновали оказавшиеся под огнем гражданские люди и памятники архитектуры. Кругом взрывы и пожары, множество убитых и еще больше раненых. Ожесточение обеих сторон нарастало, и вскоре они перестали брать пленных. В небе ежедневно происходили воздушные сражения и вниз летели сбитые самолеты. Потери никто не считал и дивизии, которые входили в город с разных концов, растворялись в нем и исчезали.

Остатки 8-й танковой дивизии пришлось вывести из объятаго огнем города на шестой день боев. Не считая артиллеристов и служб снабжения, которые находились в тылу, в ней осталось триста сорок пять солдат и семь офицеров. Остальные, включая командира дивизии, погибли или находились в госпиталях. Вслед за ней из Москвы вывели 19-ю танковую и 14-ю моторизованную дивизии. Однако на смену им пришли другие соединения Вермахта, которые ворвались в город по Рублевскому и Можайскому шоссе.

Наступление продолжалось. Немецкие войска, которые были более маневренны, чем Красная армия, завязли в городских боях. Отступить уже нельзя — этого никто не поймет, ни солдаты, ни Берлин. Фон Бок это понимал и постоянно жалел, что не решился на фланговый охват Москвы. Но этого уже не исправить. Красная армия укрепила свои позиции на севере и юге от столицы. Их прорыв может обойтись еще дороже, чем штурм Москвы и фон Бок продолжал давить.

Немцы превосходили советские войска по авиации, артиллерии и танкам. Это сказывалось и, наконец, произошло то, чего так давно ждали в Берлине. Немецкие солдаты ворвались на Красную площадь и водрузили флаги Третьего Рейха на развалинах Кремля. Однако фон Бока это не радовало. Потери его войск только в битве за Москву перевалили за пятьдесят тысяч убитыми и в полтора раза больше ранеными. В тыл выведены семь обескровленных дивизий, еще девять находятся в самом городе, а русские продолжают контролировать треть Москвы. Битва не окончена, она в самом разгаре, а резервы практически исчерпаны. Вскоре эйфория от захвата Кремля спадет и командующему группы армий "Центр" придется оправдываться перед Генштабом и правительством за похоронки.

Вот о чем думал Федор фон Бок, оставшись в одиночестве, и он решил, что необходимо в очередной раз попросить у Генерального штаба подкреплений. Пусть даже за счет своих соседей. Группа армий "Юг" под командованием Герда фон Рундштедта, скорее всего, ничего не даст, так как удачно завершила ликвидацию нескольких котлов и очень хорошо продвигается по Украине. А вот группа армий "Север" под командованием Вильгельма Риттера фон Лееба, которая так и не проломила оборону Красной армии под Ленинградом и с огромным трудом медленно движется вперед, могла бы временно остановиться и выделить ему еще пару дивизий. Да и вообще, где поддержка русских, которые готовы сражаться против большевиков? Где этот самый генерал Трухин, который хотел биться против кровавого тирана Сталина? Где белоэмигранты, украинские, белорусские и прибалтийские националисты? Пора бы уже им сделать свой вклад в общее дело борьбы с большевиками. И

этот вопрос следовало в очередной раз поднять. Слишком много пролито немецкой крови, а до победы еще далеко.

15.

Могилев. 29.11.1941.

Поиском и поимкой оставшихся советских десантников из отряда "Белорусский патриот" занималась полиция, местные жители и добровольцы из русских военнопленных. А 102-й Донской казачий полк прибыл в Могилев, служба покатила своим чередом, и за минувший месяц произошло несколько событий, о которых стоило бы рассказать.

30 октября состоялись похороны казаков, которые погибли в бою с советскими десанниками. Наши первые потери, друзья и товарищи. Ровно в десять часов утра полк был построен на плацу, и помимо казаков собралось много местных жителей, которые встали за спинами воинов. На плац вынесли украшенные цветами и венками закрытые гробы, а затем к ним вышел старейший казак полка, пятидесятилетний Кузьма Никифорович Белогрудов. Он человек уважаемый, рожак станицы Каргальская, потерял в подвалах НКВД двух братьев и четырех сыновей, двенадцать лет провел в лагерях и не сломался. Железный казачина. И он, молча, положил на каждый гроб казачью папаху, поклонился павшим и встал под знамя.

На плацу воцарилась тишина и только еле слышно всхлипывали бабы. Казаки ждали слов командира. Он должен был произнести речь, и Кононов высказался:

"Родные казаки! Друзья-соотечественники! Перед нами лежат в гробах 29 героев, наших родных братьев. Они отдали свои молодые жизни в борьбе за светлое будущее нашей Родины. Мы должны, мы обязаны продолжать борьбу, несмотря ни на какие жертвы, до окончательной победы над красным спрутом. Наша борьба не из легких и немало будет пролито нашей крови, немало мы еще потеряем на бранном поле наших боевых друзей, пока знамя действительной свободы взвьется над просторами нашей Отчизны. Мы глубоко и твердо уверены, что рано или поздно это будет так!

Многие государства и народы, не зная коммунизма, протянули сейчас ему, в лице Сталина, руку помощи, но настанет час и им придется узнать, что предстанет из себя этот изверг человечества. Не дай Бог, чтобы это было слишком поздно! Коммунистические заправилы и их подпевалы орут на весь мир, что мы — казаки, изменники Родины, наемники Германии. Вот здесь стоят рядом с вами вчерашние красноармейцы и командиры Красной армии, еще вчера их заставляли защищать кровавый сталинский строй, а сегодня, как только представилась возможность, они с нами. Пусть у них спросят симпатии коммунистической системы, что такое коммунизм? Казаки никогда не продавались, не продаются, и не будут продаваться, чтобы служить против интересов своей Родины, а тот, кто попытается купить казаков с этой целью — несчастен будет. Мы друзья всем тем, кто только поможет нашим народам освободиться от коммунизма. Правда, у некоторых "гастрономов" появился большой аппетит покорить эти народы, превратить дорогую нам Родину в свою колонию. Таким "гастрономам" мы скажем: господа, смотрите как бы не подавиться. Помните, что Россия — не Польша и не Чехословакия. Мы организуемся для кровавой борьбы не для того, чтобы из одного ярма влезть в другое.

Мои друзья! Наш путь один — жизнь или смерть.

Так лучше погибнуть в открытом бою против палача Сталина, чем в подвалах или лагерях НКВД. Наша победа безусловно будет зависеть от поведения немцев в отношении нашего измученного народа, а пока есть время и помощь Германии как союзника все на

борьбу с коммунистической диктатурой Сталина!

Вечная память нашим павшим, боевым друзьям! Их подвиг — это показатель решимости всего нашего народа и, прежде всего, казаков, авангарда наших народов в борьбе с коммунизмом, до полной победы над ним!

Слава светлому будущему нашей необъятной Отчизны!"

Когда командир замолчал, бабы заплакали навзрыд, а казаки взяли гробы на плечи и понесли на кладбище. Заиграл оркестр, и сотни двинулись за похоронной процессией. На кладбище уже ждал священник, который отпел покойников, гробы опустили в могилы, и был дан прощальный салют. Каждый кинул в могилу по три горсти земли, павших казаков зарыли и мы вернулись в казармы...

Спустя два дня пластунские сотни, 4-я и 5-я, разделившись по взводам, были отправлены на охрану поселков и дорог севернее Могилева. В лесах еще бродили заблудившиеся красноармейцы и появились партизаны. Местные полицаи боялись заходить в дебри, и попросили о помощи. Кононов не отказал и три недели я провел в глуши. Взвод меня, как командира, принял, а старый урядник Михаил Петрович Савельев, которого прислал в помощь сотник Тихонов, оказался суровым и грамотным казаком, у которого я постоянно чему-то учился. Он и обычаи казачьи растолкует, и казаков, если кто зарвался, одернет, и с сельскими старостами легко договорится. Скажу как есть — у меня с местными отношения как-то не сложились. Есть приказ, и я его выполнял, жестко и четко. Положено выделить нам харчи и дома для постоя — дай! А староста начинает юлить, крутить и вертеть, да свою выгоду искать. Вот как такому человеку по морде не смазать. А ударил, испортил отношения. И когда я чувствовал, что начинаю закипать и скоро сорвусь, звал Петровича, и он все решал.

Три недели пролетели быстро. За это время мой взвод посетил пять деревень, поймал двадцать шесть окруженцев, которые шастали по лесам, и еще тридцать отпустил по просьбе местных жителей. А что вы хотите? Рабочих рук в селах мало, а вдовушек, готовых пригреть справногo мужика, много. Надо идти навстречу народу, и он отнесется к тебе с теплотой — очередная мудрость от урядника Савельева.

Так же мы собрали почти четыреста единиц стрелкового оружия, в том числе девять пулеметов, и много боеприпасов. Немцам сдали только двести стволов. Еще сотню оставили местным жителям, а остальные, включая пулеметы и боеприпасы, отправили в полк. Серьезных боевых стычек не было, хотя пострелять пришлось. Потерь нет. И можно сказать, что мы были на отдыхе.

Вернувшись в полк, я отправился к Вере. Соскучился по ней. Однако меня ожидал неприятный сюрприз. Вера уехала. Куда — неизвестно. Соседки сказали, что у нее появился новый ухажер, русский белоэмигрант из гражданских. Он несколько раз заходил к ней и оставался на ночь, а потом приехал на машине и Вера, собрав пожитки, умчалась с ним. Ну и как на это реагировать? Опыта в подобных делах у меня немного и, пожав плечами, я постарался забыть о ее существовании. Мы встретились случайно, и вместе нам было хорошо, но ничего серьезного не планировалось. Хотя, конечно, она могла бы хоть записку оставить.

Да что я о своем? Моя личная жизнь никого по большому счету не интересует, и я возвращаюсь к событиям полка.

Пока пластуны бродили по лесам, произошли некоторые изменения. Кононов в очередной раз проехался по лагерям военнопленных и привез еще восемьсот человек. После

чего приступил к реорганизации и к полку, численность которого перевалила за две с половиной тысячи бойцов, добавился моторизованный батальон. Техника в нем советская, грузовики-полуторки, броневики и даже несколько танков БТ-7. День ото дня мы становились сильнее и это хорошо, ибо нас собирались отправить поближе к фронту.

Немцы все-таки захватили Москву. Но заплатили за это огромную цену. Я сам свидетель того, как на запад один за другим шли санитарные эшелоны с ранеными. Их было много и, если верить слухам и Совинформбюро, в московской мясорубке германцы потеряли десять дивизий, много танков и самолетов. Но самое главное — больше ста тысяч солдат только убитыми. А Советский Союз, несмотря на ряд поражений и потерю столицы, продолжал сопротивляться. Для немецких военачальников это стало неприятным сюрпризом, и они в очередной раз вспомнили про инациональные формирования. Наш полк, благодаря прикрытию со стороны генерала Шенкендорфа, пока не трогали. А все остальные части и соединения, отдельные батальоны и роты, стали переподчиняться РОА и тут я вспомнил слова Ивана Сергеевича, что мы все равно встретимся и окажемся в одной структуре. Видимо, он прав. Еще какое-то время 102-й Донской казачий полк будем сам по себе, а потом придется встать под знамена генерала Трухина.

В конце ноября в расположение полка прибыли белоэмигранты, полтора десятка опытных офицеров. Возглавлял группу майор Александр Николаевич Пуговкин, в прошлом полковник царской армии, и Кононов сразу сделал его своим заместителем. Белоэмигранты из Югославии и добирались долго, потому что сначала посетили Берлин и штаб Казачьих Формирований РОА. Но все-таки они добрались и привезли с собой подарки. Кононову кубанскую пашку с гравировкой: "Герою-казаку майору Кононову И. Н. от казаков-эмигрантов в Югославии"; и личное письмо от кубанского атамана Вячеслава Григорьевича Науменко. А личному составу полка образ Божьей Матери, наказ о боевой дружбе русских белоэмигрантов и вчерашних красноармейцев, а так же газеты и письмо от атамана Краснова, которое было зачитано перед казаками на утреннем построении:

"Сыны Тихого Дона, Вольной Кубани, Бурного Терека и других наших земель вновь поднялись, чтобы отстоять исконную казачью свободу. Примите мой казачий сердечный привет. Мы все радуемся вашим ратным успехам в боевых делах с красным чертополохом. Вы, Иван Никитич, как мне известно, со своим полком стоите на истинной дороге. Искренне желаю успеха в таком чистом и светлом деле. Помните, мы, старые казаки, всегда с вами и готовы оказать по нашим возможностям и силам, помощь и поддержку. Знаю, что Вам сейчас особенно трудно двигать поднятое Вами дело. Но, как известно, без большого труда большие дела не делаются"...

Как мне думается, после внимания, которое к нему проявили старые царские вояки, Кононов многое переосмыслил. И если раньше он всячески оттягивал объединение с РОА, от которого не видел пользы, теперь командир полка сам этого хотел. И вскоре, после консультаций с генералом Шенкендорфом, 102-й Донской казачий полк стал готовиться к вхождению в состав Русской Освободительной Армии. В это же время появились офицеры связи из штаба Трухина, среди которых я увидел знакомую личность, Ивана Сергеевича, преподавателя школы урядников, который был в чине полковника и представлялся как Семенов. Скорее всего, фамилия не настоящая. Но мне какое дело? Позовет, пообщаемся, а нет, так и не надо.

Иван Семенович про меня все-таки не забыл, и мы встретились в штабе полка. Он офицер, а я урядник. Поговорили о командире полка, и я был честен. Кононов боевой

офицер и патриот России, волевой и смелый, пробивной и хваткий. На этом беседа окончилась и Семенов меня больше не задерживал. Сказал напоследок, что мой родственник есаул Погиба передает привет, и мы расстались.

Полк готовился к маршу. Все чувствовали, что нас вот-вот сдернут с насиженного места. Возможно, отправят под Киев, где было решено создать большой учебно-тренировочный лагерь для русских добровольцев. Или сразу на фронт. Слухов было много. Однако все мы ошибались.

Тревога прозвучала неожиданно, посреди ночи, и было объявлено, что полк выдвигается в сторону Гомеля. Там появился советский кавалерийский корпус Белова, который прорвался через линию фронта и вышел на тыловые коммуникации немцев. Остановить его предстояло нам, и полк Кононова в очередной раз покинул пункт постоянной дислокации.

16.

Добрушский район. 07.12.1941.

— Погиба, ты слышишь меня?!

Голос сотника Тихонова в динамике радиостанции звучал глухо, но вполне разборчиво, и я ответил:

— Слышу, господин сотник.

— Как у тебя дела?

— Все спокойно. Хутор занял. Противника не видно и не слышно.

— Плохо.

— Что плохо? Не понял. Повторите.

— Плохо, что красных не видно. Они рядом, так очередной перебежчик сообщил, только что прибил. И они приближаются к тебе. Как понял, Погиба?

— Вас понял, господин сотник. Каковы силы противника и когда его ждать?

— Все, кто не сдался. Идут с танками.

— Жду ваших приказаний.

— Держи хутор и дорогу. Не отступай. Вцепись в хутор и дорогу. Дерись, сколько сможешь. Если выпустим красных из колечка, еще месяц за ними будем гоняться. Бейся, Андрюха. Через час мы будем у тебя.

— Слушаюсь, господин сотник. Держать хутор и дорогу.

— Бог в помощь, Андрей! Мы уже выдвинулись! Идем к тебе!

— Приказ ясен. Конец связи!

Передав микрофон побледневшему радисту, который слышал мой разговор с сотником, я сказал ему:

— Радиостанцию спрячь в подвал. Если есть какая-то книжка с позывными и нашими частотами, сожги. Потом бери автомат и занимай оборону.

— Где занимать... — прошептал он.

— В подвале, мать твою.

— Как скажете, господин урядник.

— Не раскисай, связь, у тебя шансов уцелеть больше всего, — я хлопнул его по плечу, подхватил верный ППД и выскочил во двор.

Меня сразу обдало холодом. Начало зимы — уже чувствуется легкий мороз и с темных небес срываются первые хлопья снега. Но пока терпимо, тем более в моем взводе все имеют полушубки и теплую обувь.

Во дворе стояли казаки моего взвода, несколько полицаев и мужики-возницы. На построения и прочую строевую муру нет времени. Поэтому я сразу объяснил ситуацию:

— Противник идет на прорыв. Через нас идет, если кто не понял. Необходимо выиграть время — один час. Все ясно, казаки?

Отозвалось несколько человек:

— Да.

— Пусть идут, встретим.

— Кровью умоются, раз не захотели сдаваться.

— Выстоим. Час простоять не сложно.

Краткая пауза и вопрос урядника Савельева:

— Что сотник приказал?

— Держаться. Наши братья уже в пути.

Старый урядник кивнул, а я начал отдавать приказы:

— Кирюхин, бери свое отделение и на дорогу. Садись в лесу. С собой бери один ручной пулемет. Как только мы начнем, ты нас поддержишь. Если сильно прижмут — отходи в лес.

Младший урядник Кирюхин кряжистый степенный дядька родом откуда-то из-под Воронежа, кивнул и повел своих казаков в лес, а я посмотрел на командира 2-го отделения приказного Кувикова:

— Игнат, ты с остальными пулеметами на окраине хутора. Стволы на север. Огонь открывать только после нас.

— Мне бы гранат побольше, — сказал Кувиков, донской казак из Сальских степей. — А то ведь подойдут красные вплотную, и отбиться будет нечем.

— Нет лишних гранат, Игнат. Ты сам все знаешь. Нет.

Кувиков поморщился, собрал отделение и вместе с пулеметчиками пошел занимать позицию. Осталось 3-е отделение, полицаи и мы с Савельевым. Нам самое сложное — расположиться в неглубоком извилистом овраге между хутором и дорогой, встретить противника и, по возможности, выбить танки. Казаки бойцы опытные — не побегут, а вот полицаи сдернут сразу, как только начнет припекать. Ну и ладно. Если отвлекут на себя противника, уже хорошо.

Спустя десять минут взвод занял оборону. От позиций Кирюхина, который спрятался в чащобе, до окраины хутора, который прикрыт пулеметами и бойцами Кувикова, примерно триста пятьдесят метров. Левый фланг (хутор) выдается вперед, он ближе к противнику, но в стороне от дороги. А центр (придорожный овраг) и правый фланг (лес) почти на одной линии, между нами слегка присыпанная снегом грунтовая дорога. С северной стороны небольшое поле и лес, из которого выходит дорога. За спиной снова поле и лес. Обойти нас сложно. Пехота по лесу еще как-то пройдет, а вот кавалерия с трудом, не говоря уже про танки, которые генерал Белов еще сохранил. Противник рядом, слышен рев моторов, но пока никого не видно. В запасе есть немного времени, и я задумался...

Советские войска потеряли Москву и продолжали отступать. Не так стремительно, как летом и осенью, но пятились. И Ставка Верховного Главнокомандующего, дабы отвлечь немцев и ослабить их натиск, решила провести ряд отвлекающих ударов. В тыл к немцам были выброшены авиадесанты. Часть уничтожена, но далеко не все и эти подразделения, соединившись с партизанами и окруженцами, начали рельсовую войну. Диверсанты пускали под откос немецкие эшелоны и взрывали мосты. А помимо того отстреливали полицаев и нападали на германских тыловиков. Эти действия имели успех и, конечно, тормозили

немцев. Против партизан и десантников выслались охранные подразделения, егеря и восточные добровольцы. Германское командование было вынуждено тратить силы и ресурсы, а советским военачальникам только это и нужно.

Однако десанты были началом. Вслед за ними, прорвав оборону немцев, по тылам германцев пошли гулять сразу два кавалерийских корпуса. На юге геройствовал какой-то Доватор. А против группы армий "Центр" действовал генерал Белов. Несмотря на катастрофическую нехватку техники и вооружения, его корпус снарядили и обеспечили всем необходимым, включая 76-мм орудия и танки Т-34. Да-да, все верно, у Белова были танки, и его войско стало не просто кавалерийским корпусом, а КМГ — конно-механизированной группой. Правда, танков у него немного, всего одна рота, но зато машины новые, а экипажи из опытных ветеранов, которые выжили в пекле летних боев.

Корпус Белова прорвал оборону немцев к северу от Москвы и, не задерживаясь, двинулся в сторону Белоруссии. Немцы ничего подобного не ожидали, и когда рейдовая группа советских войск оторвалась от преследователей, она приступила к выполнению главной цели.

Красным кавалеристам сопутствовал успех. Они врываются в села и города, атакуют германских тыловиков, пополняются за счет местных жителей, расстреливали из орудий эшелоны и были подобны урагану. Немцы не могли за ними угнаться, а КМГ шла по местам, где практически нет дорог, в очередной раз уходила от погони и наносила новый удар. Сколько германцев покروшили беловцы и сколько уничтожили техники, я не знал. Это не мой уровень. Однако немцев они разозлили сильно, и когда корпус красной кавалерии ворвался в Белоруссию, генерал Шенкендорф бросил против него все, что имел под рукой. В том числе и 102-й Донской казачий полк.

От немцев советская КМГ увернулась, хоть и с потерями, а от нас нет. После двух небольших стычек мы загнали беловцев в лес на окраине Добрушского района Гомельской области, обложили красноармейцев со всех сторон и майор Кононов обратился к нашим соотечественникам с предложением сдаться:

"Дорогие братья кавалерийского корпуса генерала Белова! Вы в течение нескольких недель бродите по лесам и по приказу Сталина жжете убогие русские села и города, насильно уводите население с собой для пополнения своих рядов. Вы огнем и мечом хотите заставить население защищать кровавую власть Сталина. Вы посмотрите, как радостно и охотно крестьяне и рабочие восстанавливают свои дома, усадьбы, сажают сады, разводят птицу и скот. Открыты церкви и школы. Каждый очень рад, что избавился от колхозной кабалы и коммунистического террора. Я уверен, что многие из вас были в тюрьмах и подвалах НКВД, многие потеряли своих близких и родительский дом. Так во имя чего нам защищать советскую власть? Мы, казаки, и не казаки, сейчас объединились в отряды, и в будущем создадим армию освобождения нашей Родины от большевизма. Наша программа борьбы:

1. Свержение советской власти и отмена колхозного строя. Восстановление на нашей Родине действительного порядка, отражающего интересы всех национальностей, населяющих просторы России.

2. Свобода слова, печати, вероисповедания. Свобода в приобретении собственности, свобода на труд и приобретение профессии.

Мы не наемники Гитлера, как кричит о нас сталинская пропаганда, мы такие же сыны России, как все вы. Мы обратились к немцам с просьбой помочь нам оружием, чтобы

свергнуть советскую власть и восстановить на нашей Родине порядок и свободу. Вы сами знаете, что свергнуть советский усовершенствованный аппарат насилия без помощи иностранного государства совершенно невозможно. Сейчас пришел момент покончить с коммунизмом, этот момент нужно использовать; другой возможности у нас нет. Но это не значит, что мы отдадим себя в кабалу немцам. Мы выступаем как равный с равным. Понятно, за все услуги немцев мы должны будем уплатить, ибо в мире ничто не делается даром.

Чем скорее мы объединимся, тем лучше. Нас будет много, а, следовательно, у нас будет сила. А раз сила — с нами будут считаться, как с силой. Тогда мы, безусловно, победим.

Мы не хотим, чтобы вы умирали во имя чуждых вам коммунистических идей! Вы уже увидели прелести диктатуры большевизма: наша страна убогая, холодная, голодная; вся покрыта тюрьмами и концлагерями; миллионы наших людей погибли и погибают от руки кровавого Сталина. Мы не хотим больше крови, мы не собираемся мстить кому бы то ни было, даже энкаведистам, если они бросят свои преступные действия. Довольно крови! Да восторжествует свобода! Мы с вами — мученики и жертвы большевизма! Мы хотим и достойны лучшей жизни.

Вы все окружены. Чтобы не было ненужной крови, переходите к нам, с этими листовками и без них, поодиночке и группами, с оружием и без оружия!

Вы найдете у нас родной и братский прием. Если вы попадете к немцам, всех вас они будут направлять к нам, к казакам. У нас есть с ними об этом договор.

Ждем вас. До встречи!

Командир 102-го Донского казачьего полка майор Кононов.

(Бывший командир 436-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии Красной армии)"

Немцы не верили, что от разбросанных с самолетов и оставленных на пути красной кавалерии листовок будет толк. Однако результат превзошел все ожидания. Корпус Белова понес серьезные потери, был сильно разбавлен насильно мобилизованными людьми, а кадровые вояки устали. Поэтому уже на следующий день пришли первые перебежчики, несколько командиров во главе с батальонным комиссаром Кочетовым и с ними почти сорок бойцов. Я был среди тех, кто их встречал и хорошо запомнил, что говорил батальонный комиссар перед казаками и Кононовым:

"Товарищи! Мы уже много времени бродим по лесам. Мы давно уже в душе были разочарованы политикой Сталина. Но мы боялись сдаваться немцам. Вчера немецкие самолеты сбросили листовки, подписанные Кононовым. Вот они. Я и мои бойцы прочли их и ни слова никому не говоря в душе решили перестать проливать кровь за чуждые нам интересы Сталина. Обращение ваше, товарищ майор, на нас глубоко подействовало. Каждый из нас был настроен, как можно быстрее все бросить и уйти к вам. Вчера вечером я из политотдела корпуса получил радиogramму. Вот вам ее текст:

"Эмигрант-белогвардеец, ушедший в 1920 году за границу, майор Кононов, написал к корпусу обращение. Эти листовки собрать, сжечь и разъяснить людям, что это провокация. Наше дело справедливое, мы под руководством партии Ленина-Сталина победим. Всех лиц, морально неустойчивых, изолировать или взять под наблюдение. О политическом настроении людей доносить в политотдел корпуса через каждые шесть часов".

Я с командиром дивизиона поняли уже давно, что дело Сталина не защищает интересов русского народа, но не было подходящего момента, чтобы уйти. И вот мы сегодня пришли к

вам не как пленники, а как ваши братья. Если вы, казаки, поступите с нами так, как написано в листовках майора Кононова, уверяю вас, Сталин скоро будет разбит. А теперь мы готовы идти с вами вместе!"

Перебежчиков отправили в тыл, а вскоре за ними последовали другие. Красноармейцы выходили постоянно, поодиночке и целыми отрядами, часто без оружия, которое они бросили в лесу или закопали. За два дня кавалерийский корпус Белова потерял от дезертирства половину личного состава, и красный генерал решил пройти на прорыв. Он рванулся в одну сторону, а там немцы. Метнулся в другую, а там казачий моторизованный батальон. После чего он снова затаился в чащобах, и мы стали смыкать кольцо. Сил у нас вроде бы много, но и территория немаленькая. Многие хутора и поселки отсутствовали на картах, а большинство дорог летники. В сезон они есть, а по зиме заброшены и засыпаны листвой, ветками и прочим мусором. Поэтому нам приходилось расплывать силы, и мой взвод был отправлен на один из безымянных хуторов, о котором прикомандированные к казакам гомельские полицаи ничего не знали. Сказал проводник — есть хутор и дорога на юг, но он там давно не был. Следовало проверить информацию. Для этого выделили нашу 4-ю пластунскую сотню, и мой взвод пошел в авангарде.

До хутора добрались быстро, благо, есть две телеги, и проводник не обманул. Обнаружили, что местных жителей давно нет, судя по всему, ушли три-четыре месяца назад, и я собрался доложить о результатах Тихонову. Временно приданный взводу связист развернул радиостанцию, вышел на связь с сотней и тут такие известия. Приказ — держаться, и я собирался его выполнить. Не считая связиста и возниц, которых я отпустил, нас тридцать восемь человек. На вооружении карабины и автоматы, два "максима" и два ручных пулемета Дегтярева, а так же гранаты, которых не так уж и много. Сила у меня под командованием не великая, если сравнивать с остатками идущей на прорыв конно-механизированной группы. Но на подходе сотня, а за ней наша мотопехота и кавалерия...

— Вот они, смотри взводный, — подал голос Савельев и кивнул в сторону леса.

Действительно, на окраине леса показались всадники. Примерно, семьдесят-восемьдесят человек. Они выскочили на опушку, осмотрелись и разделились. Половина рысью направилась через поле к хутору, а остальные двинулись по дороге. Расстояние между нами быстро сокращалось. Двести метров. Сто пятьдесят. Сто. Вот-вот красные кавалеристы нас заметят. Пора открывать огонь.

Посмотрев на три гранаты, две ручных и одну противотанковую, которые заранее выложены из рюкзака на плащ-палатку, я выдохнул, прижал приклад к плечу и отдал команду:

— Огонь!

Первого всадника я срезал легко. Дистанция сократилась до пятидесяти метров. Он был впереди, рослый мужчина в папахе и черной бурке на саврасой лошади. Возможно, командир. Кавалерист остановился и слегка приподнялся на стременах. Понятно, разглядел на дороге наши следы. Но поздно. Очередь прошла по его груди, лошадь дернулась в одну сторону, а он вывалился в другую и рухнул на землю.

Взвод окатил противника свинцом, и всадники попытались уйти обратно под прикрытие леса. Повернув лошадей, они помчались назад, но скрылись немногие, три-четыре человека. Я свалил еще одного красного кавалериста, опустошил магазин и хотел отдать команду прекратить огонь, но опытным пластунам подобные команды не нужны и опять наступила тишина. Относительная, конечно. Вороны летают над лесом. По-прежнему

слышится шум приближающихся моторов. А еще ржут подраненные лошади, и где-то в поле громко стонет раненый красноармеец.

До назначенного сотником срока еще двадцать минут. Продержимся или нет? Успеет Тихонов? Как дальше пойдет бой?

В голове много мыслей и вопросов. Они мне мешали, и я постарался сосредоточиться на том, что есть здесь и сейчас. Чему быть, того не миновать.

Спустя десять минут появились танки. Всего три, но зато Т-34, которые я уже видел в бою. Машины хорошие. Лучше немецких "троек". С недостатками и проблемами, как говорят. Однако нам от этого не легче.

Танки выкатились из леса и, набирая скорость, два лихо устремились к хутору. Третий остался на месте и начал стрелять.

Бум-м! — снаряд попал в один из домов и он начал разваливаться.

Бум-м! Бум-м! — еще два выстрела, на этот раз от танков, которые находились в движении. Попадания в амбары. Метко бьют. Хотя промазать сложно, здание не человек, который сидит в укрытии, и спрятаться не может.

Мы молчим. Ждем.

Боевые машины влетели в хутор, и на мгновение я пожалел, что не оставил Кувикову свои гранаты. Мне они прямо сейчас ни к чему, а ему в самый раз. Но ничего не изменить и бой в самом разгаре.

Пластуны 2-го отделения справились. Они не побежали, не испугались танковой атаки, и закидали одну "тридцатьчетверку" гранатами. Удачно. Танк без пехотной поддержки относительно легкая добыча.

Передовая "тридцатьчетверка" загорелась. Вторая выскочила из хутора и смогла смять пулеметное гнездо. А третий танк дождался пехотинцев, которые оказались спешившимися кавалеристами, и медленно двинулся по дороге.

Мы стали отсекал пехоту, боеприпасов не жалели и противник залег. Танки сами по себе пойти вперед уже не решились и попытались подавить нас огнем.

Выстрел! Взрыв в лесу. Пластунов из отделения Кирюхина вроде бы не задело.

Выстрел! Взрыв на дороге. В овраг залетели дымящиеся комья земли.

Выстрел! В хуторе взрыв. Примерно там, где позиции Кувикова.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Выстрел! Под обстрелом овраг. Попадание! Взрыв совсем рядом и часть склона обвалилась. Завалило двух казаков, а я упал наземь. Неудачно. Рухнул лицом вниз и разбил его в кровь.

Короткая пауза. Это хорошо — мы тянем время.

Стирая с лица кровь, я поднялся и осмотрелся. Полицаи, как я и предполагал, побежали. Не все, а только четверо. Они попытались проскочить в лес, но для этого следовало пробежаться по открытой местности и парням не повезло. Вражеский пулеметчик срезал их, и они остались лежать на дороге.

Противник снова пошел в атаку. Танки поползли вперед, оба нацелились на дорогу, а пехота пошла за ними и попала под пулемет Кувикова. С хутора бил только один "максим" и его поддерживали пять-шесть стрелков. Однако они смогли положить красноармейцев и заставили их вжаться в грунт. А когда пехота попыталась спрятаться за танком с другой стороны, она попала под огонь из леса.

Впрочем, это было отсрочкой и не более того. Врагов становилось все больше. Красные

командиры видели, что мы выдыхаемся и гнали бойцов вперед, а танки снова стали бить по хутору.

Атака. Очередная и, судя по всему, последняя. Час уже давно прошел. Сотник ошибся, помощь не успевает. Или он специально меня подбадривал, чтобы мы не отступили. Плевать! На все плевать! От взвода остались рожки да ножки. Пулемет в хуторе замолчал. Из леса тоже тишина. В овраге на ногах всего шесть казаков. Танки и красноармейцы уже рядом. Т-34 на дороге возле оврага, можно достать его гранатой, и я, совершенно не думая о своей жизни, пополз к нему.

Противотанковая граната в руках. Долой чеку. Приподнялся. Бросок. Упал. Взрыв гранаты сбил "тридцатьчетверке" гусеницу. Она закрутилась на месте, а я начал скатываться обратно в укрытие.

Не успел. Что-то ударило меня в голову и, теряя сознание, я покатился в овраг.

17.

Гомель. 09–17.12.1941.

Когда я очнулся, то обнаружил, что нахожусь в больничной палате. Четыре койки. Три пустых и на одной лежу я. Руки-ноги шевелились. Тело чувствовал. А вот голова болела и была обмотана бинтом. В горле сухость.

— Кто-нибудь... — еле слышно произнес я. — Подойдите...

В палату вошла медсестра, пожилая женщина в сером халате и косынке. Она склонилась надо мной и спросила:

— Очнулся, милоч?

— Да...

— Как себя чувствуешь?

— Не очень... Что со мной?

— Тебя смерть коснулась. Пуля вдоль черепа прошла. По самому краешку. Думали, ты уже не выкарабкаешься, в беспямятстве был. Но доктор сказал, что надо немного подождать. Организм молодой и крепкий, а значит шансы, что ты в себя придешь, имеются.

— А где я?

— В Гомеле. Это госпиталь. Тебя вчера привезли. Имя и фамилию помнишь?

— Андрей... Погиба...

— Память не отшибло, хорошо.

— Воды...

— Сейчас, милоч, погоди.

Медсестра принесла кружку теплой кипяченой вода. Я напился. Меня стало клонить в сон, и я отключился.

После сна, который пошел организму на пользу, меня навестил врач. Русский. Звали Борис Гаврилович. Фамилия — Сидоров. Специалист хороший и он, осмотрев меня, сказал, что я везунчик. А потом добавил, что мне нужен покой. Хотя бы неделю должен соблюдать режим и поменьше вставать. Он меня понаблюдает и, если не заметит каких-то ухудшений, выпишет. После чего я смогу вернуться в полк, который продолжал зачищать леса вокруг Гомеля.

От меня ничего не зависело. Поэтому я не спорил, смирился и выполнял все указания врача. Прошел день и у меня появились соседи, белорус и русский. Госпиталь хоть и для немцев, но восточных добровольцев тоже принимали, а медицинский состав смешанный.

Исключений не было, отношение ко всем одинаковое, и мне это, конечно же, понравилось.

Так вот, о соседях.

Белорус оказался местным полицаем, глава районного отделения Яков Федорчук. Его подкараулил и подстрелил лесной снайпер. Сквозное ранение плеча. Мужик угрюмый и нелюдимый, разговаривать не любил и на вопросы отвечал нехотя, сквозь зубы. Судя по блатным татуировкам, в недавнем прошлом тюремный сиделец. Мне с ним разговаривать было не о чем.

А вот с русским общий язык нашли быстро. Василий Ростовцев, из эмигрантов молодой, на пару лет старше меня, родился за границей и проживал в Германии. Состоял в русской националистической партии, пару раз нелегально переходил границу и жил в России, а сразу после начала войны отправился помогать немцам. Попал в подразделение специального назначения "Седая голова" и под видом окруженца был заброшен к партизанам. Все разведал, узнал, где базы лесных вояк, и навел на нее казаков Кононова. Операция прошла удачно, но рядом взорвалась мина, и он схлопотал пару осколков. Про 102-й Донской казачий полк Ростовцев отзывался хорошо и на этом мы сошлись. Лежать скучно и мы много разговаривали. Сначала только на общие темы и военные, а на третий день, когда уже стали доверять друг другу, речь зашла о будущем. Полицая как раз увезли на очередную операцию и нам никто не мешал. Поэтому разговаривали предельно откровенно.

— Эх, Андрей, — осторожно повернувшись набок и посмотрев на меня, сказал Ростовцев, — добьем коммунистов, и такая жизнь начнется.

— Ну и какой, по твоему мнению, она будет? — я улыбнулся.

Он немного подумал и ответил:

— Рано или поздно, СССР надорвется. Коммунистические вожди пойдут на переговоры с немцами и им оставят земли за Уралом. Конечно, если японцы не вмешаются и не подомнут Дальний Восток и Сибирь. Третий Рейх заберет себе Украину, Белоруссию и Прибалтику. На меньшее немцы не согласятся. Все остальное останется нам. Это будет огрызок великой Российской империи, но мы сможем его облагородить и поднять страну с колен. А потом видно будет. Если нам не станут мешать, Российская империя возродится.

— Ты уж меня прости, Василий, но это фантазии.

— А я в это верю.

— Вера дело хорошее, она нужна. Однако ты только представь себе, сколько возникнет проблем. Что делать с населением, которое оболванено большевиками? Я сам воспитан коммунистами и сражался за советскую власть, поэтому знаю, о чем говорю, таких людей немало и они просто так не сдадутся. Каким будет строй возрожденной России? Монархия, республика или диктатура? Кто возглавит правительство? Как договариваться с рабочими и крестьянами? На какие средства восстанавливать промышленность? Каким образом будет происходить возврат экспроприированного имущества и земли прежним владельцам? Да и нужно ли кому-то что-то возвращать? Это только некоторые вопросы, которых тысячи.

— Всему свое время, Андрей. Поверь, есть в эмиграции люди, которые времени даром не теряли и думали о будущем. Они знают, что нужно для возрождения России.

— Это те самые люди, которые сбежали из страны, когда стало припекать?

— А вот это уже обидно, Андрей.

— Прости, если я резок. Только я не привык душой кривить. Как есть, так и говорю.

— Понимаю. Но ты не прав. Взять моего отца, как пример. Он обычный уездный чиновник из дворян, но у нас не было своего поместья, и семья жила исключительно на

жалованье. А его в один момент объявили врагом и едва не поставили к стенке. Отец чудом уцелел и был вынужден спасаться бегством. Разве можно ставить ему в вину, что он оставил Родину?

— Не про твоего отца речь. Он жертва обстоятельств, как и сотни тысяч других эмигрантов. Я говорю о министрах и прочих высокопоставленных особах. Сначала царя сдали, а потом сбежали. Если все-таки коммунисты не устоят, и появится Россия, которая со временем освободится из-под опеки немцев, они снова вернутся и попытаются перехватить власть. А если эти люди не смогли спасти империю, с какой стати им доверять? Вот так я думаю. И не я один. Как бы не вышло, что мы из одной кабалы в другую не попали. Сначала за Россию кровь прольем, а потом появятся всякие титулованные особы, банкиры и прочая гниль, которая сядет нам на шею и начнет из страны соки тянуть. Шило на мыло менять не хочется. Если возрождать Россию, она должна, в самом деле, стать новой, а не слепком старой.

— А ты не так прост, Андрей, — Ростовцев покачал головой.

— Был протак, да жизнь из меня его выдавливает. Опять же круг общения изменился. Раньше кто вокруг меня был? Детдомовские босяки, рабочие на заводе и красноармейцы. А сейчас казаки, эмигранты и бывшие царские вояки. Одного слушаешь, другого и третьего. Что-то в голове откладывается, и появляются собственные мысли, которых раньше не было.

— Ладно. Допустим, я фантазер и делать ставку на эмигрантов, которые уже построили план восстановления страны, не стоит. Сам-то что думаешь?

— Я еще молодой. Образования толкового нет, и жизни толком не видел. Какие у меня мысли? Самому бы уцелеть.

— И все-таки, Андрей. Я прошу ответа. Честного и прямого. Ты меня задел, и я хочу знать твое мнение. Какое есть.

Сказал "а", говори "б". Можно было послать Ростовцева куда подальше и отвернуться к стене. Однако я высказался:

— Я считаю, что в новой России необходима жесткая диктатура. По крайней мере, на первом этапе. Несколько военачальников, которые показали себя в реальных сражениях и за кем готовы пойти воины, должны создать правительство. Полная милитаризация общества. Все свободные люди обязаны иметь оружие. Чем больше будет на руках у народа стволов, тем меньше вероятность хаоса. Оградиться от всего мира штыками. В войну с союзниками не влезать, но помогать Германии. Эмигрантам ничего не отдавать, ни земли, ни заводы, ни фабрики. В крайнем случае, гарантировать растянутое по времени на десятилетия денежное возмещение, компенсацию. Крестьянам пообещать землю, у нас ее много, и создание вольных сельскохозяйственных общин. Рабочим доленое участие в заводах и фабриках с сохранением контроля со стороны государства, которое станет главным акционером всех крупных предприятий. Богатства недр тоже государственные. Озаботиться строительством дорог и модернизацией заводов, развитием технологий и образованием населения. Образование, кстати, должно быть бесплатным. Как при Советах. Хотя бы на уровне начальной школы. Закон и порядок — два основных столба, на которых может подняться Россия. Простить всех коммунистов, кроме оголтелых и запачканных в крови сограждан, кто отречется от идей большевизма. Дать людям шанс начать новую жизнь с чистого листа. Необходимо примирение народов России. А еще надо не забывать, что перед законом все равны, и богачи, и бедняки. Как тебе мои мысли?

— Звучит неплохо, для уха приятно и душа твоим словам не сопротивляется. Но

коммунистов необходимо уничтожить. Всех до единого, кто не сдался и не боролся против советской власти. И насчет земли ты поторопился. Как быть с церковными землями и имуществом?

— С церковью можно договориться, тем более силы у нее сейчас нет, и она не скоро восстановится. Что-то вернуть, а что-то пока оставить под контролем государства.

— А с теми землями, что раньше принадлежали казакам?

— Казаки сами с этим вопросом разберутся.

— Отдельно от государства?

— Совсем отдельно не получится. Но у нас до революции были законы и обычаи. Вот на них и станем опираться.

— Ага, — он усмехнулся, — а потом независимую Казакию провозгласите?

— Насчет Казакии не знаю, но свое мы не отдадим.

— Вот-вот. И что получится? Как будете крестьян, которых советская власть вместо расказаченных станичников в ваши хаты заселяла, с Дона и Кубани выдавливать?

— Вопрос решим.

— Знаю я, как вы решать станете. Всех, кто не казак и пришлый, при большевиках ваши земли занял, под корень изрубите. Вот и все примирение народов, о котором ты толкуешь. Пока речь идет про всю Россию вроде как правильно. Хватит резать друг дружку. А как своего кровного коснулась, сразу рука к шашке потянулась.

Во многом Ростовцев был прав, что касается казачества, точно сказал, по собственному опыту сужу. Практически все казаки из полка Кононова, так или иначе, пострадали от Советов. Кто-то сидел в тюрьмах или сибирских лагерях, кто-то потерял родственников и был выселен, а кто-то сменил фамилию и скрывался. Обида на большевиков и ненависть, которую казаки к ним испытывали, должны были найти выход. И я был уверен, что когда мы доберемся до земель казачьего Присуда мои товарищи прольют много крови. Не только советских бойцов, но и тех людей, кто занял их родовые станицы. Поэтому спорить с Ростовцевым я не стал. Промолчал. А потом привезли Федорчука и мы стали обсуждать последние сводки с фронта...

Неделя пролетела быстро. Я шел на поправку и мне разрешили выходить в коридор госпиталя. Еще день и я вернусь в полк. Но перед выпиской меня навестил сотник Тихонов. Он был бледен и на его шее виднелся бинт. Судя по всему, ему тоже досталось в боях с красными кавалеристами.

— Поздорову ли живешь, Андрей? — вымученно улыбаясь, спросил он.

— Слава Богу, уже почти здоров, — ответил я. — А вы как, господин сотник?

— Ничего. Зацепило малость, но обошлось. Сантиметр влево или вправо — конец. Не Бог милует. Я тут в штабе был, решил тебя навестить. Раньше не мог.

— Я все понимаю.

— Тебя когда выписывают?

— Вроде бы завтра.

— Добро. Пришлю за тобой Савельева.

— Он живой? — обрадовался я.

— Да. Без единой царапины из боя вышел и тебя вытащил. Поэтому все благодарности ему, он твой спаситель, не бросил командира.

— В моем взводе потери большие?

— Половина казаков под тем хутором легла, шестнадцать человек.

— А полицаи и связист?

— Связиста в подвале завалило. Наверху пожар начался и он задохнулся. А из полицаев только один выжил. Мы торопились, но немного опоздали. Встретились с разведкой большевиков, была перестрелка, и к хутору подошли как раз в тот момент, когда ты танк подбил. Это большевиков притормозило, а тут мы появились и погнали их. Ох, и хорошо гнали. Так, что у них пятки сверкали. В тот день даже один танк взяли, у него двигатель сдох. А вообще трофеи серьезные, и пушки, и повозки с боеприпасами, и полковые радиостанции. Правда, самого Белова прищучить не удалось. Он из колечка все-таки вырвался. Но ничего, еще встретимся. А ты, Андрей, молодец, не сдрейфил. Я о твоём подвиге Кононову доложил, а он самому Шенкендорфу похвалился, мол, вот какие у меня казаки, не отступают. Медалей нам пока никаких не обещают, однако чин старшего урядника и наградное оружие ты себе обеспечил.

— Рад стараться, господин сотник.

— Ну, бывай, Андрей, — он подмигнул мне. — Ждем тебя в сотне.

Тихонов ушел, а я вернулся в палату. День и ночь пролетели, а утром с меня сняли повязку, принесли зеркало и я увидел свою рану. С правой стороны головы между коротко стриженных русых волос багровая полоса. Если отпустить волосы и зачесывать их на одну сторону, ее не видно. Но Ростовцев посоветовал бриться наголо, тогда у меня появится устрашающий вид. Возможно, он прав. Надо над этим подумать.

После полудня, с моим оружием и одеждой, прибыл урядник Савельев. Меня выписали и, простившись с медсестрами и врачами, я отправился воевать дальше. Короткая передышка позади. Я все еще жив и относительно здоров, а впереди война.

18.

Берлин. 26.12.1941.

По берлинским улицам мчался черный автомобиль. Он направлялся к Рейхстагу и помимо водителя в нем находились три человека, Георг Лейббранд, атаман Петр Николаевич Краснов и генерал Федор Иванович Трухин. На коленях командующего РОА лежала толстая кожаная папка и он, стараясь не выдавать своего волнения, пытался настроить себя на деловой лад и прокручивал в голове события последних двух месяцев.

Понесенные на Восточном фронте потери оказали на немцев сильное влияние и армейская партия, в которую вошли такие высокопоставленные офицеры как фон Браухич, фон Бок, фон Шенкендорф, фон Рок, фон Штауффенберг, барон Фрейтаг фон Лорингхофен, фон Ренне и многие другие, при поддержке Имперского министерства оккупированных восточных территорий, окончательно продавила создание Русской Освободительной Армии. Все преграды исчезали, словно их никогда не было. Формирование русских национальных частей снова возобновилось, и под Киевом появился военный лагерь РОА. Первая дивизия уже практически сформирована и вооружена. Она готова отправиться на фронт, а помимо нее есть возможность сформировать еще, как минимум, четыре. Кадры и личный состав имелись. И это только начало. В Югославии создавался Русский Охранный Корпус под командованием генерала Скородумова. В тылу немецких войск на Восточном фронте находилось больше сорока различных охранных и полицейских русских батальонов, а так же два крупных соединения, усиленный 102-й Донской казачий полк Кононова и быстро разросшаяся до бригады группа атамана Шкуро. Это не считая отдельных добровольческих отрядов, которые находились под командованием Абвера, соединений фольксдойче в СС,

украинцев, прибалтов, белорусов, и взятых в плен азиатов и кавказцев. Если собрать все эти силы в один кулак и поставить под единое командование, получится полевая армия. Вермахт против этого уже не возражал, хотя отдавать охранные батальоны и полицию не собирался. Армия это армия, а тылы тоже кто-то обязан охранять. Но прежде, чем произойдет окончательное оформление армии, командующий РОА и атаман Краснов, как представитель казаков, должны были встретиться с рейхсканцлером Мартином Борманом.

Трухин давно ждал вызова к лидеру Германии, который не желал уступать кресло рейхсканцлера соперникам, и сейчас его рука слегка гладила папку с документами. В ней была вся информация о РОА. И чем же генерал Трухин мог похвалиться.

Во-первых, специальная комиссия под общим названием "Русского Комитета" выработала общую стратегию против большевиков и подготовила "Киевскую декларацию". Составили ее, разумеется, в Берлине. Но для бойцов и командиров Красной армии она называлась "Киевской". Полный текст переведен на немецкий язык и, если Борман его одобрит, через несколько дней германские самолеты начнут разбрасывать над позициями советских войск листовки следующего содержания:

**ОБРАЩЕНИЕ РУССКОГО КОМИТЕТА
К БОЙЦАМ И КОМАНДИРАМ КРАСНОЙ АРМИИ,
КО ВСЕМУ РУССКОМУ НАРОДУ И ДРУГИМ НАРОДАМ.**

Друзья и братья!

Большевизм — враг русского народа. Неисчислимы бедствия принес он нашей Родине и, наконец, вовлек Русский народ в кровавую войну за чужие интересы. Эта война принесла нашему Отечеству невиданные страдания. Миллионы русских людей уже заплатили своей жизнью за преступное стремление Сталина к господству над миром, за сверхприбыли англо-американских капиталистов. Миллионы русских людей искалечены и навсегда потеряли трудоспособность. Женщины, старики и дети гибнут от холода, голода и непосильного труда. Сотни русских городов и тысячи сел разрушены, взорваны и сожжены по приказу Сталина. История нашей Родины не знает таких поражений, какие были уделом Красной Армии в этой войне. Несмотря на самоотверженность бойцов и командиров, несмотря на храбрость и жертвенность Русского народа, проигрывалось сражение за сражением и пала Москва. Виной этому — гнилость всей большевистской системы, бездарность Сталина и его главного штаба. Сейчас, когда большевизм оказался неспособным организовать оборону страны, Сталин и его клика продолжают с помощью террора и лживой пропаганды гнать людей на гибель, желая ценою крови Русского народа удержаться у власти хотя бы некоторое время. Союзники Сталина — английские и американские капиталисты — предали русский народ. Стремясь использовать большевизм для овладения природными богатствами нашей Родины, эти плутократы не только спасают свою шкуру ценою жизни миллионов русских людей, но и заключили со Сталиным тайные кабальные договоры. В то же время Германия ведет войну не против Русского народа и его Родины, а лишь против большевизма. Германия не посягает на жизненное пространство Русского народа и его национально-политическую свободу. Национал-социалистическая Германия Адольфа Гитлера ставит своей задачей организацию Новой Европы без большевиков и капиталистов, в которой каждому народу будет обеспечено почетное место. Место Русского народа в семье европейских народов, его место в Новой Европе будет зависеть от степени его участия в борьбе против большевизма, ибо уничтожение кровавой власти Сталина и его преступной

клики — в первую очередь дело самого Русского народа. Для объединения Русского народа и руководства его борьбой против ненавистного режима, для сотрудничества с Германией в борьбе с большевизмом за построение Новой Европы, мы, сыны нашего народа и патриоты своего Отечества, создали Русский Комитет.

Русский Комитет ставит перед собой следующие цели:

а. Свержение Сталина и его клики, уничтожение большевизма.

б. Заключение почетного мира с Германией.

в. Создание, в содружестве с Германией и другими народами Европы, Новой России без большевиков и капиталистов.

Русский Комитет кладет в основу строительства Новой России следующие главные принципы:

1. Ликвидация принудительного труда и обеспечение рабочему действительного права на труд, создающий его материальное благосостояние;

2. Ликвидация колхозов и планомерная передача земли в частную собственность крестьянам;

3. Восстановление торговли, ремесла, кустарного промысла и предоставление возможности частной инициативе участвовать в хозяйственной жизни страны;

4. Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа;

5. Обеспечение социальной справедливости и защита трудящихся от всякой эксплуатации;

6. Введение для трудящихся действительного права на образование, на отдых, на обеспеченную старость;

7. Уничтожение режима террора и насилия, введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности и жилища;

8. Гарантия национальной свободы;

9. Освобождение политических узников большевизма и возвращение из тюрем и лагерей на Родину всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма;

10. Восстановление разрушенных во время войны городов и сел за счет государства;

11. Восстановление принадлежащих государству разрушенных в ходе войны фабрик и заводов;

12. Отказ от платежей по кабальным договорам, заключенным Сталиным с англо-американскими капиталистами;

13. Обеспечение прожиточного минимума инвалидам войны и их семьям.

Свято веря, что на основе этих принципов может и должно быть построено счастливое будущее Русского народа, Русский Комитет призывает всех русских людей, находящихся в освобожденных областях и в областях, занятых еще большевистской властью, рабочих, крестьян, интеллигенцию, бойцов, командиров, политработников объединяться для борьбы за Родину, против ее злейшего врага — большевизма.

Русский Комитет объявляет врагами народа Сталина и его клику. Русский Комитет объявляет врагами народа всех, кто идет добровольно на службу в карательные органы большевизма — Особые отделы, НКВД, заградотряды. Русский Комитет объявляет врагами народа тех, кто уничтожает ценности принадлежащие Русскому народу.

Долг каждого честного сына своего народа — уничтожать этих врагов народа, толкающих нашу Родину на новые несчастья. Русский Комитет призывает всех русских

людей выполнять этот свой долг. Русский Комитет призывает бойцов и командиров Красной армии, всех русских людей переходить на сторону действующей в союзе с Германией Русской Освободительной Армии. При этом всем перешедшим на сторону борцов против большевизма гарантируется неприкосновенность и жизнь, вне зависимости от их прежней деятельности и занимаемой должности. Русский Комитет призывает русских людей вставать на борьбу против ненавистного большевизма, создавать партизанские освободительные отряды и повернуть оружие против угнетателей народа — Сталина и его приспешников.

Русские люди! Друзья и братья!

Довольно проливать народную кровь! Довольно вдов и сирот! Довольно голода, подневольного труда и мучений в большевистских застенках! Вставайте на борьбу за свободу! На бой за святое дело нашей Родины! На смертный бой за счастье Русского народа! Да здравствует почетный мир с Германией, кладущий начало вечному содружеству Немецкого и Русского народов! Да здравствует Русский народ, равноправный член семьи народов Новой Европы!

Председатель Русского Комитета Генерал-майор Ф.И. Трухин

Секретарь Русского Комитета Генерал-майор В.Ф.Мальшкин

26 декабря 1941 года, г. Киев".

Во-вторых, руководством "Русского Комитета" и командованием РОА, что в принципе одно и то же, наконец-то, создан руководящий костяк. В него вошли бывшие красные и белые офицеры, политики и лидеры русских национал-патриотических организаций. Общее число членов перевалило за сотню. Но если остановиться на основных, на людях, которым Трухин более-менее доверял и которые воспринимали его всерьез, таких было не очень много.

Генерал-лейтенант Петр Николаевич Краснов — белоказачий атаман. В настоящее время начальник УКФ (Управления Казачьих Формирований).

Генерал-лейтенант Василий Викторович Бискупский — белогвардеец и политик, личность весьма противоречивая. Прошел две войны, русско-японскую и Первую Мировую. В Гражданскую поддержал революцию и даже оказался делегатом от армии в совете солдатских депутатов Петрограда. Некоторое время пытался занять достойное место среди революционеров, но разочаровался в них и уехал на Украину, где стал командующим армии гетмана Скоропадского. Там у Бискупского тоже ничего не вышло. После чего он эмигрировал в Германию и занялся политикой. Был главой прогерманского "Западно-русского правительства" и участвовал в путче Каппа-Лютвица. Вместе с генералом Людендорфом пытался создать "Контрреволюционную армию" для восстановления монархий в Центральной Европе и России. Участвовал в деятельности эмигрантской организации "Возрождение" и выполнял функции представителя Великого Князя Кирилла Владимировича в Германии. Во время провала "Пивного путча" скрывал на своей квартире Адольфа Гитлера, а после его прихода к власти стал директором "Русского национального управления".

Генерал-лейтенант Андрей Григорьевич Шкуро — казак и белогвардеец. Командир отдельной войсковой бригадной группы в составе группы армий "Юг".

Генерал-лейтенант Евгений Иванович Балабин — казак и белогвардеец, атаман "Общеказачьего Объединения в Германской империи, Словакии и Венгрии".

Генерал-лейтенант Алексей Петрович Архангельский — белогвардеец. Председатель

Русского Общевоинского Союза.

Генерал-лейтенант Михаил Федорович Скородумов — белогвардеец. Создатель Русского Охранного Корпуса в Сербии.

Бывший бригадный комиссар Георгий Николаевич Жиленков — в Красной армии член Военного совета 32-й армии, награждён орденом Трудового Красного Знамени. В плену оказался в октябре, выдавал себя за рядового, но его сдал один из красноармейцев и вскоре он отправился в Берлин, где принял самое живое участие в создании "Киевской декларации".

Генерал-майор Василий Федорович Малышкин — в Красной армии начальник штаба 19-й армии, награждён орденами Красного Знамени и "Знак Почёта". Был взят в плен, согласился сотрудничать с немцами и Трухин перетащил его к себе.

Генерал-майор Дмитрий Ефимович Закутный — в Красной армии командир 21-го стрелкового корпуса, взят в плен под Гомелем и сразу начал сотрудничать с немцами.

Генерал-майор Владимир Владимирович Крейтер — белогвардеец, выдающийся кавалерист и неплохой военный теоретик.

Генерал-майор Григорий Васильевич Татаркин — казак и белогвардеец, который в самом скором времени может стать следующим донским атаманом.

Генерал-майор Антон Васильевич Туркул — белогвардеец, командир Дроздовской дивизии. В эмиграции был исключен из РОВС и пытался создать собственную организацию, так называемый Русский Национальный Союз Участников Войны (РНСУВ). Но из этого ничего толкового не вышло. И когда Трухин обратился к Туркулу с личным посланием, знаменитый белый офицер соизволил принять его приглашение, вошел в руководство РОА и временно занял пост начальника управления формирования частей.

Генерал-майор Борис Александрович Штейфон — белогвардеец, который активно помогал генералу Скородумову в создании Русского Охранного Корпуса в Сербии, но был переброшен под Киев и возглавил формирование 1-й дивизии РОА.

Полковник Константин Григорьевич Кромиади — белогвардейский офицер и полный Георгиевский кавалер. После эмиграции шестнадцать лет работал таксистом в Берлине. Он ждал своего часа и дождался. Когда началась война, был приглашен в Имперское министерство оккупированных восточных территорий, где ему подтвердили чин полковника, и он возглавил комиссию по распределению военнопленных по специальностям.

Вот такие личности. Неоднозначные. С разными политическими взглядами и непростым прошлым. Кого ни спроси, каждый видел будущее РОА и возрожденной России по-своему. Но все они сходились в одном — необходимо победить большевиков, иначе никак.

В-третьих, Трухин и его штаб, разумеется, под контролем немцев, установили связи с разбросанными по миру белыми эмигрантами. В частности, с полуавтономными ячейками НТС (Народно-трудового союза российских солидаристов) и лидерами РФС (Российского Фашистского Союза). Охват огромный, от Маньчжоу-Го и Китая, до США и стран Латинской Америки. Правда, пользы от этого немного, но штаб РОА считал, что это задел на будущее...

Пока Федор Иванович размышлял, машина добралась до Рейхстага и остановилась. Трухин и Краснов переглянулись, после чего Петр Николаевич сказал:

— С Богом.

Атаман вышел первым. За ним последовали Лейббранд и Трухин. Их уже ждали и без

проволочек, если не считать таковым обыск перед кабинетом рейхсканцлера, проводили к Мартину Борману.

О чем именно беседовал с гостями новый лидер германской нации, неизвестно. Стенограмму, если таковая велась, история не сохранила. Однако встреча продолжалась два с половиной часа и уже на следующий день в типографиях Берлина стали печатать листовки с текстом "Киевской декларации", а РОА получила разрешение на формирование еще трех дивизий и сбор всех русских частей, кроме полицейских батальонов, под свое командование. НО! Только русских и казачьих. Украинская Народная Армия (УНА), Белорусский Корпус Краевой Обороны (БККО) и прибалтийские вооруженные формирования подчинялись собственным лидерам, которые, в свою очередь, как и РОА, находились под контролем германского командования. Тем самым немцы сразу давали понять русским, что никакой Единой и Неделимой России в будущем быть не может. Западные области СССР все равно останутся за Третьим Рейхом. Генералов РОА это не удивило. Они к подобному были готовы и воспринимали происходящее, как должное. Все равно спорить с немцами бесполезно. По крайней мере, в ближайшее время.

19.

Киев. 17.01.1942.

Новый Год я встречал в дороге. Наш 102-й Донской казачий полк все-таки передали РОА. После чего мы погрузились в эшелоны и отправились в военный лагерь под Киевом. Правда, не полностью, а только тот костяк, который был у майора Кононова перед боями с советским десантом. Остальные бойцы, преимущественно русские и белорусы, влились в состав 17-го моторизованного казачьего батальона и охранные подразделения "Березина", "Полесье" и "Стародуб". Все они оставались в подчинении генерала Шенкедорфа, продолжали ловить партизан и охранять населенные пункты. Но меня это уже не касалось. Мой взвод пополнили до штатной численности, и я получил чин старшего урядника, а так же наградное оружие, кавказский кинжал с дарственной надписью: "Ст. уряднику Андрею Погибе за храбрость".

В общем, все шло своим чередом. В нашем полку, несмотря на молодость, у меня появился какой-то авторитет. Сотник Тихонов выделял меня среди других казаков, и я даже был представлен Батьке — так среди казаков 102-го полка стали звать Кононова. А раз есть авторитет и твое имя на слуху, взвод реже тревожат по пустякам. Меня это устраивало, а пластунов тем более.

Пока добирались до Киева, я в основном дремал и восстанавливал силы, а когда просыпался для приема пищи, слушал разговоры казаков и время от времени посматривал на карту СССР, которую урядник Савельев нашел в брошенной школе и повесил на стену вагона. Беседы у казаков, когда они вместе, одни и те же. На первом месте семья и довоенная жизнь. А на втором — как дела на фронтах и когда немцы свалят Йоську Сталина с его бандой. Прогнозы, как правило, самые оптимистичные. Зимой немцы соберутся с силами. По весне подготовятся. А летом нанесут очередной мощный удар, оттеснят Красную армию дальше на восток и война закончится. Это все со слов германских агитаторов. Однако я им не доверял и считал, что война будет продолжаться гораздо дольше, и ее исход пока не определен.

Почему я так думал? Да потому, что слушал не только рядовых казаков и переведенные на русский язык речи Геббельса, но и опытных офицеров. А потом сравнивал размеры СССР

и Германии, размышлял, и мысли мои становились невеселыми.

Третий Рейх держава мощная, спора нет. Но и Советский Союз не так слаб, как считал Гитлер. Потери немцев в этой войне уже весьма ощутимы. Есть нехватка ресурсов, и приходится воевать на два фронта. Не только против Сталина, но еще против Англии, недавно вступивших в войну Соединенных Штатов Америки и других стран, о которых можно особо не упоминать. Россия сковывает силы германцев и на ее необъятных просторах они забуксовали, а на западе тем временем Рузвельт и Черчилль готовятся к высадке в Европу. Пусть не в сорок втором году, а позже, но они могут нанести добывающий удар. А пока союзники обороняются, дерутся против генерала Роммеля с итальянцами в Северной Африке и ведут пробные бомбардировки немецких городов.

Впрочем, положение дел на западе меня волновало гораздо меньше, чем обстановка на Восточном фронте. А здесь, как я уже говорил, немецкая военная машина забуксовала. Москву германцы взяли, но от нее остались одни развалины и, продвигаясь на восток, они уперлись во Владимир. Ленинград по-прежнему сражается, и взять его в осаду Вермахт не смог. Созданная в короткий срок силами сотен тысяч советских людей мощная оборонительная линия от Красногвардейска до Новгорода сдерживает ослабленную группу армий "Север" и город на Неве, отбиваясь от финнов и немцев, стоит. И не просто стоит, а производит вооружение и отправляет на фронт новые дивизии. На юге тоже не все так хорошо, как бы хотелось немцам. Пали Киев, Одесса, Кировоград, Полтава, Запорожье и Днепропетровск. Идут ожесточенные зимние бои на подступах к Харькову. Однако по-прежнему держится Крым, а линия советских фронтов: Брянского, Юго-Западного и Южного; проходит от Москвы по линии Коломна — Серпухов — Орел — Курск — Харьков — Лозовая — Красноармейское — Сталино — Мариуполь. Страна Советов переходит на военные рельсы и мобилизуется. На Урале в чистом поле ставятся заводы по производству танков, орудий и боеприпасов. Через Аляску, если верить слухам, американцы посылают в СССР авиацию, а через Мурманск в самом скором времени пойдут морские караваны с оружием.

Однако самая главная проблема — коммунисты обладают огромным запасом людей, которых они кидают в бой без сомнений и колебаний. Правильно говорят — они будут сопротивляться до последнего человека. Только нужно уточнить — до последнего РУССКОГО человека. Потому что кавказские и среднеазиатские солдаты, как показала практика летних и осенних боев на Восточном фронте, вояки слабые. Не все, конечно, но большая часть. И не потому, что они трусы или слабаки. Все гораздо проще. Они не понимают, почему должны умирать за Советский Союз. Иностранцы не хотят этого и сдаются при первой возможности. А вот русский человек по натуре своей имперец и порой сражается из упрямства. Ведь понимает, что погибнет, никто его не вспомнит, семья будет бедствовать, и от большевиков он ничего хорошего не видел. А все равно дерется, вцепится в клочок земли и стреляет. Ладно бы на благо России погибал, а выходит, что его смерть на благо СССР, в котором он раб системы. Сейчас-то я все это понимал. А полгода назад сам бился против немцев и был готов погибнуть с именем Сталина на губах. Как говорил товарищ Маркс — бытие определяет сознание. У меня оно изменилось, а у миллионов граждан СССР нет и это фактор, который приведет к новым жертвам.

Конечно, пропаганда работает, и немецкие самолеты ежедневно разбрасывают над позициями советских войск листовки с призывом сдаваться и вступать в РОА. Это дает эффект и людей, которые переходят к немцам или встречают их цветами, хватает. Но

советская пропаганда работает не хуже и старается укрепить народ во мнении, что необходимо сражаться против захватчика до конца. И в этом тоже есть своя правда. А я... Что я? Слушаю казаков, наблюдаю за ними, пытаюсь все проанализировать и четко осознаю, что с Советами мне не по пути и коммунисты враги. Однако именно они власть и за них большая часть народонаселения. По крайней мере, на той территории, которая находится под их контролем. И для них я последняя сволочь, которая продалась немцем, служит захватчикам и убивает своих сограждан. А мне плевать на немцев и на весь Третий Рейх. Но кому это объяснишь? И надо ли это делать? Нет. Никому и ничего объяснять не стоит. Пусть все идет своим чередом. Я хочу верить, что настанет день и война закончится. Появится кусочек свободной России, которая не станет зависимым протекторатом немцев или коммунистов. А потом начнется строительство нового общества, честного и справедливого, в котором каждый человек будет свободен и спокоен за свое будущее...

Вот такие мысли гуляли в моей голове, пока мы находились в пути, и они меня измучили. Настолько, что я даже закурил. Никогда до этого не держал во рту папиросу, а теперь не вытерпел, попробовал и втянулся. Плохая и вредная привычка — понимаю, но табачный дым помогал отвлечься от тяжелых дум и скоротать время. Наконец, полк прибыл в пункт назначения. Мы выгрузились, совершили пятикилометровый марш по заснеженному шоссе и оказались в большом военном лагере, который при советской власти являлся ППД мотострелковой дивизии, а при немцах был расширен и передан в ведение РОА. Именно здесь происходило формирование русских дивизий и нас уже ждали.

Людей в лагере находилось много, больше двадцати тысяч человек, и казармы были забиты. Однако нам место нашлось. На окраине стояли недавно построенные теплые деревянные бараки. Рядом полевые кухни, конюшни, лазарет и офицерское общежитие. Все как положено. Мы разместились и переночевали, а утром узнали, что РОА уже сформировала одну дивизию и сейчас она на фронте. А помимо нас в лагере подразделения 2-й и 3-й пехотных дивизий РОА, а так же штаб 1-й казачьей дивизии. Как не трудно догадаться, раз мы казаки, значит, войдем в состав казачьей дивизии. Что немаловажно, с сохранением номера и прежним командиром. Состав разделенной на две бригады дивизии будет следующим:

- 1-й Донской Атаманский казачий полк.
- 2-й Донской казачий полк имени Платова.
- 3-й Сводно-казачий полк.
- 4-й Сибирский казачий полк.
- 5-й Кубанский казачий полк.
- 6-й Терский казачий полк.
- 7-й Отдельный казачий учебно-запасной полк.
- 102-й Донской казачий полк.

А помимо полков дивизия должна иметь шесть артиллерийских дивизионов и несколько отдельных батальонов: саперный, связи, полевой полиции, разведывательный, санитарный, ветеринарный и снабжения. Командование подразделениями смешанное. Командиром дивизии назначен генерал-лейтенант Евгений Иванович Балабин. Половину полков возглавят казаки, а вторую половину немецкие офицеры. К каждому казачьему командиру, от комдива до комбата включительно, приставляется германский офицер связи.

Хорошо или плохо, что полк Кононова вошел в состав дивизии? Сказать сложно, ибо во всем есть свои плюсы и минусы. Оставаясь под крылом Шенкендорфа, мы находились вдали

от передовой, имели благоустроенные казармы, превосходное снабжение и постоянные увольнительные в город, а дивизии РОА создавались для фронта и жалеть союзников немцы не станут. Однако мы казаки. Белоруссия не наша земля, не Присуд, а 1-я казачья дивизия, скорее всего, войдет в состав группы армий "Юг" и примет участие в наступлении на Дон, Кубань и Кавказ. Следовательно, наши шансы оказаться в родных краях одними из первых весьма велики. Мне-то что, я детдомовский и родовую станицу не помнил. А вот другие казаки, особенно постарше, спали и видели, как вернутся домой.

Началась служба в РОА и первые две недели пролетели незаметно, потому что каждый день был загружен. Если не полигон, то изучение оружия и техники. Если не обкатка танками, то политинформация. А вечерами обязательно кино. Кормили неплохо, хотя гораздо хуже, чем в Могилеве. Униформа своя, казачья, в полку Кононова донская, а вот пехотинцам досталась немецкая. Жизнь быстро вошла в колею, казачья дивизия стремительно обрастала людьми, бывшими военнопленными и эмигрантами. Люди все разные и начались сложности, о которых я до этого не думал.

Оказывается, часть белоэмигрантов относилась к казакам, которые жили при Советах и служили в Красной армии, с предубеждением, а иногда и с презрением. Раньше этот вопрос не поднимался, ведь 102-й полк на девяносто процентов состоял из военнопленных, а теперь встал ребром. Особенно после того как казаки 1-го Донского полка задели нашего командира. Произошло это в полевом кинотеатре, когда одна смена, 4-я и 5-я пластунские сотни 102-го полка, выходили, а вторая смена, 1-я и 3-я сотни 1-го Донского полка, собиралась войти. Слово за слово. Из толпы выкрикнули, что у мужика Кононова служат одни предатели и шкурники, казаки не настоящие, а советские, из иногородних. Мы ответили. Резко и матерно. Да и как не ответить, если для казака "мужик" оскорбление. Ну и закономерный итог — драка. Сначала дрались самые буйные, человек по десять с каждой стороны, а потом и остальные вмешались.

К счастью, до увечий и смертоубийства не дошло, хотя у меня были сбиты костяшки на обеих руках, и болела левая скула. Вовремя прибежали крепкие казачины с дубинами, бойцы полицейского батальона, и всех разогнали. А на следующий день комдив Балабин прочистил мозги командирам полков, и наступило временное спокойствие. Казаки, которые были вынуждены покинуть Россию, и ушли в эмиграцию, нас не задевали. Как и мы их. А потом произошло то, чего я никак не ожидал.

Вечером я сидел возле печки-буржуйки в бараке нашей сотни и думал о том, как бы вырваться в Киев. Там цивилизация, много девушек и есть развлечения. Тихонов недавно был в увольнении и рассказал много интересного. Теперь собирался снова, на вечер отдыха по приглашению какого-то "Общеславянского Союза", и мне хотелось отправиться с ним. Только как подойти? Я перебирал варианты и пришел к выводу, что проще всего обратиться к сотнику напрямую. Так и так — возьми с собой...

— Кто здесь Андрей Погиба? — от входа прилетел громкий вопрос и я обернулся.

В бараке появился незнакомец, что само по себе странно, так как посторонних, пусть даже казаков, но из других полков, мы к себе не пускали. По виду казак. Лет сорок пять. Широкоплечий брюнет. На голове кубанка с красным верхом, слегка сдвинута набок. Одет в бекешу с погонами есаула. На ремне кобура с пистолетом.

Я поднялся и отозвался:

— Здесь Андрей Погиба. Кому я понадобился?

За неизвестным есаулом наблюдала почти вся сотня. Но его это не смутило. Он прошел

по коридору между койками, всмотрелся в меня и зашептал:

— Волосы русые, как у матери... Глаза карие — как у деда... Лицом вылитый батя...

Наша порода...

— Погодите, господин есаул, — прервал я его, — а вы, собственно, кто будете?

Он заулыбался, обхватил меня крепкими ручищами, прижал к себе и ответил:

— Кем буду? А дядькой твоим. Меня Кондрат зовут. Неужели тебе мои приветы не передавали?

— Передавали... — с трудом выдохнул я.

Дядька отпустил меня. Потом еще раз пристально всмотрелся в лицо и потянул меня к выходу:

— Одевайся, и поехали со мной. Потолкуем там, где никому не будем мешать.

— Да я же...

— Не переживай. С твоим сотником все договорено. До утра ты свободен.

Вот так я встретил родственника и через полчаса на новеньком немецком "опеле" вместе с дядькой Кондратом ехал в сторону Киева.

20.

Киев. 21.01.1942.

Мой родственник Кондрат Погиба человеком был непростым. Есть старая мудрость: "Для кого война горе, а кому-то родная мать". Если для обывателей это несчастье, то Кондрат этим жил. Потомственный воин, как и многие казаки. Мирная жизнь не для него и начало войны против Советского Союза он встретил с радостью.

Впрочем, по порядку.

Наш род пришел на Кубань с Запорожья. Царица Екатерина разгромила Сечь и многие казаки отступили к туркам на Буг. Со временем отношения с российской государыней немного наладились, и запорожцы вернулись, воевали против османов, а затем вошли в Черноморское Войско, которое позже было дополнено линейными казаками и осколками иных казачьих общин, слилось воедино и стало называться Кубанским.

Казачьих с фамилией Погиба было много. Несмотря на постоянные войны, семья размножилась и расселялась по кубанским станицам. Наша ветка закрепилась в Уманской. Не богачи и не бедняки. Крепкие середняки. Трудились в поле и служили Российской империи. Растили детей и хранили старые обычаи. В общем, крепкая традиционная казачья семья, в которой перед Первой Мировой войной было шестнадцать душ. Глава семьи Петр Погиба, старый матерый казачина. Его супруга Анастасия. Их дети: Илья, Семен, Терентий. У каждого жена и дети. Кондрат и мой отец Семен потомки Ильи.

Первую Мировую Кондрат провоевал от начала до конца. Все это время бился с турками в пластунском батальоне и рядом был брат Семен. Вот только счастливчик Кондрат прошел войну без ранений, а моего отца крепко приложило под Эрзерумом, и он вернулся домой.

Началась революция и Кавказский фронт развалился. Кондрат оказался на родине, немного передохнул, и тут Гражданская война. Естественно, он встал на сторону белых. За пару лет получил только одно легкое ранение и дослужился до сотника. А когда белогвардейцы отступали к Новороссийску он заехал домой и позвал брата с собой. Но Семен к тому времени женился, кстати, на девушке, которая очень понравилась Кондрату, и он, махнув рукой, ушел к морю. Это была последняя встреча братьев. Но не последнее появление лихого вояки в Уманской.

В Новороссийске было плохо. Белогвардейцы бросили казаков на произвол судьбы. Большая часть генералов сбежала, подразделения распались и каждый оказался предоставлен сам себе. Красные окружили казаков, предложили сдаться и пообещали возможность искупить вину перед новой властью на полях сражений, которых еще хватало. Казаки этому в основе поверили и поплатились. Кого расстреляли, кого замучили, кого-то послали на фронт и сознательно подставили под удар. Потери казачьего народа были огромными, но Кондрата это не коснулось. Он посулам большевиков не доверился и с небольшой группой казаков смог вырваться, а затем уйти в Грузию. Оттуда перебрался в Крым и снова воевал. А когда Белая Гвардия окончательно сдулась, Кондрат Погиба, уже есаул, оказался в эмиграции.

Судьба моего старшего родственника не щадила и постоянно била. Но он не ломался. Участвовал в рейде белогвардейцев в Албанию, когда там свергали коммунистический режим. Смог устроиться в Югославии, трудился на строительстве дорог и на сезонных уборках урожая. Потом по заданию вождей белоэмигрантов два раза посещал Россию, отстреливал большевиков и воевал против коммунистов в составе небольших повстанческих отрядов. Тех самых, которые новая власть называла бандами. Всегда имелась надежда, что народ, наконец-то, поднимется против Красного террора. Однако сил не было. Люди бунтовали много и часто, особенно когда у них забирали последнее, но все заканчивалось небольшими вспышками, которые легко тушили карательные отряды чекистов, интернационалистов и наемников.

Во время своих скитаний по Северному Кавказу дядька пытался посетить родовую станицу. К сожалению, неудачно. И снова он оказался в Уманской только в 34-м году. Опять нелегально перешел границу и проехался по населенным пунктам, которые больше всего пострадали от Советов в период проклятых "черных досок". В Уманской казаков к тому времени почти не осталось, а наша семья погибла. Кто уцелел в Гражданской войне, умер от болезней в 22-м году, от голода зимой 32-го года или от пули комиссара, который выгребал из амбаров припасы и обрекал на смерть не только взрослых, но и детей. В живых остался только я, однако отыскать меня Кондрат не смог, и опять ушел за границу.

Вскоре дядька женился, и у него появились свои дети. Супруга тоже из казачьего рода, только не кубанского, а донского. На время наступило затишье, и Кондрат даже устроился на службу в югославскую пограничную стражу. Однако вскоре началась война в Испании и, бросив все, он уехал воевать за франкистов. Судя по всему, сражался справно и не впустую, потому что домой вернулся с испанскими орденами и при деньгах. После чего купил небольшую ферму и занялся сельским хозяйством. Но как только батька Шкуро позвал старых казаков под свой черный значок с волчьей головой, Кондрат расцеловал жену и уже через час сел в поезд на Париж.

С той поры есаул Погиба рядом с Андреем Григорьевичем Шкуро. Из Парижа вместе с ним перебрался в Берлин, где узнал обо мне. А когда представилась возможность оказаться на Восточном фронте, он последовал за атаманом и не прогадал. Шкуро личность среди казаков легендарная. Про него и плохое скажут, и хорошее. Но одного не отнять — он воин и настоящий казак, плоть от плоти и кровь от крови нашего народа. Этим сказано все и отряд знаменитого атамана, который прикрывал тылы группы армий "Юг", очень быстро разросся до бригады. У него много свободы и хотя формально Шкуро подчинялся штабу РОА и Управлению Казачьих Формирований, по сути, он сам по себе. Однако такое событие как формирование 1-й казачьей дивизии мимо него пройти не могло, и он прислал в военный

лагерь РОА своих "волков", среди которых был Кондрат Погиба. И они, осмотревшись, вскоре собирались вернуться к своему атаману, который ждал доклада.

В общем, я встретил родственника, узнал, что у меня есть братья и сестры, слушал Кондрата и рассказывал о себе. Вечер и ночь пролетели незаметно, а утром дядька повез меня обратно в расположение дивизии и предложил перейти под его командование. Если он попросит, ему не откажут и меня отпустят из полка. Но я засомневался. В первую очередь по той причине, что полк Кононова стал для меня родным, здесь меня знают, и я всех знаю. Дядька, конечно, родня. Однако, по сути, мы пока еще чужие один другому, и я его немного опасался. Больно суровый мужчина. Несмотря на свой относительно небольшой жизненный путь, я таких людей на своем пути уже встречал и прекрасно понимал, что смерть всегда рядом с ними. Как бы меня косою не зацепила. Да и не ожидал я такого предложения, немного растерялся. Поэтому ответил отказом.

Кондрат меня не уговаривал и принял мои слова как должное. Но обронил, что замолвит за меня словечко. Я попросил этого не делать, и он опять со мной согласился. Вот только поступил по-своему и спустя два дня после нашего расставания меня вызвали в штаб полка. Я отправился туда в сопровождении сотника и нас проводили к заместителю Кононова майору Пуговкину. Он ходить вокруг да около не стал и предложил мне отправиться на краткосрочные офицерские курсы. Времени на размышления не было. Ответ требовалось дать сразу и, с одобрения Тихонова, хорошо все обдумав, я согласился. Как ни крути, это мой шанс, а Пуговкин заверил меня, что через три месяца я вернусь обратно в полк Кононова, как раз к тому моменту, когда казачья дивизия отправится на фронт.

Остаток дня я сдавал дела новому командиру взвода пожилому вахмистру Сенчину. Он вояка бывалый, из 5-й сотни нашего полка, и меня особо не дергал. Пришлось немного побегать, собирая потерянное имущество. Но мне помогал Савельев, и я справился быстро. А на следующий день за мной и еще двумя десятками будущих слушателей офицерских курсов, как правило, молодых и крепких парней не старше двадцати пяти лет, прибыл грузовик. В сопровождение был выделен хмурый Тихонов. Он приказал грузиться, автомобиль тронулся и через полчаса мы оказались в Киеве.

Где именно находится школа, никто не знал. Скорее всего, в городе или в предместьях. А поскольку компания знакомая и люди одного возраста, всю дорогу мы фантазировали о том, как после занятий будем гулять по Киеву, знакомиться с девушками и посещать пивные. Однако мы ошибались.

Проехав по окраине города, грузовик оказался на аэродроме. Здесь Тихонов приказал не отходить от машины и отозвал меня в сторону.

— Андрюха, — сказал сотник, покосившись на моих попутчиков, — сейчас я скажу тебе то, что тебя, скорее всего, не обрадует.

— Говори, командир, — я улыбнулся.

— Вас отправляют не в офицерскую школу.

— Как так?

— Это просто прием, чтобы отвести от вас глаза. Я сам об этом узнал случайно. Перед самой отправкой. Поэтому ничего изменить уже не мог.

— И куда мы теперь?

— Ты когда-нибудь слышал такую фамилию — Фрейтаг фон Лорингхофен?

— Нет.

— Он белоэмигрант, полковник, служит в Абвере. Это под его начало вас передают.

Отправитесь на курсы. Тут все верно. Только не офицерские. Полковнику нужны молодые казаки. Для чего, не знаю. Даже командир дивизии не в курсе. Поэтому совсем не факт, что ты вернешься обратно в полк. А я ведь твоему родственнику обещал...

— Так это с его подачи меня решили отправить на учебу?

— Да, — признался сотник. — Он сначала со мной поговорил, а потом лично с Кононовым. Попросил дать тебе пинка для разгона по службе. Вот мы все и сделали. Думали об одном, а вышло иное.

— Ладно, — я махнул рукой. — Не важно. В конце концов, все равно на учебу поеду. А планета круглая, глядишь, еще встретимся...

Прерывая нашу беседу, появился немецкий офицер, поджарый и резкий, словно гончий пес. Тихонов передал ему документы на казаков, германец прошелся вдоль строя, принял личный состав и когда сотник уехал, на чистом русском сказал:

— Господа казаки, чтобы не было лишних вопросов, представляюсь и сразу объяснюсь. Меня зовут Валентин Беринг. Чин — капитан. Я офицер Абвера, а вы мои подчиненные, бойцы казачьего парашютно-десантного отряда "Фалширм". Пока вы не десантники и многого не умеете. Однако ребята крепкие, и я вас всему научу. Сейчас погрузка в самолет. Мой вам совет — поменьше болтайте и больше слушайте. Вопросы?

Мы промолчали. После чего Беринг, указав на потрепанный военно-транспортный самолет Ю-52, отдал команду:

— На погрузку!

21.

Ростов-на-Дону. 03.04.1942.

Колонна из нескольких штабных автомобилей в сопровождении мотоциклистов и бронемашин въехала в Ростов со стороны Новочеркасска. В одном из автомобилей находился командующий 56-й армией генерал-майор Федор Никитич Ремезов, крепкий сорокапятилетний мужчина в шинели и надвинутой на глаза папахе. Он возвращался в штаб после инспекции 339-й Ростовской стрелковой дивизии и был доволен. Красноармейцы сыты и одеты, вооружения хватало, а командный состав на пятьдесят процентов имел боевой опыт. Но главное — личный состав дивизии очищен от нестойкого элемента и она готова выдвинуться на фронт, примет бой и не отступит.

Невольно, он вспомнил осень прошлого года, и поморщился. Шли ожесточенные бои за Москву. Красная армия отступала, и дезертирство приняло повальный характер. Кругом неразбериха и сумятица. Генерал только что вышел из госпиталя и был назначен командармом-56. На юге немцы подступили к Мариуполю и Сталино. Крым в осаде. На правофланговых соседей: 12-ю, 18-ю и 9-ю армии; рассчитывать нельзя. Элитная моторизованная немецкая дивизия СС "Адольф Гитлер" форсировала Миус и стремительно приближалась к Ростову. Сдавать город было нельзя, и Ремезов кинул навстречу противнику все, что имел под рукой.

В бой пошли вооруженные одними винтовками курсанты шести военных училищ, минометная рота из Таганрога, 33-й мотострелковый и 69-й охранные полки 36-й бригады НКВД. Два бронепоезда, 159 и "Феликс Дзержинский", 16-й запасной железнодорожный полк, слушатели окружных партийных курсов, сводный батальон 30-й стрелковой дивизии и батальон 32-го запасного зенитно-артиллерийского полка. Ростовский полк народного ополчения, 230-й конвойный полк НКВД и на подходе к Ростову конники 66-й Армавирской

и 68-й Донской легких кавалерийских дивизий. Однако основная сила была в 339-й Ростовской стрелковой дивизии, которая почти завершила формирование в Персиановских лагерях.

Понятно, что дивизия молодая и необстрелянная. Но состав серьезный: 1133-й Таганрогский, 1135-й Сальский, 1137-й Ростовский стрелковые и 900-й Азовский артиллерийский полки, 444-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион (без материальной части), отдельные 617-й саперный, 778-й связи, 422-й медико-санитарный батальоны, 339-я отдельная разведывательная рота и отдельная авторота подвоза. Это 860 человек командно-политического, 1470 человек сержантского состава и 9180 красноармейцев. Всего — 11 510 человек. На вооружении 9395 винтовок, 168 ручных и 111 станковых пулеметов, 184 автомата ППД и ППШ, 56 ротных 50-мм, 43 батальонных 82-мм, 8 полковых калибра 120-мм минометов. Противотанковых 45-мм пушек не было вовсе, а в 900-м артиллерийском полку имелось всего 8 гаубиц 122-мм и 1 76-мм полевая пушка. Автопарк дивизии состоял из 3 легковых, 160 грузовых, 15 специальных и 3 санитарных машин, а в качестве гужевого транспорта использовалось 2775 лошадей. Командир — полковник Александр Михайлович Пыхтин. Бойцы в основе из местных и должны были защищать родную землю, свою малую родину. Вот только пока дивизия двигалась к фронту, она потеряла триста человек из-за болезней и потертостей ног. Двести дезертировали, как правило, с оружием. А еще восемьсот бойцов были "изъяты" по политико-моральному состоянию органами НКВД. И на фронт дивизия пришла частями, полностью не боеготовая. Один серьезный удар немцев и она могла посыпаться.

К счастью, германцы отступили. Командование группы армий "Юг" не могло поддержать эсэсовцев резервами и они, проведя разведку боем, отошли. Временно, на этом участке Южного фронта наступило затишье, и при первой же возможности Ремезов заменил 339-ю Ростовскую стрелковую дивизию, оттянул ее обратно в Персиановские лагеря и заново переформировал. По сути, она стала его детищем. Командарм чувствовал за нее ответственность и потому проявлял к дивизии повышенное внимание.

Федор Никитич Ремезов родился в поселке Каслинского завода Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Из рабочих. По национальности великоросс. Окончил народную школу, а через десять с лишним лет продолжил обучение на четырехмесячных общеобразовательных курсах. Когда началась Гражданская война, Федор Ремезов стал красноармейцем Каслинского отряда 1-го горного советского полка 2-й Уральской стрелковой дивизии. Однако в окопах не задержался и вскоре перешел на штабную работу. Был письмоводителем и делопроизводителем штаба 1-й бригады 2-й Уральской дивизии. Попал на организованные реввоенсоветом 3-й армии Вятские пехотные курсы. Вступил в партию большевиков и стал командиром роты 255-го Уральского стрелкового полка 26-й стрелковой дивизии. Меньше чем через месяц, временно исполняющим обязанности командира батальона. Потом первое ранение и временное исключение из партии за потерю партбилета. Следовало вернуть себе доброе имя перед товарищами, и Ремезов отправился на Кубань, воевать против Добровольческой армии. А когда Врангеля загнали в Крым, он добивал "Армию Возрождения России" атамана Фостикова на Кубани и других белобандитов.

После завершения Гражданской войны Ремезов продолжил военную карьеру. Окончил курсы "Выстрел", получил под командование батальон особого назначения и с пролетарской решимостью выкорчевывал засевших в Витебских лесах кулаков, офицеров и бандитов.

Людей он не жалел, приказы выполнял четко и начальство его ценило. Он шел по служебной лестнице без особых проблем и к началу Великой Отечественной войны возглавил армию, сначала 20-ю, а потом 13-ю. В июле 2-я танковая группа Гейнца Гудериана обошла Могилев, вспорола своими бронированными дивизиями линию обороны советских войск и рванулась к Ельне. Ремезов попытался остановить Гудерина, но неудачно. Его армия была разбита, а сам командарм, получив ранение, оказался в госпитале.

Когда Ремезов подлечился, он был направлен в Ростов, принял командование 56-й армией и получил приказ Ставки — любой ценой удержать южные рубежи. Он это сделал и был готов к новым боям. Пусть немцы взяли Москву, а в конце зимы захватили Харьков, Сталино и Мариуполь, ворвались в Крым и осадили Севастополь, он не отступит. Сил хватало и, воспользовавшись затишьем, 56-я армия была усилена. Правда, до сих пор многие подразделения укомплектованы личным составом едва наполовину, и часть войск приходится постоянно передавать в распоряжение командования Южного фронта или выводить в резерв Ставки, мясо нарастет. А пока списочный состав армии впечатлял:

31-я Сталинградская стрелковая дивизия.

30-я Иркутская, Чонгарская, ордена Ленина, дважды Краснознаменная, имени Верховного Совета РСФСР стрелковая дивизия.

106-я Кировская стрелковая дивизия.

317-я Бакинская стрелковая дивизия.

339-я Ростовская стрелковая дивизия.

343-я Ставропольская стрелковая дивизия.

347-я Краснодарская стрелковая дивизия.

353-я Новороссийская стрелковая дивизия.

302-я горнострелковая дивизия.

13-я стрелковая бригада.

16-я Грозненская курсантская стрелковая бригада.

68-я морская стрелковая бригада.

76-я морская стрелковая бригада.

78-я морская стрелковая бригада.

81-я морская стрелковая бригада.

62-я Тихорецкая кавалерийская дивизия.

64-я Лабинская кавалерийская дивизия.

66-я Армавирская кавалерийская дивизия.

68-я Донская кавалерийская дивизия.

70-я Ставропольская кавалерийская дивизия.

6-я танковая бригада.

63-я танковая бригада.

81-й отдельный танковый батальон.

7-й и 8-й дивизионы бронепоездов.

Отдельный Донской отряд кораблей Азовской военной флотилии.

Севастопольское военно-морское училище (эвакуировано из осажденного Севастополя).

1-е и 2-е Краснодарские пехотные училища.

Артиллерия усиления: 526-й, 1195-й, 1223-й гаубичные артиллерийские полки РГК, 756-й истребительно-противотанковый полк, 56-й батальон ПТР, дивизион РС и три артиллерийских армейских полка.

Военный гарнизон города Ростов-на-Дону (общей численностью 7 000 человек) в составе:

1-е Ростовское артиллерийское училище ПТА.

Ростовское военно-политическое училище СКВО.

Окружные курсы партийно-политических работников.

33-й мотострелковый полк НКВД.

230-й конвойный полк НКВД.

Ростовский коммунистический полк.

Ростовский стрелковый полк народного ополчения.

А в дополнение к этому множество вспомогательных частей и укрепрайоны, 158-й и 70-й.

Все эти войска подчинялись Ремезову, который никогда до этого не управлял таким количеством людей. Но пока он справлялся, готовился встретить немцев и прикидывал силы противника, который превосходил Красную армию по количеству танков, орудиям и самолетам, минимум, в два раза.

Состав и командование соединений группы армии "Юг" в зоне ответственности 56-й армии (армейская группа "Руоф" и части 1-й танковой армии) по сообщениям разведки были следующими:

9-я пехотная дивизия (генерал-майор Зигмунд фон Шлейниц).

73-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Рудольф фон Бюнау).

125-я пехотная дивизия (генерал пехоты Вильгельм Шнеккенбургер).

198-я пехотная дивизия (генерал пехоты Отто Реттиг).

298-я пехотная дивизия (генерал пехоты Вальтер Гресснер).

4-я горнострелковая дивизия (генерал-майор Карл Эгльзеер).

2-я горнострелковая дивизия (рум.) (генерал Фильченеску).

444-я охранная дивизия (генерал-лейтенант Вильгельм Руссвурм).

5-я кавалерийская (рум.) дивизия (бригадный генерал Майнеску).

6-я кавалерийская (рум.) дивизия (бригадный генерал Данеску).

9-я кавалерийская (рум.) дивизия (генерал Братеску).

5-я моторизованная дивизия СС "Викинг" (группенфюрер СС Феликс Штайнер).

2-я моторизованная дивизия "Великая Германия" (генерал-лейтенант Касниц).

16-я моторизованная дивизия (генерал-лейтенант Зигфрид Хейнрици).

1-я словацкая моторизованная дивизия (генерал-майор Мартин Пемльфончек).

13-я танковая дивизия (генерал-майор Траугот Герр).

14-я танковая дивизия (генерал-лейтенант Фридрих Гейм).

22-я танковая дивизия (и. о. комдива — полковник Карл Родт).

Конечно, начав наступление, часть этих сил немцы направят не только против 56-й армии, но и на соседнюю 9-ю. Однако все равно это был весьма грозный ударный кулак и вот-вот группа армий "Юг" получит подкрепления, 2-ю и 3-ю пехотные дивизии РОА, 1-ю казачью кавалерийскую дивизию и Особую казачью бригаду печально известного в СССР атамана Шкуро. Куда направят русских предателей и казачков, Ремезов прекрасно понимал, и был уверен, что часть населения поддержит коллаборационистов. Слишком много уцелело тех, кто помнил Гражданскую войну, продрозверству, голодные годы и отряды чекистов, которые ставили к стенке любого, кто пытался выразить свое возмущение против советской власти. Они скрытые враги и по-хорошему следовало бы очистить тылы армии, выселить

всех, кто мог перейти на сторону врага. Однако сил и средств для этого не хватало.

Тем временем кортеж командарма подъехал к штабу и остановился. Ремезов вышел, потянулся всем телом и посмотрел на небо. День солнечный и не холодно. Благодать!

— Федор Никитич! — окликнули Ремезова. — Федор Никитич!

Командарм посмотрел на того, кто его окликнул. Это был член Военного совета армии корпусной комиссар Мельников. Он выглядел встревожено, подскочил к командарму и выдохнул:

— Началось!

Ремезову не надо объяснять, что началось, и он сразу перешел к сути:

— Где и какими силами атакует противник?

— Немцы наступают на участке 353-й дивизии. После непродолжительной артподготовки противник форсировал Миус, прорвал фронт и вводит в бой резервы. Судя по всему, против нашей стрелковой дивизии действуют четыре немецких, из них одна танковая и одна моторизованная. Это произошло четверть часа назад. Командир дивизии бросил в бой собственные резервы и к нему на помощь выдвигается 6-я танковая бригада.

— Мало! — Ремезов ударил кулаком правой в ладонь левой руки и широким шагом направился в штаб. — За мной!

21.

Ростовская область. 17.04.1942.

За бортом самолета темно, но если присмотреться, в узкой щели иллюминатора видна еле заметная розовая полоса. Скоро рассвет. Однако высадка пройдет раньше. Первое задание отряда "Фалширм" в тылу советских войск и, конечно же, я волновался. Сегодня мой четвертый прыжок с парашютом и второй ночной. Что ждет нас внизу, неизвестно. Мы окажемся на советской территории. На вражеской территории. А боевая задача серьезная.

Я постарался успокоиться. Погладил холодный ствол автомата, который был плотно прикручен к телу, и закрыл глаза. После чего перед мысленным взором промелькнули картины из прошлого. Детдом. Завод. Служба в Красной армии. Старшина Захаров. Бои с немцами. Выход из окружения. Плен. Школа урядников. Полк Кононова. Белорусский хутор, заснеженный лес и приближающаяся "тридцатьчетверка". Встреча с родственником и учеба в школе Абвера...

Капитан Валентин Беринг, который получил приказ сколотить из молодых казаков парашютно-диверсионный отряд, был прибалтийским немцем и сыном царского офицера, который в начале революции вовремя сбежал за границу. Он служил в Абвере, подчинялся барону Весселю Фрейтаг фон Лорингхофену, тоже прибалтийскому немцу, и очень сильно хотел прославиться, сделать военную карьеру и стать героем. Для кадрового офицера это нормально. Однако он не знал, как сделать так, чтобы получить все сразу, и ему подсказали. Нужно собрать команду боевиков и провести несколько серьезных операций. Идея его увлекла и, с благословения своего шефа, он взялся за дело. Примерно так я представлял себе причины, которые двигали нашим командиром. А что у него на самом деле творилось в голове, остается загадкой.

Впрочем, это неважно. Перехожу к тому, что произошло со мной с того момента, как я покинул 102-й Донской казачий полк и оказался в отряде "Фалширм".

Из Киева нас самолетом доставили в Запорожье и перевезли на остров Хортица, где некогда находилась самая известная Запорожская Сечь. Это наша земля. Казачья. Где-то

здесь находились могилы наших предков. Для меня это святое место. Но погулять по острову возможности не было. Свободу нам не давали и загрузили по полной программе. Сами того не желая, мы стали курсантами школы Абвера "Вахткоманда", которая являлась филиалом другого, более крупного учебного заведения, находившегося в Полтаве. Школа располагалась в санатории для партийных работников Запорожской области. Число курсантов постоянно менялось, от ста до двухсот человек. Преподавательский состав смешанный, несколько немцев, как правило, хорошо знающих русский язык, и три десятка белоэмигрантов. Охрана относительно небольшая, взвод солдат.

В школе "Вахткоманда" готовили агентов для заброски в ближний тыл советских войск. Однако казаки держались отдельно и нас сразу поставили в привилегированное положение. Своя национальная одежда. По крайней мере, папахи и кубанки оставили. Отдельный стол и корпус для проживания. Разрешение носить холодное оружие и не сдавать пистолеты, у кого они имелись. А так же собственная, более расширенная, программа обучения. Мы не слепые, все видели и отношение преподавателей ценили. Тем более Беринг всегда находился с нами, ел то же самое, что и казаки, общался с нами на равных, и сразу объяснил цель создания отряда.

По словам Беринга, мы должны были стать основой для создания воздушно-десантных сил страны Казакия, которая войдет в состав возрожденной России на правах автономии с широкими правами и самостоятельными вооруженными силами. Каково? Когда я это услышал, сначала не поверил своим ушам. Как это так? Почему немецкий офицер упоминает Казакию? Это более чем странно. Однако все имеет свои причины, может быть объяснено и, со временем, я узнал, откуда у Беринга подобные идеи.

На второй неделе обучения к нам приехали два старых казака-преподавателя, один донской, другой кубанский. В нашем понимании старый, это когда возраст перевалил за сорок лет. Они нашего капитана знали давно, были его доверенными лицами, и являлись самостийниками. Люди очень серьезные в плане идеологии. Как начнут рассказывать историю казачьего народа, стоишь и удивляешься, какие древние корни мы имеем. После чего от гордости грудь распирало. Однако вояки они слабые. Поэтому, несмотря на красивые речи, молодые казаки относились к ним весьма настороженно, а некоторые даже с пренебрежением Мы — воины. Это было четко усвоено в лагере 1-й казачьей дивизии и в полку Кононова. А вы где воевали, господа? Нигде? Почему? Как правило, ответы были уклончивыми, и тогда я вспоминал слова дядьки Кондрата, когда он рассказывал про эмиграцию: "Вылезла всякая сволочь, про независимость Присуда от России нам стала сказки рассказывать. А где они, такие умные, были, когда мы с батькой Шкуро красных рубали, Воронеж брали и отступали? Что-то я их в строю не припомню". Видимо, родственник говорил именно о таких людях. Идеологи хорошие и речи говорят такие, какие тешат самолюбие и нравятся многим казакам. Но верить им нельзя. Так что я был осторожен и лишнего не болтал. Берингу-то что, он считал, что беседы с самостийниками повысят нашу мотивацию сражаться с большевиками. Вот и болтает про Казакию, не всегда понимая, о чем идет речь. А на самом деле, как мне думается, ему плевать. Главное — дело и конечный результат.

Ладно, появление эмигрантов-идеологов не самое важное. Они пробыли у нас меньше месяца, а потом исчезли. Важнее другое — боевые и практические навыки, которые нам давали в школе штатные инструктора и наставники.

В курс обучения, который был рассчитан на три месяца, входило много интересного.

Ведение партизанской войны. Проведение диверсий. Выживание в дикой природе. Методика перехода линии фронта, поведения в советском тылу и при задержании, на допросах и в местах заключения. Структура советских вооруженных сил. Знаки различия личного состава. Основы топографии. Картография и ориентация на местности. Определение по памяти места своего нахождения. Стрелковое дело. Тактика. Рукопашный бой. Свойства взрывчатки и методы ее закладки. Арсенал зажигательных средств и их применение. Приготовление простейших взрывчатых веществ из подручных материалов. Работа с радиостанциями различных типов. Основы немецкого языка. Советская документация и ее подделка. Вождение автотранспортных средств. Ну и, конечно же, прыжки с парашютом.

Все это могло мне пригодиться. Хотя бы ради собственного выживания. Понимание этого имелось, и я впитывал информацию, словно губка, а на полигонах выжимал из себя все, что можно. Порой доходило до того, что едва в обморок не падал. Но больше всего мне нравились лекции по военной психологии, которые проводил старый эмигрант по фамилии Молчанов. Человек без сомнения весьма умный, начитанный и грамотный. Он умел заинтересовать слушателей и мне его слова пришлись по душе. Как пример, отрывок лекции:

"Воин постоянно находится в ситуациях, которые для других людей являются стрессовыми. И это приводит к тому, что он освобождается от общепринятых норм морали, внешних условностей и социальных атрибутов. Такой человек начинает мыслить другими категориями, следует собственным законам, и готов жертвовать жизнью, ради достижения каких-то целей. В первую очередь, чтобы жили другие люди, сородичи и соплеменники. По сути, вся его жизнь борьба со смертью и в каждой древней религии имеются упоминания, что павший в битве воин после гибели сразу попадает в Рай. Люди минувших эпох прекрасно понимали, что нельзя равнять воина и мирянина. Это разные уровни. А теперь представьте народ, который живет по законам войны и делает их неотъемлемой частью своего бытия. Для вас это не сложно, ведь таким народом были казаки. В первую очередь воины, которые чувствовали свое превосходство над другими народами Российской империи, и прекрасно осознавали свое отличие.

К сожалению, после кровавых войн и революций, которые сотрясали Россию, данный этнос почти утратил свою монолитность и потомки казаков, несмотря на предрасположенность к войне, часто прогибаются под внешнюю среду. Это проблема не только тех, кто остался в России, пережил красный террор и затаился, но и тех, кто долгое время провел в эмиграции, остепенился и забыл, где его Родина. Впрочем, это касается всех современных урбанистических "цивилизованных" обществ. И тут уже кто кого. Слабый характер покорится и ограничит себя, а сильный прорвется и отторгнет идеологическое и бытовое приспособленчество. Разумеется, такой человек получит массу проблем и осложнит себе жизнь, поскольку вступает в борьбу с обществом потребителей. Однако в этой борьбе он находит свою целостность и его восприятие мира становится гармоничным. И вы, молодая поросль казачьего народа, имеете реальный шанс возродить былое величие. Именно на вас главная надежда старых казаков и всей России, потому что отделить казачество от империи невысказано"...

Чем раньше занимался Молчанов и кем был, не знаю. Я пытался с ним пообщаться после уроков, но он, к моему сожалению, на контакт не пошел.

В остальном у меня все, как у моих товарищей. Подъем и зарядка. Завтрак и занятия. Обед и снова занятия. Ужин и вечерний факультатив. Два-три часа личного времени и отбой. Увольнительных не было, хотя деньги нам выдавали. Что характерно, рейхсмарками.

Только что с них толку, если мы даже не знали цен на товары и не могли их потратить? Лежат бумажки в портмоне мертвым грузом, и пользы от них нет.

Как я уже говорил, курс нашего обучения был рассчитан на три месяца. Но мы немного недоучились. Группа армий "Юг" перешла в наступление. Танковые и моторизованные дивизии немцев рванулись по направлению к Ростову-на-Дону. Бои шли уже на подступах к областному центру и Красная армия отступала. Обе стороны напрягли в борьбе свои силы, и кто-то на самом верху, возможно, барон фон Фрейтаг-Лорингхофен, решил отправить нас на фронт раньше намеченных сроков. Из преподавателей быстро собралась комиссия, которая устроила нам экзамен, и мы его сдали. Никто не оплошал. Сколько казаков в школу поступило, столько ее и окончили. Молчанов тогда обронил, что попался хороший человеческий материал, крепкий и психологически устойчивый. Группа отличная, не чета завербованным в Киеве и Полтаве агентам или военнопленным. Там отсеб доходит до пятидесяти процентов. Я это услышал случайно и запомнил.

Никаких дипломов нам не вручали. Все было гораздо проще. Вместо прежних документов вручили офицерские книжки, в которых на русском и немецком был вписан новый чин — подхорунжий. Так мы стали командным составом, по советскому рангу младшими лейтенантами. Как обещали в дивизии — тут все честно. Но прямо сейчас на нас это никак не отразилось. Каждый казак отряда "Фалширм" (Абверкоманда-214) на должности рядового и командир только один — капитан Валентин Беринг. А помимо него в нашу группу влили еще двух русских, и одним из них оказался мой старый знакомый Василий Ростовцев, который стал заместителем командира. Как он сам говорил — это временно.

С новыми товарищами сошлись быстро и это хорошо, так как времени на притирку не было. Один день на отдых с выездом в полевой немецкий бордель, а затем общий сбор, сдача личных документов и вещей, подготовка к операции и отправка на аэродром.

Состав отряда "Фалширм" — двадцать три человека. Униформа и вооружение — советские. Задача: десантироваться с южной стороны города Батайска в пятнадцати километрах от него. Выдвинуться на трассу Ростов-Краснодар и нанести урон живой силе противника, дезорганизовать его и захватить пленных из числа высшего командного состава. После чего отойти, спрятаться и дожидаться подхода немецких войск или прорываться к линии фронта самостоятельно.

Карты есть. Оружие в порядке. Отряд готов к выполнению поставленной боевой задачи. Ночная погрузка в самолет и вот мы в небе...

— Приготовиться! — отдал команду немецкий штурман.

Казаки поднялись, и к боковому люку подошел другой летчик. Он дождался сигнала от штурмана, открыл люк и махнул рукой:

— Пошли!

Один за другим мы шагнули в темноту. В лицо ударил холодный ветер и временно я потерял ориентацию. Но вскоре собрался, отсчитал три заветные цифры и дернул за кольцо.

Парашют раскрылся штатно. Падение замедлилось. Земля уже неподалеку. В предрассветных сумерках ничего не разобрать и это сильно нервировало.

Земная поверхность появилась неожиданно. Плотные сжатые ноги коснулись грунта и я упал. Сразу поднялся и снова рухнул. Парашют потянул меня в сторону, и пришлось его гасить. Справился. Снял автомат и осмотрелся. Невдалеке силуэт человека.

— Кто!? — позвал я его.

— Ляпин! — ответили мне. — А ты кто!?

— Погиба!

— Андрюха, помоги! Тут Ванька Сахно ногу вывихнул, а может и сломал!

Я подбежал к Сереге Ляпину и обнаружил рядом с ним Ивана Сахно. Он лежал, поджав ногу. К счастью, перелома не было. А вот вывих имелся. Плохо, но не смертельно. Будь мы обычной группой Абвера, пострадавшего могли пристрелить. Однако мы — казаки. Своих не бросаем. И когда группа собралась, Ивану оказали первую медицинскую помощь и потащили к дороге. Судя по всему, мы от нее невядалеке и после полудня можем выйти на место засады. Посмотрим, что там и как. Ивана спрячем, а дальше по обстановке.

22.

Ростовская область. 17.04.1942.

К дороге вышли без проблем, в районе поселка Суходольск, и произошло это уже после полудня. Отряд пересек трассу, по которой двигались колонны советских войск, и вошел в населенный пункт спокойно, никого не опасаясь. Документы надежные, униформа хоть и грязная, но в порядке. Чего нам бояться? Мы на своей земле. А если кто-то посмеет спрашивать, откуда и куда идем, Беринг всегда мог ткнуть в лицо любопытного удостоверением сотрудника НКВД и сказать пару ласковых. Однако таких людей не нашлось. Небольшой поселок выглядел довольно убого, красноармейцев на улицах не видно, а местные жители, чувствуя приближение фронта, притихли, и общаться с вооруженными бойцами желания не проявили.

Основная часть отряда осталась в крайней хате, обнаружила хозяев, старого одноногого деда с двумя старухами, и поставила их перед фактом постоа. А Беринг, Ростовцев и я отправились к председателю.

Глава поселения находился в правлении колхоза. Седой мужчина в потертом полушубке, усталый и не выспавшийся. Он посмотрел на нас измученным взглядом и Беринг представился:

— Капитан Астафьев, государственная безопасность.

Беринг потянул руку за документами, но председатель махнул рукой:

— Не надо. Я все вижу. Вы, наверное, из той группы, которая ищет парашютистов?

Судя по всему, речь шла о нашем отряде и нас уже искали. Кто-то заметил высадку и сообщил куда следует. Но пока ничего страшного не произошло, и Беринг согласился с председателем:

— Да, мы ищем парашютистов.

Завязалась беседа, и глава поселения рассказал, что группа НКВД в составе взвода бойцов и нескольких командиров пять часов назад выдвинулась на восток от Суходольска. С тех пор от нее никаких вестей. А в остальном в поселке все как обычно. Кого не мобилизовали и не угнали на рытье окопов, тот трудится, ухаживает за скотиной, чинит сельхозинвентарь перед посевной и, на всякий случай, готовится к эвакуации колхозного имущества. Но председатель особо отметил, что таких сознательных людей мало. Многие, особенно люди старшего возраста, ждут прихода немцев. Он составил список и готов предоставить его товарищу капитану.

"Капитан Астафьев" похвалил председателя за бдительность и забрал список. После чего мы ушли, Беринг поднял отряд, который немного отдохнул и обогрелся, а затем повел нас обратно на дорогу. Ваню Сахно решили не оставлять, он немного оклемался. Двигался с

трудом и на обезболивающих таблетках, но самостоятельно. Я был замыкающим, немного замешкался, задержался в сених и услышал голос старика, который меня не видел:

— Падлюки краснопузые... Шоб вам пусто было... Шоб вы своими мудями на ружья напоролись... Шоб у вас zenки повылазили...

Судя по всему, инвалид был как раз из тех неблагонадежных, о которых говорил председатель, и он не мог не проводить "бойцов НКВД" проклятьями. Это хорошо. Так и должно быть. Казаки себя не раскрыли и спектакль удался.

Я догнал отряд. Кругом степь. На землю опустилась ночь и резко похолодало. Но именно в такую погоду и надо работать. Четкого плана как такового не было, положились на удачу. Кто-нибудь поедет по дороге, и мы его сцапаем, а дальше по обстановке. Не выгорит на дороге, вернемся в Суходольск, переночуем и выдвинемся на железную дорогу, которая тоже рядом.

Удача нас не подвела. Несмотря на ночь, движение советских войск не прекращалось. К Дону двигались подкрепления, как правило, небольшие маршевые отряды не больше роты, и обозы с боеприпасами. А от линии фронта в тыл везли раненых. Где-то в районе полуночи все затихнет, но это временно и в пять-шесть часов утра все возобновится.

Впрочем, до полуночи далеко. Отряд растянулся вдоль поворота на Суходольск. На виду осталось несколько человек, и Беринг начал высматривать цель. Нам требовался автотранспорт и вскоре он появился. Со стороны райцентра, поселения Самарское, шли два тентованных грузовика и капитан их остановил. Из головного выскочил молодой лейтенант, который подскочил к Берингу и предъявил путевые документы. Судя по ним, лейтенант Сидорчук был тыловиком 30-й стрелковой дивизии, которая занимала оборону на левом берегу Дона, и вез на фронт боеприпасы: патроны, гранаты и взрывчатку. Груз очень ждали, но не дождались.

Наш командир принял решение моментально и не колебался. Он одним ударом вырубил лейтенанта, ударил его кулаком в висок и молодой парень потерял сознание, а казаки захватили автомобили. Что дальше? Пять человек капитан Беринг выслал в боевое охранение. Сам занялся допросом пленных, которые должны были рассказать о постах на дороге. А остальные казаки в это время отогнали машины в сторону и стали их разгружать. Ну как разгружать... Выкидывать ящики в ближайшую балку.

Спустя четверть часа отряд снова собрался и был готов к выдвигению. Пленных прикончили. Осталось погрузиться и можно ехать куда угодно. Хоть в Самарское, это дальше в советский тыл, хоть в сторону Батайска, поближе к фронту. Разумеется, все мы за продолжение рейда, который начался так удачно. Но в этот момент, вернувшийся из боевого охранения казак, сообщил о появлении отряда, который приближается с востока. Кто это — гадать не надо. Возвращался поисковый отряд НКВД, который не смог нас найти. Можно избежать боя, однако казаки были на взводе. Нам сам черт не брат. Да и Беринг завелся. Поэтому мы организовали на красноармейцев засаду. Это не сложно. Они шли в Суходольск, а дорога одна и мимо не проскочить.

Выдвинулись. Залегли вдоль обочины. Ждем.

Противник появился быстро. Видимость так себе, Луна света почти не давала. Однако главное разглядеть можно. Бойцы НКВД шли нестройной толпой. Они замерзли, устали и проголодались. Им надоело бродить по степи и полям в поисках диверсантов, и они хотели поскорее оказаться в тепле. Нормальное желание. Но расслабляться нельзя даже в тылу. Мы это знали. Красноармейцы, скорее всего, тоже, но потеряли бдительность и поплатились за

это.

— Огонь! — по-русски отдал команду Беринг.

На узкую дорогу обрушился шквал свинца. Двадцать автоматов и три ручных пулемета Дегтярева, которые бьют практически в упор, страшная вещь. Бежать красноармейцам некуда, справа и слева поля. Только если к автостраде, где можно получить помощь от проходящих маршевых рот. Однако именно в это время она была пустынна. Поэтому все закончилось быстро, никто не ушел, а кто получил ранение, того добились.

Оружие, боеприпасы и документы собирать не стали. Этого добра хватало. Следовало как можно скорее уходить, и мы дали деру. Попрыгали в грузовики, вырулили на главную дорогу и помчались в сторону Самарского.

Остановились только через час, когда проскочили райцентр. По причине того, что навстречу шла большая колонна советских войск. Пехота и конный обоз. Мы съехали на грунтовку, которая вела к небольшому хутору, и затихли. Капитан выдвинул к дороге разведку и когда появился хвост войсковой колонны, приказал готовиться к бою. План Беринга был простым и незатейливым. Колонна проходит, мы бьем замыкающих и уезжаем.

Отряд подошел к дороге и рассредоточился. Наш автотранспорт проехал немного дальше. Темно и в этой темноте фыркают лошади, перекликаются люди и звякает металл. Противник рядом, метров сорок, не больше. Промануться сложно.

"Что же ты делаешь, Андрей? — сам себе задал я вопрос, прижимая приклад автомата к плечу. — Ведь это же свои. Как можно в них стрелять?"

Да, могло выйти так, что среди красноармейцев, которые шли к фронту из Краснодара, были знакомые мне люди. Но свои ли они? Я подумал об этом и... ничего не ощутил. Свои вот они — слева и справа, мои братья, мой народ. А люди на дороге никто. Даже не русские, а советские. Они продали империю, покорились, поверили большевикам, а теперь служат Сталину, и в этом их вина...

Как писал Петр Николаевич Краснов в своем романе "За чертополохом", отрывки из которого нам читали на занятиях в школе Абвера:

"И стали гибнуть лучшие люди. И когда они погибли, подняла голову... пьяная, паршивая Русь, все отрицающая, над всем смеющаяся, и сорвала в несколько часов остатки красоты былой Руси, Руси Царской. Руси Императорской... И стала советская республика. Олицетворением ее стал Ленин. Вы видали его портреты! Ведь это тот самый пьяный мужик, вшами покрытый, грязный и никчемный, только вырядившийся в короткий пиджак и примаслившийся партийной ученостью".

Все эти красноармейцы, как и я раньше, служат СССР, этой самой "паршивой Руси" пародии на империю. Для них я враг, как и они для меня. Так что сомнений не было, и когда Беринг отдал приказ открыть огонь, я его выполнил.

23.

Батайск. 24.04.1942.

Иван Никитич Ремезов отошел от аппарата Бодо и присел за стол. Следовало собраться с мыслями и решить, что делать дальше. Время за полночь и ему хотелось спать. Но это невозможно. Только что он общался с начальником Генштаба РККА Шапошниковым и Ремезов еще раз прокрутил беседу в голове.

Шапошников: "Побеспокоил вас, чтобы в трудном деле поближе участвовать с вами вместе в обороне города Ростова. Какая последняя обстановка? То, что вы уже передали, я

знаю, что есть нового в дополнение к переданному вами. У меня все".

Ремезов: "Докладываю. Час тому назад противник, проводивший ночную атаку из района высоты 117,1 на северную часть Аксайской, но был отбит. 343-я стрелковая дивизия ведет бой на северной окраине Красный Город-Сад. Противник, что необычно для него, в течение всей ночи ведет бой с нами. Вокзал находится в его руках. Сегодня и завтра предстоит тяжелая борьба на улицах города. Задача заключается в том, чтобы нанести врагу как можно больше потерь и сохранить боевую технику. В сегодняшних боях потеряно большое количество материальной части (танков, артиллерии и три бронепоезда). Много смелых храбрых командиров и политических работников дивизий погибло. Только что пришло подтверждение о гибели командира Ростовского полка народного ополчения Варфоломеева и командира 66-й кавалерийской дивизии Куца".

Шапошников: "Да, сегодня армия вела жестокие бои. Если противник понес большие потери, которые есть, конечно, и у нас, то сегодняшней день, 24 марта, нужно напрячь все силы, проявить всю энергию и настойчивость, чтобы выбросить противника из города и спасти материальную часть и оружие. Минируйте мосты и дороги. Держитесь. Не отступайте. Мнение Ставки вам хорошо известно — Ростов удерживать еще хотя бы несколько дней и не давать противнику возможность переправиться на левый берег Дона".

Ремезов: "Все понятно. Будет исполнено. Будем держаться. Все мосты заминированы; при надобности они будут взорваны. Прошу помощи в восстановлении боеспособности частей. Нуждаться будем в оружии и артиллерии. Необходимы подкрепления".

Шапошников: "Хорошо. Потом разберемся, а сейчас надо драться и добывать победу".

Ремезов не услышал ничего нового. Он командующий армии, фигура серьезная. Однако над ним много начальников. Только за вчерашний день полтора десятка звонков от вышестоящих руководителей и командиров. И проигнорировать их нельзя, по крайней мере, самые важные. Главком Юго-Западного направления маршал Тимошенко — держаться. Командующий Южным фронтом генерал-полковник Черевиченко — держаться. Представитель Ставки Верховного Главнокомандующего на Южном фронте маршал Кулик — держаться. Член Военного совета Юго-Западного направления Хрущев — держаться. А теперь еще и начальник Генштаба. Все они отдавали какие-то указания, а серьезной помощи нет. Хрущев тот вообще еще вечером уехал в Краснодар, подальше от фронта, и когда противник проникнет на левый берег Дона, а это дело двух-трех дней, крайним окажется Ремезов. Расстрелять его, конечно, не расстреляют, на дворе не 37-й год, когда можно было разбрасываться опытными кадрами, а вот в звании и в должности могут понизить.

Иван Никитич покачал головой. Как все плохо складывается.

Немцы ударили всерьез, форсировали Миус, смели части Красной армии и рванулись к Ростову. 56-я армия сделала все возможное, чтобы их остановить, однако силы были неравны. Задержать врага удалось. Но лишь на несколько дней и ценой огромных потерь в личном составе и технике. А когда германские дивизии в очередной раз проломили оборону 56-й армии, остановить их было некому. На подступах к Ростову-на-Дону имелись подготовленные инженерные оборонительные сооружения, но занять их личный состав попросту не успел. Разрозненные остатки стрелковых и кавалерийских дивизий, сводных и морских бригад, бросая поломанную технику, спешно отходили к переправам через Дон. И тогда Ремезову пришлось задействовать последние резервы, гарнизон Ростова-на-Дону: части НКВД, курсантов и ополченцев. Они должны были драться за областной центр и оборонять предмостные тет-де-поны у заминированных переправ через Дон в полосе между

населенными пунктами Семерниково, Гниловская, Ростов-на-Дону, Аксайская.

Надо отдать гарнизону должное. Бойцы сражались самоотверженно, проявляли чудеса героизма и задержали немцев. Всего на два дня. Но за это время штаб 56-й армии сумел собрать в кулак разрозненные остатки дивизий, остановил бегство, усилил боевые соединения маршевыми ротами из Краснодара, подкрепил гарнизон областного центра и усилил оборону переправ. Как бы ни повернулось дело, Ремезов всегда сможет поставить себе этот факт в заслугу. А что еще более важно — удалось спасти практически всю тяжелую артиллерию армии и реактивные минометы, вывести их из-под удара и вовремя перетащить на левый берег. В будущем, при оборонительных боях за южные районы Ростовской области, это обязательно скажется.

Тяжело вздохнув, Ремезов поднялся и покинул связистов. Он прошел по широкому школьному коридору, по которому не так давно бегала детвора, и свернул в класс, где находился оперативный отдел армии. Несмотря на глубокую ночь, здесь было очень оживленно. В центре помещения на нескольких сдвинутых партах лежала большая подробная карта Дона и прилегающих к реке районов. Над ней склонились штабные офицеры, которые обозначали расположение своих и вражеских подразделений. А немного в стороне стояли помощники Ремезова в деле управления армией: член Военного совета корпусной комиссар Мельников, начальник штаба генерал-майор Арашунян и начальник разведотдела армии полковник Егнаров. Они что-то оживленно обсуждали, и когда Ремезов к ним приблизился, все посмотрели на него и Арашунян с легким кавказским акцентом, который проявлялся у него в моменты волнения, спросил:

— Иван Никитич, слышали последние новости?

— Какие? — Ремезов не ждал ничего хорошего и нахмурился.

— Япония объявила войну США.

— Нет, об этом не знал, — командующий покачал головой.

— Нам теперь легче станет, — Арашунян устало улыбнулся и продолжил: — Раз японцы напали на США, значит, не осмелятся ударить по нашим тылам. С самого начала войны ждем нападения, на Дальнем Востоке держим немалые силы, а теперь часть дальневосточных дивизий, наверняка, направят на запад.

По словам Арашуняна, вчера днем военно-морское соединение японского императорского флота под командованием вице-адмирала Тюити Нагумо атаковало главную базу Тихоокеанского флота США в бухте Перл-Харбор. С японской стороны семь авианосцев и почти пятьсот самолетов, в том числе истребители, торпедоносцы и пикирующие бомбардировщики, а так же два линкора, четыре крейсера, пятнадцать эсминцев и несколько подводных лодок. А за ними следовала еще одна эскадра — десантная, под прикрытием кораблей охранения. С американской стороны главные силы Тихоокеанского флота, линкоры, три авианосца, немало эсминцев и береговая авиация. Подход самураев был замечен, американцы начали выводить свои силы в океан, и в этот момент японцы их накрыли. Точные потери Тихоокеанского флота неизвестны, но, судя по всему, они весьма значительны. Над Гавайями идет ожесточенное воздушное сражение, а японские солдаты десантируются на берег...

Советские командиры восприняли эту новость с радостью. Во-первых, она отвлекла их от собственного тяжелого положения. А во-вторых, подарила надежду на скорое появление дополнительных сил, которые помогут остановить немцев. Однако Ремезов их оптимизма не разделял. Дивизии с Дальнего Востока на фронте, конечно, появятся. Только произойдет это

не так быстро, как бы хотелось. А еще он был уверен, что США все свои силы станут тратить на борьбу с японцами и Советский Союз недополучит самолеты, танки и многое другое, что Рузвельт обещал предоставить союзнику в битве против Третьего Рейха по Ленд-Лизу.

— Хватит, — Ремезов приподнял ладонь и прервал начальника штаба. — Сейчас не про Японию и США надо думать. Там война, которая нас напрямую не касается. Давайте вернемся к тому, что под боком. За дело, товарищи. За дело...

Штабные офицеры разошлись, а Ремезов склонился над картой.

Ночь выдалась тяжелая. В три часа утра была потеряна всякая связь с подразделениями, которые вели бои на окраинах Ростова и возле вокзала. В четыре часа она восстановилась, и выяснилось, что немцы уже в центре города. В четыре тридцать командир находящегося на правом берегу Дона 1177-го Анапского стрелкового полка подполковник Рыбкин доложил, что против его частей замечены казаки РОА, которые предлагают красноармейцам переходить на их сторону. Личный состав ненадежен, и он просит прислать на усиление хотя бы роту бойцов НКВД. Рота. Это немного. Только где ее взять, когда самые надежные бойцы на передовой, дерутся за город. Поэтому Ремезов отправил на позиции Анапского стрелкового полка сводную роту мотоциклистов и взвод из батальона охраны штаба армии.

В пять часов утра новое сообщение — немцы захватили железнодорожный мост у станции Аксайской. Судя по всему, это диверсанты из уже ставшего известным немецкого полка "Бранденбург". Выбить их не получается, два взвода бойцов из 230-го конвойного полка НКВД частично уничтожены, а частично отошли. Оказавшийся на месте член Военного совета армии Борис Александрович Двинский просит помощи. На правом берегу до сих пор оставались эшелоны с важными грузами, в основном с заводским оборудованием и боеприпасами для артиллерии. Мост терять нельзя ни в коем случае — это Ремезов понимал очень хорошо и отправил на его захват единственную подвижную часть, мотострелковый батальон.

Наступило временное затишье. Бои на правом берегу не стихали, но свежих донесений не было. Ремезов забылся и задремал. Однако уже в половине восьмого утра его снова разбудили. Железнодорожный мост у Аксайской отбить не удалось. На помощь к диверсантам пробилась немецкие моторизованные части и казаки. Наплавной мост (деревянный) через Дон взорван бойцами НКВД. Железнодорожный остался за немцами. Казаки переправились на левый берег, предположительно, три-четыре конные сотни, и рассеялись по степи. Батальон, посланный на выручку охране мостов, отброшен и отступает. Немцы закрепляются. Борис Александрович Двинский успел переправиться на левый берег на лодке.

Ремезов обратился к генерал-майору Красовскому, который отвечал за ВВС армии. Кровь из носу Аксайский мост необходимо уничтожить. Красовский обещал сделать все возможное и в девять часов утра три десятка советских бомбардировщиков под прикрытием неполной эскадрильи истребителей вышли на цель. Однако советских "соколов" уже поджидали германские "ястребы". Ценой больших потерь летчики Красовского смогли повредить мост, но уничтожить его не получилось и в бой, под прикрытием подтянувшейся артиллерии, снова пошли пехотинцы, которые, в очередной раз, не справились.

В десять часов утра из Ростова сообщили, что положение стабилизировалось, город держится и ополченцы отбили вокзал. А в штаб прибыл подполковник Кулжинский, старший офицер ВОСО (Военных сообщений) армии, и доложил, что под его руководством при отходе подразделений железнодорожных войск демонтировались и уничтожались пути,

стрелочные переводы, сигнальное и заправочное оборудование, подвижной состав, ГСМ, топливо и строительные материалы. Только батальон под командованием старшего лейтенанта Лозового на участках Хапры-Гниловская, Ростов-Западный-Ростовберег, Темерник-Ростов-товарный взорвал 11 мостов, 124 стрелочных перевода и 38 тысяч метров рельсов.

Командарм похвалил подполковника и отпустил отдыхать. День только начинался и, позавтракав, Ремизов начал готовить очередную атаку на Аксайский мост. Но вскоре узнал, что это уже бесполезно. Часть бойцов 1177-го Анапского стрелкового полка перешла на сторону противника. Немцы и казаки захватили переправу в районе станицы Гниловской. Подполковник Рыбкин убит. Предположительно, своими же бойцами, когда пытался заставить их выполнять приказ.

Настал момент, когда необходимо думать об очередном отходе и отводе пока еще боеспособных соединений. Следовало взять на себя ответственность и снова принять решение, которое повлияет на судьбы тысяч людей. Однако перед тем как командарм отдал приказ об отступлении и подрыве мостов-переправ, позвонили из Краснодара и командующий городским гарнизоном поинтересовался у штабных офицеров 56-й армии, где находится член Военного совета Юго-Западного направления Никита Сергеевич Хрущев который выехал из Батайска и пропал.

Вот так новость — был человек, и нет его. Не один исчез, а вместе с усиленной охраной. Что это — случайность, измена или операция немецких диверсантов? Еще одна неприятность и Ремезов, стараясь сохранять спокойствие, постарался забыть про Хрущева, которого побаивался, и созвал Военный совет армии. Не получилось продержаться на левобережных позициях два дня и удержать плацдармы на правом берегу. Не вышло. Надо начинать отход. Без промедления, прямо сейчас, а иначе армия будет окружена, разрезана на куски и уничтожена.

24.

Краснодарский край. 24.04.1942.

Приближаясь к земле, завывла мина. Ее можно не опасаться, упадет в стороне, и мы не останавливались. Взрыв. Метров триста правее. Зачем лупят? Темно вокруг и ничего не видно. Наверное, чтобы заставить нас нервничать и метаться из стороны в сторону. С неопытными бойцами это могло получиться. Но мы не из таких.

Моя группа, пять человек, осколок отряда "Фалширм", двигалась вдоль правого берега реки Кавалерка и уводила за собой преследователей. Лесов вокруг нет, только камыш, редкий кустарник и степной бурьян. Пока ночь, поисковые группы красноармейцев нас не видят, а вот на рассвете придется туго. Наверняка, противник поднимет в небо самолеты и пустит по следу собак. При таком раскладе придется туго и шансы на спасение резко понизятся. Нужно что-то придумать, пока есть время. А что? Как выкрутиться и вытащить братьев?

"Думай, Андрей! — подстегнул я себя. — Думай"...

Словно стая опьяневших от крови хищников, которых ведет бесстрашный вожак, отряд "Фалширм" носился по тылам советских войск. Мы обстреливали проходящие по дорогам колонны и подрывали куски железнодорожного полотна, делали передышку и снова возвращались к трассе, вырезали дорожный пост и захватывали транспорт. В глазах казаков горел огонь. Потерь не было, и мы оторвались от реальности, уверовали в собственную

неуязвимость и непобедимость. Беринг говорил — в нас проснулись берсерки. Может быть, что и так. Но факт остается фактом — каждый наш удар был в цель, ни одного сбоя и отряд работал как хорошо отлаженный механизм. Посмотришь на другого бойца и понимаешь его без слов, как если бы обладал возможностью слышать мысли. Настрой сказывался на всем, но предстояло выполнить основную задачу — взять важного пленника, "жирного гуся". После этого можно выходить на соединение с казаками из 1-й казачьей дивизии, которые уже проникли на левый берег Дона и гнали коммунистов с родной земли.

Мы смещались на восток, все глубже забирались во вражеский тыл, и когда, пристроившись к большому тыловому обозу, благополучно прошли через станицу Куцевская, нам в очередной раз повезло. Отряд вышел к мосту через реку Кавалерка, это уже в Краснодарском крае, и переправа охранялась отделением советских бойцов. Несмотря на отход Красной армии от Дона и многочисленные известия о немецких диверсантах, охрана вела себя спокойно. Красноармейцы на посту давно и за время несения службы с ними ничего плохого не происходило. Легкая добыча и мы взяли их в ножи. После чего перекрыли дорогу. Кто первый появится, тот и станет нашей жертвой. Слева и справа от дороги траншеи и окопы, а на обочине обложенная мешками с землей огневая точка с ДШК. Отличная машинка, давно хотел из нее пострелять, и я встал за пулеметчика.

Дело к вечеру. Прошло полчаса. Дорога пустынна. Как назло, никого нет. А долго задерживаться на посту нельзя. Того и гляди, появится какой-нибудь командир, который знаком с уже покойными охранниками моста, поднимет тревогу и привлечет к нам внимание.

Наконец, со стороны Куцевской появилась автоколонна. Небольшая, но представительная. Штабной автомобиль, не советский, а что-то иностранное. За ним небольшой фургончик. Еще одна легковушка, попроще первой. И замыкал колонну броневики БА-10, одна из его модификаций, с двумя пулеметами и, судя по длинной антенне, которая покачивалась в такт движению, мощной радиостанцией.

Один из наших грузовиков выкатился на дорогу и перекрыл ее, а затем вперед, поднимая раскрытую правую ладонь, вышел капитан Беринг. Как обычно, он вел себя уверенно, а его автомат был заброшен за плечо. Казаки "Фалширма" приготовились к бою. Дополнительные команды не нужны. Мне достался броневики. Пули автоматов и винтовок могут его защиту не взять, а вот ДШК разберет броню на кусочки. Тем более дистанция всего ничего, метров восемьдесят и на линии огня никого нет.

Автоколонна остановилась, и я представил себе, как стрелок броневика берет меня на прицел. От этого на мгновение стало не по себе, но волнение практически сразу ушло. Не станет он стрелять первым. Не успеет. Поэтому нечего зря переживать.

Из головной машины выскочил молодой офицер в новенькой шинели. Весь такой гладкий, чистый, ухоженный и прилизанный, что сразу становится ясно — это образцовый адъютант, который состоит в свите важного начальника.

— Что случилось!?! — подбежав к Берингу, громко спросил адъютант.

Капитан развел руками:

— Мост поврежден. Проезд закрыт.

— Как так!?! Почему!?!

— Не могу знать. У меня приказ — никого не пропускать, пока мост не будет восстановлен.

— Чей приказ!?!

— Командования, конечно.

— Нам необходимо проехать! Ты знаешь, кто находится в автомобиле!?

— Нет.

— Ты остановил самого Никиту Сергеевича Хрущева! Это член Военного совета Юго-Западного направления. А ну живо нас пропускай, а не то быстро в штафбате окажешься! Совсем тут ошалели, крысы тыловые!

Штрафбат — угроза серьезная. После прошлогодних неудач Сталин издал приказ всех провинившихся красноармейцев и командиров отправлять в штрафные подразделения искупать вину кровью. Надо признать, приказ действенный. И теперь всех трусов, дезертиров и желающих воевать уголовников, отправляли в штрафные подразделения. Правда, на фронте их пока не видели, но военные начальники стали пугать подчиненных штрафбатом. Обычное дело. Однако, что характерно, адъютант члена Военного совета Юго-Западного направления, считал себя боевым офицером. Вот оно как! Наверное, каждый день на передовой бывает и кровь ведрами проливает.

— Фамилия, звание, номер части! — потребовал адъютант от Беринга.

— Сначала свои документы предъявите, — спокойно ответил он.

— Документы!? Будут тебе документы! Сейчас! Не обрадуешься!

Адъютант посмотрел в сторону второй легковушки, из которой выбрались три мордастых офицера с автоматами ППШ. И в этот момент Беринг выстрелил в него из пистолета, который находился у капитана в кармане ватной куртки. Это был сигнал. Если бы наш командир стал крутить адъютанта, мы бы бросились вытаскивать советских бойцов из автомобилей и постарались обойтись без шума. Но в колонне броневик. Это меняло весь расклад, и казаки открыли огонь по всем автомобилям, кроме головного.

Автоматные очереди прошли по грузовику и второму легковому автомобилю, а я накрыл броневик. Короткие злые пулеметные очереди ударили в БА-10 и его броня не выдержала. Пули калибром 12.7 миллиметров вскрыли ее, словно консервную банку. А иначе и быть не могло, так как они пробивают стальную броню 15 миллиметров на дистанции в полкилометра.

За первой очередью последовали вторая, третья и четвертая. Промазать было сложно, и я не мазал, выпустил полсотни патронов и броневик, точнее, что от него осталось, зачадил и загорелся. Выживших в БА-10 не было — гарантия.

Я осмотрелся. Из головного автомобиля уже вытащили "жирного гуся", невысокого мужика в кожаном полупальто, и потащили его в сторону. Все красноармейцы погибли. Однако у нас тоже потери. Каким-то непонятным образом один из охранников Хрущева успел выпустить длинную очередь из своего ППШ и задел двоих наших. Егор Сергейченкс погиб, пуля попала ему в лоб, прошла аккуратно под козырьком каски. А Миха Чагин получил ранение в плечо. Это наши первые потери. Плохо.

— Живее! — поторопил казаков Беринг.

Пленного потащили к грузовику. Следовало, как можно скорее, уйти от моста, затаиться на одной из проселочных дорог и перевести дух. Однако мы не успели. Со стороны Куцевской появились три грузовика с красноармейцами и несколько мотоциклов. Не понятно, то ли случайность, то ли нас все-таки вычислили. А с востока, от Краснодара, пошла пехота, около двух рот. Мы в низине, слева и справа степь. Как поступить? Самое очевидное решение — принять бой и дотянуть до темноты.

— Андрей! — обратился ко мне Беринг. — Держи дорогу!

— Есть! — отозвался я и поймал в прицел вражеский грузовик, который остановился в трехстах метрах и с него стали прыгивать красноармейцы.

Начался бой. Но я по сторонам не смотрел, некогда. У меня своя задача и пока были патроны, а их оказалось всего две ленты-сотки, не давал красноармейцам перейти в атаку.

Очередь! Мимо.

Очередь! Кабина грузовика разлетелась на куски.

Очередь и повторная! Зацепил кузов, в котором находились бойцы, двух-трех точно достал.

Очередь! Пули размолотили движок следующего грузовика.

Очередь! Несколько красноармейцев поднялись в атаку. Храбрые ребята, но глупые. Двоих, кажется, срезал.

Я старался бить экономно. Однако две ленты это всего лишь две ленты. Когда патроны закончились, ДШК замолчал. Пришлось взяться за автомат, и я осмотрелся.

Колонну от Куцевской задержали, а вот пехоту, которая шла с юга, не получилось. Красноармейцы рассыпались и, на ходу стреляя из винтовок, теряя товарищей, добрались до берега реки. Она не широкая, им бы залечь, задавить нас, прижать к земле и послать вдоль Кавалерки дозоры. Но они стали выбегать на мост, оказывались на открытом пространстве, а затем попадали под перекрестный огонь автоматчиков и ручных пулеметов.

"Вот так всегда, — подумал я, наблюдая за тем, как падает очередной вражеский боец. — Никогда в России людей не ценили. Ни при царях, ни сейчас. Командиры гонят бойцов на убой, и они гибнут. Бабы еще нарожают. То ли дело мы — казаки. Своих братьев всегда берегли. Или нет? Конечно, не всегда. И у нас по-разному складывалось. Особенно когда нами командовали люди со стороны, чужаки"...

— Погиба, сюда! — позвал меня Беринг, и я метнулся к нему, перебежал дорогу и свалился в канаву, которую облюбовал командир.

Пленник был рядом с Берингом, связан и под левым глазом у него быстро набухал синяк. Над нами посвистывали пули, обстановка напряженная, а командир улыбался. Он был счастлив.

— Андрей, слушай меня внимательно, — немец выглянул из укрытия, снова спрятался и продолжил: — Сейчас возьмешь пять бойцов. Через полчаса мы пойдем на прорыв. Я с основными силами двинусь вверх по течению Кавалерки, а ты вниз. Расходимся в разные стороны, и ты пойдешь первый. Мы двинемся тихо-тихо, не привлекая внимания и не оставляя следов, а ты с шумом и грохотом. В расположение наших войск выходим по отдельности. Отрывайся и прячься, а потом двигайся все время на север. В бой лучше не вступать. Понимаешь, что от тебя требуется?

— Да, — я кивнул. — Необходимо отвлечь преследователей.

— Верно. Ты справишься?

— Справлюсь.

— Вот и я так считаю, Андрей. Без ложной скромности скажу — ты воин. Поэтому задачу выполнишь, сам выживешь и казаков выведешь. А мы перед отходом большевикам несколько сюрпризов оставим, последние противопехотные мины.

Я промолчал, вместо ответа в очередной раз кивнул, и Беринг хлопнул меня по плечу:

— Давай, казак! Бог в помощь!

Покинув укрытие, я метнулся к другому. Оказался в окопе, из которого казаки вели огонь, и выбрал пять человек. Они пойдут со мной. Задачу объяснил на ходу, и никто не

отказался.

Пока шел бой, на землю стала опускаться тьма. Вот-вот мы разбежимся. Но перед этим противник слегка потрепал нам нервы. От Куцевской к красноармейцам подошли подкрепления, примерно три взвода пехоты и два миномета. Пока красноармейцы не очень уверенно пытались перейти в атаку, а мы укладывали их лицом в грунт и не жалели патронов, на бугорке развернулась артиллерия, и в нас полетели мины.

Услышав посвист мины, любой нормальный человек испытывает подсознательный страх. Мы, хоть и лихие хлопцы, но тоже напряглись. Однако артиллеристы у противника оказались неопытными. Первые две мины перелетели через реку и упали на дороге, среди трупов вражеской пехоты. Следующий залп лег ближе к нам, но все равно мимо. А потом окончательно стемнело, и Беринг отдал команду на отход.

Моя группа рванула в степь. Мы бежали изо всех сил и когда удались от дороги на пару сотен метров, развернулись и стали стрелять в сторону противника. Конечно, не попали, слишком далеко. Однако мы обозначили себя и красноармейцы отвлеклись. Не факт, что это даст Берингу серьезную фору. Совсем не факт. Но несколько минут он отыграет.

Красноармейцы лупили в темноту, а мы молчали и отползали дальше. Не хотелось словить шальную пулю. А когда противник перестал стрелять, снова выпустили по длинной очереди и против нас попытались применить минометы. Только глупость это. Вот если бы большевики осветительными выстрелили, тогда был бы результат. Но осветительных зарядов у них не оказалось. Пару ракет выпустили, но они сгорели и снова над степью тьма. Мы уходили все дальше от дороги и двигались до тех пор, пока не иссякли силы.

— Привал! — отдал я команду и рухнул в сухой прошлогодний бурьян.

Отдышался. Начал соображать. От дороги ушли на семь-девять километров. Если двигаться прежним маршрутом упрямся в реку Ея. А там нас будут ждать. Варианты? Первый — резкий поворот на север и марш-бросок по степи, а под утро затаиться в какой-нибудь балке. Второй — отдохнуть и вернуться обратно, возможно, проскочим через оцепление. Третий — запутать следы, затаиться в камыше и пересидеть. Четвертый — форсировать Кавалерку, перебраться на левый берег и уйти дальше в тыл к противнику, это поможет оторваться от погони.

Мозг работал четко. Раз я командир группы, значит, отвечаю за все. На мне ответственность. Конечно, каждый казак в группе имеет право высказаться. Но главное слово за мной.

Я принял решение. Четвертый вариант — необходимо переплыть Кавалерку. Весна и еще холодно. Однако мы ребята крепкие. Казаки меня поддержали и, засыпав свои следы табаком, а потом, кинув ложную дорожку на север, мы разделись и осторожно вошли в камыш. Вода обожгла тело и в грудь ударилась рыбешка. Одежда и оружие в вещмешке. Он над головой. Справа и слева братья. Земля ушла из-под ног, я перевернулся на спину и поплыл противоположному берегу.

25.

Ростов-на-Дону. 01.05.1942.

Закинув руки за голову, я лежал на узкой койке и смотрел в белый потолок, слушал радио, которое передавало последние немецкие сводки на русском языке, и пытался заснуть. Только-только провалюсь в дрему, и снова возвращаюсь в реальность. В голове тысячи мыслей, покоя нет.

Мы все-таки вырвались. Отряд "Фалширм" выполнил поставленные перед казаками-десантниками задачи и двумя группами вышел на соединение с частями Вермахта. Потери — семь убитых и пять раненных. Половины отряда нет. Белоэмигранты были отозваны и, молча, ни слова не говоря, исчезли. Беринг тоже пропал, наверное, где-то в штабах, пишет отчеты и готовится к получению наград. А восемь казаков-диверсантов определены в одну из казарм Ростовского Артиллерийского Училища. У нас отдых. Оружие не сдавали, вместе с рюкзаками оно под койками. Наши вещи и документы в пути, были отправлены попутным самолетом из Запорожья в Ростов-на-Дону, и где-то затерялись. За пределы казармы не выпускают. Разговаривать с сослуживцами нет никакого желания. Они тоже на беседу не настроены, устали. Настроение апатичное, заснуть не получалось. Остается прислушиваться к тому, что говорит диктор. А у него, конечно, главная тема одна — война.

"В Тихом океане идут морские и воздушные сражения. Японцы, так и не решившись ударить по СССР, атаковали американцев, утопили часть их Тихоокеанского флота и захватили Гавайские острова. В ответ на эту агрессию Англия и ее союзники объявили войну Японии. Мощная флотилия самураев приближается к Филиппинам. Японские летчики потопили английский линкор"...

"В Северной Африке танковый корпус Роммеля при поддержке итальянских дивизий вошел в Египет. Средиземноморский флот англичан и авиация топят итальянские суда снабжения, а 8-я армия отступает"...

"Английские и южно-африканские войска выдавили итальянцев из Эфиопии. Макаронники сдаются целыми дивизиями"...

"Подвергся атаке "волчьих стай" очередной северный конвой союзников в СССР. Подводники докладывают об успехах, и Германия приветствует героев"...

"Немецкая 11-я армия готовится к очередному штурму главной базы советского Черноморского флота города Севастополь. Остатки советских 44-й, 47-й и 51-й армий прижаты к морю в районе Керчи, идет их эвакуация на Тамань"...

"На юге победоносный Вермахт и союзники почти полностью вытеснили большевиков из Ростовской области. Немецкие танки дошли до реки Ея, а моторизованная пехота и кавалерия совершили прорыв до Кубани. Советская 56-я армия отступает с боями, но уже готова сдать Краснодар и откатиться в предгорья Кавказа"...

"Части 1-й танковой армии идут на восток, к Волге. Перед ней четыре советских армии, но сдержать порыв немцев они не могут"...

"Примыкающая правым флангом к 1-й танковой армии 17-я полевая армия захватила Ворошиловград и взяла много военнопленных"...

"Сталин не теряет надежду вернуть Москву и его Брянский фронт постоянно давит на 4-ю полевую армию немцев. Советские войска намерены обойти разрушенную столицу с флангов и окружить. С севера неудачно. А вот на юге Вермахт оставил Коломну и Каширу. Конечно же, временно и в целях выравнивания линии фронта"...

"Финские союзники при поддержке немецких горнострелковых дивизий в очередной раз попытались отрезать Мурманск от остальной части СССР. Неудачно. Большевики смогли удержать Петрозаводск и продолжают контролировать основные железнодорожные пути сообщения северных областей. Попытки группы армий "Север" помочь финнам успехом не увенчались, отбито несколько деревень, но Ленинград по-прежнему держится, и выйти к Ладожскому озеру, не получилось"...

"В прибалтийских странах, на Украине и в Белоруссии прошли многочисленные

массовые митинги в поддержку присоединения этих территорий к Третьему Рейху. Не обошлось без эксцессов. Часть украинских националистов попыталась разогнать народные сходы в поддержку Германии. Однако они были встречены другими украинскими патриотами и между ними произошли стычки. Имеются жертвы. Виновники беспорядков задержаны"...

"В Латвии, Эстонии и Литве сформированы первые армейские бригады, которые примут участие в штурме Ленинграда. В Белоруссии развернули корпус краевой обороны. В западных областях Украины создается добровольческая моторизованная дивизия"...

"Несмотря на бомбардировки Германии авиацией союзников, благосостояние немцев поддерживается на хорошем уровне, а мощь государства растет. В ответ на варварские бомбежки, которые нарушают все довоенные конвенции, Люфтваффе совершает ответные "акции возмездия". Под ударом Лондон, Бирмингем, Портсмут, Плимут и Дувр"...

Диктор замолчал и заиграл бодрый военный марш. Ваня Сахно поднялся с койки, медленно подошел к раструбу радиоточки и сбавил громкость. После чего он взял табурет, поставил его на проходе, присел и задал вопрос:

— Как дальше будем жить, братья?

— О чем ты? — не вставая, обратился к нему Коля Золотов, очень хороший пулеметчик.

— О том, что первая серьезная операция нас сильно проредила, — Ваня поморщился и добавил: — Еще одна такая и мы все поляжем.

— Это война... — флегматично отозвался Петя Жеронкин, самый старший среди нас, ему уже двадцать шесть лет и где-то на Кубани у него жена и двое детей. — На войне стреляют и убивают... Если есть, что предложить, говори... А нет, лучше помолчи...

— Предложить? — Сахно почесал затылок. — Надо вернуться к нашим, в 1-ю казачью дивизию.

— Как ты это сделаешь? — Жеронкин усмехнулся.

— Нужно выйти на прежних командиров. Тут неподалеку штаб дивизии. Если через забор перемахнуть, а потом среди казаков оказаться, знакомого обязательно встретишь. Восточку послать, мол, вытаскивайте. Глядишь, поможет.

— Это фантазии. Ничего из этого не выйдет.

— Почему?

— Тебя для чего обучали? Для выполнения диверсий. Время потратили и силы. А теперь ты хочешь уйти? Никто тебя не отпустит. А если надоело воевать, молча, продумай, как сделать себе инвалидность, и свободен.

— Не о том речь, надоело или нет. Я воевать не против, а очень даже "за" и мой личный счет к большевикам, которые деда прямо в хате расстреляли, мать сначильничали, а батю повесили, не закрыт. Все помню и ничего не забыл. Но я хочу дожить до конца, посмотреть, что будет после войны, семью завести и свою хату поставить. Чтобы все по-людски было. Как положено. А в этом подразделении наши шансы на выживание невелики. Нас ведь в самое пекло кинули и дальше кидать будут. А командир хоть и боевой, но все время на рожон лезет. Сам по себе я ничего не добьюсь, а если вместе будем, глядишь, все сложится и вернемся в дивизию.

— Нет, — Жеронкин махнул рукой. — Не выйдет. Раз уж Абвер в человека вцепился, не выпустит. Да и вообще, не забивай себе голову лишним. Братов, кто погиб, жаль. Но такова казацкая доля. Так деды-прадеды жили, войной, так, видать, и нам суждено. Не торопись. Время еще есть. Прямо завтра нас в бой не пошлют. Группу обязательно будут пополнять и

если повезет, месяц-другой поживем в казарме, откормимся и силушку вернем.

Сахно посмотрел на Золотова:

— Коля, что скажешь?

Золотов ответил сразу:

— Я против. Не надо дергаться. Погоди чутка.

— Андрей? — Ваня посмотрел на меня.

Разумеется, я поддержал Жеронкина. Остальные казаки тоже. А сам идти в самоволку Сахно не решился, успокоился и вернулся на койку.

Наступила тишина и, наконец-то, я заснул. Отдыхал несколько часов, проснулся бодрый и без дурных мыслей в голове. Поужинал сухим пайком, который принес немецкий солдат. А затем появился наш командир, который был в своем лучшем мундире со всеми положенными знаками различия и прежними наградами.

— Смирно! — отдал команду первым заметивший офицера казак.

Все встали.

— Вольно, — махнул рукой Беринг, присел на койку и махнул рукой: — Все сюда!

Мы встали вокруг немца и он, окинув нас взглядом, заговорил:

— Дело сделано. Вы показали, на что способны, и весьма влиятельные чины Абвера и Вермахта вами довольны. Казаки зарекомендовали себя с самой наилучшей стороны, и на поле боя, и в тылу противника, и при охране наших тылов. Следовательно, это скажется на всем: на подчиненности, на важности боевых задач и на том, кому быть хозяином казачьих земель. Про награды говорить пока не стану, всему свое время. А сейчас расклад такой — покидаем эту казарму и перебираемся в частный дом на Большой Садовой. Он станет нашей временной базой. После чего всем увольнительная. Обязательные условия — держаться группами по два-три человека, каждый день появляться в расположении, подтверждать, что вы живы и здоровы. В городе соблюдать дисциплину и порядок. На окраины лучше не соваться. Оружие — пистолеты, они всегда должны быть при вас. Свою принадлежность к Абверу не афишировать. Эти увольнительные моя инициатива. Под мою ответственность. Мой вам подарок и благодарность за службу. Поэтому не подводите меня. Пять дней отдыхаем. Потом начнется новый этап подготовки. Прибудут казаки, такие же, как и вы. Их придется научить всему, что вы умеете и знаете. Когда нас снова пошлют в тыл врага — неизвестно. Вопросы?

— Что с нашими вещами и денежным довольствием? — спросил Золотов. — А то не хочется по городу гулять с пустыми карманами.

— Все решено. Ваши вещи уже на новой базе. Там же, надо полагать, и финансы. Все в целостности и сохранности.

— Пределы города покидать можно? — вопрос от Сахно.

— А тебе зачем?

— Родню хочу навестить, она у меня в Старочеркасской станице.

— Думаю, можно. Обсудим это позднее.

Больше вопросов не было и, собрав свои нехитрые пожитки, с рюкзаками и оружием, отряд "Фалширм" покинул казарму артиллерийского училища. На новом месте нас уже ждали два пожилых урядника, которые непонятно каким образом оказались в подчинении у Беринга, видимо, очередные его знакомые по загранице. Вещи, как и обещал командир, уже были здесь. Помыться-побриться недолго, вода есть, и вечером я вышел в город. Справа казачья. На ремне наградной кинжал от командования 102-го Донского казачьего полка, а в

кобуре пистолет. Рядом братья и перед нами большой город. После всего, что с нами произошло, можно сказать — мы попали в сказку. Правда, город под немцами и союзниками, на улицах кругом германские, венгерские и румынские мундиры. Но мы надеялись, что это временно, и не обращали на союзников внимания.

26.

Кашира. 01.05.1942.

Пока группа армий "Юг" продолжала свое победоносное наступление и части РОА: 2-я и 3-я пехотные дивизии, 1-я казачья дивизия и Особая казачья бригада; входили в города и станицы Дона и Кубани, на севере происходила битва, о которой ведомство доктора Геббельса предпочитало много не говорить. Советские военачальники, научившись воевать, с учетом прошлогодних ошибок, разработали операцию под кодовым названием "Марс". После чего Красная армия, собрав в кулак немалые силы, перешла в наступление на московском направлении.

На участке Брянского и Западного фронтов советские войска смогли добиться перевеса в авиации, артиллерии и танках. Оставалось дожидаться удобного момента, разгромить немецкие армии, 4-ю и 16-ю полевые, а потом освободить столицу, точнее то, что от нее осталось.

Благоприятный момент настал быстро. Все внимание германских военачальников оказалось приковано к группе армий "Юг". Сталин лично одобрил дату начала наступательной операции "Марс" и, обходя Москву с флангов, советские механизированные соединения при поддержке авиации и артиллерии, вклинились в оборону немцев и стали развивать успех. Однако на северном направлении Красная армия вскоре уперлась в глубоко эшелонированную оборону и завязла. А вот на южном все складывалось как нельзя лучше. За несколько дней разгромлены четыре немецких и одна венгерская дивизии. Были освобождены два важных города, Коломна и Кашира. Это серьезный успех, и немецкая сторона ничего подобного не ожидала.

Резервы были исчерпаны. Новый командующий группы армий "Центр" генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге, который после захвата Москвы сменил Федора фон Бока, должен был купировать удар и заткнуть прорыв. А командующий наступлением советских войск Константин Жуков был обязан развить успех. Поэтому обе стороны кидали в бой все новые резервы и подтягивали к Кашире, которая стала камнем преткновения, резервы. Так начиналась очередная битва за Москву и по воле случая в этой мясорубке оказалась 1-я пехотная дивизия РОА.

Обычно в любых армиях мира первые дивизии являются гордостью вооруженных сил. Самые подготовленные командиры. Самые лучшие солдаты. Самая новая техника и хорошее снабжение. Именно в эти подразделения привозят иностранные делегации и членов правительства, они участвуют в парадах и праздничных мероприятиях, являются гордостью страны и служат образцом для подражания других воинских частей. Однако 1-я пехотная дивизия РОА была иной и под эти критерии не подходила. Ее начинали формировать четыре раза. Сначала на территории Германии, потом в Польше и на Западной Украине, а в последний раз уже в военном лагере под Киевом. При каждом переезде личный состав терялся и рассеивался, отправлялся в полицейские и охранные батальоны. А когда было получено окончательное разрешение германского командования на создание армейской дивизии РОА, все делалось в большой спешке. Соответственно, никакого особого отбора

личного и командного состава не было. Перед генерал-майором Штейфоном поставили задачу — за месяц сколотить подразделение и он это сделал, как мог и как умел. А когда все было готово, появился командир дивизии, генерал-майор Закутный, и Штейфон стал у него начальником штаба.

Биографии двух главных командиров дивизии отличались очень сильно, и они один другого не могли терпеть. Борис Александрович Штейфон в далеком прошлом царский офицер, чей отец был выходцем из крещеных евреев, белогвардеец, доброволец, участник 1-го Кубанского похода и белоэмигрант. А Дмитрий Ефимович Закутный из крестьян, прошел всю Гражданскую войну, сражаясь с беляками, преподаватель академии имени Фрунзе и в начале Великой Отечественной войны командир стрелкового корпуса, приспособленец и службист. Не самые лучшие кандидатуры для руководства 1-й дивизией Русской Освободительной армии, но никого другого, чтобы человек мог без промедления встать на должность комдива и его начальника штаба, у Трухина под рукой не оказалось. Он торопился как можно скорее отправить первую армейскую часть РОА на фронт, и это сказало на всем. Подготовка бойцов, две трети которых были набраны в лагерях военнопленных, ниже среднего. Обмундирование — старое, из польских и советских запасов. Артиллерия разных типов и порой к орудиям не было боеприпасов. Не хватало пропагандистов. Командиры полков и батальонов в большинстве своем случайные люди. А прикомандированные к дивизии немецкие офицеры зачастую являлись законченными нацистами и воспринимали русских союзников как людей второго сорта.

Такова реальность, а на бумаге все выглядело неплохо. Три пехотных полка, один мотострелковый и один артиллерийский. Ну и, конечно, все положенные службы тыла и отдельные батальоны, от разведывательного до саперного. Поэтому дивизию передали группе армий "Центр" и отправили на передовую. После чего начались ее злоключения и мытарства.

Между офицерами постоянно происходили конфликты, и даже произошла одна дуэль, которая закончилась смертью командира 2-го пехотного полка Лаврова. Личный состав пьянствовал и неоднократно попадался на мародерстве. Казенное имущество расхищалось. Не хватало продовольствия и обмундирования. А про дезертирство и говорить нечего. Бежали все, и рядовые, и командиры, как правило, с оружием. Пока дивизия доехала до Москвы, она потеряла почти четыреста пятьдесят человек.

Проблем хватало. Но, наконец, дивизия добралась до фронта. Три дня просидела в окопах под Егорьевском и когда ночью дезертировала целая рота во главе с командиром, ее оттянули в тыл.

Генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге собирался расформировать дивизию, но после телефонного разговора с Берлином решил дать ей еще один шанс. Закутный и Штейфон к тому времени смогли найти общий язык, немного притерлись и взялись за дело. Они набирали новых солдат, выбивали снабжение и вооружение, проводили тренировки личного состава и смогли добиться того, что в конце апреля 1-я дивизия РОА стала достаточно серьезной силой. Всех ненадежных офицеров и бойцов под конвоем отправили в Киев, где с ними разбиралась специальная комиссия, а остальные были готовы воевать. Но началось наступление Красной армии и дивизию с колес бросили под Каширу, затыкать дыру.

Надо отметить, что свой первый бой дивизия РОА выдержала с честью. Она столкнулась с 4-й гвардейской стрелковой дивизией из состава 2-й Ударной армии под

командованием генерала Власова и отбросила ее до окраин города. Затем разведбат 1-й пехотной дивизии закрепился в Кашире, и артиллерийский полк весьма результативно обстрелял советскую танковую бригаду, которая выходила на рубеж атаки.

Наступило затишье. На участке дивизии сутки ничего не происходило, и бойцы Русской Освободительной Армии закреплялись на позициях. Они готовились к обороне, но никто не знал и даже не мог предположить, что будет дальше. Иначе многие бы пустились в бега, а командование попыталось вывести войска из-под удара.

Советское командование следило за тем, что происходит в 1-й дивизии РОА очень внимательно. Ведь это приманка и пример для тех, кто готов перебежать на сторону немцев. Появление дивизии под Каширой оказалось неприятным сюрпризом. И когда командарм Власов уже был готов приказать войскам выбить коллаборационистов из Каширы, ему позвонил лично товарищ Сталин. Верховный главнокомандующий хотел преподать всем перебежчикам и белоэмигрантам суровый урок и показать мощь советских вооруженных сил. "Нужен один удар, который сметет дивизию противника в один момент и продемонстрирует нашу силу" — так сказал вождь, и генерал Власов его услышал, понял и стал готовиться.

К Кашире подтянули три артиллерийских дивизии РК — это огромная мощь, в каждой по 300–350 орудий и установки РС, а на аэродромах скопилось двести пятьдесят штурмовиков и бомбардировщиков. Все это ради уничтожения одной далеко не самой сильной дивизии РОА, которую можно было разбить натиском стрелковых и бронетанковых соединений. Однако не в данном случае. Сталин собирался показать силу и стереть предателей Советского Союза шквалом огня. А чтобы об этом не позабыли, и весь мир увидел, что Красная армия еще что-то может, во 2-ю Ударную армию приехали специально приглашенные иностранные журналисты.

1-го мая, в день Всех Трудящихся, разверзлись врата ада. Без малого тысяча орудий целый час перепыхивала позиции РОА. А когда они замолчали, в небо поднялись бомбардировщики, которые сбросили вниз сотни тонн бомб. И снова заговорила артиллерия. Земля вздрагивала и стонала. Немногие уцелевшие бойцы РОА прятались в развалинах блиндажах и окопах. Но они не могли защитить их от гнева вождя и учителя народов СССР. Многие теряли рассудок и сами подставлялись под осколки. Смерть махнула своей косой и ровно в полдень, когда советская артиллерия прекратила обстрел, 1-я пехотная дивизия РОА перестала существовать. Фронт немцев снова оголился и в прорыв, без жалости добивая раненых и контуженных, пошли гвардейцы и танковые бригады 2-й Ударной армии.

Судьба Закутного и Штейфона осталась неизвестной. Судя по всему, они погибли, так как на месте КП дивизии осталась огромная воронка, и никто их больше не видел. Хотя ходили слухи, что перед началом массированного артобстрела на штаб было совершено нападение и советские диверсанты выкрали генералов РОА. Но подтверждений этому не было. Кадры кинохроник, в которых была показана деятельность советских артиллеристов и последствия стрельбы, разошлись по всему миру. А что касательно советского наступления, то гибель 1-й дивизии РОА все же дала свои результаты. На двое суток она приостановила продвижение большевиков и на линии Серпухов — Тула их встретили свежие дивизии Вермахта, которые смогли задержать 2-ю Ударную армию, а затем отбросить ее обратно под Каширу.

Короткий отпуск в Ростове-на-Дону пролетел быстро. Нас никто не ограничивал, немецкие рейхсмарки руки не жгли и мы отдыхали. Город большой и много интересного. Он быстро подстраивался под новую власть и в центре нас встречали вполне радушно. Мы — казаки. Для ростовчан мы свои и пусть многие втайне нас ненавидели, в лицо все улыбались. Рядом с нашей базой оказался неплохой ресторанчик дядюшки Самвела, бывшая советская пивнуха, которая, несмотря на войну, работала и предлагала посетителям свежее пиво, донскую рыбу и даже полноценный ужин. По улицам уже гуляли симпатичные девушки, с которыми можно было легко познакомиться и хорошо провести вечер, а иногда и ночь. Наши документы обеспечивали свободный проход по городу даже с наступлением комендантского часа. Однако в темное время суток мы по городу не бродили. Как правило, находились у себя на базе, у девушек или в штабе 1-й казачьей дивизии, где постоянно встречали старых знакомых.

Время провели с пользой и немного расслабились, а в последний день подрались с румынами. Решили посетить церковь, а потом зайти на базар, и столкнулись с этими "цыганами". Пять солдат пытались отобрать у пожилого одноногого инвалида в потертой казачьей фуражке несколько вязанок сушеной рыбы. Он в крик. Полиция и патрули далеко. Нас трое и мы вмешались. Раскидали румыншек, а когда к ним подбежали товарищи, еще десяток солдат, схватились за оружие. Может быть, дошло бы до стрельбы. Но появился немецкий патруль, я предъявил свои документы и объяснил ситуацию. После чего мародеров увели в комендатуру, а нас отпустили. Наверное, из-за документов, ибо с Абвером связываться себе дороже.

Больше эксцессов не было, и когда отпуск окончился, отряд "Фалширм" отправился на левый берег Дона, как говорят ростовчане — Левбердон. Там мы поселились в бывшем пионерском лагере в десяти километрах от города, начали принимать пополнение и тренироваться. Шесть дней тренировок и один выходной с увольнительной в Ростов. Война далеко, отряд "Фалширм" расширили до полноценного взвода и новички, которых к нам присылали, были казаками. Это наши братья, как правило, из 1-й казачьей дивизии или Особой бригады Шкуро. Поэтому общий язык с ними находили быстро. Да и как иначе, если все мы друг другу земляки и у нас общие знакомые. Никакого деления на ветеранов и молодых не было. Каждый казак равен каждому.

Что будет с нами дальше, мы не знали. Просто жили, тренировались и мечтали о том, что вскоре наступит мир. Самые оптимистичные прогнозы — еще полгода, все закончится и наступит замечательное житье-бытье. Порой, некоторые фантазеры так все красиво расписывали, что хотелось им верить. В конце концов, Дон уже освобожден от большевиков, а Кубань на девяносто процентов. Советские войска пока еще держатся за Тамань, Сочи и пару предгорных районов. Но скоро их дожмут, сбросят в море и отгонят в Дагестан, Кабардино-Балкарию и Грузию, а потом до самой турецкой границы. Еще шли бои в Ставрополье — это Орджоникидзевский край СССР. Однако в Ростове, Новочеркасске и Екатеринодаре, которому после отступления Красной армии вернули прежнее название, уже наша власть. Помимо немецких бургомистров и комендантов, местных городских управленцев и назначенцев, штаб УКФ поставил собственных атаманов, которые с разрешения германского командования контролируют все, что происходит в городах. А в станицах поднимаются казаки, и они выбирают станичных атаманов. Раз мы вернулись на родную землю, то уже не уйдем, костями ляжем, а не отступим. И когда немецкие войска

покинут Россию, возродится Империя. Словно птица-феникс она восстанет из пепла, и в Российском государстве появится Казакия, как минимум, автономия с местным самоуправлением, где хозяином станет казак.

Ах, мечты-мечты, в часы отдыха мы увлекались ими и отрывались от реальности. Однако я по природе своей скептик. Поэтому старался мыслить критически, внимательно прислушивался к тому, что говорили Беринг, инструктора и ребята из диверсионных групп РОА, которые проходили подготовку одновременно с нами и базировались в соседнем лагере. Кусочки мозаики складывались, и я видел общую картину, которая меня не радовала.

Во-первых, немцы продолжали недооценивать мощь Советского Союза, а она еще весьма велика. Большевики не сдаются и продолжают драться. Отступают на юге и одновременно с этим проводят наступательные операции на Центральном и Брянском фронтах. Союзники — все эти венгры, словаки, хорваты, румыны, болгары и европейские добровольцы ненадежны. Чуть нажмешь и разбегутся. Это в лучшем случае. А если военная удача оставит Вермахт, перебегут на сторону победителя. Ресурсы истощаются, а на оккупированных территориях СССР не стихает партизанская борьба, заводы и фабрики разрушены, есть дефицит продовольствия и нехватка топлива. Все это очень важные факторы, которые оказывают влияние на ход войны, и даже я, не имея серьезного образования и житейского опыта, это понимал. Не все так просто и конец войны не предопределен. Тем более что большевики не сами по себе, им помогают союзники, те самые капиталисты и буржуи-эксплуататоры, против которых не так давно собиралась сражаться Красная армия. Эта помощь тоже оказывает свое влияние, а немецкий военно-морской флот не в состоянии полностью заблокировать прохождение северных конвоев.

Во-вторых, наследие Гитлера. Мне довелось прочитать перевод его книги "Майн Кампф" и я ошалел. Великий вождь, но больной на голову человек. Ведь он ненавидел нас и своей ненавистью подпитывал целый народ. После чего мне стало понятно, почему часть немецких солдат и офицеров вели себя по отношению к славянам так надменно. Они считали нас восточными варварами, недочеловеками, и были искренне уверены, что именно в этом причина их побед на фронте. Ошибка. Причина не в том, что они такие сильные и великие, а в том, что Советский Союз оказался слаб. Но ведь это было временно и большевики своих ошибок не повторяют. В Красной армии восстановили погоны, людей беречь стали, уже не гонят толпами на убой, как это было в сорок первом, и вспомнили про великий русский народ, который создал Россию и теперь обязан своей кровью отстоять Советский Союз. Война обеим сторонам обходится дорого, но идеология СССР, по моему глубокому убеждению, гораздо сильнее идеологии Третьего Рейха. И пусть нет Гитлера, сдох и хорошо, однако дело его живет. Германский национализм по-прежнему в фаворе, на речах Гитлера воспитывают молодежь, а потом она приходит в армию и сталкивается с суровой реальностью. Оказывается, славяне умеют сражаться и у них есть своя боевая техника, которая не уступает немецкой, и на Восточном фронте могут убить. Если такой человек переживет первые бои, он меняется. В лучшую сторону — понимает, что речи Гитлера бред. В худшую — становится жестче и старается отыграться на тех, кто не может дать отпор, то есть на мирном населении. Отсюда перегибы (как недавно в своей речи относительно репрессий сказал Сталин), расстрелы заложников и сжигание поселков. Я уж не говорю про евреев, которых гонят в концентрационные лагеря. Мне на них по большому счету плевать, за свой народ надо думать, но это еще один момент, который сказывается на ходе войны. Как бы то ни было, в тыловых областях творится черт знает что, людей расстреливают и казнят

почем зря. Конца края этому не видно и Совинформбюро, которое нам не запрещают слушать, каждый вечер рассказывает страшные сказки и они подтверждаются фактами. Мне тут один боец из РОА рассказал, как во время службы в карательном полицейском батальоне по приказу немцев деревеньку с ранеными партизанами сжигал, так я ему едва в морду не дал, с трудом сдержался.

В-третьих, отношение Вермахта к РОА и казакам. С одной стороны мы союзники боевые камрады, которые помогают немцам одолеть большевиков. А с другой стороны расходный материал, мясо. Нас не жаль, ведь мы не германцы. Поэтому пехотные дивизии Русской Освободительной Армии кидают на самые опасные участки фронта. На юге еще нормально, тем более что Красная армия отступает. А вот под Москвой совсем плохо. Где 1-я дивизия РОА? Была и пропала. Без следа и памяти. Германское командование подставило больше десяти тысяч солдат и офицеров под удар красных, и они были уничтожены. А в берлинских сводках об этом ни слова. Как будто и не было 1-й дивизии никогда. Своими жизнями русские мужики откупили жизни немцев, а им, судя по всему, плевать. Зато коммунисты празднуют победу и целых две недели рассказывали о гибели 1-й дивизии, а потом в эфир стали транслировать речи немногочисленных уцелевших военнопленных. Они читали свои обращения к сослуживцам, призывали не воевать против России (опять коммунисты про Россию вспомнили), убивать немцев и переходить на сторону Красной армии. Сильные речи и проникновенные. Наверняка, они были написаны профессионалами, которые знали, как словом пробудить в людях те или чувства. Поэтому кто-то большевикам поверит. Как это уже было в Гражданскую войну, когда казаки и белогвардейцы сдавались красным, а потом погибали.

В-четвертых, политика Имперского министерства оккупированных восточных территорий на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Если нас — русских и казаков, а в последнее время еще и кавказцев, германцы признавали как союзников и позволили устанавливать на местах свою власть, то в западных республиках СССР все было иначе. Немцы объявили, что эти территории неотъемлемая часть Третьего Рейха, а местное население рабочая сила. Конечно, все это было сказано гораздо мягче, но суть не изменилась. Украинцев и белорусов стали угонять на работы в Германию, а прибалтийским народам дали небольшие поблажки и пообещали германское гражданство. Соответственно, латыши, литовцы и эстонцы оказались в фаворе, а украинцы и белорусы стали бунтовать. Что дальше — понятно. Немцы дают бунты. Причем делают это руками самих славян, и на западе идет борьба, которая очень сильно напоминает Гражданскую войну. Особенно зло и кроваво это происходит на Украине. Вчерашние соратники-самостийники в деле освобождения родины от большевиков убивают друг друга пачками, а немцы лишь изредка вмешиваются и добивают уцелевших. Примерно то же самое в Белоруссии. И все это на фоне отправки на Восточный фронт подразделений из местных патриотов, которые надеются, что за пролитую кровь их признают полноправными гражданами Третьего Рейха и оставят кусок родной земли. К чему я об этом задумался? А к тому, что как бы с нами так не вышло. Мы будем проливать кровь, а потом окажемся не нужны и даже опасны. Поэтому нас просто истребят. Не хотел бы я себе и братьям подобного конца, так что надо чаще оглядываться по сторонам.

Разумеется, я прекрасно понимал, что такие мысли, которые не давали мне покоя, не свойственны девятнадцатилетнему подхорунжему и диверсанту отряда Абвера. Попробовал разобраться в себе и пришел к выводу, что всему виной мое ранение, полученное в

белорусских лесах. Я и раньше размышлял на отвлеченные темы, которые не касались моего приземленного бытия. Однако после этого думать стал гораздо чаще и порой на такие темы, какие раньше казались немислимыми и никогда меня не задевали.

Плевать! Я с этим смирился. Скрывал свои мысли, на общем фоне не выделялся и продолжал тренироваться. Хотя, должен признаться, была потребность поделиться своими соображениями с другими людьми. Но с кем? Браты, скорее всего, не поймут, а Берингу это не интересно.

Впрочем, человек, с которым можно было откровенно поговорить, вскоре появился. В наш лагерь прибыл очередной инструктор, есаул Андрей Иванович Тихоновский, тот самый военинженер, с которым судьба свела меня в лагере военнопленных. Мы один другого, естественно, узнали, разговорились и в его лице я обрел верного друга, учителя и наставника.

28.

Ростовская область. 27–28.06.1942.

Близился вечер и как обычно, утомленные тяжелыми дневными тренировками казаки, кто не ушел на реку, собрались в беседке, чтобы выпить чая и поговорить. День как день. Жарко, но с Дона веяло прохладой. На столе большой самовар, кружки и заварка. А вокруг него полтора десятка крепких мужчин в гимнастерках, каждый из которых уже успел повоевать. Разговоры про семью, про дом и про войну.

На время наступила пауза, и Сахно обратился к новичку в нашем отряде, казаку Зотову из Армавира:

— Григорий, а расскажи, как ты с немцами Майкоп брал?

— Да говорил уже... — попробовал отмолчаться Зотов, худой, словно палка, жилистый казак.

— Не все слышали.

— Ладно, — согласился он.

Зотов начал рассказ.

Он потомственный казак. Как и многие, пострадал от советской власти, но выжил, трудился в одном из колхозов и хотел попасть в армию. Не получилось, у него в родне оказались неблагонадежные элементы. Однако когда немцы ворвались в Ростовскую область, а потом на Кубань, большевики стали грести всех, кто мог воевать. У них появилась задумка, в противовес казакам РОА, помимо регулярных казачьих кавалерийских дивизий, которые сильно разбавлены уроженцами Центральной России, создать Кубанский казачий корпус. Казаков, которые откликнулись на призыв защитить Родину от захватчиков, оказалось немало. Надо быть честным — многие казаки пошли воевать за советскую власть. Порой, в военкоматы приходили целыми семьями, и костяк казачьего кавалерийского корпуса, который разбавили политруками, комсомольцами и коммунистами, собрался достаточно быстро.

Зотов в этот корпус пришел добровольно, хотел добыть оружие и дезертировать, затаиться в укромном месте и дожидаться "своих". Но немцы были все ближе, и большевики бросали кубанских казаков на усиление отрядов Красной армии. Полусотню, в которой оказался Григорий, отдали в сводный стрелковый батальон. Ему предстояло защищать подходы к станции Новоалександровская. Однако не успел батальон занять позиции, как появились немцы, которые пришли в форме НКВД. Это был диверсионный отряд лейтенанта

барона Фолькерзама, прибалтийского немца, который собрал, обучил и подготовил группу из прибалтов и судетских немцев. Они двигались перед авангардом 13-й танковой дивизии и вели себя нагло, уверенно и лихо.

Барон Фолькерзам в форме майора НКВД приказал политруку батальона собрать красноармейцев, и он подчинился. После чего немец выступил перед ними с речью: "Солдаты славной Красной Армии! Фашисты еще не победили. Наш великий Сталин лишь заманил немцев на Кавказ, чтобы уничтожить их в ловушке..."

Услышав подобное, Зотов не сдержался и рассмеялся. Политрук батальона это заметил и вытащил его из строя. А Фолькерзам ткнул в Григория пальцем и объявил:

"Саботажник".

"Прикажете его расстрелять?" — поинтересовался политрук.

"Позже!" — оборвал его Фолькерзам и продолжал: "Вы должны быть мне благодарны, что наше появление здесь удержало вас от дезертирства. Несмотря на это, я дам вам пример. Казаки, направо! Украинцы, вперед! Давай, давай!"

Когда всех поделили по национальностям, Фолькерзам приказал: "Казаков отвести к северу. Я сейчас подойду!"

Отряд Фолькерзама при помощи красноармейцев разоружил казаков и увел их с собой. Станица осталась позади, и барон объяснил казакам, кто он, а потом предложил перейти на сторону немцев. Выбора не было. Кто откажется, того расстреляют. Казаки это понимали и предложение немца приняли. Отряд устроил фейерверк — имитацию расстрела, и ушел к немецким позициям.

Фолькерзаму нужны были проводники, которые укажут дорогу. Он выбрал трех казаков и среди них оказался Зотов.

Отряд немецких диверсантов сел на трофейные автомобили и снова двинулся в тыл советских войск. Задача — оказать поддержку частям 13-й танковой и 16-й моторизованной дивизий в захвате Майкопа, сохранении инфраструктуры и нефтепромыслов.

Немцы проскочили занятый советскими войсками Армавир, повернули на Майкоп и через сутки оказались на месте. Легко и непринужденно Фолькерзам обосновался в городе, разместил свой отряд на квартирах и несколько дней посвятил разведке. Никто из советских командиров не заподозрил, что перед ними враги, и барон даже стал советником красного генерала, который руководил обороной. А когда немецкие войска приблизились к Майкопу и в городе воцарился хаос, отряд Фолькерзама нанес удар. Был взорван узел связи и занята телеграфная станция. Диверсанты сеяли панику среди солдат, а затем собрались в кулак и захватили нефтепромыслы.

Фолькерзам стал героем. Его солдаты, соответственно, тоже. А Зотова, который хорошо показал себя в бою, отправили к нам.

Вот такая история. Одна из многих Казаки стали задавать Грише вопросы, уточняя детали операции, а я увидел Тихоновского, который махнул мне рукой.

До ужина еще час. Тихоновский хотел пообщаться, а я не против. Он человек умный, у нас преподавал инженерное и саперное дело, рассказывал про советские укрепрайоны и оборонительные сооружения. Еще один дополнительный предмет, который появился у нас одновременно с горной подготовкой. Со мной он держался на равных, и когда я выложил ему свои мысли о ходе войны, инструктор не рассмеялся, не перевел все в шутку, а воспринял мои слова всерьез и одобрил. Оказалось, не я один так думал и меня это сильно поддержало.

Я вошел в домик, в котором проживали инструктора. Кроме нас пока никого. Кто-то еще на занятиях, а кто-то ушел на Дон, ловить рыбу и купаться.

— Присаживайся, Андрей, — Тихоновский указал на свободный стул.

— Спасибо, Иваныч, — я присел.

Тихоновский разместился на кровати возле окна, посмотрел наружу, а потом на меня и сказал:

— Завтра я уезжаю.

— Куда, если не секрет?

— В Новочеркасск. Меня прикомандировали к штабу Казачьих Формирований. У наших атаманов появилась идея о созыве Общевойскового Круга, который решит судьбу Присуда, и я буду участвовать в его организации.

— Серьезно... — с уважением протянул я.

Андрей Иванович махнул рукой:

— Пока это только задумка. Война идет, и многое зависит от немцев. Захотят — будет Круг и появится Казакия. Не захотят — казаков бросят под немецкие танки, а наших атаманов сгноят в концентрационных лагерях. Все вилами по воде писано. Но я с тобой не об этом поговорить хотел. У меня разговор иной, на более приземленные темы. Ко мне в подчинение пойдешь?

— А ты сможешь вытащить меня из-под опеки Абвера?

— Смогу. Не сразу, но сделаю. И не только тебя, а весь ваш отряд вместе с Берингом.

— Не много ли на себя берешь, Иваныч?

— Я не сам по себе. Потому и говорю. Если бы за моей спиной никто не стоял, то этого разговора не было.

— Беринг уже в курсе?

— В общих чертах и он не против.

— Тогда, может, скажешь, кто тебя поддерживает?

— Тебе скажу, но пусть это останется между нами.

— Иваныч, ты меня знаешь. Я не болтливый.

— Вот-вот, за это тебя и ценю. Неглупый и в голове есть масло.

— Давай к делу, Иваныч.

— К делу, так к делу. Когда меня после лагеря военнопленных отправили в школу пропагандистов, я искал выходы наверх, к влиятельным людям из белой эмиграции, и такой контакт нашелся. С тех пор я под негласной опекой группы единомышленников, которые называют себя СВР — Союз Возрождения России. Люди там разные, но в основе молодые эмигранты и военные, полковники и майоры. Почти все они сейчас в РОА, в составе боевых подразделений. Цель Союза вытекает из его названия. Методы — политика и военные действия. Желательная форма правления при удачном раскладе и создании обновленной России — военная диктатура с последующим переходом к конституционной монархии или республике.

— Иваныч, а зачем этот Союз, если уже есть общепризнанные лидеры и организации?

— Например? — он вопросительно кивнул. — Про организации говорить не станем, там бардак и каждая на себя одеяло тянет, а лидеров, будь добр, назови.

Я пожал плечами и ответил:

— Трухин, Бискупский, Архангельский, Краснов, Шкуро, Балабин, Науменко...

— Все они осколки старой системы. Именно такие люди и проиграли Гражданскую

войну. Не потому, что они слабые или глупые. Нет-нет. Главная их ошибка в том, что они действовали по старым схемам и доверились политикам. Взять хоть Андрея Григорьевича Шкуро, которого я очень сильно уважаю. Как пример. Пока он воевал, за его спиной Деникин сотоварищи Кубанскую Раду разгромили. Кубанцы потеряли свою власть, утратили веру в победу и погрязли в мародерстве, а потом стали отступать. Они не видели смысла погибать за идеи добровольцев и отсюда разлад в рядах Белой гвардии с последующим разгромом. А ведь Рада предлагала Шкуро быть заодно, но он решил, что офицер вне политики. И ведь многие так решили. За что и расплатились. А Краснов? Вместо того чтобы стоять на своем, жестко и непримиримо, как только на него стали всерьез давить, ушел с поста войскового атамана и уехал за границу. Храбрые люди и сильные. Природные казаки. Однако им смогли задурить голову, и они покинули Родину. Думаешь, за годы эмиграции они что-то переосмыслили? Ни капли. Плывут по течению, доверившись политикам. И то же самое касается других белых генералов или красных командиров, которые перешли на сторону немцев. Все это неправильно. Необходимо делать свою политику, и ни при каких раскладах уже не покидать Россию. Лучше умереть, чем снова оказаться в изгнании. Таково мнение СВР и я верю, что у этой организации большое будущее.

— А если немцы решат уничтожить Союз?

— Пока наши интересы совпадают, бояться не стоит. Остерегаться союзника и ждать от него подлости надо всегда, но и прятаться, отсиживаться в подполье, смысла тоже нет. Иначе крах. У нас есть поддержка в структурах Абвера, Вермахта и в ведомстве Розенберга, но особо мы себя не афишируем. Всему свой черед. Пока набираем людей, раскидываем сеть информаторов и агентов, а так же берем на заметку тех, кто готов нам помогать.

— И ты предлагаешь мне вступить в СВР?

Тихоновский улыбнулся:

— У меня нет таких полномочий. Пока я предлагаю тебе быть рядом со мной.

— В качестве кого?

— Круг обязанностей широкий — телохранитель, охранник, адъютант, порученец по особым вопросам. Скучать не придется, и ты будешь часто бывать на передовой. Карьерный рост быстрый. Жалованье солидное, много интересных встреч и знакомств.

— А как же отряд?

— Он сам по себе. Сразу перевести его под командование Управления Казачьих Формирований не получится. Только отдельных бойцов.

— Значит, я буду не один?

— Верно. Помимо тебя я сделал подобное предложение еще двум казакам из отряда.

— Кому?

— Сахно и Сотникову. Разговаривал с ними вчера, и они согласились.

"Вот это друзья, — промелькнула у меня мысль, — ни слова, ни намека, что общались с Тихоновским и решились на перевод".

— Когда нужно дать ответ? — уже все для себя решив, спросил я.

— Сейчас. Через час я уезжаю в Новочеркасск.

— Я согласен. Когда ты нас выгатишь?

— В течение трех дней.

— Понял.

Обговорив детали перевода, мы пожали друг другу руки и расстались. Я отправился на ужин, а затем собирался зайти к Берингу, чтобы прояснить обстановку, а Тихоновский уехал.

Однако все планы пошпи насмарку. Беринга срочно вызвали в Ростов, а когда он вернулся, нас подняли по тревоге и мы выехали на аэродром, где нас уже ожидали два проводника, пожилой кавказец и молодая девчонка славянской внешности. "Фалширм" получил очередное задание и на рассвете, благополучно перелетев линию фронта, военнотранспортный "дорнье" сбросил нас в Гагрском районе Абхазской АССР.

29.

Гагрский район. 28.06.1942.

Старшина Захаров склонился к земле, осмотрелся и удовлетворенно кивнул. Он не был профессиональным следопытом, но следы читал уверенно. Сказывался полученный в Гражданскую войну опыт борьбы с кулаками и белобандитами, которых он в составе отряда ЧОН несколько лет гонял по горам и чащобам. Поэтому он легко определил, что следам на примятой траве не больше двух часов, и они оставлены группой из шести человек. Причем двое имеют ранения или травмы. Все это ему сказали отпечатки ботинок, характеристика следов, кровь на траве и обломанные ветки кустарника.

— Захаров! — услышал старшина голос полковника Кириллова.

Развернувшись, Захаров выскочил из кустарника на поляну. Невдалеке разбившийся немецкий самолет, военный транспорт, который слегка дымился. На земле обломки фюзеляжа и левого крыла. А вокруг останков самолета настороженные бойцы НКВД "волкодавы" из противодиверсионной спецгруппы Черноморского флота. Полковника нигде не видно.

— Сюда! — позвал старшину Кириллов и Захаров его увидел.

Полковник был с другой стороны самолета. Старшина подбежал к нему и обнаружил, что полковник лично обыскивает погибших летчиков и пассажиров. Обычно Кириллов к мертвецам не прикасался, брезговал. Но не в этот раз, потому что случай особый.

— Пусто... — с нотками раздражения в голосе произнес полковник, отстранившись от очередного трупа, а затем посмотрел на Захарова и спросил: — Следы нашел?

— Да, — старшина кивнул.

— Сколько людей уцелело и куда они ушли?

— В группе шесть человек, двое раненых. Они двинулись на юго-восток, в гору.

Кириллов, молча, кивнул. Потом машинально оправил гимнастерку и поймал взгляд старшины. Захаров проявил упрямство, выдержал взгляд, и полковник, отвернувшись, сказал:

— Старшина, я тебя прошу... Заметь, не приказываю, а прошу... Догони их и прикончи... А если возьмешь живьем, особенно турок, получишь Красную звезду... Сделаешь?

Захаров ответил, как было нужно:

— Сделаю, Евгений Палыч.

— Не подведи, — полковник хлопнул старшину по плечу и добавил: — На тебя главная надежда. Я никому не верю, только тебе. Привлекай столько людей, сколько нужно. Хоть всех заberi. Помоги "волкодавам". Их командир инструкцию получил. На чины и звания не смотри, я прикрою. Сделай, что необходимо. От этого многое зависит. Сам понимаешь — задание Хозяина.

Кириллов многозначительно приподнял указательный палец, а старшина снова кивнул:

— Я знаю, Евгений Палыч.

— Ступай.

Спустя пять минут, собрав отряд из тридцати отлично подготовленных бойцов, которых возглавлял майор НКВД, Захаров пустился в погоню за выжившими. Это была передовая группа, а вслед за ней вскоре Кириллов должен был послать целый батальон...

После памятного боя на окраинах Москвы, когда старшина Захаров принял участие в обороне столицы и вернулся к полковнику Кириллову, его жизнь резко переменилась. "Особый сектор ЦК ВКП(б)", в структуре которого он оказался, организация не простая. Это личная разведка и контроль товарища Сталина с очень широкими полномочиями, а полковник Кириллов в "Особом секторе", несмотря на плен, был не последним человеком. Вождь советского народа знал его лично и верил полковнику. Это было бесценно и вместе с Кирилловым, который выполнял поручения Сталина, старшина Захаров объехал и облетел половину Советского Союза.

Дальний Восток и Крым, Ростовская область и Кубань, Урал и Сибирь, Чукотка и Казахстан, осажденный Ленинград и заснеженный Мурманск. Полковник Кириллов и подобные ему офицеры "Особого сектора ЦК ВКП(б)" носились по стране, а Захаров сопровождал своего начальника везде. Ни разу его не подвел и четко выполнял все приказы. За время странствий полковник и старшина сблизились. Поэтому между ними появились доверительные отношения. Офицер часто делился с Захаровым подробностями порученных заданий. А бывалый старшина, который не так давно узнал, что его семья погибла, целиком посвятил себя службе и неоднократно давал полковнику советы. Следовать уставам, инструкциям и приказам необходимо. Без этого никак. Но житейский опыт Захарова, который мгновенно выхватывал в любом деле основу, не раз выручал Кириллова в затруднительных ситуациях. Поэтому они один другого дополняли.

Последнее дело, которое поручил полковнику Кириллову товарищ Сталин, было очень важным. Впрочем, как и все предыдущие. Внешняя разведка подтвердила, что немцы ведут переговоры с турками. Германцы хотели, чтобы османы вступили в войну на стороне Третьего Рейха, и правительство Турции склонялось к тому, чтобы напасть на СССР. Однако подписание договора постоянно затягивалось. Турки сомневались, ибо учитывали уроки прошлой Мировой войны, после окончания которой они потеряли половину своих территорий и лишились статуса империи.

Президент Исмет Иненю продолжал тянуть время и постоянно находил новые предлоги, чтобы не влезать в войну. Несмотря на обещания немцев, что Турция получит Сирию, часть Ирака, Мосул и три четверти Кавказа, он понимал — война может закончиться очередным поражением и предпочитал оставаться в нейтралитете. Пусть другие дерутся, а его страна будет получать выгоду от торговли с обеими сторонами всемирной бойни. Вот только он не мог противостоять своим военным и старым аристократам, которые рвались в бой и мечтали о возрождении Османской империи. Поэтому люди из окружения Иненю вступили в контакт с советскими спецслужбами и предложили им дружбу. От такого, разумеется, отказываться нельзя, и началось тайное сотрудничество.

Для начала турки слили советским агентам информацию о тайном визите главы Генштаба маршала Февзи Чакмака в Крым. Высокопоставленный турецкий военный хотел лично побывать на полуострове, пообщаться с немецкими военными, которые штурмовали Севастополь, и крымскими татарами. А потом маршал собирался посетить Кубань. На основании того, что он увидит и услышит, без ретуши, по факту, и будет строиться его мнение. А поскольку Чакмак стал склоняться к союзу с Германией, его выводы очевидны. Без сомнения, выступая перед членами правительства, он даст рекомендацию вступить в

союз с Третьим Рейхом и президент не сможет ничего сделать.

Что агенты СССР станут делать с полученной информацией, турки не спрашивали. Все очевидно. Маршал Чакмак должен погибнуть. Он полетит на немецком самолете, разумеется, в сопровождении истребителей, и "сталинские соколы" смогут его сбить. После чего положение сторонников войны, которые не признают того факта, что глава Генштаба летал в гости к немцам, немного пошатнется. Это в очередной раз оттянет подписание договора, а потом ситуация на фронтах может измениться. Сторонники президента, с его молчаливого согласия, сдавали Чакмака, и советская сторона не могла этим не воспользоваться.

Для проведения операции по уничтожению турецкого маршала была создана сверхсекретная особая группа, в которую вошли представители внешней разведки, НКВД и военные. А над ними, как контролер, был поставлен полковник Кириллов, глаза и уши генсека. Он в дела специалистов не влезал, но был в курсе всего происходящего и мог вмешаться в любой момент.

Все шло своим чередом. На немногочисленных приморских аэродромах, которые еще находились под контролем Красной армии, дежурили три эскадрильи истребителей с самыми опытными летчиками Черноморского флота. Они могли подняться в воздух через пять минут после получения команды. Однако маршал Чакмак уцелел, и судьба дала ему отсрочку. Словно назло, когда самолет нес его над Черным морем в Крым, побережье Кавказа окутал густой туман. Истребители не смогли взлететь и операция провалилась. Оставалась надежда, что получится перехватить турецкого вояку на обратном пути и все понимали — другого шанса уже не будет и Сталин промаха не простит.

Спустя три дня маршал Чакмак возвращался на родину. По сообщениям советской разведки, он еще больше укрепился в мысли, что война с СССР неизбежна и необходима. Ликвидировать его руками диверсантов не вышло. Оставался вариант сбить его самолет в воздухе, и он сработал.

С аэродромов взлетело тридцать четыре самолета. Они двигались разным курсом, шли из Батуми, Сухуми и Поти. Хоть кто-то, но должен был перехватить немецкий транспортник под охраной шести Me-110, и повезло эскадрилье капитана Евсеева. В пятидесяти километрах от берега десять советских истребителей связали боем шестерку немцев, а два самолета начали охоту на военно-транспортный "дорнье". Однако немецкий пилот оказался чересчур опытным. Он смог скрыться в облаках и советские асы его потеряли. Впрочем, ненадолго. Хитрый немец свернул к советскому побережью, видимо, надеялся, что его не обнаружат, и он сможет уйти обратно на кубанские аэродромы Ошибка. Уже над береговой чертой его заметила вторая группа советских истребителей, и он получил свое. После чего "дорнье" упал в горах Гагрского района Абхазии. Успел немец позвать на помощь или нет, осталось неизвестным. Однако падение произошло на территории, которая контролировалась советскими войсками, и до линии фронта сорок пять километров. Это не могло не радовать. А поскольку ближе всех к месту оказался полковник Кириллов, он незамедлительно поднял противодиверсионный отряд, который проходил подготовку в Гаграх, вызвал подкрепления, велел создать координационный центр и лично отправился на поиски.

Обнаружить упавший немецкий самолет ночью не удалось. Он нашелся только под утро и когда отряд Кириллова прибыл на место, выяснилось, что уцелевшие немцы и турки, среди которых был маршал Чакмак, ушли. Прорваться через многочисленные заслоны, кордоны и

поисковые отряды, которые уже вышли в горы, они не смогут. Но если пилот "дорнье" успел послать запрос о помощи и верно указал свои координаты, немцы, наверняка, выбросят десант. Вот это уже плохо, но Кириллов надеялся на Захарова и "волкодавов". С ранеными на плечах беглецы далеко не уйдут, и они будут обнаружены, а потом убиты или захвачены...

Спустя час, преследователи вышли на берег горной речушки и потеряли след. Беглецы уже неподалеку. Но где именно? Захаров и несколько бойцов начали поиск следов, а майор НКВД, формально старший в отряде, приказал развернуть радиостанцию и вышел на связь с координационным центром в Гаграх.

Следы нашлись, куда же им деться. Они обнаружились в ста метрах выше по течению и снова уходили в горы. Судя по всему, беглецы опережали поисковиков всего на полчаса и они не разделились. Догнать их не проблема и Захаров вернулся к майору, который сообщил ему плохую новость:

— Немцы выбросили в нашем районе три группы десанта. Каждая по численности равна взводу. Одна из них должна быть совсем рядом.

— Ничего, — усмехнулся старшина. — Мы тоже не мальчики-зайчики, не вчерашние курсанты и не новобранцы. Скоро подмога подойдет. Главное — беглецов не упустить. Я след обнаружил. Пойдем.

Майор с ним согласился, поднял отряд и "волкодавы" продолжили преследование.

30.

Гагрский район. 28.06.1942.

Боевая задача отряду "Фалширм" была поставлена перед самой погрузкой.

Над советской территорией сбит и упал в горно-лесистой местности немецкий самолет. На борту находились важные чины, турецкие военные и немецкие дипломаты. Любой ценой мы должны были их вытащить. Слова ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ выделялось особо. Точны координаты падения самолета неизвестны, где-то в восточной части Гагринского района Абхазии. Помимо нас в тыл Красной армии выбрасываются еще две группы, одна из "Бранденбурга", вторая из 7-й воздушно-десантной дивизии. Все происходило в большой спешке и командование торопилось. Поэтому использовались все десантники, кто имел горную подготовку и был под рукой. Остальные группы и отряды либо уже выполняли задания, либо восстанавливались и находились на отдыхе. А чтобы нам было легче, в помощь выделили двух проводников, оба родом из Абхазии. Пожилого кавказца звали Гия, вроде бы грузин. Девушка представилась как Анна, русская.

Инструктаж был проведен. Беринг проверил оружие и снаряжение. Полный порядок. Погрузка и взлет. Над линией фронта нас прикрывали истребители. "Дорнье" добрался до точки десантирования благополучно. Нас сбросили на горный лес, и это плохо. Напороться на дерево и разбиться легко. Есть поляны и лесные тропы, но уцелеть все равно проблематично.

Мне повезло, я не напоролся на сук и ничего себе не сломал. Избежал встречи с деревьями и приземлился на узкую горную дорогу. Ноги коснулись грунта, и я привычно начал гасить парашют. Не вышло. Купол зацепился за дерево, и я его отстегнул.

Общий сбор. Не собирая парашютов и не маскируясь, отряд быстро сошелся вокруг командира, и выяснилось, что мы потеряли троих, двух казаков и проводника-кавказца. Яша Ломакин повис на дереве, обрезал стропы и неудачно упал на скрытый травой камень, в результате чего сломал себе позвоночник. Серега Сорокин налетел на дерево, и длинный

сучок вонзился ему в глаз. А проводника отнесло в сторону, он упал в горную реку, запутался в парашюте и утонул. Вот такое начало операции, крайне неудачное. Но с остальными, слава богу, все более-менее нормально. Несколько бойцов сильно поцарапались, а один сломал левую руку. Это не смертельно и, оказав братьям первую медицинскую помощь, мы определили свое местонахождение, и вышли на связь с командованием.

Нам дали более точные координаты упавшего самолета и указали маршрут движения. После чего Аня, которая до войны работала проводником туристических групп в Гаграх, повела нас к цели. Шла девчонка уверенно, что не могло не радовать, и буквально через сорок минут, перевалив гору, мы лоб в лоб столкнулись с теми, кого искали. Что это? Снова везение или грамотный подход к делу тех офицеров, которые издали руководили нами и выбрасывали десантников таким образом, чтобы мы выполнили поставленную задачу? Не знаю. Но факт остается фактом. Мы обнаружили уцелевших немцев и турок, среди которых выделялся один, с черным чемоданчиком в руках и грязном парадном мундире с кучей медалей-орденов на груди.

Половина дела сделана. Однако по следам беглецов шли красноармейцы. Не простые бойцы стрелкового батальона или местные ополченцы, а профессионалы, такие же, как и мы, псы войны. Они были близко. Берингу следовало определиться с дальнейшими действиями, и он принял решение. Отряд делится. Половина, во главе с ним, сопровождает спасенных турок и немцев к линии фронта. Вторая половина остается, встречает преследователей, вступает в бой и уводит погоню в сторону. Все логично и руководить казаками, кто оставался, предстояло мне. Почти полный повтор ситуации на реке Кавалерка и мне это не понравилось. Я что, крайний? Почему опять я? Но возражать командиру бессмысленно, не тот случай, и отряд распался.

Беринг двинулся на север. Со мной тринадцать казаков. Вооружение советское, автоматы, два ручных пулемета и снайперская винтовка. Боеприпасов хватало. Есть ручные гранаты и у каждого казака пистолет, а помимо того нож или кинжал. Мы на склоне, который покрыт густым лесом. Противник внизу, движется по тропе вверх. Огневой контакт через пять минут. Мои действия очевидны. Пулеметы на тропу, автоматчики прячутся за деревьями, подпускаем противника на максимально близкую дистанцию, я даю команду, и огневой шквал сметает преследователей вниз. А затем в ход идут гранаты. Как бы дело ни обернулось, урон советским бойцам нанесем, и время выиграем, а потом сможем уйти и оторваться. Все-таки расклад гораздо лучше того, какой был на мосту через Кавалерку. Врагов значительно меньше, чем тогда, а горы не степь и затеряться проще.

На тропе появился головной дозор преследователей. Крепкие рослые мужчины. Вооружены автоматами. Одеты в удобные маскировочные халаты, а за спинами тощие вещевые мешки. Идут бойцы вверх легко, привычно, в горах не новички. Посматривают по сторонам, не расслабляются. Судя по всему, немецкий летчик, который во время подъема разглядел красноармейцев в бинокль, не ошибся. Перед нами, действительно, хорошие вояки и бой будет всерьез.

За головным дозором появились основные силы противника. Красноармейцы все ближе. Я должен был дать приказ на открытие огня. Но неожиданно растерялся. Среди вражеских бойцов я заметил знакомое лицо. В центре находился старшина Захаров. Как!? Каким образом он оказался здесь и сейчас!? Это невозможно! Скорее всего, я ошибся. Присмотрелся. Нет, ошибка исключена. Между нами метров семьдесят. Пробивающийся сквозь ветки солнечный свет упал на лицо Захарова, которого я хорошо помнил, и все

подтвердилось.

В этот момент Ваня Сахно толкнул меня в бок и прошептал:

— Андрей, пора...

Головной дозор уже в десяти метрах от позиции пулеметчиков и красноармейцы остановились. Они не видели наших следов и пока не обнаружили засаду, но что-то их насторожило. Еще несколько секунд и они, подняв тревогу, разбегутся по лесу. Нельзя их упускать. Ни в коем случае. Надо бить наверняка, в упор, используя фактор неожиданности. И, еще раз посмотрев на Захарова, который почувал мой взгляд, тоже встревожился и замер на месте, я отдал команду:

— Огонь!

Оба пулеметчика ударили одновременно, а снайпер и автоматчики их поддержали. Тропа хоть и узкая, но прямая. Промаяхнуться сложно и смертельный свинец прошел вдоль нее, выкашивая красноармейцев. Тела крепких пышущих здоровьем мужчин, словно подкошенные, валялись на тропу, а я попытался достать вражеского командира, которого разглядел рядом с Захаровым. Выпустил длинную очередь и пули вонзились в его грудь. Кто он был по званию и должности, неизвестно. Погон и знаков различия нет, все в одинаковых маскхалатах или гимнастерках. Но то, что он командир, без сомнения. Слишком уверенно держался. А Ваня Сахно в этот самый момент бил в сторону старшины. Однако казак в него не попал. Захарова просто так не возьмешь. Он перекатом ушел с линии огня и скрылся за упавшим старым деревом, а мой товарищ свалил радиста, который шел за ним.

На тропу полетели ручные гранаты. Начиненные смертью круглые металлические яйца, падая на землю, катились вниз и взрывались. Два десятка взрывов разметали утоптанное людьми и животными покрытие тропы, подорвали скальную основу и осколки пронеслись по кустарнику, вонзились в деревья и заделали людей.

На мгновение наступила относительная тишина. На окутанной легким маревом тропе никого, а между деревьев медленно рассеивался сизый пороховой дымок. В этом была какая-то особая красота и, подумав, что странные финты крутит судьба, которая вновь столкнула меня с Захаровым, я усмехнулся.

— Ты чего, Андрюха? — меняя магазин и передергивая затвор, спросил Сахно.

— Да так, прошлое вспомнилось, — отозвался я и кивнул на заваленную телами тропу. — Мы ведь могли оказаться на их месте.

— Плевать, — Ваня поморщился. — Сейчас каждый на своем месте, там, где он должен быть. Если написано на роду за большевиков умереть, за власть людоедскую, значит, так и будет.

Я имел на этот счет свое мнение, но спорить не стал, а поразмыслил, как бы поступил на месте противника. Половину вражеского отряда мы выкосили. Однако часть ядра и тыловой дозор уцелели. Врагов осталось примерно столько же, сколько и нас. У них приказ. У нас тоже. Самое простое — красноармейцы могут отступить и дождаться подкреплений, которые, наверняка, скоро появятся. Но если на первом месте цель — они перегруппируются и начнут фланговый охват, будут обходить нас по склону и постараются зайти в тыл. Как они поступят? Посмотрим. Мы тянем время и пока с этим справляемся. Нам бы полчаса выиграть и мы его выиграем. Не такой уж большой срок — продержимся.

Примерно такие мысли крутились у меня в голове, но я ошибался. Красноармейцы, скорее всего, армейская разведка или специальная группа НКВД, оказались подготовлены гораздо лучше, чем я предполагал. Они не стали отходить, чтобы определиться с

дальнейшими действиями, перевести дух и подсчитать потери, а сразу начали обход. Несмотря на потери, они не растерялись. Одно это уже говорит о многом и через несколько минут слева раздался крик Золотова:

— Противник!!!

Сразу после этого длинная автоматная очередь и я отдал команду отходить. Мы с красноармейцами оказались на одном уровне. Никаких преимуществ у нас уже не было, и бой пошел на равных. Казаки стали отступать по склону, пересекли тропу и углубились в лес, а противник начал преследование. Красноармейцы вцепились в нас, словно клещ, и пришлось остановиться, чтобы их притормозить. Мы работали тройками, не теряя друг друга из виду. Они, кстати, тоже. И тут уже, кто кого. Основной упор на индивидуальную подготовку, скорость реакции и меткий глаз.

Между деревьями мелькнул смазанный маскировочным костюмом силуэт, и я дал очередь. Не попал. Пули сбили с дерева ветки и упали вниз. После чего противник дал ответную очередь и тоже промазал.

"Получи!" — я метнул в сторону врага гранату и сразу сместился в сторону, спрятался под корнями крупного кавказского дуба и замер.

Взрыв был негромким, и я услышал стон. Одного достал — неплохо. Но практически сразу появились еще два противника. Сахно и Золотов рядом, они их прижали и заставили залечь, а я снова поменял позицию и осмотрелся. Красноармейцы остановились, а мы давили их огнем и держались. Если резко отступить, мы сможем оторваться. Еще немного и отдам команду.

Краем глаза я уловил движение в кустарнике и пригнулся. В дерево над моей головой вонзились пули, и я открыл ответный огонь. Выпустил половину рожка, а следом кинул гранату. Она взорвалась, но, кажется, никому вреда не причинила. И пока я отвлекался на стрелка, ко мне подкрался очередной противник и это был Захаров. Он выпрыгнул из-за дерева, резко и неожиданно, а потом попытался ударить меня прикладом автомата в голову. Однако я увернулся. Приклад прошел в сантиметре от черепа, и я нанес ему удар ногой в корпус. Ботинок ударил старшину в бок, и он, выронив автомат, отлетел к дереву.

Я мог его убить, дать короткую очередь и свинцовые шмели разворотили бы Захарову грудь. Но я этого не сделал. Сверху вниз я смотрел на старшину, который спиной прижался к стволу дерева, и наши взгляды встретились.

Он меня узнал, слегка склонил влево голову и уточнил:

— Андрей?

— Так точно, товарищ старшина, — ответил я.

Кругом бой. Казаки и красноармейцы продолжали воевать. А мы на некоторое время оказались предоставлены сами себе. Нам никто не мешал и Захаров, окинув меня взглядом, скривился и задал новый вопрос:

— Значит, ты теперь за немцев?

— За Россию и Казакию, Иваныч. Ты же казаком родился. Помнишь, что это такое?

— Нет никакой Казакии. Это выдумки. И старую Россию не вернуть. А вот то, что ты Родину продал, факт. Зря я тебя учил. Думал, настоящий советский человек вырастет, не то, что твой батя. Видать, ошибался.

Не стоило ему моего отца поминать. Однако слова были сказаны, и я заметил, как старшина подтягивает к себе автомат. Еще немного и он постарается меня убить. Это было очевидно, и я его опередил, прострелил Захарову правое плечо. Не убил, но вывел из строя.

— Су-ка-а-а... — прижимая к простреленному плечу левую ладонь, прошипел он и посмотрел на меня.

Во взгляде старшины была ненависть. Чистая и незамутненная. Я понимал, что передо мной непримиримый враг, которого необходимо уничтожить. Но, несмотря на это, я не смог его убить. Что-то в душе было против такого поступка, и я сказал старшине:

— Живи, Иваныч, и не суди меня. Лучше вспомни, как ты ради идей кровавых большевиков людей в расход пускал, и помолись.

— Предатель! — выдохнул Захаров. — В соотечественников стреляешь!

— А ты не стрелял?

— Это Гражданская... Иное дело...

— А после Гражданской, когда вместе с чекистами у людей последнее из погребов выгребал?

— Это были враги... Несознательные элементы... Так было нужно...

Я промолчал, махнул рукой и ушел. Не о чем нам разговаривать. Не пойдем один другого.

К этому времени красноармейцы выдохлись, их порыв ослаб. Самое время отступить и я увел отряд. Бой был недолгим, минут десять, не больше. Однако у нас появились потери. Четыре казака погибли и трое получили ранения. Тела мертвых, конечно, оставили на поле боя, а раненых не бросили и потащили с собой. Это осложнит наше бегство, но мы своих не бросаем. Будем тянуть, пока есть силы, и вытащим.

31.

Ростовская область. 10.07.1942.

Раннее утро. Я сидел возле окна, пил крепкий чай и ждал вызова к Берингу.

Вчера моя группа вернулась на базу под Ростовом и после всех положенных докладов, рапортов и отчетов, я переговорил с казаками и отправился отдыхать.

Поднялся рано. Спешить никуда не надо, у меня и казаков, которые вместе со мной бегали по горам Абхазии, несколько законных выходных дней. Есть не хотелось и, взяв на кухне термос чая, я вернулся в казарму. Расположился за столом возле окна и увидел Тихоновского, который шел от КПШ к штабу.

Выбегать навстречу есаулу не стал, а спокойно поднялся, проверил свой рюкзак и снова вернулся за стол. Скорее всего, он появился здесь, чтобы забрать казаков, которым обещал перевод. И пока Тихоновский разговаривал с командиром отряда, я наслаждался покоем...

В горах было сложно. Мы постоянно находились в движении, шли на северо-восток и уперлись в реку Гега. Столкнулись с местными пастухами и после короткой, но содержательной, беседы, они согласились приютить наших раненых. Оставлять братьев не хотелось, но иначе никак. Им требовался покой, а нам нужно уходить. Пятьдесят на пятьдесят. Пастухи могли выдать казаков красноармейцам, а могли спрятать. Выбора у меня не было, пришлось рискнуть, и отряд побежал дальше.

Перебравшись на другой берег Геги, добрались до озера Рица и повернули на северо-запад, к линии фронта. После чего шли крайне осторожно и очень медленно. Слишком многолюдно стало в горах, а мы не собирались погибать в очередной стычке. Хватит смертей, надо вывести братьев. Так я решил, и казаки меня поддерживали.

Наконец, после долгих скитаний по горам и чащобам, вышли к фронту. Перед нами перевал, а за ним позиции немецких горных егерей. Можно еще немного подождать, пока

германцы сбывают заслон советских войск и продвинулись дальше, или атаковать. Мы выбрали второй вариант и под покровом темноты взобрались на перевал, которых охранялся двадцатью красноармейцами, у которых не было боеприпасов, и захватили позицию. Пленных не тиранили, разоружили и связали. Ракетами подали немцам условные сигналы и на рассвете они появились, взвод солдат из 4-й горнострелковой дивизии.

Германские солдаты нам не доверяли и попытались разоружить. Однако я отказался. Поэтому мы просидели в осаде три часа, пока из штаба не подтвердили наши личности и не прислали за казаками транспорт.

Возле фронта нас не задерживали, посадили в эшелон, который шел через Ростов, и через двое суток, грязные, оборванные, голодные и злые, мы прибыли на место и на присланном грузовике отправились в базовый лагерь. Здесь узнали последние новости. Глобальных немного и нас они особо не интересовали. А касательно отряда "Фалширм", выслушали историю, как основная отрядная группа выходила к линии фронта и вытаскивала важных персон.

Беринг вывел отряд к реке Хашпсы и уперся в заслон. Против казаков оказались бойцы морской стрелковой бригады, вчерашние военные моряки. Хоть и не пехота, но дрались грамотно и зло. В короткой стычке отряд потерял двоих, попытался перейти реку в другом месте, и снова неудачно. Кольцо вокруг казаков сжималось. Казалось, уже не выбраться. Однако наш отряд был в тылу советских войск не единственным. На помощь пришли диверсанты "Бранденбурга" и парашютисты 7-й воздушно-десантной дивизии. Они объединились и ударили в тыл морякам, сбили заслоны и обеспечили прорыв "Фалширма" через линию фронта. Потери у них оказались серьезными, но свою задачу они выполнили.

В общем, турок, немецкого летчика и дипломатов доставили в безопасное место. Маршал Чакмак, тот самый важный турецкий военный с россыпью орденов и медалей на мундире, пообещал Берингу награду. А наш капитан отдал воинское приветствие и сказал, что выполнял свой воинский долг. Будут награды или нет — неважно. Главное — отряд "Фалширм" снова выполнил поставленную перед ним задачу и зарекомендовал себя с самой наилучшей стороны. А потери... Что потери... Идет война и они неизбежны...

В казарме появился дежурный по лагерю обер-лейтенант Карл Майнингер, худощавый и подслеповатый немец. Прищурившись, он осмотрелся и громко произнес:

— Сотников, Сахно и Погиба в штаб. Срочно.

Сахно и Сотников неподалеку, только проснулись и умылись, а теперь готовились идти на завтрак. Они собрались быстро и втроем мы прибыли в штаб, который раньше являлся комнатой для сбора пионервожатых. Беринг и Тихоновский были здесь. Судя по их поведению, они уже обо всем договорились и трений между ними нет. Это хорошо, а то я про перевод с командиром отряда не разговаривал, некогда было, и как он к этому отнесется, не знал.

Словно с равными, мы обменялись с Берингом и Тихоновским рукопожатиями. После чего командир сказал:

— Казаки, есть предложение перевести вас в штаб Управления Казачьих Формирований РОА на должности офицеров по особым поручениям. Как вам это?

Первым ответил Боря Сотников, невысокий, но широкоплечий казак с Терека, которого иногда называли Квадрат:

— Согласен.

Вторым отозвался Сахно:

— Согласен.

Я кивнул:

— Согласен.

Беринг усмехнулся:

— Ничего другого я не ожидал. Поэтому перевод подтверждаю.

"Неужели он нас так легко отпустит? — подумал я. — Без разговора с глазу на глаз и каких-то дополнительных инструкций? Странно".

Беринг быстро подмахнул документы, которые были у Тихоновского, и есаул кивнул в сторону КПП:

— На сборы двадцать минут. Машина уже ждет.

Тихоновский вышел первым. Сахно и Сотников покинули штаб вслед за ним. Я тоже направился к выходу, но Беринг меня окликнул:

— Андрей.

Обернувшись, я посмотрел на него, и он кивнул на свободный стул:

— Задержись. Хочу сказать тебе пару слов.

Я присел и Беринг, закурив, что случилось с ним крайне редко, выдохнул сизый дым и спросил:

— Ты понимаешь, во что влезает?

Мой ответ был предельно честным:

— Нет.

Смерив меня взглядом, немец снова пыхнул сигареткой и продолжил:

— Скрывать не стану, я тебя выделял. Хотел даже сделать своим заместителем с присвоением следующего чина. Ты не лезешь в политику, не тянешь на себя одеяло и заработал в отряде авторитет. Поэтому буду говорить откровенно. Как со своим замом, хотя мы расстаемся. Буду надеяться, что ненадолго. На самом верху растет тревога. Русские и казаки очень быстро становятся сильными. Вермахт несет огромные потери и вынужден прибегать к вашей помощи. Помимо тех подразделений РОА, которые уже в строю, формируются еще четыре дивизии, не считая полиции, охранных частей и абверкоманд. На оккупированных территориях представители Русской армии уже не дают развернуться нашим бургомистрам и тыловикам, выступают против отправки в Германию заводского оборудования и рабочих. Все это вызывает напряжение. Однако пока вы нужны, без помощи русских и казаков сложно вести войну. Даже, несмотря на то, что скоро против СССР выступит Турция, которая вторгнется в Армению, Грузию и Азербайджан. К чему я это говорю, понимаешь?

— К тому, что необходимо соблюдать осторожность?

— Верно, — он кивнул. — В штабе УКФ, как и в штабах РОА, много наших агентов которые будут рады воспользоваться оплошностью собеседника, поймать его за язык и привлечь к ответственности. Например, за призывы выступить против Третьего Рейха или хулу на рейхсканцлера.

— Я буду осторожен, командир.

— В тебе я уверен, но Сахно и Сотникова предупреди. На тебя уже есть представление, чин хорунжего ты получишь раньше, чем они. И Тихоновский тебя выделяет. Следовательно, станешь старшим группы. Береги казаков. Не влезай в политику. А потом станет легче. Через пару месяцев, если наше командование в лице Фрейтага фон Лорингхофена сочтет необходимым, "Фалширм" перейдет под командование УКФ.

— Ясно, командир.

— Удачи.

Он протянул мне ладонь, я ее пожал и мы расстались. Беринг нас не провожал и вскоре, вместе с казаками, которые отправлялись в увольнительную, мы ехали в Ростов.

Добрались без проблем. Попрощались с казаками, и пересели в легковой автомобиль, который ждал Тихоновского.

В дороге разговорились, и есаул кратко описал наши обязанности. Офицер по особым поручениям при штабе УКФ не синекура. Придется много ездить, сопровождать старший командный состав и развозить секретные документы, а помимо того выполнять указания Тихоновского. Он вошел в Комиссию по проведению Общевойскового Круга, который пройдет в Новочеркасске через пару месяцев, и работы для нас много.

Генерал Краснов, который возглавлял УКФ, задумал воплотить в жизнь свою давнюю идею, создать Доно-Кавказский Союз. На время войны практически независимое государство под протекторатом Германии. А позже, на федеративных началах, оно войдет в состав обновленной России. Многих это не устраивает, особенно белоэмигрантов, которые никак не могут между собой договориться, но хотят получить реальную власть прямо сейчас. Дела у них не идут. А казаками процесс уже запущен и уже завтра нам придется выехать на фронт, в 1-ю казачью дивизию, Особую бригаду Шкуро и 102-й Донской полк Кононова, который действует отдельно от основных сил. Необходимо отвезти фронтовикам копии Конституции Доно-Кавказского Союза. Документ не секретный, но придется лично вручать копию каждому офицеру казачьих войск до командира полка включительно под роспись. Чтобы никто не мог сказать, будто он с ним не ознакомлен и понятия не имеет о чем идет речь.

Кстати, в машине Тихоновского копия Конституции имелась, и я смог с ней ознакомиться:

Конституция Доно-Кавказского Союза.

1) Доно-Кавказский Союз состоит из самостоятельно управляемых государств: Всевеликого Войска Донского, Кубанского Войска, Астраханского Войска, Терского Войска и Союза Горцев Северного Кавказа, соединенных в одно государство на началах федерации.

2) Каждое из государств, составляющих Доно-Кавказский Союз, управляется во внутренних делах своих согласно с местными законами на началах полной автономии.

3) Законы Доно-Кавказского Союза разделяются на общие для всего Союза и местные, каковые каждое государство имеет свои.

4) Доно-Кавказский Союз имеет свой флаг, свою печать и свой гимн.

5) Во главе Доно-Кавказского Союза стоят Верховный Совет из атаманов (или их заместителей) Донского, Кубанского, Терского, Астраханского и главы Союза Горцев Северного Кавказа, избирающих из своей среды председателя, который и приводит в исполнение постановления Верховного Совета.

6) При Верховном Совете периодически собирается, не менее раза в год Сейм представителей от населения государств входящих в Доно-Кавказский Союз.

7) Сейм собирается распоряжением Верховного Совета, объявленным через его председателя, и вырабатывает общегосударственные законы, утверждаемые Верховным Советом.

8) Доно-Кавказский Союз имеет общую армию и флот. Командующий всеми

вооруженными силами Союза назначается Верховным Советом.

9) Доно-Кавказский Союз имеет следующих общих министров, назначаемых Верховным Советом: иностранных дел, военного и морского, финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, почт и телеграфа, государственного контроля и государственного секретаря.

10) Временной резиденцией правительства Доно-Кавказского Союза объявляется г. Новочеркасск.

11) Доно-Кавказский Союз имеет общие: монетную систему, кредитные билеты, почтовые и гербовые марки; общие тарифы: железнодорожные, таможенные и портовые, а также почтовые и телеграфные.

12) Доно-Кавказский Союз, провозглашая себя самостоятельной державой, объявляет, что борется лишь с большевистскими войсками, находящимися на его территории и на территории России. Война будет вестись до полного изгнания большевиков с территории России или заключения мирного договора.

13) Доно-Кавказский Союз намеревается и впредь поддерживать мирные отношения со всеми державами и не допускать вторжения на свою территорию никаких войск, кроме союзных.

14) Доно-Кавказский Союз изъявляет свое намерение вступить в торговые и иные сношения с державами, которые признают его державные права и не ведут войну с его союзниками.

15) Границы Доно-Кавказского Союза очерчиваются на особой карте. Причем в состав территории Союза входят земли Войска Донского: Ростовская область, Луганск (Ворошиловград) и Донецк (Сталино) с восточными районами, Калмыкия, Ставропольская и Черноморская губернии (Орджоникидзевский и Краснодарский край), Сухумский округ и, по стратегическим соображениям, южная часть Воронежской губернии, а так же часть Саратовской губернии с городами Камышином и Царицыном (Сталинградом).

16) Доно-Кавказский Союз выражает уверенность, что народение его будет благоприятно принято всеми союзными державами, заинтересованными в его существовании, и что они не замедлят прислать своих представителей, равно как и Союз не замедлит послать свои дипломатические миссии к признавшим его державам".

Документ простой и понятный. Даже для меня, человека без высшего образования. НО Слишком большой кусок собрался хапнуть генерал Краснов. Немцы ему столько территорий, сколько прописано в Конституции, не отдадут. По крайней мере, не сразу. Неужели он и другие атаманы этого не понимают? Люди не глупые, должны все осознавать, и тогда получается, что этот момент обозначен специально, для обсуждения и торговли с союзником. Немцы урежут территорию Доно-Кавказского Союза, а Краснов сотоварищи пойдут на уступки, но все равно получают то, что необходимо.

Прав я или нет? Не знаю. Поживем и увидим.

32.

Ростов-на-Дону. 15.07.1942.

— Нет, нет и еще раз нет! — Командующий Русской Освободительной Армии генерал Трухин посмотрел на генерала Краснова и прихлопнул ладонью по столу. — Ваша самостийность, Петр Николаевич, до добра не доведет. Вы снова реанимируете свой старый

проект, я говорю о Доно-Кавказском Союзе, и это будет расплыть наши силы. Необходимо возрождать Россию вместе, всему русскому народу: великороссам, украинцам, белорусам и казакам.

Встреча двух генералов проходила в тыловом штабе 1-й казачьей дивизии, который находился в доме купца Парамонова в городе Ростове-на-Дону. Русская Освободительная Армия росла в числе, все активнее принимала участие в сражениях, и с генералом Трухиным, как и с другими лидерами РОА, стали считаться. Однако Федора Ивановича долгое время не желали выпускать из Берлина. Причина очевидна — немцы хотели его контролировать. А сам Трухин рвался в Россию, поближе к войскам РОА, на Родину. Раз за разом, каждую неделю, он обращался за соответствующим разрешением к высшим чинам Вермахта и главе Имперского министерства оккупированных восточных территорий. Он гнул свою линию, и его настойчивость сделала свое дело. Наконец, ему разрешили посетить Киев, Крым, Дон и Кубань. Да и то, лишь для того, чтобы он мог лично надавить на казачьих атаманов, которые развили бурную деятельность и стали готовиться к проведению Общевоинского Круга, который провозгласит создание Доно-Кавказского Союза.

Казачья казачья все делала открыто. В конце концов, немцы обещали им восстановить собственные государства, которые существовали в период Гражданской войны. Однако немцы насторожились. Обещать и сделать — понятия разные. Терять контроль над богатейшими землями Северного Кавказа не хотелось, пусть даже частично, и на Краснова, который стал основным идеологом и неоспоримым лидером примкнувших к немцам казаков, было решено натравить Трухина, за спиной которого уже сформировалась серьезная группа поддержки из белоэмигрантов и перебежчиков. Решение принималось в Имперском министерстве оккупированных восточных территорий, Георгом Лейббрандтом и Альфредом Розенбергом. Они желали, чтобы казаки отодвинули попытки воскресить Доно-Кавказский Союз, хотя бы на полгода, а лучше на год. А Трухин вообще был противником казачьей вольницы и, как только они с Красновым остались наедине, попробовал урезонить атамана.

Петр Николаевич Краснов выслушал генерала Трухина спокойно. Казак знал, ради чего он приехал, что скажет и какие доводы приведет. Поэтому успел подготовиться и когда командующий РОА замолчал, возразил ему:

— Федор Иванович, вы в прошлом красный командир, а я белогвардеец. Но было время, мы служили одной империи, и оба хотим ее возрождения. За последний год мы с тобой через многое прошли и многого достигли, нашли общий язык, и я буду говорить с тобой откровенно. Ни о какой самой истинности речи не идет. Проблема в другом, она в немцах, которые не желают выполнять свои обязательства перед русскими. Вермахт контролирует Москву, Орел, Смоленск, Курск и десятки других городов. Вчера после сильных боев захвачен Воронеж, а сегодня объявили, что немецкие танки уже в тридцати километрах от Царицына, который сейчас Сталинград. Однако где русское правительство? Почему оно не берет власть в свои руки, целиком и полностью? Я знаю ответ. И вы его знаете. Нет никакого правительства, потому что немцам это не нужно. Пока они в силе русская власть на русской земле им не выгодна. А на юге расклад иной. Договоренности о создании Казакии, которая пока оформляется как Доно-Кавказский Союз, имелись еще с Гитлером. На основании этого мы и пытаемся что-то сделать. А вот когда русская эмиграция договорится с немцами, когда она сможет объединиться ради общей цели, когда появится собственное правительство, тогда и будем разговаривать о вхождении Казакии в Россию и нашем, казачьем, представительстве в нем.

— Вижу, вас не переубедить, Петр Николаевич, — Трухин нахмурился.

— Верно, — согласился Краснов. — Я патриот России, как и большинство казаков, но от своего не отступлюсь. Мы перед выбором — либо вместе с вами плывем по течению и ждем, что будет дальше, либо пытаемся выжать из ситуации все, что возможно.

— А если немцы решат вас прижать?

— Они могут, — согласился Краснов. — Но тогда они потеряют поддержку казачьего народа, а русские сделают выводы. А это уже серьезно. У нас на фронте больше двадцати тысяч казаков, которые хорошо вооружены и знают, ради чего дерутся. И в тылу еще десять. Просто так нас уже не задавить, а за себя мне не страшно. Если придется пострадать за общее дело — значит, Господь так рассудил и посылает мне очередное испытание.

Трухин осмотрел помещение и спросил:

— Нас точно не подслушивают?

— Точно, — Краснов кивнул.

Командующий РОА немного помолчал, обдумал слова атамана и посмотрел ему в глаза:

— Что посоветуете, Петр Николаевич?

— Тянуть время и давить на немцев, в первую очередь на Розенберга и высший генералитет Вермахта. Не расплывать силы РОА, подтягивать их поближе к югу и беречь людей. Еще год и немцы выдохнутся. Вот тогда вы сможете диктовать условия, а казаки помогут. Подбирайте людей для будущего правительства, Федор Иванович, и не подставляйтесь.

— Считаете, немцы не выиграют войну? — помрачнел Трухин.

— Да. И вы, между прочим, тоже. Разве я не прав?

— Правы, Петр Николаевич. Хотя... Вскоре в войну вступит Турция...

— Мне это известно, — Краснов усмехнулся. — Но сейчас турки вояки слабые и отстали в военно-техническом развитии. Они будут прикладывать усилия на Кавказе и Ближнем Востоке. Поэтому на Восточный фронт влияние окажут незначительное.

— Тем не менее, у большевиков на Кавказе восемь стрелковых армий и две воздушных. Это помимо Черноморского флота и Каспийской флотилии. Да еще в Персии пара-тройка дивизий.

— Все эти армии по мощи как корпуса, в каждой по двадцать-тридцать тысяч бойцов. В дивизиях огромный некомплект в личном составе, не хватает вооружения, техники и боеприпасов. При нашей помощи немцы могли бы расправиться с ними самостоятельно. Но, честно говоря, у казаков нет никакого желания сражаться за Грузию, Армению и Азербайджан. Главное — родная земля. Повторюсь — турки на ситуацию Восточного фронта повлияют незначительно. Главные битвы идут, и будут идти в районе Петрограда (Ленинграда), под Москвой и Царицыным.

— Соглашусь с вами, — Трухин поднялся из-за стола. — Мы один другого поняли. Надеюсь, у вас, а затем у нас, все получится.

Генералы сделали перерыв, и после него прошел военный совет, на котором штабисты РОА сделали доклад о положении дел на восточных фронтах, с севера на юг, а затем были приняты некоторые решения.

Обстановка на фронтах следующая:

Усиленная немецкими горными стрелками финская армия в очередной раз попыталась перейти в наступление. Но успехи оказались незначительными. 20-я горная немецкая армия смогла дойти до Мурманска, а затем была отброшена 14-й советской армией обратно на

исходные позиции. Финны вели обстрел Петрозаводска и на решительный штурм не решались. Перерезать железную дорогу, которая связывала Мурманск с Большой землей, не вышло и цели наступательной операции достигнуты не были. Это в то время, когда северные конвои из Англии продолжали доставку в СССР через Архангельск танков, самолетов, топлива, амуниции и боеприпасов. А немецкие ВМС хоть и докладывали о новых победах на море, заблокировать северные порты Советского Союза не смогли и сами несли потери.

Группа армий "Север" и финская оперативная группировка "Карельский перешеек", продолжали топтаться под Ленинградом. Обе стороны завязли в позиционной борьбе и все глубже закапывались в землю. Против немцев на этом участке большевики держали войска Ленинградского и Волховского фронтов, Ладожскую флотилию и Краснознаменный Балтийский флот, достаточное количество авиации и артиллерии.

Группа армий "Центр" стояла на развалинах Москвы и прилегающих к столице районах. Немцы хотели продвинуться дальше на восток, к Иваново, Владимиру и Мурому. А советские войска пытались отбить Москву и отогнать противника на запад. Столица есть столица — святое и сакральное место для миллионов людей. Поэтому битва за нее, несмотря на отступление Красной армии, не прекращалась. В этой мясорубке ежедневно погибали и получали ранения тысячи людей. Бои шли круглые сутки без перерывов и немцы стали бояться отправки под Москву. Одно это название уже вгоняло их в дрожь, и командование Вермахта было вынуждено просить о помощи союзников, и бросало в пекло вассалов. Под союзниками подразумевались русские и казаки, венгры, итальянцы, чехи, румыны и прочие европейцы. А под вассалами прибалты, украинцы и белорусы. Но желающих умирать за развалины древней русской столицы было немного, и основная тяжесть сражений по-прежнему лежала на немцах. Силы советских войск на этом направлении, тем временем, постоянно увеличивались, и мощь Красной армии росла на глазах. Дивизии Северо-Западного, Западного и Брянского фронтов снабжались лучше других. Поэтому успехи немцев на этом направлении были скромными, и существовала опасность, что в ближайшее время Красная армия перейдет в массированное наступление.

Группа армий "Юг" отделила часть своих сил на создание группы армий "А". Однако она сохранила мощь, сражалась и продвигалась вперед. На левом фланге сдерживала контратаки Воронежского и Юго-Западного фронтов. А основной удар направила на Сталинград. Немцы рвались к Волге, теснили на восток дивизии Донского и Сталинградского фронтов, и надеялись очень быстро захватить Сталинград, а затем форсировать великую русскую реку.

Группа армий "А", в которой сражались русские и казачьи подразделения, в это самое время покоряла Северный Кавказ. Против нее сражались войска Закавказского фронта и двух армейских групп: Черноморской и Северной. Фронт проходил по линии Гагры — Клухорский перевал — Кисловодск — Моздок — Буденновск (Святой Крест). Советские войска сражались храбро. Но сила была на стороне немцев и союзников. А в самом скором времени (это уже не было секретом) в войну вступит Турция и Кавказ перестанет быть советским.

Таково положение дел на фронтах, а что касательно решений командования РОА, из главных можно выделить три:

Первое — лагерь по формированию войск РОА необходимо перевести из-под Киева в район Новочеркасска. А помимо того развернуть еще один вблизи Орла или Курска. Это при условии, что будет получено разрешение немцев.

Второе — на просьбу командования группы "Центр", которая была поддержана Генштабом, отправить на Московское направление две пехотные дивизии: переформированную и воссозданную 1-ю, а так же новую 5-ю. Возражать все равно бессмысленно — просьба немцев равносильна приказу и выступить против, значит взбунтоваться.

Третье — передать под командование Управления Казачьих Формирований полки 2-й казачьей кавалерийской дивизии и разрешить полковнику (уже полковнику) Кононову развернуть свой 102-й Донской казачий полк в бригаду.

Военный совет длился три часа. А после его окончания генерал Трухин встретился с народом, который ждал его возле штаба, и главнокомандующий с удовольствием фотографировался с местными жителями и детьми. После чего он отправился на аэродром и его кортеж был обстрелян советскими диверсантами. Засада была устроена грамотно, на одной из улочек на окраине города. Пять машин в хлам, их посекали из пулеметов и автоматов. Погибло полтора десятка штабных офицеров, двадцать солдат охраны и несколько горожан, которые попали под огонь случайно. Но сам Трухин уцелел и отделался ранением в плечо.

33.

Святой Крест. 15.07.1942.

В Святой Крест, бывший Буденновск, которому вернули прежнее название, я въехал после полудня. Машина, которую мне выдали в штабе Казачьих Формирований, потрепанный советский ГАЗ М-1 "эмка", часто ломалась, дороги были разбиты, и водитель, пожилой урядник Семенов, постоянно бухтел и выражал свое недовольство. Это напрягало, и я одергивал его. Он на время затихал, а потом снова начинал проклинать дорогу, автомобиль и немцев на блокпостах, которые нас тормозили. Надоел. Настолько, что хотелось вытащить его из машины, затащить в кусты и дать по морде. Однако приходилось себя сдерживать. Свой человек — казак. А на своих, тем более старших по возрасту, бросаться с кулаками нельзя. Это против всех казачьих правил, заветов и адатов. Стычки между казаками случались, не без этого. Но гораздо реже, чем в других частях РОА, Вермахта или Красной армии, и каждое подобное происшествие служило поводом для сбора казачьего круга той части, в которой оно произошло.

Нам, мне, Сахно и Сотникову, дали задачу отвезти во фронтовые части проекты Конституции Доно-Кавказского Союза и некоторые сопутствующие документы. Можно было выбрать, куда отправиться, и я решил посетить Особую бригаду генерала Шкуро. Она находилась в районе Святого Креста, готовилась к продвижению на Кавказ, в сторону Пятигорска, и со мной никто не спорил. Сахно выехал в 1-ю казачью дивизию. Она действовала под Великокняжеской (Пролетарском) и Сальском, обеспечивая прикрытие правого фланга ударной бронетанковой группировки, рвущейся к Сталинграду. А Сотников помчался в 102-й Донской полк, который вместе с немецкими горными стрелками находился в Абхазии и Сочи.

Наконец, мы с урядником добрались до места. Штаб бригады я нашел быстро, он находился в центре города. Однако здесь никого из главных командиров не оказалось. Полки, во главе со своим легендарным атаманом, уже выдвинулись к фронту. В Святом Кресте оставались только штабные работники, отдельные сотни и тыловые службы, которые готовились к переезду и маршу. Мне они не нужны. Продолжать движение на ночь глядя не

хотелось, тем более, что автомобилю требовался ремонт. Офицеры штаба обещали помочь, обеспечить урядника Семенова запчастями. А мне посоветовали отдохнуть у родственника. Оказалось, дядька Кондрат здесь, он неподалеку, и я его навестил. В общем-то, ради него и выбрал поездку в Особую бригаду.

Старший Погиба квартировал в ста метрах от штаба, в добротном каменном доме дореволюционной постройки. Во дворе хорошо вооруженные казаки, сразу видно, что бывалые и подготовлены не хуже диверсантов "Фалширма". Я был в казачьей справе, которая сохранилась еще со времени службы в полку Кононова. Назвал себя и меня сразу провели в дом.

Дядька Кондрат сидел в просторном зале, за накрытым столом. Лицо серое, словно он долго болел или сильно вымотался. Перед ним бутылка водки и уже наполненный гранчак, граненый стакан. А напротив него средних лет подтянутый казачина в черкеске. Они о чем-то разговаривали, но, увидев меня, замолчали.

Взгляд старшего родственника скользнул по мне, а потом он с развязностью, которая присутствует у всех выпивших людей на ранней стадии опьянения, слегка улыбнулся и спросил:

— Андрей, ты что ли?

— Он самый, — я снял папаху, рукавом гимнастерки смахнул со лба пот и кивнул ему:
— Здрав будь, дядька.

— Присаживайся, — кивком он указал на свободный стул, а затем посмотрел на казака в черкеске и представил меня: — Это племяш мой, Андрей Погиба. Детдомовский. Раньше за красногадов воевал. Потом у Кононова в полку служил.

Казак в черкеске повернулся ко мне и назвал себя:

— Сотник Беспалов, Отдельная Особая горная сотня.

— Хорунжий Погиба, офицер по особым поручениям при штабе Казачьих Формирований.

Мы с Беспаловым пожали руки, я присел и дядька усмехнулся:

— Растешь, племяш. Давно при штабе?

— Пять дней.

— А до того, где был?

— А ты не знаешь?

— Нет, я тебя из вида потерял.

Можно было отмолчаться, но я решил показать, что тоже не простак:

— Я был там, куда меня с твоей подачи отослали, дядька. Сначала в школе Абвера, а потом в отряде "Фалширма".

Кондрат мотнул головой, налил в чистый стакан водки и поставил передо мной:

— Давай, Андрей, выпьем. У нас сегодня поминки.

Родственник мелко перекрестил стакан, и мы с Беспаловым повторили его движение. После чего выпили. Как водится, молча. Кого поминаем, я не спросил. Растерялся и не ожидал ничего подобного.

Выпили и закусили, а затем Беспалов поднялся и сказал Кондрату:

— Значит, договорились?

— Да, — ответил он.

— Добро. Завтра встретимся.

— Буду ждать.

Беспалов кивнул мне и вышел. Мы остались вдвоем и Кондрат тяжело вздохнул:

— Эх, жизнь наша казацкая. Как в старой мудрой присказке.

— Какой именно? — спросил я.

— Слава казачья, а жизнь собачья.

— Понятно, — сказал я, хотя, на самом деле, ничего не понимал. — Кого хоть поминаем?

— Друга моего, Якова. Мы с ним в Первую Мировую в одном батальоне служили. Гарный казак был и помер геройски, в бою, прикрывая товарищей.

— Давно?

— Позавчера.

— А как погиб?

— Я его пристрелил... — Кондрат помедлил и пояснил: — Он за большевиков воевать пошел, когда Гражданская началась, соблазнился их посулами. Мы с ним с той поры не встречались, а позавчера пересеклись. Про казачий корпус, который коммунисты из кубанских казаков собрали, слышал?

— Да, 17-й кавалерийский казачий корпус.

— Он самый. Мы разгромили их 10-ю кавалерийскую дивизию, когда Святой Крест занимали, и отогнали. Но небольшие группы рассыпались по окрестностям. Вычистили их быстро. Казаки, кто не дурак, сами к нам приходили и сдавались. Они про одну такую группу и рассказали. Я оказался рядом и накрыл недобитков. К берегу реки их прижал. Почти всех из пулеметов покосили, немногие ушли и решили вплавь на другой берег перебраться. Яшка остался их прикрывать, последний был. Знать бы, что это он, может, попытался с ним поговорить. Но в бою не до того, чтобы лица разглядывать. Шлепнул я его, а потом пригляделся и не по себе стало. Вот понимаю, что он падла и предатель, за большевиков воевал и на смерть наших родных, которых комиссары уничтожали, глаза закрывал. А все равно не по себе.

— Ясно.

— Да чего тебе может быть ясно!?! — взвился Кондрат. — Молоко на губах еще не обсохло!

Я тоже вскипел:

— А ты меня на горло не бери! Я не в санатории вырос, и повоевать уже успел! Знаю, что такое смерть и как друзей терять!

Дядька побагровел лицом и я подумал, что сейчас он кинется в драку. Однако Кондрат быстро успокоился и, махнув рукой, присел.

— Наша порода, — на его губах появилась печальная улыбка. — Молодец, за словом в карман не лезешь и характер показать можешь. Давай еще по одной выпьем, за встречу?

— Можно, — согласился я.

Снова выпили и стали разговаривать уже по делу. Кондрата интересовали мои похождения, и зачем я прибыл в Святой Крест. Я все рассказал и объяснил. Хотел достать копию Конституции, но дядька сказал, что уже читал ее. Еще в 1918 году, когда судьба занесла его на Дон. В общем и целом, идея создания Казакии, как бы она ни называлась, ему нравилась.

— Если кому и верить, — высказался дядька, — то своим и то с оглядкой, с кем войну прошел, и кто себя в боях показал. С остальными надо осторожно. Трухину и другим перебежчикам вообще не доверяю. Хоть убей, а если они за красных воевали, а потом их

предали, при первом удобном случае снова перебегут и хозяина сменяют. Белоэмигрантам веры тоже нет. Казаки не забыли, как они нас в Новороссийске бросили. Много говорят про честь, а чуть копнешь, первый слой снимешь, сразу гниль видна. Есть еще среди них люди, но лучшие погибли, а кто за границей родился и воспитан, нас не понимают, и понимать не хотят. У каждого на этой войне свой интерес — запомни это крепко-накрепко, Андрей. Поэтому всегда нужно думать о своем народе, о казаках, и родной земле. Что нам с войны будет. Если бы не оглядывались в Гражданскую войну на всяких Деникиных, Колчаков и Врангелей, могли бы отстоять Присуд. Тяжко было бы, но удержались. Создали бы свое государство и стали жить, как предки жили. Конечно, с поправками на реалии двадцатого века.

Можно было поспорить с родственником. Особенно в том, что нельзя никому верить. Есть Тихоновский и Беринг, а помимо них тысячи других перебежчиков и эмигрантов. Да и я сам, по сути, перебежчик. А Россия у нас у всех одна. Без империи казаки не выстоят. В любом случае, придется на кого-то оглядываться и к кому-то прислушиваться. Поэтому я был сторонником большого и сильного государства, в котором так или иначе, придется уживаться всем народам, идти на компромиссы и отстаивать общие границы. Идея Казакии мне тоже по душе — скрывать нечего. Но переоценивать возможности и силу ослабленного войнами казачьего народа не стоило. Однако Кондрату этого не докажешь, он упертый, и спорить не хотелось. Поэтому я перевел тему беседы, и мы стали говорить о войне.

Время до вечера скоротали, и я проверил урядника Семенова, который находился в штабном гараже. Офицеры не обманули, обеспечили его запчастями и прислали толкового механика. Поэтому старенький автомобиль был готов двигаться дальше.

В сумерках я вернулся в дом, который занимал Кондрат. Дядька уже спал. Мне выделили комнату и, помывшись, я упал на кровать и попытался заснуть. День был тяжелый, а завтра не легче. Но сразу забыться не получилось. Жарко. Окна нараспашку. А неподалеку столб с рупором радиоточки, которая транслировала свежие немецкие сводки на русском языке. Поэтому, невольно, я к ним прислушивался, обрабатывал информацию и делал свои собственные выводы.

Турция объявила войну Англии и Советскому Союзу. Турецкие дивизии вступили в бой с англичанами и большевиками. Несомненно, новый союзник Третьего Рейха внесет весомый вклад в общую победу...

"Свежо предание, да верится с трудом. Я разговаривал с офицерами УКФ в Новочеркасске и все они о боеспособности турецких войск высказывались скептически. Солдат много, но подготовка слабая. Флот старый. Современной техники и орудий, не говоря уже о самолетах, немного. Большевики на Кавказе тоже едва держатся, и турки могут рассчитывать на мусульманское население, которое окажет им поддержку. Но драка будет суровая и без поддержки Вермахта туркам сопротивление советских войск не сломить. Особенно в Армении и Грузии, где против них поднимутся все, от мала до велика".

Генерал Роммель и его победоносный Африканский корпус вошли в Каир. Египтяне приветствуют освободителей и тысячи местных жителей готовы вступить в колониальные части Вермахта...

"Неплохо. Но мне на Африку плевать. Другое дело Турция, для нее успех Роммеля очень важен и они нанесут совместный удар по Ближнему Востоку, а потом, скорее всего, повернут на восток".

Храбрые немецкие войска сражаются под Москвой. Обезумевшие большевики ведут

наступление, но храбрые солдаты Вермахта удерживают позиции и готовятся нанести ответный удар...

"Кровавое месиво. Иначе битву за Москву, которая не стихает, не назовешь. Большевики хотят отбить столицу, а немцы удержать. Борьба за символ, которая истощает обе стороны".

Под Ленинград подвезли тяжелые осадные орудия. Несомненно, это скажется на ходе боев за этот город...

"Чушь. Видел я эти орудия на фото в немецких журналах. Выглядят грозно, но, скорее всего, ни на что они не повлияют. Ленинград стоит, даже не качается, и сломить сопротивление советских войск будет сложно"...

Моторизованные дивизии 1-й танковой армии ворвались в Сталинград...

"Рубка будет страшная. Наверное, как под Москвой".

Сообщения из-за океана. Командование американской армии заявило, что Гавайские острова полностью очищены от японских солдат. Последний десантник погиб и начинается восстановление главной базы флота на Тихом океане...

"Япошки храбрецы. Этого не отнять. Когда авиация самураев потопила основные силы американского Тихоокеанского флота, сразу был высажен десант, две бригады. После чего японцы, понимая, что Гавайи не удержать, слишком далеко они от Японии, ушли, а десант остался и отвлекал на себя немалые силы противника. Все погибли, за исключением немногочисленных пленных, кого взяли после контузий или тяжких ранений. Но свою задачу десантники выполнили, отвлекли врага от Филиппин, сковали серьезные вражеские силы и смогли вселить в американцев страх"...

Дальше новости мелкие. К ним я уже не прислушивался. Мозг отключился и я, наконец-то, заснул.

34.

Пятигорск. 26.07.1942.

С поставленной задачей я справился довольно быстро и уже 21-го июля мог возвращаться в Новочеркасск. Все копии Конституции Доно-Кавказского Союза роздал старшим офицерам и собрал необходимые подписи. В Пятигорске меня уже ничто не держало. Однако я не торопился. Под благовидными предлогами отодвигал отъезд и на это имелись причины. Самая главная — мой интерес ко всему, что происходило в Особой казачьей бригаде генерала Шкуро. Андрей Григорьевич, с которым я познакомился, постоянно находился в движении. Его старые "гвардейцы-волки", среди которых был и дядька, тоже не сидели на месте, и я находился рядом с родственником. Куда он, туда и я. Соответственно, каждый день новые встречи и знакомства, с такими людьми, какие навечно остаются в памяти. Штучные люди. Непростые.

Например, сотник Беспалов, командир Особой горной сотни, которая пока неофициально, с благословения и одобрения генерала Шкуро, стала именоваться 1-й Волчьей. Сотня сформировалась в станице Псебайской всего за один день. Когда большевики стали собирать казаков-добровольцев для 17-го кавалерийского корпуса, Беспалов сразу вызвался поднять бывалых вояк и встать по красное знамя. Ему поверили, выделили десяток винтовок и выдали соответствующий документ. Вот он и развернулся, созвал братьев, кто на большевиков зуб имел, откопал припрятанное с двадцатых годов оружие, а затем атаковал отряд красноармейцев, которые вошли в станицу. Обошлось без потерь со стороны казаков, красноармейцы были разгромлены, и сотня Беспалова понеслась

по тылам советских войск, а потом благополучно соединилась с бригадой Шкуро. Некоторое время была сама по себе, а потом сотню подчинили Кондрату Погибе.

Подобных Беспалову казаков, лихих, бесстрашных и сильных духов, под командованием дядьки Кондрата хватало. Под его рукой три отряда, общей численностью двести пятьдесят казаков, и Шкуро их берег. Я заметил это сразу, но не понимал, в чем причина. Самое лучшее снабжение, вооружение, средства связи и транспорт, шли старшему Погибе. Если верить документам, его казаки занимались борьбой с диверсантами и партизанами. Но выходы в лес и поиск партизан велись от случая к случаю. А когда казаки видели меня рядом, они прекращали свои разговоры. Странно, и я это заметил. Но вида не подавал, продолжал сопровождать родственника и набирался бесценного опыта. Общение с казаками старой формации, пусть даже кратковременное, меняло меня, и очень запомнилась встреча с Николаем Лазаревичем Кулаковым, с которым мы увиделись в станице Ессентукской. Ох, и человечие! Стальной мужчина, крепкий и твердый. Матерый волчара, которого жизнь была и убивала, а он все равно выстоял.

Николай Лазаревич Кулаков — казак станицы Ессентукской. Служил в 1-м Волгском полку и прошел путь от младшего урядника до офицера. Уволился в запас и через полтора года началась Первая Мировая война. Естественно, Кулаков снова вернулся в строй, в свой родной полк. Воевал геройски и стал полным Георгиевским кавалером. В Гражданскую войну присоединился к Шкуро, был командиром сотни и помощником командира полка по строевой части. Дослужился до войскового старшины. В 1920-м в бою под Кагальницкой получил осколочное ранение обеих ног и спустя несколько дней они были ампутированы. Верная супруга нашла его в Новороссийске, откупила у большевиков и увезла домой. Кто другой, возможно, сломался бы и решил, что жизнь кончена. Но не таков был Иван Лазаревич. Двенадцать лет Кулаков прятался в подвале собственного дома. А в 1932-м попытался легализоваться, и его поймали, отвезли в тюрьму, допрашивали и пытали. Чекисты хотели знать о повстанцах, которые еще прятались в лесах и горах. Они справедливо считали, что Кулаков обязан поддерживать с ними связь. Это так, старый казак иногда укрывал у себя повстанцев и снабжал их едой, хотя сам часто нуждался. Однако Кулаков никого не выдал и его, ввиду тяжелого физического состояния, освободили. А когда появились немцы и казаки, он был выбран станичным атаманом и сформировал казачью сотню. Которой, между прочим, собирался сам командовать. А чего? Андрей Григорьевич и немецкие офицеры пообещали Кулакову протезы, и я был уверен, что они свое слово сдержат. После чего Иван Лазаревич снова сядет на коня и поведет терцев в бой. И пока есть такие люди, как Кулаков, казачий народ будет жить.

Однако самое интересное, что я вынес из поездки в Особую казачью бригаду Шкуро, произошло в последний день, точнее, в ночь. Вечером я был вызван в штаб бригады, где уже имелась связь с Новочеркасском, и мне дали телефонную трубку. На другом конце провода Тихоновский. Он требовал моего скорейшего возвращения, и я сказал, что выезжаю утром. После чего приказал уряднику Семенову еще раз проверить автомобиль и подготовить его к дальнейшей поездке, а сам простился с новыми знакомыми, поужинал с родственником и отправился спать.

Проснулся посреди ночи, хотелось пить. Я вышел из спальни, направился к столовой и услышал беседу двух человек. Первым был Кондрат. Вторым Беспалов. Не хотелось их подслушивать, но так вышло, что я узнал, о чем они беседовали.

— Все готово, — сказал Беспалов. — Эшелон стоит на запасных путях. Выгнать его не

сложно. Надо только немцев перебить.

— И много их? — спросил Кондрат.

— На станции две роты, а в тупике, где эшелон, десять человек. Через пару дней будет больше. Поэтому надо проводить операцию сейчас.

— Справишься?

— Конечно, — усмехнулся Беспалов. — Мои "волки" снимут охранников, а дальше все просто. Угоним эшелон. Заберем, что нужно, и не оставим никаких следов.

— Наоборот. След должен остаться. Четкий. Пусть немцы думают на партизан, которые совершили дерзкий налет и ушли в горы.

— Понял тебя, сделаем.

— Ну, давай, братка. Ни пуха, ни пера.

— К черту!

Беспалов ушел, а Кондрат посмотрел в сторону приоткрытой двери, за которой я стоял, и позвал:

— Заходи, Андрей.

Как он узнал, что я рядом, ума не приложу. Я двигался тихо и собирался вернуться в спальню. Однако дядька точно знал, что я за дверью, и прятаться было бессмысленно.

— Хотел воды попить, — сказал я, входя в столовую бывшего купеческого дома, в котором обосновался старший Погиба.

— Не оправдывайся, — родственник махнул рукой. — Свои люди, это ни к чему.

Взяв графин с водой, я наполнил большую кружку, утолил жажду и присел напротив Кондрата. Он смотрел на меня с усмешкой, и я спросил:

— Как узнал, что я здесь?

— Почуял, — ответил он.

— Ты серьезно говоришь?

— Да, — Кондрат пожал плечами и добавил: — Опыт с человеком навсегда. Его не пропьешь и не прогуляешь. Чем дольше я живу, тем больше знаю и понимаю, а навыки чужь других людей или опасность обостряются. У тебя разве не бывает так, что ты заранее знаешь, куда прилетит вражеская пуля?

— Иногда такое случается.

Кондрат кивнул:

— Это нормально. Мы не пахари, хотя можем трудиться в поле. Мы — потомственные воины и это откладывает свой отпечаток на нашу жизнь и судьбу.

Помедлив, я посмотрел в сторону выхода и решил задать вопрос:

— Дядька, а что вы с Беспаловым обсуждали?

Родственник нахмурился и сказал:

— Кого другого за подобные расспросы, пустил бы в расход, а тебе отвечу. Даже не потому, что ты мой племянник, хотя этот факт свою роль играет. А потому, что ты казак. Раньше общались мельком, не было времени к тебе присмотреться, а сейчас я убедился, что ты наш человек. Тебе можно верить и я сам хотел с тобой поговорить о том, чем занимаюсь.

— Ну и чем же ты занимаешься, когда не гоняешь по лесам партизан и диверсантов?

— Собираю казачью казну.

— Как это?

— Сначала немного истории, Андрей. Гражданская война многому научила казаков, и главный урок простой — кроме самих себя мы никому не нужны. Когда Корнилов уходил в

Ледяной поход, он бросил в Ростове и Новочеркасске огромные богатства. Во-первых, золото Российской империи и деньги, которые хранились в частных и государственных банках. Во-вторых, склады с оружием, боеприпасами и амуницией, запасы Каледина для войны против большевиков. А в-третьих, он не тронул донских богатеев. Все это было против его чести. Он не считал возможным распоряжаться богатствами рухнувшей империи и не прижимал к стенке миллионщиков. Это его роковая ошибка. Красные заняли Ростов и Новочеркасск. Все богатства оказались у них в руках и оружием Каледина они вооружили своих бойцов, а оставленным в городах золотом расплатились с наемниками. Кубанская Рада была немного умнее, свою казну успела спасти и вывезти из Екатеринодара. Хотя некоторые банки приморских городов тоже были брошены, и часть государственных золотых запасов оказалась у красных. Это помимо тех средств, которые были изъяты и экспроприированы большевиками у богатеев на юге России.

Для ведения любой войны необходимы деньги — это аксиома. Финансовая составляющая очень важна, а на идейности и патриотизме далеко не уедешь. По финансам большевики оказались сильнее белогвардейцев и казаков. Они не колебались, не миндальничали и не играли в благородство. Поэтому успели сорвать самый большой куш, и во многом благодаря этому исход Гражданской войны оказался predetermined. Мы поздно спохватились и проиграли. Колчак взял часть золотого запаса Российской империи. Но где он? Был разворован союзниками или исчез. Казна уральских казаков пропала, скорее всего, захвачена англичанами. Золото Кубанской Рады многих соблазняло, за ним охотились и его потеряли, до сих пор никаких следов найти не можем. А трофеев, которые казаки и белогвардейцы брали у большевиков в бою, для победы не хватило. Тем более что в тылу был бардак, и процветало воровство.

Мы потерпели поражение и стали изгнанниками, которые никому не нужны и не интересны. Сотни тысяч людей, кто не успел прихватить из России золото и драгоценности, стали нищими бродягами. Нужно было выживать и тогда наш атаман, Андрей Григорьевич Шкуро, пошел к богачам, которых он вытащил из лап красных. Батяка спас их от смерти, прикрывая бегство толстосумов жизнями казаков, и поначалу они помогали. Но все это до поры до времени. Андрей Григорьевич латал одну дыру, и сразу появлялась новая. Раненым помочь надо. Семьям погибших казаков денег дай. Кто-то в беду попал, выручи. Средств постоянно не хватало, и атаман снова шел на поклон к тем, кто не так давно перед ним лебезил и заискивал. Денег они давали все меньше, хотя имели серьезные возможности, а потом вовсе отказали. Все. Одновременно. Словно по команде.

Что было потом, лучше не вспоминать. Жили в нищете, перебиваясь с хлеба на воду. Строили дороги и дамбы, гробили здоровье на стройках и полях, развлекали европейцев джигитовкой и работали вышибалами в ночных заведениях. Но костяк уцелел, мы выжили и вернулись на родину. Как сложатся наши дела дальше, один Бог знает, однако мы не хотим снова оказаться у разбитого корыта. Поэтому мои отряды ведут охоту за сокровищами большевиков. Ты понимаешь меня, Андрей?

Хорошо все обдумав, я кивнул:

— Понимаю. Атаман Шкуро решил создать резервную копилку на черный день, а ты и твои головорезы ее собираете.

— Так и есть. Надеюсь, не надо напоминать, что необходимо держать язык за зубами?

— Не надо. Я буду молчать и тебя не подставлю.

— Верю тебе, Андрей. Однако учти, чем мы на самом деле занимаемся, даже в моем

отряде не все знают. Многие догадываются, но помалкивают.

— Да понял я все, понял. Вот только интересно, что в эшелоне, который собирается захватить Беспалов.

— Советские деньги и золото из Ростовского банка, а так же часть областного партийного архива. Это богатство лежит в двух почтовых вагонах, которые прицеплены к обычному эшелону с заводским оборудованием. Сколько там денег, неизвестно, но немало. Немцы ждут интендантов и внутрь пока не заглядывали. Они еще не понимают, что захватили. Так что надо поторапливаться.

— А ничего, что придется убивать союзников?

— Тебя это смущает?

— Нет.

— А нас и подавно.

— Ну а если все вскроется. Допустим, попадет кто-то из казаков. Что тогда?

— При таком раскладе Андрей Григорьевич от меня отречется, и я возьму вину на себя, — Кондрат весело рассмеялся.

— Опасно, — я покачал головой.

— Я знал, на что иду. Не ради себя рискую.

— Как считаешь, а другие казаки и белогвардейцы, кто сейчас с немцами против большевиков, тоже свои копилки собирают?

— Не все, но многие.

— А почему именно ты этим занимаешься?

— Есть опыт. Ты думаешь, я в СССР возвращался только за тем, чтобы кровь лить и большевиков беспокоить? Это само собой, но не главное. Старые схроны раскапывал, а потом за границу переправлял. Вот основная задача на тот момент. Выжить. Мы должны были выжить и сделали это.

Такой вот у нас с дядькой состоялся разговор. После чего я многое переосмыслил, а он, как мне кажется, был рад облегчить душу и выговориться.

Разговаривали до утра, а чуть свет, позавтракав, я попрощался с родственником, поднял Семенова, прихватил с собой двух вооруженных казаков-донцов, которые стремились поскорее попасть в родные станицы, и выехал в Новочеркасск.

35.

Ростов-на-Дону. 05.08.1942.

Матвей Яковлевич Шаповалов, пожилой брюнет с густой сединой в волосах и солидной окладистой бородой, шел по Большой Садовой и время от времени смотрел на немецких, румынских и словацких солдат. Они прогуливались по городу, многие с девушками под ручку, и чувствовали себя вольготно. Оккупанты улыбались, смеялись и, коверкая русские слова, пытались общаться со своими случайными подругами.

"Сволочи! Мрази! Проклятые ублюдки и проститутки!" — Наблюдая за оккупантами и продажными девками, думал Матвей Яковлевич, и в его душе поднималась волна гнева. Однако он был опытным подпольщиком. По крайней мере, считал себя таковым. Поэтому его лицо сохраняло спокойствие, и он ничем не выдавал своего волнения, а затем, немного успокоившись, старый большевик шел дальше.

Еще немного и Матвей Яковлевич доберется до нужного адреса, проверится и окажется среди товарищей. Но в этот момент он увидел казаков. В компании четырех симпатичных

девчонок в легких платьях навстречу ему двинулись три молодых казака. Двое в донской справе, а один в черкеске. Они вооружены и ничего не опасались.

Казаков Шаповалов ненавидел люто, даже больше, чем немцев. Он сталкивался с донцами в Гражданскую, будучи совсем молодым добровольцем отряда Красной Гвардии. А потом дрался с ними в середине двадцатых, когда царские псы, которых лишили сословных привилегий, поднимали восстания на Дону и Кубани. Матвей Яковлевич очень хорошо представлял себе, кто перед ним, и еле слышно прошипел себе под нос:

— Недобитки...

Слова были сказаны тихо, но один из казаков, кряжистый чубатый донец, его услышал. Он подскочил к Шаповалову, толкнул его к стене дома, навис над ним и сказал:

— Повтори. Повтори, что ты сейчас сказал?

Как ни странно, в голосе казака не было угрозы. Донец был совершенно спокоен, и это испугало Шаповалова, а может быть, у него сдали нервы, слишком давно он в подполье. И Матвей Яковлевич, качая головой, запричитал:

— Господин казак, я ничего плохого не сказал. В ботинке гвоздь из подошвы вылез, вот я и ругнулся. Простите, Христа ради. Не подумайте чего дурного.

Казак прищурился, смерил Шаповалова насмешливым взглядом, отпустил и направился к своим друзьям:

— Живи покедова... — бросил на ходу донец.

Проводив казаков ненавидящим взглядом, Матвей Яковлевич двинулся дальше.

"Надо быть осторожнее, — мысленно укорял себя Шаповалов. — Ребят-подпольщиков постоянно шпыняю, заставляю сдерживаться, а сам едва не сорвался. Хорош командир — нечего сказать".

Шаповалов хотел бы сейчас оказаться на фронте, в окопах, где все просто и понятно. Но есть партийная дисциплина и когда ему приказали остаться в городе, организовывать подполье, он не смог отказаться.

Получив новые документы и перебравшись в другой район города, он отпустил бороду. Все это происходило в тот момент, когда Красная армия с боями оставляла Ростов-на-Дону, и Матвей Яковлевич верил, что народ не примет оккупантов. Горожане, наверняка, станут вредить немцам и нацистским прихвостням, саботировать приказы и продолжат борьбу. Однако все оказалось иначе. Обыватели плевать хотели на идеологию и верность Родине. В подавляющем большинстве, они были озабочены только собственным выживанием, а когда немцы заняли город, из всех щелей вылезли предатели. Казаки и белогвардейцы, интеллигенты и обиженные советской властью, спекулянты и прочая гниль. Они приветствовали немцев и казаков 1-й казачьей дивизии, словно освободителей, и оказывали им всемерное содействие.

Горожане сдавали спрятавшихся красноармейцев, которые отстали от своих подразделений. Они выслеживали коммунистов и комсомольцев. А потом появились плакаты: "Все жители еврейской национальности должны носить желтые повязки. За неподчинение коменданту они будут расстреляны". И не германцы, не казаки, не румыны и словаки, а сами горожане заставляли своих соседей, Рубинштейнов, Гройсманов, Махерсонов и Рабиновичей, нашивать на одежду желтые тряпки и звезды. А как встречали казаков, когда конные сотни двинулись по Большой Садовой? Толпа кричала: "Орлы! Соколики! Родненькие! Вернулись! Слава Богу!" Кругом предательство. Сколько корчевала советская власть измену, но искоренить ее так и не смогла. Город быстро подстраивался под

новых хозяев и, много общаясь с самыми разными людьми, Шаповалов знал, что большинство горожан возвращения Красной армии не ждет.

Основу ячейки, в которой состоял Матвей Яковлевич, разгромили через неделю. Коммунистов кто-то сдал, нашлась продажная шкура, скорее всего, из проверенных товарищей, которые знали всю структуру организации. А Шаповалов уцелел случайно. Его ввели в группу в последний момент, и с ним был знаком только старший, который успел застрелиться, когда за ним пришли немцы. Пришлось начинать все с нуля, набирать команду, искать верных людей и поднимать старые связи. Дело трудное и опасное, но Матвей Яковлевич справился. Он действовал независимо от других групп и, возможно, именно поэтому уцелел, смог наладить надежный канал с разведцентром Красной армии, получал приказы напрямую и даже содействовал проникновению в город диверсантов, которые охотились на командующего РОА генерала-изменника Трухина. Правда, Трухин уцелел, а диверсанты погибли. Но к Шаповалову претензий не было. Все, что от него требовалось, он сделал, и теперь получил новое задание.

Наконец, Матвей Яковлевич добрался до места, свернул в проулок и осмотрелся. Никого. Хвоста нет. Вокруг все, как обычно. Но прежде, чем войти в подъезд нужного дома, Шаповалов еще немного погулял. Он обошел дом, убедился, что за ним никто не следит, и только после этого поднялся на второй этаж старого пятиэтажного здания.

Звонок не работал и Шаповалов постучал в крепкую дубовую дверь, которая была обита потертой кожей.

— Кто? — спросили его из квартиры.

— Нина Сергеевна здесь проживает?

— Да.

— Это Матвей Яковлевич.

Дверь распахнулась, и на пороге его встретил невысокий конопатый юноша, лидер третьей группы в подпольной организации Шаповалова, Женя Самохвалов. Он комсомолец и настоящий советский человек, а вот его мать, когда город был оккупирован, вспомнила, что ее отец был белогвардейским штабс-капитаном. Поэтому сразу стала сотрудничать с немцами, и была назначена старостой над несколькими домами. А в помощниках у нее некий инженер Попов, из казаков, и местный забияка Леха Сергунько, который за пайку мог побить любого, кто скажет слово против новой власти. Женька сначала с матерью рассорился, но потом по настоянию Шаповалова помирился, и Самохвалова выделила сыну отдельную жилплощадь, квартиру эвакуированного на Урал летчика гражданской авиации Макеева. С тех пор Женька проживал один или давал приют тем, кому некуда было податься, и подпольщики могли у него собираться.

Самохвалов, кивнув Шаповалову, пропустил его в квартиру. Матвей Яковлевич прошел в гостиную и обнаружил здесь лидеров первой, второй и четвертой групп. Весь командный состав организации, ее ядро, собрался в одном месте. Подарок для полиции и гестапо, если бы немцы знали о подпольщиках. Но Шаповалов был уверен, что опасность им пока не грозит, а встреча необходима, поскольку он собирался лично поставить перед каждым лидером группы боевую задачу. Хватит. Засиделись. Пора браться за настоящие дела.

Взгляд Шаповалова скользнул по лицам товарищей.

Нина Сергеевна Молодцова, ровесница Матвея Яковлевича и член коммунистической партии, битая жизнью женщина в потертом жакете с морщинистым лицом. До недавнего времени она была директором школы в одной из донских станиц, а сейчас временно

проживала у Самохвалова. Она не успела эвакуироваться и бежала в Ростов. Выхода не было, станичники ее не любили и обязательно сдали бы немцам или сами устроили бы над ней самосуд за смерть непокорных казаков, которых она выдала чекистам в двадцатые годы. Да и в Ростове она могла попасться, но помог счастливый случай. Матвей Яковлевич вышел на нее раньше, чем полиция. После чего сделал подруге новые документы, а потом подчинил ей группу подпольщиков, которые от руки переписывали и распространяли листовки.

Лев Аратюнян, восемнадцатилетний смуглый ростовчанин из Нахичевани, наполовину армянин, наполовину еврей. Несколько его родственников забрали немцы и они исчезли. Скорее всего, они были расстреляны и сброшены в противотанковый ров за городом. Лев рвался за них отомстить, и был очень горяч, сказывалась южная кровь. В группе у него такие же мальчишки и девчонки. Поэтому Шаповалову приходилось их постоянно одергивать. Пока они слушались, но это временно. Они рвались в бой и скоро его получат.

Ну и последний лидер группы, слегка прихрамывающий светловолосый мужчина в пиджаке с чужого плеча. Звали его Егор Барсуков. Он лейтенант-артиллерист Красной армии, получил ранение и был оставлен в городе, чудом избежал плена и встретился с Матвеем Яковлевичем. Сейчас он командовал самыми серьезными бойцами в подпольной организации Шаповалова, но в бой не рвался. Если ему приказать, приказ выполнит. Но добровольно на смерть не пойдет и понапрасну рисковать не станет.

— Здравствуйте, товарищи, — поприветствовал подпольщиков Матвей Яковлевич.

Ему ответили. После чего все, включая Самохвалова, разместились вокруг стола и Шаповалов, еще раз оглядев соратников, сразу перешел к делу:

— Центр нами доволен. На нас рассчитывают и получен приказ активизироваться. Основная цель — казаки. Изменники, шкурники и самостийники задумали создать собственное государство под протекторатом нацистов. Допустить этого нельзя и мы обязаны сделать все возможное, чтобы рассорить немцев и казаков.

Обозначая серьезность сказанных слов, Матвей Яковлевич сделал паузу. Она должна была выглядеть крайне многозначительно, но все испортил Барсуков, который усмехнулся и спросил:

— Интересно, как мы это сделаем?

Шаповалов строго посмотрел на лейтенанта и тот опустил голову, а Матвей Яковлевич пояснил:

— Мы не единственная подпольная организация в городе. Но к нам особое доверие. Мы будем встречать диверсантов, которых пришлет Центр, и поможем им легализоваться в городе. При необходимости, примем участие в боевых акциях и поможем нашим бойцам оружием.

Глаза Самохвалова и Аратюняна загорелись. Лева не сдержался и выпалил:

— Скорей бы уже!

Снова встрял Барсуков:

— С оружием у нас не очень хорошо. Есть два десятка винтовок, несколько пистолетов, один ручной пулемет и полсотни гранат. Боеприпасов мало.

— Так собирай оружие, копи, — Шаповалов поморщился. — Для чего тебя на базар устроили? Там все есть.

— Есть, — согласился Барсуков. — Однако товар стоит денег.

— Будут деньги.

— Тогда все будет.

— Когда начнем? — поинтересовался Аратюнян.

— Скоро, Лев, — Шаповалов кивнул ему. — Три-четыре дня. А пока от нас требуется подготовиться, провести разведку и предоставить список объектов, которые можно атаковать. Как будут проходить диверсии, не знаю. Но, скорее всего, задумка в том, чтобы немцы и германские союзники стали считать казаков врагами. Раз это упоминалось в сообщении Центра, значит, это основная цель. У кого есть предложения?

Первым высказался Аратюнян:

— На Солдатской немцы открыли бордель для рядовых, а на Соколова, ближе к "Динамо", офицерский. Если под видом казаков закидать их гранатами, можно получить результат. Казацкую униформу достать легко, купить или пошить на заказ, сейчас ее по всему городу шьют. Потом на углу Кировской и Большой Садовой недавно кафе открылось. Немцы с подругами любят там отдыхать. Пирожные с сахарином подают, кофе есть и вино. Дорогое заведение и солдат там нет. Если вечером кафе атаковать, хорошо получится. К реке можно уйти, а потом затеряться.

— В правильном направлении мыслишь, — одобрил предложения юноши Матвей Яковлевич. — Кто еще скажет?

Вторым был Самохвалов:

— Недавно я со словаками разговаривал, они недалеко от моего дома разместились, целая рота. Они говорят: "Мы — словаки. Гитлер — капут. Сталин — капут. Мы — ваши люди, мы все друзья". А я спрашиваю: "Вы себя нашими считаете, а почему тогда Красной Армии не сдадитесь?". Они: "Мы ваших догнать никак не можем!" Долго потом смеялись.

— Ну и к чему ты это рассказываешь? — Шаповалов нахмурился.

— К тому, что они потом с казаками сцепились. Дрались прямо на улице, чего-то не поделили. И словаков тоже легко атаковать. Пусть думают, что это месть.

— Ладно, подумаем.

Следующей высказалась Молодцова:

— Есть пара румынских офицеров. Очень интересуются покупкой дефицитных товаров. Можно заманить их в ловушку. Когда на рынок выходила, они интересовались, где можно оптом купить чай. Если так сделать, получим деньги и выставим их жертвами казаков.

Женщина замолчала. Больше она ничего не предлагала, а горячие юноши, видимо, от волнения не могли собраться с мыслями. Зато Барсуков, который собирал информацию о немцах целенаправленно, назвал сразу три десятка целей. Это железная дорога, мосты через Дон, речной порт, казармы вражеских солдат и квартиры офицеров, гаражи с военной техникой, штабные здания, комендатура и так далее. Список получился большой и Шаповалов был доволен. Разумеется, диверсанты будут действовать по собственному плану, но идеи его подпольной организации тоже могут пригодиться. И, поручив командирам групп персональные задания, он приказал расходиться и попросил не рисковать. Нужно еще немного подождать, совсем чуть-чуть, и начнется боевая работа.

36.

Новочеркасск. 13.08.1942.

Развалившись в мягком кресле, я читал книгу. В кабинете, кроме меня, никого. Тихо и спокойно. Краткая передышка. Глаза скользили по ровным строчкам, а мозг обрабатывал информацию.

"Некоторые утверждают, что им свойственно предчувствие беды. Не знаю, — я этого не

испытал, хотя несчастье коснулось и меня.

Памятный день 11 марта 1938 г. — суббота — ничем буквально не отличался от всех остальных. Так же, как и всегда приехал в Управление, принял срочные доклады начальников отделов и поехал на аэродром.

Шум самолетных пропеллеров и спешно снующие бортмеханики и авиатехники были так привычно знакомы и близки.

Приняв рапорт дежурного, ознакомившись с работой и дав соответствующие указания, я в прекрасном настроении поехал в город.

В ресторане Дома Советов пополнил достаточно однообразным меню затраченную энергию и снова без всякого предчувствия надвигающейся опасности вышел на улицу. Садясь в машину, увидел идущего ко мне уполномоченного НКВД по воздушному флоту Халявина с неизменной слащаво-гаденькой улыбкой на дегенеративном лице. Подойдя, последний поздоровался и, как всегда, не глядя в глаза, произнес:

— Виктор Иванович, вас просит срочно заехать нарком НКВД.

Я предложил ему место в машине и через пять минут подъехал к зданию НКВД.

Халявин услужливо побежал в комендатуру за пропуском, и мы прошли во внутренние апартаменты.

Иду спокойно. Предчувствие и здесь не подсказало, что обратно из этого "святилища" мне суждено будет выйти только через 1 1/2 года. Полтора года физических и моральных пыток, но зато и политической переоценки всего существующего порядка.

Сажусь в приемной кабинета и рассеянно просматриваю газеты. Проходит минут пять, и я спокойно задаю вопрос:

— Где же нарком?

В ответ получаю вежливое извинение и просьбу немного подождать. Погружаюсь снова в газету и замечаю, что в приемную входят четыре чекиста и о чем-то шепчутся с Халявиным.

Дочитать заметку мне так и не пришлось: как молния все пять молодцов бросаются на меня и, вероятно, от "излишней храбрости", навалившись кучей, злорадно рычат:

— Оружие есть?

Оружие у меня было, но с собой я его не носил. Убедившись, что таковое отсутствует, — "герои" несколько успокоились.

Ошеломленный таким приемом, но все еще наивно доверчивый, я ничего не понимал, а в голове мелькнула детская мысль, — вероятно со мной просто шутят.

Но моя наивность быстро сменилась сознанием серьезности всего происходящего.

Храбрая ватага начала с усердием срывать с меня ордена и нашивки.

Операция была произведена изумительно быстро, и я, ошеломленный, ничего не понимающий, но уже с кандалами на руках, весь оборванный стоял и видел перед собой их победоносные лица.

Глаза и руки сих стражей быстро рассматривали и прощупывали мои документы и складки платья, вероятно в поисках особо важных контрреволюционных документов.

В голове был хаос. Пытался заявить, что это вероятно недоразумение и просил дать компрометирующие меня материалы.

Но как все резко изменилось; куда исчез вежливый тон Халявина. Осталась только неизменной мерзко слащавая улыбка.

В ответ на мое требование последовал грубый окрик:

— Подожди, покажем все документы, сам их напишешь.

Так ошеломляюще быстро и просто, из свободного гражданина Советского Союза я превратился в политического арестанта, — "врага народа", не чувствуя за собой и тени преступления, кроме разве наивной веры в свободы, дарованные "самой демократической конституцией в мире".

Подписав какой то клочок бумаги, именуемый "актом личного обыска", под конвоем двух "храбрых" следователей с обязательно наставленными на тебя "пушками", как называли мы револьверы, — меня повели во внутреннюю тюрьму, расположенную для конспирации тут же в здании, и сдали, как драгоценную ношу, надзирателю.

Надо отдать справедливость руководству Г.П.У., подбирающему тюремные кадры. Здесь был представлен полный букет человеческой тупости, дегенеративности и людоедской кровожадности.

В эти черепа вбивали примитивные приемы палачей, не забывая и чекистского психологического воздействия.

Первое знакомство с этим типом людей из отбросов человеческого рода было ошеломляюще.

О нравах и обычаях советских застенков я имел представление только по отдельным статейкам, красочно доказывающим перековку душ "закоренелых преступников" под "благодетельным и гуманным" воздействием Г.П.У.

Но вот подошла и моя очередь, начали ковать и мою душу.

Первое приветствие коменданта тюрьмы не отличалось особой вежливостью и заключалось в грозном окрике:

— Раздевайся.

Уяснив себе эту несложную команду, я показал ему на наручники, давая понять без слов, что в этих браслетах вряд ли я смогу выполнить его приказание.

Ключ прикоснулся к замку, и мои руки оказались свободны.

Снял с себя шубу — ожидаю. Увидев, вероятно, мою нерешительность, сей ретивый служитель пришел в ярость и заорал:

— Тебе говорят, фашистская сволочь, раздевайся, или ждешь, чтобы помогли?

Получив это вторичное недвусмысленное приказание, хотя и не понимая смысла происходящего, снимаю остальные части туалета. Остаюсь босой, в одном белье на холодном цементном полу.

Но перековка души началась. Освирепевший служака сорвал с меня сорочку и кальсоны, и я предстал совершенно голый перед его грозными очами. Озноб нервный сменялся физическим холодом. Дальнейшее меня окончательно ошеломило. Позднее с улыбкой рассказывал я об этом своим друзьям по несчастью.

Комендант, видя, что я новичок, вероятно, решил продемонстрировать один из заученных методов психологического воздействия. Взяв большой нож и придав своей тупой роже звериное выражение, он начал его усердно точить, бросая на меня исподлобья косые взгляды.

Не испуг, нет, что-то непонятное пронеслось в моей разгоряченной голове.

"Ах, вот как, — подумал я про себя, больше удивленный, чем испуганный, — почему же у меня раньше была уверенность, что врагов народа обязательно расстреливают. Оказывается — их просто режут".

И эта мысль оттеснила даже страх перед смертью.

Палач знал действие данного метода и, насладившись произведенным эффектом, к моему великому изумлению, набросился, но не на меня, а... на крючки и пуговицы моей одежды.

Минуты через две, все еще как во сне, слышу команду:

— Одевайся.

Операция одевания была несколько необычной. Особо злостно не подчинялись брюки и кальсоны, лишенные крючков и пуговиц, поддерживая те и другие руками, я снова облачился в свою кастрированную одежду.

Дальше последовало заполнение анкеты, и другой страж, проведя меня по узкому коридору, открыл засов двери, на которой я успел заметить цифру 23.

Меня втолкнули в одиночку"...

Прервавшись, я захлопнул книгу и посмотрел в окно. За ним Новочеркасск — столица казаков. Последний месяц лета и на улице, несмотря на утро, уже жарко. Немцев практически нет. Зато много казаков. Это в Ростове тройная власть: комендант (подчиняется тыловому управлению группы армий "А"), бургомистр (подчиняется Имперскому министерству оккупированных восточных территорий) и городской голова (подчиняется УКФ). А в Новочеркасске Управление Казачьих Формирований сразу перехватило власть. Комендант наш, как и глава города, а немецкий гарнизон состоит всего из двух пехотных рот. Это не считая прикомандированных к казачьим частям офицеров связи, которые иногда появляются в городе. Поэтому мы чувствуем себя здесь вольготно и мне Новочеркасск нравился.

После возвращения из Пятигорска, я больше нигде не выезжал. Сотников и Сахно продолжали мотаться по всему Северному Кавказу, а меня Тихоновский держал рядом и я выполнял его мелкие поручения, иногда выступал в роли телохранителя, занимался документами и пытался понять, что вокруг происходит.

Кажется, все просто. Идет война, и многие казаки выступают единым фронтом с немцами против большевиков. Все казачьи формирования и возникшие в станицах выборные органы власти, так или иначе, подчиняются УКФ, которое в свою очередь подчиняется штабу РОА. Следовательно, пока не прошел Общевойсковой сход, штаб УКФ руководит всеми казаками. Есть казачий штаб, который издает приказы, выпускает газеты и поддерживает постоянную связь с войсками. Структура работает четко и пока без особых сбоев.

Однако это только внешний фасад. На деле Управление Казачьих Формирований плевать хотело на берлинские директивы РОА, а больше прислушивается к командованию группы армий "А" и представителям Имперского министерства оккупированных восточных территорий. В дивизиях и бригадах, которые находятся на передовой, в свою очередь, оглядываются на командиров немецких корпусов и армейских групп, которым они подчинены. При этом все делали вид, что так и должно быть. Но все понимали, что это порочная практика. Необходима централизация, а ее нет. Каждый командир полка или атаман станицы сам себе король и пан, что хочу, то и делаю. По крайней мере, пока не прошел Общевойсковой круг, который объявит о создании Казакии.

Да чего говорить про анархию и неразбериху в войсках, если в самом Управлении Казачьих Формирований не все гладко. Взять хоть мой случай, как пример. Я офицер по особым поручениям при УКФ, прикомандированный к Комиссии по проведению Общевойскового круга. Подчиняюсь есаулу Тихоновскому, а он войсковому старшине

Лазарю Митрофановичу Иванову, кубанскому казаку-эмигранту. Но самого Иванова я ни разу не видел и где он пропадает понятия не имел. А все остальные члены Комиссии кроме Тихоновского мне не начальники, как и члены штаба Казачьих Формирований. Скажете — единичный случай? Ничуть. Каждый отдел сам по себе и занят решением собственных задач, а структура УКФ очень сильно запутана.

С верхушкой понятно. Начальник — Петр Николаевич Краснов. Начальник штаба — Семен Николаевич Краснов. А дальше понеслось: атаманы Войск, походные атаманы Войск, атаманы округов и отделов, начальник АХО, старший адъютант штаба, старший офицер по особым поручениям штаба, главный редактор журнала "На Казачьем посту" и кураторы газет, члены Казачьего Комитета, инспектор по военной подготовке и обучению, начальник Организационного отдела, начальник отдела кадров, начальник канцелярии, члены отдела по делам религиозных культов, члены политического отдела, секретари, делопроизводители и так далее. В штате штаба УКФ больше пятисот человек, я видел списки. Кругом много неразберихи, хаоса, интриг и разгильдяйства. Может быть, со временем все наладится, а пока бардак. Каждый отдел сам по себе и у каждого начальника собственная свита.

В остальном же все неплохо. Я проживал на съемной квартире недалеко от штаба, а столовался при штабе. Служил, набирался опыта и знаний, заводил новые знакомства и четко выполнял приказы Тихоновского. Сегодня, например, он приказал прочесть книгу Виктора Ивановича Мальцева "Конвейер ГПУ". Станный приказ. Но я не удивился. Знаю что завтра автор книги появится в Новочеркасске и мне придется некоторое время его сопровождать, охранять и беречь.

Кстати, про автора, со слов Тихоновского. Он из крестьян. В свое время добровольно вступил в Красную армию и воевал против беляков. Потом продолжил военную карьеру. Был инструктором школы военных летчиков и тренировал знаменитого советского аса Валерия Чкалова. Дослужился до начальника Управления ВВС Сибирского военного округа, а в 37-м уже был начальником Управления Туркменского Гражданского воздушного флота. Член партии. Советский гражданин. Кадровый вояка и верный сторонник товарища Сталина. До тех пор пока в 38-м его не арестовали. Вот тогда он прозрел. Полтора года его держали в тюрьме и пытали, убеждая признаться в антисоветском военном заговоре. Но безрезультатно. Он уперся и, может быть, именно поэтому выжил, был отпущен на свободу, восстановлен в партии и назначен начальником санатория "Аэрофлота" в Ялте. Однако обиду на советскую власть Мальцев затаил и когда в Ялту вошли немцы, он сам пришел в комендатуру. В советской униформе, со всеми медалями-орденами, положенными нашивками и документами.

Разумеется, таким человеком сразу заинтересовались в РОА и после нескольких проверок его отправили в Берлин. Однако предложить ему конкретное дело и должность генерал Трухин не смог. То ли был слишком занят, то ли решил, что рано думать про собственную авиацию. Но работа для Мальцева, который уже успел написать о своем тюремном заключении книгу, и она совсем недавно вышла в печать, нашлась. С ним пообщались представители таинственного СВР — Союза Возрождения России, которые были заинтересованы в создании Казакии и ее укреплении. Они предложили ему прокатиться на юг, осмотреть трофейные советские самолеты, которые пока еще стояли на аэродромах Севастополя, Екатеринодара и Ростова. Пусть проведет инспекцию и скажет, что можно использовать, а дальше видно будет.

Мальцев, который, как мне думается, не понимал, с кем общается, от предложения не

отказался. После чего ему выписали командировочные документы, и вскоре мы с ним встретимся. Судя по всему, именно мне придется сопровождать его в Ростов. Это не мое дело. Где авиация и где Комиссия по проведению Общевоинского Круга? Но почему бы и не покататься? Тем более что урядник Семенов неподалеку и готов выехать в любой момент, а я немного заскучал. Слишком спокойно вокруг.

Впрочем, поездка будет завтра, а пока надо прочитать книгу. Пригодится. Тьфу-тьфу! Не в том смысле, что я планирую оказаться в тюрьме НКВД, хотя от сумы и тюрьмы зарекается не надо, а для общения с Мальцевым. Читаю я быстро, а книжка не толстая и к полудню будет прочитана полностью.

37.

Ростовская область. 14.08.1942.

Бывший советский военлет Мальцев приехал в Новочеркасск утром следующего дня и его сопровождал подтянутый молодцеватый полковник РОА Игорь Константинович Сахаров. С Мальцевым все понятно — его интересовали трофейные самолеты, которые находились на Ростовском аэродроме. Предварительная договоренность с германским командованием имелась, но перед посещением аэродрома предстояло заехать в Ростовскую комендатуру и завизировать пропуски. Машина готова, я тоже и после завтрака, погрузившись в "эмку", мы направились в сторону областного центра.

В дороге урядник Семенов молчал. Я к его ворчанию привык, а вот гости нет. Поэтому пришлось его дополнительно проинструктировать. Пусть держит рот на замке, мне так спокойней.

Я тоже не болтал. Мое дело маленькое — сопровождать и охранять важных персон. Поэтому был начеку, не расслаблялся, и держал на коленях немецкий MP-38. Патрон в стволе. На боку пистолет, советский ТТ. В кармане пара запасных магазинов. Под сиденьем сумка с несколькими гранатами. Пока все спокойно, но в Ростове, по слухам, участились нападения на казаков и немецких офицеров. Причем каждый раз на месте преступления оставались какие-то улики, которые указывали на причастность к преступлению военнослужащих Вермахта или казаков. Наверняка, это провокация. Но нервозность в отношениях с союзниками появилась, и пару раз происходили стычки между рядовыми чинами. Они и раньше случались, и на это не обращали внимания, а теперь каждый случай разбирался целой комиссией.

В общем, надо смотреть по сторонам и быть готовым к неприятным сюрпризам. Однако на дороге чисто, препон нет, движение автомашин среднее. И, прислушиваясь к беседе Мальцева и Сахарова, которые обсуждали тактико-технические характеристики советских самолетов, я вспоминал, что рассказывал о полковнике Тихоновский.

Игорь Константинович Сахаров потомственный военный из семьи генерала-белоэмигранта. Его отец Константин Вячеславович в период Гражданской войны был главнокомандующим армиями Восточного фронта. После поражения эмигрировал в Германию и занялся воспитанием детей. Игорь характеризовался как истинный русский офицер, резкий, быстрый, храбрый и грамотный. Служил в армиях Аргентины, Уругвая и Китая. Воевал против коммунистов в Испании и был произведен в лейтенанты, по слухам, лично Франсиско Франко. Имел боевые награды. А когда гражданская война в Испании закончилась, он вернулся в Берлин. Приближалась война Германии с СССР и генерал Сахаров, чувствуя это и находясь на смертном одре, благословил сына на борьбу с

большевиками, наградили его своими орденами и присвоили чин полковника. Очень странная история. Как это возможно, чтобы отставной генерал присвоил чин сыну и отдал ему награды? Никогда о подобном не слышал. Однако немцы чин Сахарова признали, а вслед за ними и белоэмигранты. За спиной, конечно, шептались, но в глаза полковнику Сахарову никто претензий не высказывал. Да и не до того было. Началась война, и полковник сразу оказался под крылом Абвера. Стал заместителем командира абвергруппы и принимал участие в боевых операциях РННА — Русской национальной народной армии против партизан и советских диверсантов. Но не так давно эту структуру влили в РОА, и он получил назначение на должность командира 1-го гвардейского пехотного батальона. Пока это соединение только на бумаге. Когда начнется формирование русской гвардии, неизвестно, и полковник путешествует. Как мне кажется, выполняет задание Союза Возрождения России. Почему я так решил? Да потому, что он знаком с Тихоновским, который оказывал ему содействие, и сопровождал Мальцева. Думаю, чтобы сделать правильный вывод этого достаточно.

— К Аксайской подъезжаем, — прерывая мои размышления, сказал Семенов и добавил: — Немцы новый временный блокпост поставили, три дня назад его не было. Вон он, впереди.

Действительно, скоро Аксайская, а за ней Ростов. Основной немецкий блокпост на въезде в станицу. Но иногда они выставляли на дорогах временные, чтобы водители не лихачили и не брали левых грузов. И один из них появился в ста метрах перед нами. Ничего необычного, два мотоцикла с колясками и жандармы, крупные мужики в потной униформе с оранжевыми нашивками и приметными металлическими бляхами на груди.

Один из жандармов находился в стороне. Он махнул жезлом, и я покосился на Семенова, который в подобных случаях всегда шипел: "Немчура проклятая, мало я вас при царе-батюшке пострелял". Однако в этот раз он промолчал, поморщился и остановился.

Я вышел первым. Все в порядке. Справа небольшая роща и за ней степь. А слева дорога по которой едут три грузовика с румынскими солдатами, и дальше снова степь.

Жандарм представился и потребовал предъявить документы. Я это сделал и немец, проверив их, заглянул в автомобиль и вернул документы обратно. В общем-то, обычная проверка на дороге. Громадных знаний немецкого языка от меня не потребовалось, и я справился. Моего невеликого словарного запаса как раз хватило. Однако, кинув взгляд на жандармов, которые находились возле мотоциклов, я мгновенно насторожился. Они держались напряженно, и от них веяло угрозой. Так не должно быть. В чем дело? Может быть, мы вызвали подозрение немцев? Или... Или они не те, за кого себя выдают?

Можно было возвращаться в машину, но я увидел, что полковник Сахаров выбирается из "эмки" и пытается вытащить из кобуры пистолет. Грузовики с румынами скрылись вдаль. На полкилометра никого, а жандармы направились к нашему автомобилю. Между нами метров десять, а тот, кто проверял документы, смотрел на меня, и в его взгляде была лютая злоба. Все это я подмечал мимоходом, а мозг моментально обрабатывал информацию.

Засада! Немецкая или еще чья-то, не знаю. Разбираться придется потом, если выживем. А в данный момент, прямо сейчас, следовало сделать нечто такое, что выбьет жандармов из колеи. Но что?

Сработали навыки, полученные в школе Абвера.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Смотрите! — истошно закричав и вскинув руку, я указал в сторону рощи.

Жандармы растерялись. Всего на пару-тройку секунд. Они отвлеклись и посмотрели на рощу, а я скинул с плеча автомат, машинально снял его с предохранителя, опустил на левое колено и открыл огонь.

Я действовал, повинаясь инстинктам, и опередил противника на краткий миг. Отыграл секунду или две. Но в реальном бою это очень и очень много.

Тройка жандармов, которые двигались к машине от мотоциклов, полегла сразу. Автомат дергался в руках, а пули вонзались в их тела и они, падая наземь, катились под уклон с обочины к зеленке. Только один успел дать очередь в сторону "эмки". А тот, кто проверял мои документы, оказался на прицеле у полковника, который успел выхватить пистолет, сбил противника с ног подсечкой и заорал:

— Лежать! Не дергаться!

Все происходило быстро. Я сменил опустевший магазин, передернул затвор и направился к мертвецам, проверить, есть ли кто живой. На ходу огляделся.

"Неужели мы так легко выпутались? — промелькнула мысль. — Не может такого быть. Наверняка, у жандармов есть прикрытие".

Только я так подумал, как заметил в роще движение. В нескольких метрах от нас между деревьями мелькнул силуэт человека в маскировочном халате, который стволом ручного пулемета раздвинул кусты и готовился нас прикончить.

Я хотел предупредить моих попутчиков и закричать. Но из пересохшего горла вырвался неразборчивый крик и, уходя с линии огня, я кувыркком полетел с дороги, и мое движение остановило тело убитого жандарма.

Над головой прошла очередь, которая взрыхлила склон за спиной. Враг рядом. Он близко. Хорошо бы кинуть гранату, но они остались в сумке.

Снова засвистели пули. Некоторые вонзились в тело, которое меня прикрыло. Не высунуться, не повернуться, не развернуться. Плохо дело.

Тем временем, пока пулеметчик все свое внимание сконцентрировал на мне, полковник Сахаров ударил пленника рукояткой пистолета по голове, схватил его оружие и метнулся за "эмку". После чего он дал в сторону рощи короткую очередь и вражеский стрелок отвлекся. Он стал бить по автомашине, и я решил рискнуть. Зеленка рядом и, поднявшись, я пробежал несколько метров и прыгнул в кусты.

Гибкие ветки ударили по лицу и оцарапали кожу. Больно. Однако это мелочь и, спрятавшись за дерево, я увидел, что пулеметчик не один. Его прикрывали два молодых парня в гражданской одежде и винтовками в руках. Они были в нескольких метрах, смотрели на меня и дергали затворы винтовок. Волновались ребята — это понятно. А я нет, и потому поступил так, как нужно.

Выскочив из-за дерева, я дал длинную очередь, и парни попадали на чахлую пожелтевшую траву. Одному пули вскрыли грудную клетку, не жилец. А второму свинец исполосовал ноги, может быть, выживет.

Ногой отбросив от раненного парня винтовку, я услышал в стороне треск сучьев. Пулеметчик пытался скрыться.

"Врешь — не уйдешь!" — чувствуя охотничий азарт, подумал я и рванул ему наперерез.

Вражеский стрелок далеко не ушел. Ремень пулемета, советского ДП, зацепился за ветку, и пока он пытался его снять, я оказался рядом.

— Руки вверх! — сказал я.

Пулеметчик меня понял. Уже ясно, что он советский гражданин, а иначе в прикрытие

не было бы парней, судя по всему, местных подпольщиков. Значит, передо мной диверсант и с ним можно не церемониться.

Противник сдаваться не хотел. Отпустив пулемет, он попытался броситься на меня с ножом.

— Пад-ла-а-а!!! — завопил он и прыгнул.

Автомат дернулся в руках. Короткая в пять патронов очередь ударила диверсанта в лицо, и его тело упало мне под ноги.

Снимая с ветки пулемет, я подумал, что плохо готовят советских диверсантов, видимо, по ускоренной программе. После чего, убедившись, что опасности больше нет, вернулся на дорогу.

Машина избита пулями и слегка дымится. Сахаров здесь, оттаскивает в сторону потерявшего сознание лже-жандарма. Мальцев прячется за машиной и оглядывается, в руке у него пистолет. А вот Семенову не повезло. Урядник не успел выскочить из машины и единственная автоматная очередь, выпущенная "жандармами", досталась ему.

"Жаль, дядьку, — подумал я про урядника. — Хоть и ворчливый человек, но я к нему привык".

Еще раз осмотревшись, я подошел к машине и услышал голос полковника:

— А ты молодец, хорунжий. Я подумал, что не успеешь среагировать.

— Господин полковник, а вы как поняли, что перед нами ряженные?

— Жандарм, который говорил с тобой, немецкий знал не очень хорошо. Акцент жуткий. Ты не распознал, а я сообразил, что дело не чистое.

— Понятно.

Я снова ушел в лес, нашел подпольщиков и вытащил раненого на дорогу. А спустя пару минут появился моторизованный немецкий патруль, который услышал стрельбу и прибыл разбираться.

Такой вот денек, съездил на прогулку, показать гостям аэродром.

38.

Берлин. 15.08.1942.

Закинув руки за спину, глава Имперского министерства оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг ходил по кабинету и слушал сводку Совинформюро. Передавались итоги трехмесячных боев на советско-германском фронте и, вслушиваясь в голос диктора, один из самых влиятельных людей Третьего Рейха, в некоторых местах хмурился, а в других еле заметно улыбался...

"Красная Армия вела и ведет ныне на восточных окраинах Москвы, на подступах к Ленинграду, в излучине Дона и на Юге непрерывные кровопролитные бои против наступающих немецко-фашистских войск. Эти бои носят крайне ожесточенный характер.

К началу лета германское командование сосредоточило на южных участках фронта большое количество войск, тысячи танков и самолетов. Оно очистило под метелку многие гарнизоны во Франции, Бельгии, Голландии. А помимо того привлекло в свои ряды коллаборационистов, предателей и шкурников из РОА, БКА, УНР и прибалтийских легионов. Только за последние два месяца на советско-германский фронт было переброшено 30 дивизий, в том числе 2 танковых и две моторизованных, не считая ранее переброшенных. В вассальных странах: в Италии, Румынии, Венгрии, Словакии Борман и его клика мобилизовали до 70 дивизий и бригад, не считая финских войск на севере, и бросили их на

советско-германский фронт. Действуя угрозой и подкупом, фашисты вербуют также отряды из преступников и любителей чужого добра во Франции, в Бельгии, Дании, Голландии, Испании. Кроме того, гитлеровцы провели насильственную мобилизацию в Польше и в Чехословакии. Собрав всю эту дань солдатами, а также подтянув все свои основные силы и резервы, немцы создали на южных участках значительный перевес в количестве войск и технике, серьезно потеснили наши войска и захватили ряд важных для советской страны районов и городов. Немецко-фашистские оккупанты захватили в районе Дона и на Кубани большую территорию и важные в промышленном отношении города: Ворошиловград, Сталино, Воронеж, Новочеркасск, Шахты, Ростов, Армавир, Майкоп, Пятигорск, Минеральные Воды, Моздок, Новороссийск, Сочи и ряд других. Хотя большая часть населения занятых немцами районов была эвакуирована, хлеб и оборудование заводов вывезены, а частично уничтожены при отходе, Советский Союз понес за это время значительные материальные потери.

Несмотря на то, что противник ввел в бой все основные свои людские резервы и огромное количество техники, наступательные операции немцев развивались только на Воронежском и Южном направлениях и притом значительно медленнее, чем это было в первый период войны. Достаточно сказать, что на Воронежском участке немцы топчутся на месте вот уже полтора месяца, причем за последнее время на этом участке фронта местами инициативу взяли в руки советские войска. В излучине Дона и на подступах к Сталинграду в течение последнего месяца Красная Армия отбивает бешеные атаки немецко-фашистских войск и перемалывает живую силу и технику противника. И только на юге немцам ценой величайших потерь удалось значительно продвинуться вперед. Что же касается других фронтов, то немецкие войска не были в состоянии вести там наступательные операции. Наоборот, активные боевые действия на Брянском, Западном, Калининском и Северо-Западном фронтах ведут советские войска, истребляя в этих боях десятки тысяч немцев. Немецкие солдаты боятся отправки на фронт в район Москвы, а советские войска продолжают планомерное наступление и выдавливают врага на запад. Без сомнения, в самом скором времени фашисты окончательно надорвутся и начнут отступление.

За истекшие месяцы ожесточенных боев на советско-германском фронте Красная Армия в упорных боях нанесла немецким, итальянским, румынским и венгерским захватническим войскам огромный урон в людях и боевой технике.

За три месяца активных боевых действий летом этого года, с 15 мая по 15 августа, немцы потеряли 1.250.000 солдат и офицеров, из них убитыми не менее 480.000. Они потеряли кроме того 3.390 танков, до 4.000 орудий всех калибров и не менее 4.000 самолетов.

Потери советских войск с 15 мая по 16 августа составляют: убитыми, ранеными и пропавшими без вести 606.000 человек, 2.240 танков, 3.162 орудия всех калибров, 2.198 самолетов.

Неуклюжими фальшивками и смехотворными измышлениями фашистская клика вновь пытается скрыть свои потери на советско-германском фронте.

Набивши руку на фальшивках, нацисты жонглируют головокружительными лживыми цифрами. Так, 12 августа сего года немцы опубликовали сообщение об итогах весенне-летних боев. Они утверждают, что немецкие войска за этот период якобы взяли 1.044.241 пленного, захватили или уничтожили 10.131 орудие, 6.271 танк и 6.056 самолетов! Опубликованные Совинформбюро фактические данные о потерях Красной Армии начисто

отмечают лживые сообщения фашистов. Армии Бормана, его союзников в Европе и предателей своей Родины несут огромные потери. Именно этим и объясняется, почему немецкое командование горюет такую несусветную чушь о советских потерях, тщательно скрывая в то же время потери своих собственных войск. Странное дело. Советские потери гитлеровцы умудряются подсчитать до последнего человека, о своих же потерях, которые им куда виднее, упорно молчат, и как в рот воды набрали. А между тем эти потери немцев за последние три месяца медленно, но неуклонно подготавливают почву для грядущего разгрома немецких войск. И даже вступление в войну Турции не сможет отвлечь или значительно отдалить этот момент. Хотя советское правительство, безусловно, признает, что вынуждено временно оставить приграничные территории Закавказья и отступить на ряде участков Закавказского фронта"...

Диктор замолчал и Розенберг, приблизившись к радиоприемнику, выключил его и подошел к окну. Он смотрел на улицу, но не видел ее, ибо полностью погрузился в свои мысли.

Без сомнения, влияние Альфреда Розенберга после смерти Адольфа Гитлера усилилось. Внутренняя и внешняя политика сильно изменились и он этим воспользовался. Сделал ставку на Мартина Бормана и выиграл. Поддержал создание РОА и опять не прогадал. Протокнул проект о присоединении западных регионов СССР к Третьему Рейху и это принесло свои плоды. Проблемы есть, их много. Но они были ожидаемы и продолжали решаться.

Альфред Розенберг делал все возможное для победы Германии в войне. Однако в очередной раз генералы недооценили мощь Советского Союза и уперлись в оборону Красной армии. Один Роммель, который продолжил наступление на англичан и вторгся в Сирию, где соединился с турками, казался непобедимым рыцарем Третьего Рейха. А на территории России Вермахт забуксовал.

По мнению Розенберга, который не претендовал на лавры военного стратега, на данный момент было четыре точки, которые могли всерьез повлиять на исход Восточной кампании.

Ленинград. Если его взять, будет уничтожен Балтийский флот СССР, а группа армий "Север" высвободит свои дивизии для рывка к Архангельску и Мурманску. Тем самым будут заблокированы поставки в Советский Союз северными конвоями. Однако Ленинград продолжал держаться. Обстрелы и бомбардировки не давали желаемых результатов. Очередной штурм провалился, а фланговые удары парировались танковыми бригадами, гвардейскими стрелковыми дивизиями и артиллерийскими полками Красной армии. Советские военачальники научились воевать и хотя порой они продолжали латать дыры немецких прорывов телами красноармейцев и ополченцев, происходило это все реже и реже. Поэтому на падение Ленинграда в ближайшие полгода никто всерьез не рассчитывал.

Москва. Советский диктор прав — немцы начали бояться этого проклятого города, который стал причиной гибели многих солдат Вермахта и продолжал забирать жизни. Мало того, что Красная армия не прекращает попыток отбить свою столицу, так еще в самом городе, в его развалинах, не до конца уничтожено сопротивление. В многочисленных подземельях прятались фанатичные советские солдаты и руины стреляли. Днем и ночью гибли немецкие солдаты, и пришлось применять газы, чтобы вытравить катакомбников. Но результаты оказались более чем скромными. А натиск советских фронтов на группу армий "Центр" с каждым днем становился сильнее. Гарантий, что до конца года Москва останется в руках германских войск, никто дать не мог. А столица, как ни крути, символ, и ее

освобождение поднимет мотивацию советских людей, а так же значимость товарища Сталина в глазах мировой общественности и союзников по антигерманской коалиции.

Кавказ. Снова прав советский диктор — вступление Турции в войну глобально на ход войны Германии против СССР не повлияло. Германскому командованию пришлось перебросить на помощь новому союзнику две егерские дивизии и подразделения Кавказского мусульманского легиона. Но даже с их помощью потомки гордых османов не смогли сразу сломить сопротивление сильно ослабленных советских армий. Вместо того чтобы сконцентрировать все свои силы на одном направлении — ударив на Сухуми и Поти, турецкие военачальники проявили упрямство и поступили по своему. Они спешили захватить Ереван и Тбилиси, а помимо того завладеть территориями Персии и выйти на Баку. Однако армяне и грузины, которые, скажем прямо, не горели желанием умирать за Россию, за свои республики дрались, словно бешенные. Хотя бы по той причине, что они христиане, а турки мусульмане и давние враги. Пощады от них ждать не стоило и только за две недели советские армии пополнились пятнадцатью добровольческими кавказскими дивизиями. Пусть слабо вооруженными, зато готовыми сражаться и погибать. А подготовленные в Азербайджане антисоветские восстания были очень быстро подавлены войсками НКВД. В результате турецкие войска и немецкие егеря вели бои за Батуми, Ереван и Тбилиси. Но ни один из этих крупных городов так и не был взят. И только в Персии у турок имелись успехи, до тех пор пока они не столкнулись с регулярными советскими и английскими войсками.

Сталинград. Советская пропаганда утверждала, что этот город устоит, и немцы не смогут его взять. Однако дивизии 1-й танковой и 6-й полевой армий уже в Сталинграде. Идут уличные бои и, скорее всего, немцы добьются своего. Город падет, и Волга будет форсирована. Это не могло не радовать Розенберга. Хотя он понимал, что Вермахт выдыхается. Нужны войска. Нужны солдаты. Нужны ресурсы. Нужны рабочие руки взамен призванных на фронт немцев. Нужны горюче-смазочные материалы и топливо. Нужны танки, пушки, самолеты и боеприпасы. Не только для себя, но и для союзников. Третий Рейх задыхался. Пока еще справлялся с проблемами, но с каждым месяцем, несмотря на победные религии, давалось это все тяжелей.

Вермахт требовал от министров тыла резервы и Розенберга это тоже касалось. Украина, Белоруссия, Прибалтика и области России, которые находились под немецкой оккупацией, должны были дать все, что они могут, дабы приблизить победу Германии. И они давали. Сотни тысяч граждан СССР и военнопленных в качестве рабочих отправлялись на запад. Урожай с полей был на учете немецких чиновников и пополнял продовольственную корзину Третьего Рейха. Не успевшие эвакуироваться на Урал заводы и фабрики снова начинали работать и выдавать продукцию, не только военного назначения, но и товары широкого потребления. В школах и учебных заведениях, особенно в регионах, которые немцы уже считали своими, изучался немецкий язык, и внушались необходимые Германии идеи. Всех непокорных уничтожали или отправляли в концентрационные лагеря. А войска РОА, БКА УНР и прибалтийские легионы пополнялись теми, кто был готов воевать против большевиков.

И вот тут заминка. Дилемма. Понесся огромные потери, которые не укладывались в первоначальный план "Барбаросса", немцы очень сильно захотели привлечь местные войска, которые помогут разгромить СССР. Тем более что желающих хватало. Однако украинцы, русские, белорусы, казаки, прибалты и представители других народностей, желали получить

что-то взамен. Они были готовы проливать свою и чужую кровь, но не в пустую, а за нечто реальное. Поэтому Розенберг, как глава Имперского министерства оккупированных территорий, и его доверенные лица постоянно встречались с их лидерами и сыпали обещаниями. Украинским и белорусским националистам говорили, что части Украины и Белоруссии после войны все-таки сохранят независимость. Русским, что возрожденная Россия поднимется с колен. А казакам, что появится Казакия. До поры до времени обещаний хватало. Но, рано или поздно, должен был наступить момент, когда обещания должны перерасти в конкретные действия, и такой момент наступил. Первыми решили урвать свой кусок казаки. При непосредственном участии РОА и казачьих формирований немцы отбили Северный Кавказ. Русские при этом так и не смогли прийти к общему мнению, чтобы сформировать хоть какое-то подобие легитимного правительства. А вот казаки практически сразу заняли свою старую донскую столицу, город Новочеркасск, и готовились провести Общевойсковой Сход, который объявит о создании Казакии.

Что делать? Этот вопрос Альфред Розенберг задавал себе неоднократно, когда задумывался над тем, что собираются сделать казаки. Терять Дон, Кубань и часть Кавказа, не хотелось. Это богатые и привольные земли, которые могут дать Германии немало ресурсов. Поэтому самый простой вариант — арестовать казачьих атаманов и убедить их отказаться от своей затеи. Но это чревато последствиями. Чувствуя за собой силу, атаманы, наверняка, проявят упрямство, а казаки, находясь в тылах группы армий "А", могли ударить по немцам, а в самом крайнем случае перевернуться на сторону большевиков и за ними последуют многие бойцы РОА. Другой вариант — устранить лидеров казачьего движения и списать ликвидацию на советских диверсантов. Однако существовала угроза, что не удастся сохранить это в тайне. И после консультаций с Георгом Лейббрандтом, а затем с рейхсканцлером Мартином Борманом, было решено пойти казакам навстречу. Разумеется, все земли, которые они хотели получить, им никто не отдаст, и немецкие гарнизоны останутся в крупных городах. Однако пусть казаки попытаются создать государство-саттелит, а ведомство Альфреда Розенберга им поможет. Тем более что подобный опыт у немцев уже имелся. А взамен казаки заплатят за относительную независимость своей кровью, а их пример всегда можно использовать в пропагандистских целях.

Еще раз обдумав проблему, Альфред Розенберг удовлетворенно кивнул своему отражению в оконном стекле и сам себе сказал:

— Решение принято, отступить поздно.

39.

Новочеркасск. 12.09.1942.

Город кипел и бурлил. На улицах Новочеркаска толпы зевак и усиленные военные патрули, а центр полностью перекрыт. Но это и понятно. В столице Войска Донского проходил Общевойсковой Круг казаков, которые сражались против большевиков на стороне Германии.

Свершилось! Долгие годы казаки ждали своего часа, и он наступил. После долгих переговоров и многочисленных консультаций, получено согласие немцев на создание Доно-Кавказского Союза (Казакии) и сегодня на карте мира появится новое государство. Или возродится старое, как считают некоторые казаки. Не суть важно. Главное — казачьему государству быть. Хотя от претензий на Воронеж, Калмыкию и Царицын казачьим атаманам пришлось отказаться. Земли Донского, Кубанского и Терского Войск — вот они и станут

ДКС. При условии, что казаки продолжат борьбу с большевиками, дадут согласие на выделение части земель для нужд немецких колонистов (если таковые появятся), будут отчитываться перед Имперским министерством оккупированных восточных территорий о своих делах и не станут претендовать на ряд предприятий в пределах своей юрисдикции до окончания войны.

Конечно, кто-то скажет, да уже говорят, что государство какое-то обрубленное. Нет полноты власти, и придется считаться с немцами. Но за все приходится платить. А условия со временем можно поменять.

Пока распорядок следующий:

Молебен в Вознесенском войсковом кафедральном соборе.

Возложение цветов к памятнику Ермаку.

Движение атаманов от штаба УКФ, кстати, забыл сказать, что он находится в здании Войсковой канцелярии, к месту проведения Круга.

Круг проходит в Атаманском дворце. Сбор участников. Регистрация. Молитва. Оглашение вопросов, которые требуют принятия, и решение Круга.

Публичное оглашение решений Круга. Парад. Праздник.

Такова программа вкратце. Она рассчитана на весь день и неожиданностей никто не ждал. Все участники Круга, наверняка, волновались. Это само собой. Ведь не каждый день принимаешь подобные решения и воплощаешь в реальность мечту. Но Комиссия по проведению Общевойскового Круга, в которой я состоял, предусмотрела практически все. Вот только жаль, что я на этом знаменательном событии присутствовать не мог. Причина уважительная — валялся в госпитале.

Впрочем, обо всем по порядку...

После нападения советских диверсантов, которые маскировались под жандармов, в сопровождении немецких солдат мы отправились в Ростовскую комендатуру. Пришлось писать рапорта о том, что произошло, и объясняться со следователем. К счастью, полковник Сахаров быстро обо всем договорился и нас долго не задерживали. Однако в тот день на аэродром попасть не удалось. Получили пропуска и переночевали на городской базе отряда "Фалширм", где от урядников я услышал, что подразделение Беринга выполняет очередную боевую задачу. Какую именно, они не знали, и знать не хотели, ибо секретность никто не отменял. Скорее всего, десантники снова за линией фронта.

На следующий день, получив в штабе 1-й казачьей дивизии машину, наша небольшая группа все-таки выехала на Ростовский аэродром. Мальцев приступил к осмотру трофейных самолетов, в основном учебных У-2 и стареньких И-16. А мы с полковником ходили за ним следом и разговаривали. Его интересовало, как я жил при советской власти, а мне скрывать нечего. Говорил, как есть. Большевиков не проклинал и слюной не брызгал. Да, было плохое. Но было и хорошее. А потом сам стал задавать вопросы и спрашивал про Испанию. Сахаров не упирался, тоже разговорился, и я узнал много нового. Раньше считал, что героический испанский народ сражался против монархистов, наемников западных капиталистов, оболваненных африканцев и косных церковников. Однако не все так просто и Гражданская война в Испании имела много общего с тем, что происходило в России после 17-го года. Брат на брата. Друг на друга. Богатые против бедных и наоборот. Все сплелось в тугую клубок, и смерть стала махать своей косой. А иностранные правительства использовали страну как полигон для обкатки своих идей, новой техники и продвижения политических целей.

Ладно, бог с ней, с Испанией. День прошел, и мы вернулись в Ростов. Больше Мальцеве и Сахарова здесь ничто не держало. Они могли возвращаться в главный штаб РОА. Однако оба решили задержаться, а в чем причина меня не касалось. Свою миссию я выполнил и уехал обратно в Новочеркасск.

К этому моменту в Комиссии появился наш главный, войсковой старшина Иванов, который, как оказалось, находился в Берлине, утрясал с немцами юридические вопросы. Это был пожилой полный казачина родом из Екатеринодара, чрезвычайно подвижный, начитанный и деятельный. При нем скучать было некогда и, получив отремонтированную "эмку" и нового водителя, молодого веселого казака по имени Федор, я помчался по всем казачьим землям, выполнять приказы начальства.

Постоянно в движении. Без долгих остановок. Ежедневные встречи и куча дорожных приключений. За три недели я сильно похудел, осунулся и вымотался. Однако я об этом времени жалеть не стану. Потому что впечатлений масса. Каких именно? Да разных, и хороших, и плохих.

Вот хотя бы некоторые, как пример:

В моей родовой станице Уманской местный атаман, одноглазый и однорукий казак, на моих глазах казнил полтора десятка местных жителей. Это были молодые юноши и девушки, дети тех самых красноармейцев, которых селили в хаты убитых, депортированных в Сибирь и погибших от голода казаков. Я оказался в станице случайно, ехал в другое место, но на пару часов остановился. Хотел найти свое жилище и надеялся, что пробудится память. Мне показали, где раньше жили Погибы. Я подъехал к завалившейся хате, которая пострадала во время боев за станицу. А неподалеку находились казаки с нашивками 5-го Кубанского казачьего полка, которые деловито вешали подпольщиков. Так они сказали, а были детки красноармейцев подпольщиками или нет, так и осталось неизвестным. Факт остается фактом. Казаки мстили за своих родичей и раскаяния в содеянном не испытывали, а немцы и румыны, которые находились в станице, не вмешивались. Что касательно меня, то я тоже. Привык к жестокостям войны и чужая смерть меня не коробила. Постоял полчаса возле своей хаты, обошел разграбленное подворье, ничего не вспомнил и уехал.

В другой станице, Гундоровской, оказался на сходе казаков. Водитель заплутал и мы остановились спросить дорогу. В станичном правлении находились казаки. В основном старики и фронтовики из 1-й казачьей дивизии и бригады Кононова. Меня узнали, пригласили на круг и я не отказался. Конечно, молчал, потому что в местных делах ничего не соображал. Но зато послушал казаков, которые решали, как жить дальше, как делить землю, кого направить представителем на Общевойсковой Круг, сколько людей выделить для ведения боевых действий и как поступать с земляками, кто помогал большевикам и не успел удрать. Спорили казаки громко и яростно. Но общее решение приняли и определились с тем, что станичников, которые запятнались, выселять не след, ибо почти все запачкались, даже самые непримиримые, а вот под особый надзор их взять придется.

Или еще случай, под Куцевской. Немцы гнали в концлагерь пленных красноармейцев, остановились и к ним прибыл местный атаман, который попросил отдать ему два десятка земляков. Не бесплатно, конечно, а за выкуп и с официальной бумагой, что станица берет их на поруки. И, что меня удивило, немцы согласились. После чего атаман прошел вдоль неровного строя и выкликнул своих станишников. Кто отозвался, ушел в станицу, а остальных погнали дальше.

В общем, впечатлений хватало. А перед самым Общевойсковым Сходом я сопровождал

в штаб УКФ немецкого офицера, который привез из Берлина "Декларацию Германского правительства о признании казачьих заслуг". Документ не секретный, в двух экземплярах, на русском и немецком, поэтому, как только офицер передал документ Тихоновскому, я смог с ним ознакомиться.

"Казаки!

Казачьи Войска никогда не признавали власти большевиков. Старшие Войска, Донское, Кубанское (бывшее Запорожское), Терское и Уральское (бывшее Яицкое), жили в давние времена своей государственной жизнью и не были подвластны Московскому государству. Вольные, не знавшие рабства и крепостного труда вы, Казаки, закалили себя в боях. Когда большевизм поработил Россию, вы с 1917 года по 1921-й боролись за свою самостоятельность с врагом, во много раз превосходящим вас числом, материальными средствами и техникой. Вы были побеждены, но не сломлены. На протяжении десятка лет, с 1921-го по 1933 год, вы постоянно восставали против власти большевиков. Вас морили голодом, избивали, ссылали с семьями, с малыми детьми на тяжкие работы на крайний север, где вы погибали тысячами. Вас расстреливали, уничтожали. Вам приходилось скрываться, вести жуткую жизнь постоянно гонимых и ждущих казни людей. Ваши земли были отобраны. Войска ваши уничтожены. Вы ждали освобождения, вы ждали помощи!

Когда доблестная Германская армия подошла к вашим рубежам, вы явились к ней не как пленные, но как верные соратники. Вы с семьями, всем народом, связали свою судьбу с нами, предпочитая все ужасы войны, биваки и зимнюю стужу, кочевую жизнь — рабству под большевизмом. Все, кто только мог сражаться, взяли за оружие. Второй год вы сражаетесь плечо к плечу, стремя к стремени с германскими войсками. Вы пережили весь ужас власти большевиков, и вы никогда с ней не примиритесь. Германская армия нашла в вас честных и верных союзников!

В воздаяние заслуг ваших на поле брани, в нынешнюю величайшую войну совершенных, в уважение прав ваших на Землю, кровью предков ваших политую и вам тысячу лет принадлежавшую, в сознании прав ваших на самостоятельность, считаем долгом нашим утвердить за вами, Казаками и теми иногородними, которые с вами жили и с вами доблестно сражались против большевиков:

1) Все права и преимущества служебные, каковые имели ваши предки в прежние времена.

2) Вашу самостоятельность, стяжавшую вам историческую славу.

3) Неприкосновенность ваших Земель, приобретенных тяжкими трудами.

Мы убеждены, что вы верно и послушно вольетесь в общую дружную работу с Германией и другими народами для устройства новой Европы и создания на ней порядка, мира и мирного счастливого труда на многие годы.

Да поможет вам в том Всемогущий!

10 сентября 1942 года.

Германское Имперское правительство. Начальник штаба Верховного командования Кейтель.

Рейхсминистр Восточных областей А. Розенберг".

Документ серьезный. Без сомнения. И, прочитав его, я призадумался. Пытался представить себе, что будет дальше. Но поразмышлять не дали.

В кабинет ворвался Иванов и поставил на стол Тихоновского перевязанную бечевкой кипу листов. Это были исторические памятки для участников Общевойскового Круга о том,

кто мог и не мог участвовать в казачьем круге по канонам Вольного Дона. По сути, отрывок из книги Петра Николаевича Краснова "Краткая история казачества". Я с этой памяткой был знаком и местами мог процитировать ее дословно:

"Не могли присутствовать на круге:

Озимейные казаки — те, кто "сбежал" или "прибрел" на Дон и жил, хотя и год, и два или три года и даже участвовал в походах, или иных станичных делах, но приговором станицы не был зачислен в Войско, не мог быть участником Круга.

Бурлаки и даже зажилые бурлаки — так назывались "новоприходцы", убежавшие на Дон и бродившие по Дону, укрываясь от преследования Московской власти, или в поисках работы, не могли быть участниками Круга. Казаки не хотели принимать тех, кто шел для того, чтобы спасти свою жизнь. Это были не рыцари-казаки.

Не могли, естественно, быть на Кругу чужеземцы — люди, приходившие на Дон на весеннее и летнее время, чтобы "покормиться" работой в казачьих городках, живя в куренях у более состоятельных казаков.

Ясыри не могли быть участниками на Кругу, но могли "бить челом" Кругу и просить помощи и защиты у Войска.

Не могли, естественно, быть на Кругу чужеземцы — московские люди, торговые люди, приезжавшие к казакам за рыбой, или для сбора для церкви, "вожи" (проводимые), "казачьи (не Донские) головы", стрельцы, сопровождавшие царских послов.

Азиаты — турки, татары и калмыки, как те, с кем почти непрерывно воевали казаки, не допускались на Круг, как враги Донского государства.

Духовенство не допускалось на Круг. Церковь Божия не от мира сего. Это отлично понимали казаки и считали, что дела мирские не касаются служителей Бога.

Пенные казаки, то есть казаки, за какие-нибудь проступки лишенные казачьих прав, не допускались на Круг.

Не допускались на Круг и женщины. Не женское дело решать казачьи дела".

Однако дело не в том, что написано в памятке, а в том, что она, как и многие другие подобные документы для участников Общевоинского Круга, должна находиться в Атаманском дворце. Времени оставалось мало, мы зашивались, и кому-то следовало заняться доставкой бумаг. Мелочь. Поэтому Иванов дал задание мне, как самому младшему по возрасту и званию среди присутствующих.

Делать нечего. Я вызвал шофера и вместе с ним собрал кипы листов. Погрузил их в машину и отправился в Атаманский дворец. Все рядом. Но не тащить же стопки бумаг на себе? Приехали на место. Я позвал молодых казачат, которые помогали готовить здание к знаменательному событию, оперся на машину, и у меня закружилась голова. Вот так сюрприз. Неприятный.

Головокружение не проходило и пришлось показаться врачам, а они, с учетом того, что я уже получал серьезную контузию, настояли на временной госпитализации. Попытался отговориться, мол, перетерплю. Но пришлось остаться в госпитале. Даже немного обидно. Рядом вершится история, а я в стороне. Хотя... Может быть оно и к лучшему? Главное — здоровье. Если что-то серьезное, меня спишут в запас. И что потом делать? Чем заниматься? Я себя без воинского пути уже не мыслил. Поэтому лежал на койке, сохранял спокойствие, глотал таблетки и надеялся на лучшее.

40.

Новочеркасск. 16.09.1942.

Пятый день в госпитале. Мне стало гораздо легче, то ли отдых пошел на пользу, то ли таблетки сделали свое дело. Все в порядке, организм молодой и крепкий, иду на поправку. Но я изнывал от скуки. Постоянно один, кроме меня в офицерской палате никого. В госпитале временное затишье. Прогулки во дворе под запретом, а посетителей нет.

Вот такие дела. Настоящих друзей я себе так и не завел, единственный родственник далеко, а приятели, сослуживцы и боевые товарищи про меня забыли. Поэтому я продолжал валяться в палате, размышлял, и время от времени выходил в коридор, послушать свежие сводки. Совинформбюро, естественно, не транслировалось. Радиоточка выдавала только немецкие новости. И, если верить дикторам доктора Геббельса, Третий Рейх продолжает побеждать.

"Войска Роммеля переформированы в группу армий "Ближний Восток". Под его командованием немецкие, итальянские и турецкие дивизии, а так же несколько Арабских легионов. Танки бывшего Африканского корпуса, который стал танковой армией "Азия", преследуют разбитых англичан, индийцев, южноафриканцев, поляков и новозеландцев. Немецкие войска уже в Ираке и на Аравийском полуострове. Захвачены огромные трофеи и много пленных"...

"Турецкие войска и германские егеря, наконец-то, захватили Ереван. Но никак не могут взять Батуми, который стал главной базой советского Черноморского флота, и Тбилиси. Армяне, грузины, абхазы и остатки советских дивизий дерутся за каждый перевал и населенный пункт. Они сопротивляются и не сдаются в плен. Поэтому строить прогнозы относительно дальнейшего продвижения турок по Кавказу сложно"...

"Тем временем, пока турки запнулись, немецкие горные стрелки, казачьи подразделения и Северокавказский легион нападают на Красную армию с другой стороны. Пластуны полковника Кононова захватили Сухуми и ведут бои на подступах к Очемчири. Доблестные солдаты 4-й горнострелковой дивизии заняли Алагир и Орджоникидзе. Передовая группа альпийских стрелков совершила восхождение на Казбек и водрузила на его вершине германские знамена. Бригада генерала Шкуро ворвалась в Грозный, а батальон "Бергман" в Хасав-Юрт"...

"Передовые части 16-й моторизованной и 1-й казачьей кавалерийской дивизий, при поддержке Добровольческого Калмыцкого корпуса, который активно набирает бойцов и разрастается по ходу движения, подошли к Астрахани. Сопротивление советских войск незначительно"...

"В Сталинграде продолжаются уличные бои"...

"На Московском направлении без изменений"...

"На подступах к Ленинграду перестрелки и артиллерийские обстрелы"...

Война шла своим чередом. Однако я обратил внимание на то, что если сражения на Ближнем Востоке и Кавказе освещались более-менее подробно, про Москву и Сталинград сведений практически нет. Странно. Обычно именно об этом доктор Геббельс и его дикторы талдычили больше всего. Москва и Сталинград. Сталинград и снова Москва. А тут как отрезало. Будь у меня доступ к Совинформбюро, я мог бы послушать новости с другой стороны и сравнить, кто и что говорит. Но чего не было, того не было.

Тяжело вздохнув, я в очередной раз вернулся в палату. Прилег и услышал в коридоре неразборчивый шум. Кто-то на ходу разговаривал и вскоре я узнал голос Тихоновского. Наконец-то, начальник решил меня навестить.

В дверь палаты постучали и я сказал:

— Заходи, Андрей Иванович.

В помещении появился Тихоновский и он был при полном параде. В черкеске, на поясе кинжал и кобура с пистолетом, в левой руке кубанка, а в правой небольшая сумка с фруктами.

— Здорово ли живешь, Андрей? — есаул вопросительно кивнул.

— Слава Богу, Иванович. Проходи.

За спиной Тихоновского появилась молоденькая медсестра Ниночка Астапова, которая попыталась возразить:

— К пациенту нельзя, господин офицер. Врач запретил.

— А он где сейчас? — Тихоновский посмотрел на нее.

— Отсыпается после ночной операции.

— Вот и пусть отдыхает, не станем его тревожить. Хорошо, красавица?

Есаул протянул девушке крупное красное яблоко и она, смирившись, взяла его и отступила:

— Только не долго.

— Договорились.

Медсестра ушла. Тихоновский присел на стул рядом с койкой и задал основной для себя вопрос:

— Когда вернешься в строй?

— Три-четыре дня и меня выпишут. Так врач говорит.

— Хороший специалист?

— Да. Наш, из казаков.

— Это отличная новость. А то ты нам нужен.

— Зачем? Столько дней не вспоминал никто.

— Ты не обижайся, Андрей. Во-первых, к тебе никого не пускали, а мы не настаивали.

А во-вторых, мой молодой брат-казак, было туго со временем.

— Да я не обижаюсь. Просто скучно тут и тоска уже заела. Как Круг прошел? Знаю, что мы теперь живем в Доно-Кавказском Союзе, а больше ничего.

— Все верно. Круг прошел и теперь есть Доно-Кавказский Союз. Гостей было... Маме дорогая... Со всей Европы казаки съехались, делегаты от всех организаций и общин. А помимо того станичные и окружные атаманы. Ну и командиры боевых частей, конечно. Это не считая штабистов и тыловиков. Человек пятьсот собралось. Немцев и духовенство не допустили. Из принципа.

— И немцы утерлись?

— А чего им? Они и так знали, что будет решаться и что выйдет в итоге.

— Ясно. Кто из заметных фигур приехал?

— Шкуро, Науменко, Балабин, Кононов, Татаркин, Вдовенко, Дьяконов, Зборовский, Лобов, Свечников, Соломахин, Ляхов, Силкин, Абрамов... В основном военные, а гражданских мало. Были представители ВКД — Вольно-Казачьего движения, журналисты инженеры и прочие. Но силы за ними нет, и они просто наблюдали. Захотят, будут участвовать в работе какого-нибудь комитета или министерства, а нет, так и не надо.

— А дальше что?

— Как и планировали. Кругом назначен Главком, разумеется, Петр Николаевич Краснов, и создана рабочая группа по формированию правительства. Сам понимаешь, надо

министерства создавать и портфели делить. А немцы на местах уже начинают передавать нам власть. Хотя сегодня у них заминка.

— Какая?

Тихоновский посмотрел в сторону закрытой двери и снова повернулся ко мне, понизил голос и сказал:

— Немцы под Москвой по сусалам получают. Большевики ударили так, как никогда раньше не ударяли. Двумя клиньями бьют и немцев в котел загоняют. Один клин пошел от Зарайска на Серебряные Пруды и Тулу, а затем повернул на Ревякино и Алексин. Другой наступает от Орехово-Зуево на Раменское и Подольск. Еще немного и получится колечко, в котором окажутся сразу десять дивизий. У большевиков превосходство во всем. По пехоте в два раза, по танкам и самолетам в полтора, а по самолетам в два с половиной. Рвут и мечут, а немцы не могут их остановить.

— Откуда такие сведения? Совинформбюро?

— Нет. Там подробностей не скажут, только названия населенных пунктов мелькают. От генерала Туркула. Он сейчас командует 2-м корпусом РОА, который прикрывает тылы группы армий "Центр", и постоянно докладывает Трухину, что у него происходит. А уже из штаба РОА информация пошла гулять, от одного офицера к другому.

— А в Сталинграде что?

— Германское командование срочно перебрасывает к Москве резервы группы армий "Центр" и пару дивизий из 1-й танковой армии. Как ни крути, немцам сейчас тяжело и они замялись. Штурм Царицына продолжается, но накал упал.

Краткая пауза, я не знал о чем еще спросить Тихоновского и он снова заговорил:

— Ладно, что происходит в Москве и Царицыне нас пока напрямую не касается. Хочешь узнать, что я для тебя приготовил?

— Хотелось бы.

— Наша Комиссия расформирована. Однако мы показали себя с самой наилучшей стороны, и офицеры Комиссии переводятся в отдел "Контроль", который возглавит Иванов. Будем выполнять особые поручения правительства ДКС. Сейчас пока затишье. Но я уверен, что работы у нас с тобой будет много. Главное — скорее поправляйся. Для тебя особое задание — сформировать группу бойцов, которые будут способны решать силовые задачи.

— А Беринг? У него уже есть отряд. Он мог бы этим заниматься.

— "Фалширм" за линией фронта, в тылу советских войск. Когда отряд вернется и в каком составе неизвестно. А работать надо уже сейчас.

— Кому будем подчиняться?

— Непосредственно Краснову и еще кое-кому.

— Кому именно, не темни.

— СВР.

— Подробней про задачи расскажи.

— Об этом поговорим потом. Когда сил наберешься.

— Ну, хоть намекни. Мне нужно знать, кого в группу набирать, ее численность, что казакам обещать и так далее.

— Все потом, Андрей, — Тихоновский засобирался.

Мне показалось, что он сам не знал ответы на мои вопросы. Поэтому решил уйти. А я его не задерживал. Взял фрукты и проводил начальника к выходу.

Тихоновский ушел, а я задержался в коридоре, потому что увидел знакомое лицо.

Навстречу мне, в сопровождении медсестры, шла милостивая русоволосая девушка в больничной пижаме. Левая рука в гипсе и на перевязи. Сначала я не понял, кто это. Немного напряг память и все вспомнил. Да ведь это Аня, проводница, которая вместе с отрядом "Фалширм" выбрасывалась в Абхазию.

Я молчал, не звал ее и не окликал. Просто наблюдал. А она почувствовала мой взгляд, обернулась и посмотрела на меня. После чего кивнула, словно старому знакомому, и я ответил.

Девушка и медсестра скрылись за поворотом, а я подумал, что надо будет навестить девушку, все равно мне заняться нечем, и направился в палату.

41.

Серпухов. 16–23.09.1942.

Из мемуаров генерала Антона Васильевича Туркула:

"В конце 1941-го года я оказался на распутье. Должен признать, что моя идея о создании Русского Национального Союза Участников Войны (РНСУВ) провалилась. Средств к существованию не было. На моей Родине шла война. Я оказался никому не нужен и не знал, что делать. Словно выброшенный на необитаемый остров скиталец я сидел на берегу, всматривался вдаль и ждал, когда появится спасительный парус. А его все не было, и я уже был близок к отчаянию. Но совершенно неожиданно ко мне прибыл личный порученец командующего РОА генерала Трухина. Он доставил письмо, в котором Трухин просил о встрече и приглашал меня в Берлин.

Я заколебался. С одной стороны Трухин бывший красный командир и враг, перебежчик и предатель, который нарушил присягу, а я командир доблестной Дроздовской дивизии. А с другой стороны Трухин русский дворянин, который совершил ошибку, осознал ее и борется с большевиками.

Впрочем, я размышлял недолго, принял предложение командующего РОА и отправился в Берлин.

Мы встретились в штабе Русской Освободительной Армии, в кабинете Трухина, и разговаривали два часа. Кроме нас никого больше не было и о чем мы беседовали, я сохранил в тайне. Скажу только, что Трухин предложил мне занять пост начальника управления формирования частей РОА, и я согласился. После чего сразу погрузился в работу и вполне с ней справлялся. Мое управление вытаскивало бывших красноармейцев из концентрационных лагерей и проводило набор добровольцев на оккупированных территориях Украины, Белоруссии, Прибалтики и России, а затем отправляло будущих воинов в места формирования частей Русской Армии.

Отбор личного состава и подбор командиров, снабжение дивизий и их вооружение — все это было в нашей компетенции и, смею надеяться, я сделал все, что был должен, и даже чуточку больше. Однако летом 1942-го года мне пришлось возглавить 2-й корпус РОА, который перебрасывался под Москву. В первую очередь по той причине, что не нашлось никого лучше. А во вторую потому, что я рвался на Родину. Эти две причины сделали свое дело, и в июне месяце я уже прибыл в расположение корпуса, который сосредоточился в тылах группы армий "Центр".

Скажу прямо — отношение германского командования к нам, своим союзникам, несмотря на наши многочисленные жертвы, принесенные на алтарь общей победы, было достаточно пренебрежительное. Командующий группы армий "Центр" генерал-фельдмаршал

Гюнтер фон Клюге при личной встрече сразу дал это понять. А командующий 4-й полевой армии генерал-полковник Готхард Хейнрици, которому я непосредственно подчинялся, его поддерживал. Ну и, конечно, это сказывалось на снабжении корпуса и задачах, которые он выполнял. Германские генералы попытались растащить дивизии РОА на батальоны и полки, которые будут заниматься охраной тылов, борьбой с партизанами и реквизициями у местного населения. Я решил не допустить этого и сделал все, чтобы корпус оставался в кулаке. Даже пришлось звонить в Берлин, и после ряда консультаций с Генеральным Штабом генерал Хейнрици отменил свой приказ, 2-й корпус был сосредоточен в летних лагерях под Вязьмой, и проблема снабжения была частично решена. При этом я прекрасно понимал, что вступив в конфронтацию с германскими генералами, могу за это поплатиться. Но на тот момент данный факт меня не беспокоил, и я стал готовить корпус к боям с большевиками.

На начальном этапе 2-й корпус РОА состоял из двух дивизий, 1-й и 5-й пехотных, которыми командовали бывшие советские командиры. Комдив-1 Григорий Александрович Зверев. Комдив-5 Михаил Алексеевич Менандров. Каждая дивизия на 70 процентов состояла из пленных красноармейцев, которые были дополнены добровольцами. Контингент ненадежный. Но в середине августа в подчинение корпуса была передана отдельная пехотная бригада Бориса Алексеевича Смысловского, которая была сформирована в Европе из русских эмигрантов, и я принял решение разбавить дивизии более надежными кадрами. Правда, сопровождалось переформирование спорами с командиром бригады, который не желал делиться людьми и принимать к себе "красногадов". Однако при помощи моего начальника штаба Владимира Владимировича Крейтнера мне удалось убедить Смысловского и он смирился.

Проблем было много. Не хватало вооружения и продовольствия, транспорта и обмундирования. Артиллерия дивизий состояла из трофейных пушек, многие из которых имели полученные в ходе боев повреждения. Между офицерами и солдатами происходили стычки, и за август месяц дезертировало пятьдесят человек. Однако, с грехом пополам, командирам подразделений и штабу корпуса удалось создать из того, что мы имели, вполне боеспособные соединения. Поэтому, когда началось наступление большевиков, немцы вспомнили о нас, и я получил приказ о переброске корпуса в район Серпухова, мы были готовы.

Уже 16-го сентября эшелоны 2-го корпуса РОА прибыли в Серпухов. Началась выгрузка личного состава и материальной части, которая прерывалась бомбардировками советской авиации, а я попытался разобраться в обстановке.

Советские войска, 2-я и 3-я ударные армии, а так же 1-я танковая, имея численное превосходство и, добившись господства в воздухе, решили окружить немецкие войска в Серпухове и Кашире. Удары в лоб на Москву успеха не принесли, и большевики поступили хитрее. А германское командование, которое знало о планах советских военачальников, считало, что без особого труда остановит очередное наступление противника, и просчиталось. Механизированные и танковые бригады большевиков, не опасаясь ударов Люфтваффе, после мощной артподготовки прорвали оборону немцев в районе Раменского и Зарайска, а затем стальным катком прошли по тылам 4-й полевой армии. С нашего левого фланга пал Подольск, а с правого большевики захватили Серебряные Пруды, Тулу, Ревякино и Алексин. Если падут Таруса и Боровск, мы окажемся в кольце. Разумеется, не одни. Помимо нас в Серпухове и Кашире находились немцы: 10-я, 14-я, 98-я, 260-я, 263-я, 268-я

пехотные, части 203-й охранной и 7-й танковой дивизий. А помимо того 1-я дивизия Белорусской Краевой Обороны (БКА) и два полка моторизованной дивизии "Галичина" Украинской Народной Армии (УНР). Командовал всеми этими силами командир 54-го армейского корпуса генерал Фридрих Хоссбах, умелый вояка, который выполнял приказ держаться и не отступать. Видимо, командование группы армий надеялось перемолоть лучшие части большевиков, а затем нанести из Серпухова фланговый удар на Тулу и отсечь дивизии 2-й Ударной армии генерала Власова от основных сил Западного фронта.

Обе стороны бросали в сражение все новые дивизии, бригады и полки. В небе постоянно происходили ожесточенные схватки. Артиллерия била без перерывов. Находиться в городе было опасно и 17-го сентября штаб моего корпуса, вслед за дивизиями, оказался на северном участке обороны 54-го армейского корпуса в двадцати километрах от Серпухова.

В течение 18-го и 19-го сентября мои дивизии и бригада Смысловского зарывались в землю. Мы держали дорогу на Москву и прикрывали Серпухов с севера. Справа от нас находились немцы, полки 14-й пехотной дивизии. А слева белорусы. Мы ждали наступления противника и вели разведку. Однако ничего не происходило. На нашем участке фронта все было относительно спокойно, до тех пор, пока 20-го сентября мы не узнали, что оказались в котле. Немцы, несмотря на уверенность в своих силах, все-таки не удержали Тарусу и Боровск, а большевики замкнули кольцо и стали его сдавливать.

Тем же вечером я был вызван в штаб генерала Хоссбаха, где прошло общее совещание высших офицеров оборонительного сектора Кашира-Серпухов. Длинных речей никто не произносил. Разговоры сугубо по делу и в основном говорили генерал Хоссбах и командир 12-го армейского корпуса генерал Вальтер Гресснер.

Штаб группы армий "Центр" приказывал оставить Каширу и стянуть все силы к Серпухову. Нас обещали деблокировать, ударить от Калуги на Тарусу и пробить оборону Красной армии. Однако нам предстояло нанести встречный удар и сделать это должны были моторизованные части 7-й танковой дивизии при поддержке 260-й пехотной. Моим дивизиям предписывалось держать оборону.

"Слава богу, что не мне придется пробивать спасительный коридор", — подумал я, покидая штаб, и встретил поджидавших меня "соседей". Это были командир 1-й белорусской дивизии полковник Зигфрид Отт (немец) и его заместитель по идеологии, можно сказать, политрук, Франтишек Кушель (белорус). Они попросили о помощи. Часть белорусов собиралась при первой возможности перебраться на сторону большевиков, и им требовалось усиление, хотя бы один батальон из бригады Смысловского. Я пообещал помочь, мы ударили по рукам и я вернулся в расположение корпуса. Однако поддержать соседей не успел.

С наступлением темноты наши позиции подверглись массированному артиллерийскому обстрелу. Такого я не видел даже в Великую войну и в Гражданскую. Земля сотрясалась от взрывов, и казалось, что вот-вот разверзнутся врата ада. Продолжалось это час, а затем с севера, со стороны Подольска, появились советские войска. Они шли в наступление ночью и не терялись. Было заметно, что противник ведет себя уверенно, и он хорошо подготовлен. Основной натиск приняла на себя 5-я пехотная дивизия, и она не отступила. Наступление противника было отбито с большими потерями для большевиков, и снова начался артиллерийский обстрел.

К утру 21-го сентября потери моего корпуса, в основном от действия вражеской артиллерии, перевалили за четыре тысячи только убитыми. Однако мы держались, отошли

на запасные позиции и снова сели в оборону. Сосед справа, немцы, удержался. А вот белорусы не выдержали и начали отступление, которое очень быстро переросло в бегство. Они сдавались большевикам или драпали к Серпухову, словно там их могли защитить. Мой фланг обнажился, и я прикрыл его бригадой Смысловского, которую старался беречь.

В полдень снова началось наступление советских войск. Противник бросил против нас две танковые бригады, одна из которых почти целиком состояла из тяжелых машин КВ-1. Наши орудия калибром 45 и 76-мм не могли их остановить и вскоре 5-я дивизия, как боевая единица, перестала существовать. Я не осуждаю солдат, которые сдавались большевикам, они не выдержали и немногие, находясь на их месте, смогли бы проявить упорство и погибнуть. Я видел танки врага, быстрые Т-34 и грозные КВ-1, которые не боялись снарядов и сминали траками наши пушки, а потом ворвались в тыл и прокатились по переполненному госпиталю. Поэтому знаю, о чем говорю, и все, что я мог в этот момент сделать, отдать приказ на очередной отход.

К счастью, опасаясь ловушки, противник нас не преследовал. Остатки 5-й дивизии, изрядно побитая 1-я дивизия и потерявшая двадцать процентов личного состава бригада Смысловского заняли оборону на северной окраине Серпухова. Немецкие танки не смогли прорваться к нам на помощь из Калуги, а наша ударная группировка оказалась под бомбами советской авиации, понесла серьезные потери и тоже отступила. Пехотные дивизии, которые оставались в Кашире, уже были от нас отрезаны и оказались в двойном кольце. Приказ из штаба 4-й полевой армии был неоднозначен — держаться!

На следующий день Серпухов подвергся серии авианалетов. Советские бомбардировщики и штурмовики сбросили на город тысячи тонн авиабомб, а после полудня нас впервые обстреляли РСы, которые большевики называют "катюшами", а немцы "сталинскими органами". Многие люди сходили с ума, слепли и глохли, а госпиталя были переполнены. Но мы продолжали держаться. Несмотря на огромные потери, мы сражались, и артиллеристы 1-й пехотной дивизии РОА смогли отразить атаку советских "тридцатьчетверок". За полчаса боя они сожгли полтора десятка боевых машин и показали свое мастерство.

Ночью обстрелы не прекращались. Немецкая артиллерия отвечала, но перевес был на стороне противника. Кольцо вокруг нас продолжало сжиматься, и превращенный в руины Серпухов пылал. Потери были настолько огромными, а вражеский огонь таким сильным, что многие отчаялись и перестали верить в помощь. Однако на рассвете появилась немецкая авиация. Оголив другие участки Восточного фронта, генералы Люфтваффе стянули на подмосковные аэродромы значительные силы и очистили небо. А затем в наступление на Тарусу пошли две элитные немецкие дивизии, мотопехотная "Великая Германия" и 1-я танковая. Сломив сопротивление большевиков, они пробили спасительный коридор и нас деблокировали. Четыре немецкие пехотные дивизии и полки украинцев, которые обороняли Каширу, к этому времени были полностью уничтожены и перестали существовать"...

42.

Новочеркасск. 30.10.1942.

Я проснулся раньше Анны и, глядя на нее, улыбался. Мне было хорошо и, повернувшись набок, я не шевелился. Хотел продлить момент покоя и любоваться девушкой, которая вот уже две недели делила со мной постель. Она обычная. Среднего роста. Худенькая. Волосы коротко стрижены, а губы тонкие. Аня не из тех ослепительных фигуристых сердцеедок,

которые сразу привлекают внимание мужчин. Но я любил или, по крайней мере, испытывал по отношению к ней серьезное чувство. В этом я пока до конца не разобрался и, честно говоря, не хотел об этом думать. Главное — она рядом, мы вместе и у нас все хорошо.

Так случилось, что наша встреча в госпитале получила продолжение. Я не знал, какое именно положение она занимает в структуре Абвера и надеялся, что Анна знает о судьбе отряда "Фалширм" больше меня. Поэтому сначала навестил ее на всякий случай, пообщаться, и мы перекинулись несколькими фразами. Как дела? Нормально. Что с рукой? Сломала. А ты почему здесь? Старые раны дали о себе знать. Когда на выписку? Скоро. А ты? Врач сказал, что задержусь минимум на десять дней. Ребят из "Фалширма" не видела? Нет, больше не пересекались. Выздоровливай. Ты тоже.

Разговор ни о чем. Но во время него я посмотрел в ее голубые глаза и осознал, что тону в них. После чего сердце забилось чаще, а в районе солнечного сплетения, словно образовался комок. Необычное чувство. Ничего подобного я раньше не испытывал, а затем, покинув ее палату, никак не мог придти в себя. Мне хотелось увидеть девушку снова, хотя бы ненадолго, и снова посмотреть в ее глаза.

С трудом я заставил себя сохранять спокойствие, а ночью мне приснилась Анна. Спал беспокойно и на следующий день, прихватив пару яблок, я снова отправился к ней. Она меня не прогоняла и мы разговорились. Слово за слово, я поведал о своей жизни, а она о своей. Судьба ее тоже помотала. Дочка донского казака и русской дворянки, которые сошлись в лихие годы Гражданской войны и поселились в Гаграх. Фамилия — Петренко. Двадцать лет, хотя на вид не старше семнадцати. Благодаря домашнему воспитанию она свободно владела французским и немецким языками. Отец пропал сразу после ее рождения, предположительно, погиб в горах, когда вместе с группой контрабандистов тащил груз кубанским повстанцам и попал под снежную лавину. Мать умерла перед самой войной, долго болела и однажды просто не проснулась. А девушка, к тому времени уже комсомолка, парашютистка и опытный турист, по мобилизации оказалась в Ростове-на-Дону, служила переводчиком при штабе Новороссийской стрелковой дивизии, и один из тыловых полковников положил на нее глаз. Эта скотина ее едва не изнасиловала, и Анна пырнула его ножом. Не насмерть, но все-таки это грозило последствиями и она, перепугавшись, дезертировала и спряталась в городе. А когда советские войска отступили, Аня добровольно явилась в комендатуру и моментально попала под крыло Абвера.

Если бы отряду "Фалширм" срочно не понадобились проводники, которые хорошо знают Абхазию, скорее всего, после допросов, ее отпустили бы на все четыре стороны или отправили в школу агентов. Но девушке пришлось поучаствовать в спасении турок, а затем ее отправили на учебу. Курсы были краткосрочными и Анну собирались снова выбросить в тыл советских войск, но девушке повезло, она сломала руку и оказалась в госпитале.

Выслушав историю Анны, я решил, что нужно ее вытащить из-под опеки Абвера. Но как? Сам по себе я этого не сделаю. Единственный вариант — обратиться к Тихоновскому. Пусть помогает, а я отслужу.

Анна не поверила, что у меня получится добиться ее освобождения, иначе мы это не называли, но не возражала. А я был полон решимости добиться своего и у меня все получилось. Тихоновский, выслушав мои сбивчивые объяснения, осуждающе покачал головой и попытался меня отговорить. Мол, не забивай себе голову, Андрей. Посмотри, сколько вокруг смачных девок, выбирай любую. Но я уперся и Тихоновский пообещал помочь. А спустя пару дней вопрос был решен. Каким образом? Я попытался это узнать у

Тихоновского и он сказал, что позвонил в Берлин, своему куратору от СВР, а тот попросил о содействии друзей из Абвера..

Вывод я сделал верный — куратор Тихоновского, следовательно, и мой, человек не простой. Хотя бы потому, что приказ о переводе Анны из армейской разведки в Управление Казачьих Формирований отдал начальник отдела Абвер II (теракты, диверсии, особые задачи) Вессель Фрейтаг фон Лорингофен. Может и не лично, а кто-то из его приближенных. Но все равно, каков уровень? Более чем серьезный.

Девушка получила свободу и когда она вышла из госпиталя, я отвез ее на свою квартиру, и мы стали жить, словно семья. А недавно Анна получила должность переводчика в штабе УКФ, и мы часто пересекались на службе. А что касательно меня, то я сформировал группу боевиков, которая вошла в отдел "Контроль". Пока собирал бойцов, был занят исключительно этим. Но пару дней назад все затихло, вошло в колею, и вот тут я снова задумался над тем, кому мы на самом деле служим.

Официально отдел "Контроль" подчиняется Петру Николаевичу Краснову, но Иванов и Тихоновский, которые по-прежнему оставались моими начальниками, вели себя достаточно независимо. При этом они неоднократно подчеркивали, что над нами СВР — Союз Возрождения России. Что же это за Союз такой, таинственный и очень влиятельный? Я долго ломал над этим голову, пытался сложить кусочки мозаики и в итоге решил, что СВР очень мощная организация монархистов. Почему? Во-первых, Петр Николаевич Краснов и другие атаманы не потерпели бы рядом с собой чужаков, которые ведут собственную игру. А чужаки в данном случае практически все белогвардейские генералы, представители не казачьих эмигрантских организаций и офицеры РОА. Другое дело монархисты — большинство старых казаков испытывали ностальгию по тем временам, когда в Москве сидел царь. Ну и, во-вторых, я отслеживал реакцию своих начальников на те или иные события. И когда речь заходила о членах семьи Романовых, великом князе Владимире Кирилловиче и возможности возродить монархию, они заметно оживлялись.

Не факт, что я прав. Совсем не факт. Но пока все, что вокруг происходило, подтверждало мои выводы. Я казак, боевик и командир отдельной группы, проживаю на территории Доно-Кавказского Союза, который пока никто кроме немцев и их союзников не признал, и служу имперцам-монархистам. Однако меня это не волновало. Империя это не плохо, хотя вести какую-то тайную игру, точнее, быть инструментом в ней, не хотелось. Но кого интересуется мое мнение? По большому счету, никого. Я это прекрасно понимал и делал, что должен.

А теперь о боевой группе "Контроля". Вместе со мной в ней тринадцать человек: Сахно и Сотников, а так же казаки, которых мы знали. Как правило, все они успели повоевать, средний возраст двадцать шесть лет, донцы, кубанцы и пара терцев. На вооружении пистолеты ТТ, автоматы ППД и пара ручных пулеметов Дегтярева. База в частном доме недалеко от Атаманского дворца, где сейчас заседает правительство Доно-Кавказского Союза. Жалованье в немецких рейхсмарках, что очень неплохо, поскольку в РОА использовались более дешевые оккупационные марки. И знали о нашем существовании немногие. Разумеется, Иванов и Тихоновский, которые часто сопровождали высших чинов ДКС в поездках, Краснов-старший и Краснов-средний, а так же командир Атаманской конвойной сотни войсковой старшина Константинов и комендант Новочеркаска генерал-майор Седых. Тренировочный лагерь на левом берегу Дона, кстати, всего в пяти километрах от базы отряда "Фалширм", который до сих пор бродит по тылам большевиков. Боевых задач

пока нет. Однако сегодня все должно измениться и нам придется поработать...

Прерывая мои размышления, Анна сонно повела плечиками и открыла глаза. Я продолжал на нее смотреть и она, заметив это, лучезарно улыбнулась и сказала:

— Доброе утро, милый.

— Доброе утро, дорогая, — отозвался я.

— Давно ты за мной наблюдаешь?

— Не очень, минут десять.

— Сколько сейчас времени?

— Почти семь.

— Пора вставать.

— Да, — согласился я с ней и поцеловал девушку в губы.

Мы покинули постель и спустя час, позавтракав, покинули съемную квартиру. Анна была строгом деловом костюме, в легком полупальто и шляпке, вид очень интеллигентный и заметно, что в ней течет дворянская кровь. На мне немецкий офицерский мундир без знаков различия, поверх него перетянутая ремнями бекеша, на голове кубанка, а на ремне, разумеется, пистолет. Кинжал и пашку носил редко, только под черкеску.

Прежде, чем отправиться на базу, я проводил Анну. Сегодня в Новочеркасск прибывает французская делегация, и она понадобится. Понятно, что среди высшего казачьего генералитета и немногочисленного дворянства многие свободно владеют французским языком. Но необходимо соблюдать протокол и кто-то обязан вести стенограмму переговоров. Так что денек у Анны намечается не из легких.

Девушка предъявила пропуск казакам охранной сотни, которые оберегали правительство Доно-Кавказского Союза от врагов, и вошла в Атаманский дворец. Ну а я посмотрел на мрачное октябрьское небо и пошел по своим делам.

Личный состав группы был на месте, и я принял доклад дежурного, который оставался на базе ночью. Как обычно, без происшествий.

Я прислушался к шуму дождя, который забарабанил по жестяной крыше, удовлетворенно кивнул и заварил чай. После чего подсел к казакам, которые расположились вокруг печки и гутарили за жизнь. Только сделал первый глоток, как появился Тихоновский. Он был весел и на ходу стряхивал с папахи дождевые капли.

Пришлось встать, все-таки начальник прибыл, поприветствовать его и проводить в отдельную комнату.

— Готов послужить Родине, Андрей? — присаживаясь за стол, спросил Тихоновский.

— Всегда готов, — без особого энтузиазма ответил я и расположился напротив него.

— А личный состав как?

— Рвется в бой.

— Это хорошо.

— Ага, — согласился я и вопросительно кивнул: — Что за работа намечается?

— Придется уголовников подчистить.

— А полиция и жандармы уже не в счет?

— Они не справляются.

— Предлагаешь нам взять на себя поимку преступников?

— Нет. Предлагаю твоей группе их уничтожать.

— А вот это уже интересно. Излагай.

Расклад, который дал Тихоновский, был следующим. Немцы продолжают передачу

власти казачьим органам управления. Своей полиции у нас практически нет, а германцам ловить жуликов не интересно. Особенно если они не пытаются обманывать и грабить солдат Вермахта. А уголовники, которых в Ростове всегда было немало, сразу это почуяли и активизировались. Количество разбоев возросло втрое и есть достоверная информация, что некоторые преступные паханы активно помогают большевистскому подполью. Вступать с уголовниками в прямую борьбу наши атаманы не хотели, слишком много возни. А вот проредить ряды бандитов и заставить жуликов залечь на дно не так уж и сложно. При условии, что есть группа исполнителей (это про нас), которые не боятся крови, хорошо подготовлены и готовы выполнить любой приказ.

Разработка операций на мне. Работаем в пределах Ростова. Докладываю лично Тихоновскому, который прикрывает нас от полиции и немцев. Всех бандитов, которые могут представлять интерес, брать в плен и вывозить на Левбердон, где на базе с ними будут разбираться специалисты. Захваченное оружие и ценности складировать там же.

В общем, для меня практически полная свобода и я был доволен. Благое дело собираемся проверить и казакам есть, где развернуться.

43.

Новочеркасск. 03.11.1942.

Время за полночь. Холодный дождь поливал город и, плотнее закутавшись в плащ, я стоял под деревом. Ростов спал, а я ждал появления Сахно и Дзюбы.

Нам дали боевую задачу — истреблять криминалитет. Не весь, ибо это в принципе невозможно, но проредить его и заставить уйти в глубокое подполье. В Новочеркасске наведением порядка займется Атаманская конвойная сотня, которой помогут части гарнизона и полиция. Там все будет по закону. А моя группа и еще пара подобных подразделений переброшены в Ростов-на-Дону. Работу делаем тайно. Прикрытие есть, но полицейские о нашем присутствии в городе пока не подозревают. Вот если попадемся, тогда Тихоновский выручит. Однако лучше не попадаться. Поэтому мы все по гражданке и первая акция пройдет невдалеке от речного порта. Здесь много старых трущоб и бандитских малин. Некоторые адреса у нас имеются, сами узнали, не обращаясь к помощи полиции. Особенно в этом вопросе помог Гриша Дзюба. Он последние десять лет проживал в Ростове и промышлял грабежом. Свой человек в криминальном мире города, довольно авторитетный. Мог бы и дальше жить по законам уголовного мира, но он казак. Воры для него никогда не были своими, и среди них Дзюба оказался потому, что не было иного выхода. А когда представилась возможность, сразу явился в штаб 1-й казачьей дивизии, а уже оттуда был направлен в Персиановский учебный лагерь и ко мне.

Кстати, пока нет разведчиков, можно рассказать его историю, которая тесно сплетена с судьбой героя казачьего народа Никиты Анисимовича Козлова...

В предгорьях Кавказа, в Лабинском отделе, есть станица Безстрашная. Проживают в ней кубанские казаки и когда большевики стали уничтожать наш народ, атаман станицы Никита Козлов увел в горы небольшой отряд. Степан Дзюба был его дальним родичем и самым молодым бойцом в этом партизанском отряде. Времечко было лихое и злое. Большевики сжигали непокорные станицы, забирали у казаков последнее и выселяли их с родных мест. А потом они удивлялись, отчего казаки сопротивляются и так их ненавидят? Сволочи и ублюдки. Они были достойны смерти, и казаки атамана Козлова мстили за смерть своих родных и не сдавались. Они действовали в районе Приурупья, прекрасно знали местность,

отлично стреляли и были очень хорошо подготовлены. Только сунутся красные каратели в зеленку и сразу у них потери. Отойдут на перегруппировку, а казаки входят в станицы и хутора.

Год проходил за годом, а советская власть никак не могла одолеть Козлова и его казаков. Все преступления в округе списывались на Никиту Анисимовича и за его голову давали большую награду. Но это не помогало. Казаки, кто жил при советской власти в станицах, не верили большевикам. А горцы-имеретинцы, с которыми казаки крепко сдружились, помогали им и укрывали. Однако воинов в отряде Козлова становилось все меньше. Кто погиб, кто попался чекистам, когда навещал семью, кто разочаровался и ушел за границу, а кто-то получил травму или тяжело заболел. Только Козлов все равно продолжал борьбу и рядом с ним находились его близкие, жена Харитина, сын Яков и дочь Полина. Дети атамана выросли в лесу и воевали наравне с матерыми казаками. Подростки стреляли "на звук" так, что ни одной пули мимо. Лес и горы знали превосходно и за сутки могли пройти по хребтам до пятидесяти километров. А еще Полина, которая, по словам Степана, была редкой красавицей, помимо всего прочего в искусстве верховой езды не уступала самым лучшим джигитам.

Однако сколь веревочке не виться, а конец один. В одном из боев, когда красноармейцы окружили отряд Козлова, была ранена Харитина. Казаки вырвались, и атаман отправил жену на лечение в станицу Спокойная, а дети находились с ней. Чекисты об этом узнали, но сначала семью не трогали. Видимо, надеялись выманить Козлова. Но Никита Анисимович не появлялся, а Харитине становилось хуже, и ей ампутировали руку. После чего большевики не выдержали, схватили женщину и отправили в Армавирскую тюрьму, где она и пропала. А вот дети скрылись и снова оказались в отряде.

Примерно в это же время получил ранение Степан Дзюба. Его спрятали горцы и что происходило потом он узнал от других людей. Во время очередного поиска в горах сотрудник НКВД Иван Беспалов, рабочий двадцатипятилетний, пошел к реке попить воды и столкнулся с Яковом Козловым. Мальчишка прыгнул на коня и давай удирать, а чекист выстрелил ему вслед и попал. Рана оказалась смертельной и Яков умер.

Смерть родственников повлияла на атамана. Он загрустил, временно утратил волю к борьбе и отряд распался. Кто не погиб, тот ушел в Грузию или сдался большевикам. Никита Анисимович остался в лесу вместе с дочерью. Нужно было кормиться и жить дальше. Мясо, ягоды и съедобные корни добывались в лесу, но помимо этого требовалась мука и соль. Все это Козлову давали станичные пасечники. И один из них, некто Скупко, предал атамана.

Чекисты устроили на Козлова засаду, и когда он в очередной раз появился на пасеке, все тот же сотрудник НКВД Беспалов выстрелил в него и снова не промазал. Никита Анисимович погиб сразу, но рядом была Полина, и она стала отстреливаться. Первым выстрелом убила предателя-пасечника. Вторым одного из чекистов, который не успел залечь. А третью пулю послала в тело уже мертвого отца. Все по уговору партизан — в плен не сдаваться, если рана тяжелая или нет уверенности, что погиб, свои обязаны добить.

Тело мертвого атамана привезли в станицу Подгорная. Там его фотографировали, а затем Козлову отрезали голову. Ее отвезли в станицу Отрадная, где она три дня простояла на почте, чтобы все видели — мертв Никита Анисимович, советская власть его победила. После чего голову заспиртовали и отправили в Москву. А тело казака после издевательств и глумлений выволокли на берег реки рядом со станицей Подгорная, облили бензином и подожгли. Целиком оно не сгорело и местные мальчишки-пастухи тем же вечером при

помощи сердобольной казачки его похоронили.

Отец погиб и Полина, не зная, что делать дальше и ради чего жить, пошла в Безстрашную. Она решила сдаться, но члены станичного Совета, увидев ее с винтовкой на плече, повыпрыгивали в окна и разбежались. Полина зашла в здание Совета и стала ждать. Никто не появлялся и, оставив винтовку и бурку, девушка ушла из станицы.

Когда появились чекисты, в погоню за Полиной направили группу. Большевики не надеялись ее отыскать, но девушка не пряталась. Она находилась возле ручья и мыла голову. Сдалась добровольно и, как мать, сгинула в Армавирской тюрьме.

Степан Дзюба появился в Безстрашной через три дня. Подходил к концу 1930-й год. Он смог узнать новости и едва не попался чекистам. В одиночку напасть на тюрьму казак не мог и стал искать помощников. Но таковых не отыскалось, и когда он узнал, что Полины, скорее всего, уже нет в живых, Степан пошел бродить по белу свету и, в конце концов, оказался в Ростове. По мере сил вредил большевикам. Особенно в 32-м году, когда коммунисты давили восстание в Тихорецкой. И все эти годы ждал своего часа.

Такая вот история и после этого кто-то скажет, что с большевиками можно жить в мире? Нет. Наверное, не выйдет...

На темной улочке появились два человека. Это были Сахно и Дзюба. Я подозвал их и спросил:

— Ну как?

Ответил Степан:

— Порядок, командир. Воры на месте. Вся банда Егорши Чирика.

— Гуляют?

— Да, — Дзюба кивнул. — Самое время их накрыть. Они в подвале дома, обжили его. Никого не боятся, двери открыты. Охранников снаружи всего двое, убрать легко, обычные наглые босяки. А потом войдем и всех повяжем. Если не получится, сразу начнем отстрел. Медлить не надо, а то дверь закроют, придется ее ломать — это лишний шум и воры успеют подготовиться к обороне.

— Ты прав, Степан, — согласился я с ним и посмотрел на Сахно: — Ваня, собирай казаков. Через пять минут начинаем. Главаря надо взять живьем.

Сахно нырнул в темноту и словно растворился в ней, а я смахнул с лица дождевые капли и поинтересовался у Степана:

— Ты этого Егоршу хорошо знаешь?

Дзюба ответил сразу:

— Три года в его банде был.

— И что, серьезный вор?

— Серьезный. Хотя на показ ничего не делает. Не любит дешевых понтов и старается свои дела проворачивать тихо.

— Если придется в него стрелять, рука не дрогнет?

— Обижаешь, командир. Кто он, а кто я? Это же вор. На нем кровь, разбои и грабежи. А мы казаки и находимся на родной земле. Если свое что-то создаем, он и подобные ему люди нам не нужны. Порядок должен быть на казачьей земле.

— Правильно мыслишь, Степан.

— Я знаю. — В его голосе появилась легкая усмешка, все-таки он старше меня, а я его поучаю, но затем он добавил: — У Егорши, кстати, есть казна. Как сейчас, не знаю, а раньше он при себе солидные средства держал и несколько тайников имел.

— Общак? — уточнил я.

— Нет. Его личная копилка. Он хоть и вор, но мечты у него, словно у аристократа, собрать побольше ценного и свалить за границу.

— Это хорошо. Нам его копилка пригодится, сдадим начальству.

— А может...

Степан запнулся и я понимал, что он хотел сказать. Зачем сдавать добычу Тихоновскому, если можно прибрать все ценное себе? Честно говоря, я и сам об этом думал. Однако решил не наглеть. Всему свой черед. Будет возможность не делиться с начальниками, приберем трофеи себе. А сейчас в операции задействовано тринадцать человек, хоть один, но проболтается. Да и главарь, которого я обещал отдать Тихоновскому, наверняка, расскажет, что в его казне было и сколько в городе тайников. Следовательно, рисковать не стоит.

— Никаких "может", Степан, — сказал я казаку и добавил: — Не сейчас.

— Понял тебя, командир.

Снова на улице движение. Казаки стягивались к логову воров, которые уверовали в свою безнаказанность и отмечали очередной удачный налет. Мы знали, что они сделали. В полдень воры совершили дерзкий набег на речной порт, запугали рабочих, разоружили сторожей и опустошили один из окраинных складов, который остался еще от большевиков. Добыча по нынешним временам серьезная — ситец. Товар на любом рынке востребованный и Егорша практически сразу скинул его подпольным перекупщикам, так что деньги у него есть.

— Я пошел? — спросил Степан, который вызвался убрать охранников малины.

— Давай, брат. Бог в помощь.

Дзюба направился к малине, а я двинулся за ним. Под плащом пистолет и кинжал, в карманах пара гранат, на всякий случай. Полиция в этот район ночами не заходит, боится. Транспорт, грузовик с казаками Атаманской конвойной сотни, неподалеку, он заберет добычу и пленных. На путях отхода чисто. Так что работаем.

Степан и Ваня Сахно подошли к малине. В темноте их почти не видно. Они остановились возле входа в подвал и появились охранники.

Еле слышный хрип умирающих людей, которым ножами вспороли горлянки. Охранники мертвы и их тела ложатся на мокрую брусчатку. После чего от Вани тихий свист — порядок.

Группа делится. Одна тройка прикрывает вход в малину и подходы. Еще одна наблюдает за трехэтажным домом, который при царизме был торговой конторой, а при Советах стал коммуналкой. А остальные входят в подвал.

В логове бандитов было весело, гульба в самом разгаре. Несколько больших и ярких керосиновых ламп давали много света. На стенах ковры. Пол покрыт деревянным паркетом. В воздухе клубы дыма и чувствовался запах этого места, смесь из табака, самогона, человеческого пота, ружейной смазки, копченой рыбы, дешевых духов и пороха. В центре просторного помещения стол, а за ним семь мужчин и столько же женщин. В противоположном конце подвала еще одна дверь, за ней личные апартаменты Егорши и выход в одну из жилых квартир, запасной путь для отхода банды. Но сам главарь, средних лет худощавый блондин в рубахе-вышиванке и пиджаке, был здесь, во главе стола, и первым подал голос:

— Эй, вы кто?

Ни слова ни говоря, казаки сдвинулись к столу и наставили на подвыпивших воров

пистолеты.

— Без глупостей, — приблизившись к пахану, спокойно сказал Степан. — Кто дернется, получит свинцовую пилюлю.

Егорша посмотрел на Дзюбу и ослабился, обнажив золотые зубы:

— Перо, ты что ли? Братки, наш корешок вернулся.

Степан ударил вора рукояткой пистолета по затылку и он, потеряв сознание, уткнулся лицом в тарелку. Воры попытались вскочить, но их быстро успокоили и разоружили, а перепуганных шлюх согнали в кучу и заставили сесть на пол. После чего казаки стали вязать уголовников, а я осмотрел апартаменты пахана.

Надо сказать, Егорша устроился неплохо. Спальня, водопровод и душ. Даже вода есть. Вдоль стен пара диванов и шкафы с одеждой на любой вкус, а в углу массивный сейф. Под широкой кроватью несколько ящиков, в основном с оружием, боеприпасами и консервами. А в потолке люк. Придвигая стол, взбираешься на него и с легкостью попадаешь в пустую квартиру на первом этаже дома.

Вернувшись в соседнее помещение, я увидел, что Егоршу уже привели в чувство и начали бить. Разумеется, нас интересовал сейф. Однако упрямый пахан молчал, и тогда взялись за его подельников. Один из них быстро сдал главаря, ключ у него в потайном кармане под пиджаком.

Временно избиение прекратили. Я забрал у Егорши ключ, вернулся к сейфу, открыл его и озадаченно почесал затылок.

Я ожидал увидеть в хранилище вора деньги, но их оказалось очень уж много. Сейф буквально ломился от банкнот, советских рублей и немецких марок. А помимо них здесь же находились золотые монеты — царские червонцы, примерно сотня желтых кругляшей стопками, и несколько шкатулок с ювелирными украшениями.

"А что если сейчас пристрелить Егоршу и часть его сокровищ присвоить? — возник у меня вопрос, но я сразу себя одернул: — Нет. Нельзя. Да и не такой человек пахан, чтобы складывать все яйца в одну корзину. Наверняка, у него еще тайники есть. Будет допрос и он скажет, сколько у него сокровищ и где они".

Отдав казакам приказ собирать добычу, я присел на табурет перед Егоршей. Его лицо было в кровоподтеках и, посмотрев на меня, он выдохнул:

— Ты кто!?

Я не ответил и он задергался:

— Суки! Вас найдут! Думаете, так просто воров на бабки поставить!? Я в авторитете!

Пахан так и не понял, кто перед ним. Видимо, решил, что мы залетные бандиты. Это хорошо. Пусть так пока и будет. Плохо только, что шлюхи, которых мы не собирались убивать или тащить на базу, видели наши лица. Но, по большому счету, это мелочь. Шлюхи разнесут новость о ликвидации банды по городу, нагонят страха, а мы отработаем и снова исчезнем. Когда настанет удобный момент, выйдем на новую цель и опять ударим. А когда уголовники затихнут, вернемся обратно в Новочеркасск.

Появился Сотников, за плечами которого был здоровенный чумал с деньгами, золотом и ювелиркой. Он кивнул мне — пора.

Поднявшись, я ткнул указательным пальцем в двух воров, которых заранее обозначил Дзюба, и в пахана:

— Этих забираем.

Трех уголовников потащили к выходу, и я посмотрел на шлюх:

— Пошли вон.

Девки рванули из подвала. Остались только воры, которых мы собирались показательно казнить, и я достал пистолет. Казаки тоже приготовились открыть огонь. Помещение закрытое — шума будет много, но это ничего.

— Стойте! — заорал один из воров, понимая, что сейчас произойдет. — Не надо! Мой ГТ выплюнул пулю и во лбу уголовного появилась дырка, а стена за его спиной окрасилась в бурый цвет.

44.

Московская область. 06.12.1942.

Из мемуаров генерала Антона Васильевича Туркула:

"После боев за Серпухов немцы попытались выйти на прежние рубежи. Но вскоре их силы иссякли, и наступило временное затишье. На Московском участке фронта группы армий "Центр" большевики держали оборону по линии Калинин — Дмитров — Александров — Орехово-Зуево — Раменское — Подольск — Кашира — Мордвес — Тула. Противник копил силы. Немецкая армия тоже. Наступило временное затишье, и я попытался добиться разрешения на вывод частей 2-го пехотного корпуса РОА в тыл для отдыха и пополнения. Однако получил отказ, и корпус был переформирован в сводную дивизионную группу, которая получила название "Россия".

Я требовал резервов, но их не было. Просил выдать солдатам теплое обмундирование, но ничего не получил. По-прежнему не хватало артиллерии и боеприпасов. Мы испытывали нужду в продовольствии и медикаментах. Только никому до нас не было никакого дела. Командующий РОА генерал Трухин обещал помощь, однако она запаздывала. И если бы большевики вновь перешли в наступление, дивизионная группа "Россия" перестала бы существовать в течение суток, а может быть нескольких часов. К счастью, этого не произошло. Наверное, потому, что внимание немцев и большевиков было приковано к югу, где продолжалась битва за Кавказ и шли ожесточенные бои за Царицын, который коммунисты переименовали в Сталинград.

Надо сказать, что я тоже пристально следил за событиями на юге. И когда немцы сообщали об очередной победе, испытывал двойное чувство. Как противник большевизма я радовался поражениям врага. Но как русский человек и патриот негодовал. Да и как иначе? Ведь на стороне врага сражались мои соотечественники, обманутые люди. А немцы уничтожали то, что было гордостью России.

Когда егеря генерала Ангелеса ворвались в Батуми и советские моряки потопили Черноморский флот, а сами ушли в морскую пехоту, моя душа разрывалась от боли. Когда турки захватили Ереван и устроили резню армян, я ненавидел их. Когда под ударами артиллерии был полностью разрушен древний Тбилиси, хотелось рвать и метать. Однако я солдат. Шла война и я нес ответственность за тысячи человеческих жизней. Поэтому сдерживал себя и продолжал делать все возможное, чтобы мои солдаты не знали нужды и сохраняли боеспособность.

Наконец, в середине ноября, дивизионную группу "Россия" оттянули в тыл. Мы оказались под Калугой, и я смог провести смотр войск. Зрелище еще то... От 2-го пехотного корпуса РОА осталось восемь с половиной тысяч солдат и офицеров. Да, голодные и оборванные. Да, много больных и обозленных на весь белый свет. Да, половина солдат с древними винтовками Мосина, практически без боеприпасов и вшами. Но это были лучшие

солдаты, самые сильные и стойкие, готовые драться с большевиками дальше и не отступать. Во многом они напоминали мне дорогих сердцу "дроздовцев", и я понимал, что сроднился с этими людьми.

Полевой лагерь на окраине Калуги принял нас, и солдаты смогли привести себя в порядок, отогреться, помыться и вывести вшей. А 23-го ноября мы получили практически все, чего нам так не хватало. Прибыл эшелон с пополнением, двумя тысячами хорошо подготовленных солдат. И еще один эшелон с продовольствием, зимней одеждой, обувью, медикаментами, вооружением и артиллерией. Самое главное, на мой взгляд, полностью боеготовая артиллерия, гаубичный дивизион, шесть батарей противотанковых орудий и два минометных батальона. После чего дивизионная группа "Россия" снова стала походять на воинское формирование кадровой армии. Однако большевики в очередной раз перешли в наступление и все пошло кувырком.

Ранним утром 25-го ноября, совершив ряд авианалетов на германские аэродромы, советская авиация вновь захватила господство в воздухе. В полдень в тылы группы армий "Центр" были выброшены многочисленные авиадесанты. В тылу активизировались партизаны и диверсанты. А из Тулы в направлении на Сухиничи, прорвав оборонительные линии немцев, рванулась сильная КМГ (конно-механизированная группа) генерала Белова. Красная армия активизировалась и вечером того же дня начала наступление от Подольска на Москву.

Разумеется, немцы ждали, что советские войска в очередной раз попытаются отбить столицу. Ведь это очевидно. Но германские дивизии, которые обороняли развалины Москвы с юга, не устояли. Большевики учли уроки прежних неудачных наступлений и хорошо подготовились. Для захвата столицы они создали специальные инженерно-штурмовые бригады, в которых солдаты прошли серьезную подготовку и носили стальные кирасы, и обычная немецкая пехота, которая подвергалась мощнейшим артиллерийским обстрелам, перед ними спасовала.

В течение 26-го ноября советские штурмовики захватили Бирюлево, Ясенево, Дроздовс и Копотню. Они закрепились в Москве. Начались бои в черте города и немцы, естественно, попытались выбить их обратно. Для этого потребовались резервы, и я предположил, что могут послать нас. Но германское командование не желало делить славу покорителей русской столицы с русскими. Это было делом принципа. Поэтому в боях за Москву использовались исключительно немецкие войска, которые выводились из резерва и сразу же с колес бросались в пекло.

Остановить Красную армию не получалось, 27-го ноября большевики уже овладели Люблино и меня вызвали в штаб 4-й полевой армии. Для усиления Московской группировки немцы собирались снять с фронта в районе Тарусы одну пехотную дивизию, а взамен поставить союзников, дивизионную группу "Россия" и свежую белорусскую бригаду под командованием уже знакомого мне Франтишека Кушеля. Приказ был ясен, и мои войска начали немедленное движение к линии фронта.

В ночь с 28-го на 29-е ноября, сменив германскую дивизию, русские и белорусы заняли оборону в пятнадцати километрах от Тарусы. Подготовленные немцами позиции были выше всяких похвал, и союзники оставили нам большое количество продовольствия, дров и боеприпасов. А в Москве в это время продолжались бои и, казалось, что германцы смогли остановить натиск красноармейцев и даже стали вытеснять их обратно за городскую черту. Однако советские войска готовили новые удары в другом месте. Немцы выпустили

инициативу из рук и поплатились за это.

29-го ноября Красная армия перешла в наступление сразу по двум направлениям. Первый клин в составе 2-й ударной, 5-й, 16-й и 30-й армий двинулся от Дмитрова на Красную Поляну и Звенигород. Второй, в составе 1-й и 3-й ударных, 49-й и 50-й армий от Тулы на Калугу и Малоярославец. Советские войска собирались замкнуть кольцо вокруг Москвы. Они решились на проведение масштабной операции и у них все получалось. Танковые и механизированные соединения Красной армии проломили немецкую оборону и стали расширять прорыв. Однако немцы парировали удары большевиков своими моторизованными корпусами из состава 2-й танковой армии, и под Москвой завязалась битва железных машин. Все это на фоне всеобщей неразберихи, прекращения полетов авиации и резкого ухудшения погоды. Небеса посылали на землю дожди и снег, а ночью спускался крепкий мороз. А в полях, лесах и городах сцепились в мертвой схватке советские танковые бригады и немецкие моторизованные дивизии.

Задача дивизионной группы "Россия" не менялась — держать оборону. Солдаты сидели в окопах и ждали наступления большевиков. Однако ничего не происходило. На нашем участке фронта царил покой, и только грохот артиллерийской канонады на флангах были свидетельствами того, что неподалеку кипит ожесточенное сражение. И так прошло два дня, 30-го и 31-го ноября все оставалось без изменений. А 1-го декабря мой непосредственный начальник генерал Вальтер Гресснер, командир 12-го армейского корпуса, приказал немедленно отходить в Тарусу. Немцы проиграли танковое сражение. Большевики захватили Можайск и Наро-Фоминск, а в Москве продолжались остервенелые яростные бои за развалины. Нам предстояло остановить советские танки и удержать дорогу на Малоярославец, которая все еще связывала германские тылы и немецкие дивизии в столице. Точнее, не нам, а тем немецким соединениям, которые мы сменим.

Отход проходил на удивление организованно. Сначала оттянулись артиллерия и тылы, а за ней пехота. Дивизионная группа "Россия" и белорусы вошли в Тарусу, а немецкие войска покинули ее и выдвинулись по направлению к Калуге, за которую шли ожесточенные бои. Но практически сразу они вступили в бой. Большевики оказались уже рядом. Вот-вот мы могли снова оказаться в котле, и я этого опасался. В памяти были свежи воспоминания о жестоких боях за Серпухов, и оказаться в ловушке никто не хотел. Однако я не мог ничего изменить. Калуга пала. Советские войска вошли в нее и без промедления двинулись на Медынь и Малоярославец, а разбитые немецкие части, не сумев пробиться через заслоны большевиков, оттянулись обратно в Тарусу. А утром подтвердились худшие опасения — большевики захватили Малоярославец и мы оказались в котле.

Следующие три дня оказались наполнены хаосом. Таруса подверглась артиллерийским и авиационным налетам. Кругом неразбериха и в город стали отступать немецкие дивизии с линии фронта, где ее еще не проломили большевики. А после того как советские "илы", прозванные немцами "черная смерть", разбомбили штаб 12-го армейского корпуса и погиб генерал Гресснер, нарушилась система управления войсками. Я перестал получать какие-либо внятные приказы и вывел подчиненные мне войска, к которым примкнули белорусы и несколько разрозненных украинских подразделений, из города. В Тарусе остались только немецкие офицеры связи, а мы вступили в сражение с большевиками. Они проводили постоянную разведку боем, пытаясь понять, насколько силен гарнизон города, а наша артиллерия раз за разом отгоняла их обратно.

На рассвете 5-го декабря из тылов противника вышла посланная мной разведгруппа.

Она притащила хорошего говорливого "языка", полковника из штаба 49-й армии, и пленный сообщил, что скоро начнется штурм Тарусы. Естественно, я отправил его в город, где к этому времени на основе офицеров 260-й пехотной дивизии сформировался штаб обороны, а сам с учетом полученных сведений попытался разобраться в обстановке.

Дело дрянь. Большевики провели блестящую операцию и окружили почти всю 4-ю полевую армию и половину 2-й танковой. Но хуже всего то, что большой котел оказался разделен на несколько мелких. Основной в Москве. В нем около двадцати немецких дивизий. А помимо него немцы удерживали Боровск, Голицыно, Серпухов и Тарусу, в каждом городе от двух до пяти дивизий. Ну и что большевики станут делать? Наиболее разумный вариант — подавить сопротивление в малых котлах, а затем заняться уничтожением Московской группировки. Смогут немцы нас деблокировать или нет — неизвестно. Надо полагаться только на себя, держаться и готовиться к прорыву. Кому как, а мне и моим солдатам попадать в плен к коммунистам нельзя. Про советские лагеря заключенных я уже был наслышан.

Днем началось наступление противника, которое предсказывал пленный полковник. На нашем участке его удалось отбить, против нас действовала исключительно пехота. А вот с южной стороны Таруса была атакована танками и штурмовиками. Напор был очень силен, немцы не удержались, и часть города оказалась захвачена врагом. Нужно было без промедления что-то предпринять, и ночью 6-го декабря я был вызван в штаб обороны, где узнал, что мы пойдем на прорыв. Движемся на Серпухов, а затем, соединившись с заблокированными в этом городе частями, через Подольск прорываемся на Москву. То есть идем по тылам советских войск. План дерзкий и он должен был сработать.

Основная ударная группировка состояла из остатков немецких пехотных дивизий, 260-й и 268-й. Они на острие атаки, а подчиненным мне войскам предстояло идти в арьергарде. Все началось на рассвете. После двухчасовой артподготовки, которая переросла в артиллерийскую дуэль, все тяжелые орудия, включая наши гаубицы, были взорваны. Для них закончились боеприпасы. А в 10.00 штурмовые отряды немецких гренадер прорвали вражеские заслоны и направились к Серпухову, а мои войска последовали за ними" ...

45.

Ростов-на-Дону. 07.12.1942.

Из дома вышел человек, невысокий бородатый мужчина в потертом пальто и надвинутой на лоб кепке. Он зыркнул по сторонам, засунул руки в карманы и, ссутулившись, зашагал по Большой Садовой в сторону Театральной площади.

Я двинулся за ним, а с другой стороны улицы в этом же направлении пошли Сотников и Дзюба. А еще где-то неподалеку Ваня Сахно на машине, небольшом грузовике с тентом.

Дело к вечеру, с неба сыпал снег, но на улицах много народа. Ростов жил своей жизнью, и большинство горожан плевать хотели на войну. Они обыватели и этим все сказано. Что большевики, что немцы, что казаки. Им без разницы. Ну а мы на службе, идем по следу очередного криминального авторитета. Кличка — Сема Валет. Он медвежатник, мастер по взлому сейфов, и у него собственная группа. Подельников при нем обычно немного, три-четыре человека. И если бы он притих, затаился и не отсвечивал, наверное, мы бы его не тронули. Однако Сема Валет, по паспорту Семен Абрамович Хейфец, никак не успокоится и вчера залез, куда не следовало лезть. Судя по всему, работал по заказу ростовских подпольщиков, и мы решили его взять.

На углу Богатыновского спуска Валет остановился и посмотрел назад. Его взгляд скользнул по моему лицу, но я не среагировал, сохраняя спокойное выражение лица, прошел мимо. После чего, не обнаружив слежку, медвежатник стал спускаться к Дону. Сотников и Дзюба последовали за ним, а я вернулся и пошел за ними.

С того момента, как моя группа занялась уничтожением криминальных авторитетов Ростова-папы, прошло больше месяца. За этот срок нами проведено семь операций. Разгромлены банды Егорши Чиряка, Мити Морячка, Вани Сивого и Жоры Одессита. На баз отправлены серьезные материальные средства и четырнадцать пленников. Уничтожено — тридцать семь бандитов. Потери — один казак погиб, двое получили ранения. Другие группы, которые имели такое же задание, за этот срок выдали более слабый результат. А диверсионное подразделение "Атаман", которое являлось аналогом "Фалширма" и раньше подчинялось Абверу, а недавно было передано в ведение УКФ, в бою с бандой Венчика Ворона потеряло сразу шесть бойцов. Поэтому группу вывели из города и остались мы, да специальное противодиверсионное подразделение "Крым". Кстати, они тоже казаки, тоже подчинялись Абверу, а сейчас переданы под крыло УКФ. Но серьезной работы по большому счету уже нет. Уголовники поняли, что их истребляют, и притихли. Крупные ограбления и налеты прекратились. Карманники не шалят. На казаков и немцев, румын и словаков, никто не нападал. Конечно, к нам есть претензии. Воры собрали сходку и постановили, что за беспредел, который чинят неизвестные мокрушники, необходимо с них спросить. Однако воровское братство — миф. В криминальном мире каждый сам за себя и даже если воры узнают, кто именно их уничтожал, а это возможно, они не рыпнутся.

В общем, наша работа практически окончена. Однако вчера в штабе 1-й казачьей дивизии был вскрыт сейф, из которого похитили списки офицерского состава и некоторые приказы. Злоумышленники проникли в охраняемое помещение через крышу, сделали все быстро и ушли. Полиция и контрразведка носом рыли землю и не могли понять, кто на подобное решился. А у нас после допросов ростовских авторитетов имелся полный список всех криминальных фигур города. Открывает, читаем и узнаем, что нужно. На подобную операцию могли решиться трое: Гена Золотой, Фима Испанец и Сема Валет. Про Золотого известно, что он при смерти, подыхает от сифилиса. Информация была проверена и подтверждена. Фиму Испанца убили, когда брали малину Жоры Одессита. Он сам виноват, нашего казака финкой пырнул и получил свою пулю, хотя мог бы еще пожить. Оставался Валет, и мы на него вышли. Решили брать вора днем, время поджимало, и работали вчетвером.

Дзюба и Сотников остановились. Я приблизился к ним вплотную и, делая вид, что прошу прикурить, спросил:

— В чем дело?

— Валет потерялся, — ответил Степан.

— Понятно... — протянул я.

Из ближайшего узкого переулочка показался Сахно. Он улыбался и, подзывая нас, махал рукой. Мы подошли к нему и Ваня, указав на старый двухэтажный дом в глубине двора, сказал:

— Здесь он.

— Ты его видел? — уточнил я.

— Ага, — Ваня ухмыльнулся: — Вы чего, братья? В досье на этого Валета все адреса есть. Здесь его маруха живет и тут он часто с подельниками встречается. Все прописано, и я

сразу сообразил, куда он идет, подъехал и подождал.

В самом деле, так и есть. Но я не показал вида, что оплошал, и задал новый вопрос:

— Где он?

— На первом этаже. Квартира за углом слева. На окнах решетки, одна слабая, можно выломать. Она с краю. Комнат две. Запасных выходов нет.

— В квартире еще кто-то есть?

— Не знаю, — Сахно пожал плечами.

— Машина далеко?

— Метров сто.

— Не угонят?

— Водитель присмотрит.

— Добро, — я кивнул, и взгляд скользнул по лицам казаков: — Берем Валета?

Казаки согласились, что тянуть время не стоит, и мы быстро решили, как поступим. До наступления сумерек еще пара часов. Долго. Поэтому работаем грубо и с риском, снова фактор времени, ибо начальство ждет результата. Но эффективно. Сахно присматривает за подъездом, а если появится полиция, предъявит наши документы и отошлет правоохранителей обратно, пусть не путаются под ногами. Сотников, как самый здоровый среди нас, сдергивает решетку на окне. Мы со Степаном врываемся внутрь, берем Сему и его маруху, выбиваем информацию и уходим. С пленниками или нет, по обстоятельствам. Пока будем разбираться, Ваня подгонит автомобиль.

Сахно направился в здание, а мы свернули за угол и оказались под окнами квартиры. Два окна, действительно, закрыты решетками, и крайняя еле держалась. Хорошо рвануть и можно ее выломать. В одном окне заметили движение, еле заметно дернулась штора, а в том, через которое мы проникнем внутрь, темно.

— Давай, — я покосился на Сотникова и достал пистолет.

Боря Сотников, несмотря на ширину плеч, никогда не производил впечатления богатыря. Но силища в нем была. Помню, когда бегали по степям от большевиков, он несколько часов на себе раненого тянул. А тут какая-то хлипкая решетка.

Раз! Боря вырвал решетку из стены. Два! Откинул ее в сторону и отступил. Три! Степан прижался к стене и подставил мне спину. Четыре! Я наступил на Дзюбу и, выставив вперед левое плечо, выбивая стекло, вломился в квартиру.

Оказавшись внутри, я увидел, что здесь никого нет, и не медлил, сразу ворвался в соседнюю комнату и обнаружил четырех человек. С Валетом все понятно, он сидел за столом, на котором находилась бутылка водки и нехитрая закуска. Его подруга, смазливая ярко окрашенная чернявая бабенка в цветастом платке на плечах, стояла за его спиной. Пожилой седой бородач с окладистой бородой, то ли священник, то ли интеллигент, прижался к стене. И крепкий подтянутый мужчина, по выправке военный, штаны с лампасами, одет в бекешу, она распахнута и под ней гимнастерка, похож на казака, поднимался с продавленного дивана.

"Если придется стрелять, — глядя на "казака", подумал я, — этого надо валить первым, он самый опасный".

— Не двигаться! — громко сказал я, отходя от двери и освобождая место для Степана.

Кроме "казака" никто не дернулся. Он быстро сунул правую руку под бекешу, наверняка, хотел вытащить пистолет. Однако я оказался быстрее. Между нами всего пара метров и, шагнув вперед, я ударил его носком ботинка в голову. "Казак" свалился с дивана на пол, в

руке у него уже был пистолет, немецкий "парабеллум", и он попытался подняться. Зря. Я нанес добивающий удар ногой по голове, и он затих. Его руки безвольно раскинулись, и я подобрал оружие. После чего отступил в сторону и обнаружил рядом с собой Степана.

Спустя несколько минут, впусив в квартиру Сахно и Сотникова, мы всех повязали. Выбитое окно заткнули подушками и приступили к допросу. Как ломать людей мы знали, опыт имелся, и вскоре Валет заговорил.

— Ну и кто тебя надоумил вскрывать сейф в штабе? — спросил я избитого медвежатника, который был привязан к стулу.

— Он! Это он! — Валет кивнул на "интеллигента", который был привязан к соседнему стулу и смотрел на меня с ненавистью.

— Подпольщик?

— Да, — снова Валет кивнул и добавил: — Много денег посулил, и я решил рискнуть. Думал, сорву куш и залягу на дно.

— Выходит, тебя жадность сгубила?

— Она самая.

— В штабе помощники были?

— Да.

— Кто?

— Офицер какой-то... Я его не знаю... Он на подполье работает...

— Где документы?

— Здесь, под половицами.

— Это хорошо.

— Вы меня не убьете?

— Посмотрим. Если будешь сотрудничать, значит, жизнь твоя продолжится.

— И женщину мою... не трогайте...

— Не тронем.

Я посмотрел на подпольщика:

— А ты что скажешь?

Он ответил сразу:

— Вранье. Я не имею никакого отношения к подполью. Зашел в гости, а тут вы. Не надо на меня чужого вешать.

— Ладно, разберемся.

В комнате появился Сахно:

— Командир, машина подана.

— Грузите пленных.

Первыми из квартиры вытащили "казака" и подпольщика, которым завязали глаза. После чего вскрыли тайник, на который указал Валет, и обнаружили в нем все похищенные документы. А помимо них кое-что ценное. Рядом с кипой бумаг лежала резная деревянная шкатулка и в ней оказались драгоценные камушки. Мы в них разбирались плохо, но, судя по всему, это были изумруды и рубины. Посторонних рядом нет. Все свои. Поэтому я посмотрел на Сотников, а потом на Дзюбу. Оба меня поняли сразу — эта добыча наша и больше ничья. Но есть свидетели, а нам они ни к чему.

— Откуда камни? — я показал шкатулку вору.

— Когда красные отступали, мы с братвой одного областного партейца прижали. Прямо в доме. Братва взяла, что у него было, кончила коммуняку и разбежалась. А я потом вернулся

и сейф вскрыл.

— Еще тайники есть?

— Нет, — Валет быстро замотал головой.

— Не врать! — Степан ударил его по лицу. — Правду говори, сука! От этого твоя жизнь зависит!

— Есть-есть тайник! — признался вор.

— Где!?

— В квартире на Большой Садовой. Там тайник под ванной.

— И что в нем?

— Деньги.

— Не врешь?

— Как можно... Чистую правду говорю...

— Это хорошо, — я подошел к нему и выстрелил медвежатнику в голову.

За спиной еще один выстрел, Боря пристрелил подругу вора. Чисто. Свидетелей и следов не осталось. Степан снял с трупов веревки и забрал у Валета связку ключей, а Сотников прихватил документы. Дело сделано, мы покинули квартиру, и я послал Дзюбу в логово вора на Большой Садовой за деньгами, а сам с казаками повез пленников на базу. Конечно, будут свидетели, которые видели нас и грузовичок, но искать не станут. Может быть, воры попытаются, но это даже интересно. Посмотрим, кто еще из криминальных авторитетов в городе остался, и нагрянем к ним в гости.

Я ехал в кузове, и хотелось спать. Но нельзя. Вот довезем подпольщиков, сдадим специалистам, которые начнут профессионально ломать им кости и задавать вопросы, тогда и отдохнем. Боре Сотникову, судя по всему, тоже хотелось закрыть глаза и задремать. И чтобы хоть немного отвлечься, он спросил:

— Андрей, ты утреннюю сводку слушал?

— Да, — ответил я.

— И что там?

— Немцы говорят, что ведут бои под Москвой и ежедневно укладывают в могилы по сто тысяч большевиков. А коммунисты утверждают, что окружили сорок немецких дивизий и скоро освободят столицу.

— Как думаешь, кто врет?

— Не знаю. Наверное, обе стороны.

Прерывая нашу беседу, подал голос бородатый подпольщик:

— Твари! Предатели! Красная армия растопчет немцев и тогда за вас возьмется! Отольются вам слезы советского народа! Все сдохните!

— Заткнись! — Боря пнул подпольщика и он замолчал.

Разговаривать не хотелось. Грузовичок, миновав блокпосты, на которых стояли казаки Ростовского батальона ШУПО, по Аксайскому мосту перебрался на левый берег Дона и направился к нашей базе. Водитель вел машину осторожно, спешить никуда не надо. В запасе еще полчаса и я задумался.

Вчера у меня был разговор с Тихоновским и он подтвердил, что немцев окружили. Германские дивизии оказались в ловушке, держат оборону в Москве и, скорее всего, нашим союзникам придется туго. Если их разобьют, а исключать этого нельзя, перевес окажется на стороне большевиков. Ну и что при таком раскладе делать нам? Разумеется, крепить оборону, восстанавливать экономику и формировать собственные вооруженные силы.

Насчет обороны ничего толкового сказать не могу — враг может ударить с востока и севера, горы у нас только с юга, а всю степь укреплять районами не закроешь. С экономикой не очень — все крупные заводы и фабрики, нефтепромыслы и рудники под немцами. Остается исключительно сельское хозяйство. Тоже неплохо, но нам нужны танки и бронемашины, пушки и самолеты, боеприпасы и автоматы, средства связи и амуниция. Пока обходимся тем, что перепадает от трофеев, но этого мало, и как эту проблему станут решать наши атаманы мне неизвестно. А вот про армию кое-что сказать могу, все-таки не рядовой и кое-что знаю.

Вооруженные силы Доно-Кавказского Союза на данный момент состоят из нескольких частей.

Во-первых, есть регулярная армия:

1-я казачья кавалерийская дивизия: четыре кавалерийских полка, один пластунский, один артиллерийский и один учебный, а так же пять отдельных батальонов. Численность личного состава — 6–7 тысяч. Командир — генерал Балабин. Есть тяжелая и противотанковая артиллерия, минометы и несколько самолетов У-2. Дивизия находится в районе Царицына (Сталинграда), который немцы никак не могут взять.

1-я Кубанская казачья дивизия: три кавалерийских полка и два пластунских. Численность личного состава — 3–4 тысячи. Дивизия находится в Екатеринодаре и только формируется. Временный командир — полковник Белый, к слову сказать, начальник полиции Екатеринодара. Стрелковое вооружение есть, а вот артиллерия отсутствует. Когда дивизия будет готова, неизвестно.

1-я Кавказская казачья дивизия: два кавалерийских полка, два пластунских, один артиллерийский и один учебный, а так же больше десяти отдельных батальонов и несколько отдельных сотен. Численность личного состава — 10–11 тысяч. Это бывшая Особая бригада Шкуро. Она отлично вооружена, имеет артиллерию и бронепоезда, а находится где-то на побережье Каспийского моря, предположительно, на границе Дагестана и Азербайджана, где вместе с турками и немецкими горными стрелками добывает советские войска.

102-я Донская казачья бригада: кавалерийский, пластунский и моторизованный полки, а так же шесть отдельных батальонов. Численность личного состава — 6–7 тысяч. Это бригада полковника Кононова, которому, по моему глубокому убеждению, давно пора присвоить генерала. У него все есть, и оружие, и бронетехника, включая роту советских танков и бронемашин. Сейчас его бригада в пути, движется к Волге, дабы сменить 1-ю казачью кавалерийскую дивизию.

Отдельная бригада ОСНАЗ: семь батальонов и два артиллерийских дивизиона. Изначально ее формировали немцы, но после появления ДКС она была передана УКФ. Командир — полковник Духопельников. Численность личного состава — 2 500 человек, 60 процентов от запланированных штатов. Находится в Персиановском военном лагере.

1-я Сводно-казачья пешая бригада: четыре батальона. Численность — 1 200 человек. Командир — полковник Павлов. Находится в Персиановском военном лагере. Формирование началось всего пару недель назад.

2-я Сводно-казачья пешая бригада: четыре батальона. Численность 800 человек. Командир — полковник Тарасенко. Находится там же, где и 1-я бригада.

Итого, с учетом штабов, раненых и отпусков, в регулярной армии 32–38 тысяч человек.

Во-вторых, есть батальоны ШУПО (патрульно-постовая служба) и ШУМА (внутренние войска), охранные батальоны, сотни и отдельные взвода. Сколько их всего даже в главном

штабе УКФ точно не знают. Хотя бы по той причине, что часть сотен существует только на бумаге, а некоторые находятся в тылах немецких частей и до сих пор никак себя не обозначили. Не хотят. Вот подчиняются они командиру какого-то немецкого полка, ловят партизан и охраняют колонны, а германский офицер дает им доступ к трофеям и закрывает глаза на реквизиции. Такой вот симбиоз. Зачем им УКФ? Каждый атаман сам себе хозяин, пока ему хорошо.

Однако основные подразделения известны:

ШУПО: 10 батальонов "Свободная Кубань" и 4 батальона "Ростов".

ШУМА: 8 городских батальонов: Ростовский, Шахтинский, Таганрогский, Екатеринодарский, Новороссийский, Армавирский, Ставропольский и Пятигорский.

Охранные войска: полтора десятка батальонов и более пятидесяти сотен.

Примерная численность всех этих подразделений в пределах ДКС 14–18 тысяч человек.

В-третьих, Донская, Кубанская, Азовская и Черноморская флотилии.

Они существуют на бумаге, но люди в этих флотилиях уже есть, как и несколько речных кораблей. Численность личного состава у моряков 2–3 тысячи человек.

В-четвертых, авиация.

После инспекционной поездки полковника Мальцева по югу и создания ДКС у нас появились две авиаэскадрильи истребителей. В Ростове семь самолетов и пятнадцать летчиков. В Екатеринодаре двенадцать самолетов и тридцать летчиков. Плюс подразделения охраны и Ростовская авиашкола, которая пока набирает преподавателей. И в ВВС у нас почти тысяча человек.

В-пятых, отдельные группы вроде моей, которых от Дона до предгорий Кавказа не меньше десяти, и Атаманская конвойная сотня. Я считаю, что мы элита. Но нас немного, около пятисот человек.

На этом все. При полном напряжении сил, если посчитать примкнувших к казакам украинцев, русских и белорусов, которые не хотят жить под немцами, каким-то образом "стали казаками" и прибывают на Дон, ДКС имеет немногим более шестидесяти тысяч человек. Это сейчас. Но если нам дадут время, и немцы не станут вставлять палки в колеса, наша мощь будет возрастать, и мы сможем так умыть большевиков кровью, чтобы они раз и навсегда потеряли всякое желание к нам лезть...

Прерывая мои размышления, грузовичок взвизгнул тормозами и остановился. Приехали на базу, пора выгружаться и докладывать Тихоновскому о результатах. Пусть порадует и начальство порадует, что нашлись штабные документы, а я пока спрячу нашу добычу.

46.

Новочеркасск. 08.12.1942.

Подпольщики раскололись и сдали всех, кого знали.

"Казак" оказался диверсантом НКВД, Николай Шапкин, 25 лет, родом из Таганрога. Комсомолец. Полгода провоевал в составе воздушно-десантной бригады. Потом прошел курс специальной подготовки и в составе группы был заброшен в немецкий тыл. Выбрасывались диверсанты в Семикаракорском районе, добрались до Ростова и здесь вышли на связь с подпольем. Задача — уничтожение немцев и казаков, с целью стравить союзников. Группа провела семь акций. Шесть прошли удачно, а одна провалилась. Кстати, именно с боевиками этой группы я столкнулся, когда сопровождал Мальцева и Сахарова на Ростовский аэродром. После чего единственный уцелевший боевик подразделения присоединился к подполью.

Знал он не очень много. Его дело стрелять. И после допроса, скорее всего, диверсанта поставили к стенке и закопали.

Зато у второго информации было столько, что за ним едва успевали записывать. Матвей Яковлевич Шаповалов, старый большевик, глава одной из подпольных городских организаций. Может быть, самой крупной. Именно он поддерживал связь с Центром и после уничтожения диверсантов (кстати, это была не единственная группа), руководил всеми действиями подпольщиков. Организация у него довольно серьезная, он назвал сотню фамилий и два десятка адресов. Кто-то, разумеется, успеет скрыться, раз Шаповалов и Шапкин не вернулись от Валета, который похитил для них штабные документы. Но большинство подпольщиков будут пойманы. Как бы там ни было, меня это не касалось. Тихоновский хотел задействовать нас в операции по захвату и разгрому подполья, но ему не разрешили. Пусть городская полиция, ШУПО и ШУМА поработают, а то совсем расслабились. Думают, раз фронт далеко, все у них хорошо? Нет уж, пока идет война фронт везде.

Итак, свою задачу мы выполнили и вернулись в Новочеркасск, где я неожиданно встретил Валентина Беринга. Мы совершенно случайно столкнулись на улице, и он, заметив меня, радостно улыбнулся и подошел.

— Здорово живешь, казак! — воскликнул капитан.

— Слава Богу, — привычно отозвался я и увидел, что он заметно скособочен на левый бок. — Что с тобой, капитан?

Свойское обращение на "ты" Беринга не смутило, и он ответил:

— Мы за линией фронта были, в гостях у большевиков. Знаешь ведь? Там меня и зацепило.

— Что вы на задании, я знал. Но мне никто не сообщил, что вы вернулись.

— Наверное, не посчитали нужным или не успели. Группа только четыре дня назад к своим вышла.

— И где работали, если не секрет?

— На Кавказе, Андрей, а подробности опустим.

— Понял, об этом больше не говорим. А как казаки, потери есть?

— Кто выжил, отсыпается и отъедается. В потерях четверо. Ты всех знаешь: Евтушенко, Карпов, Тимонин и Щербаков.

— Справные казаки были. Мир их праху.

Посмотрев в сторону Войскового собора, я перекрестился. Потом снова обратился к Берингу:

— Ты не спешишь?

— Время есть, — он попытался пожать плечами, но поморщился от боли и добавил: — Один час.

— Пойдем в кафе, поговорим, — предложил я.

— Согласен. Тем более что темы для разговора имеются. Сам тебя хотел найти. Но раз уж встретились, не будем откладывать беседу в долгий ящик.

Спустя десять минут мы разместились в офицерском кафе недалеко Атаманского дворца. Заказали кофе, между прочим, натуральный, хотя и дорогой. Заказ принесли быстро, и в заведении, куда часто заходили немцы и казаки, немногочленно. Нам никто не мешал и, обменявшись незначительными фразами о жизни, мы затронули серьезные вопросы.

— Через неделю "Фалширм" передадут в ведение штаба УКФ, и на базе отряда будет

развернута парашютно-десантная рота, — сказал Беринг и, посмотрев мне в глаза, спросил: — Ко мне перейдешь?

Я над этим уже думал и ответил без промедления:

— Нет.

— Потому что у тебя своя группа?

— Да.

— Оперился, — немец усмехнулся, — не хочешь мне подчиняться.

— Дело не в тебе, капитан.

— А в чем?

— В задачах, которые выполняют "Фалширм" и моя группа. Они разные. Хотя подчиненность свою роль играет. Мне с Тихоновским удобно. Мы как бы отдельно и со всех сторон прикрыты. Он ко мне не лезет и я сам себе голова. Дали задачу — выполнил. А парашютно-десантная рота может очень быстро оказаться в самом пекле, заткнет собой очередную дырку на фронте и погибнет. Я говорю с тобой откровенно, все-таки не первый день друг друга знаем и через многое вместе прошли.

— Смотри сам, неволить тебя не стану, хотя мог бы. Веришь?

— Верю. Но ты не такой человек, чтобы человека, который имеет свое мнение, гнобить. Да и смысла в этом нет. Ты знаешь, я тебе еще пригожусь. В конце концов, одними дорожками ходим.

Беринг кивнул и задал новый вопрос:

— А кто стоит за спиной Иванова и Тихоновского понимаешь?

— Союз Возрождения России.

— Да. Но кто конкретно?

— Без понятия.

— Хочешь, скажу?

— Поделись.

— Василий Викторович Бискупский, который в последнее время делает реверансы в сторону монархистов. Хитрец. Всем говорит то, что люди хотят услышать. Однако он преследует собственные цели. Всегда хотел большой власти, но оставался на вторых ролях. Честолюбивый человек и пока у казаков что-то получается, он помогает Краснову. А взамен имеет среди казаков своих агентов влияния и, как мне кажется, вскоре начнет формирование собственных подразделений. Но как только здесь начнутся серьезные проблемы, он отскочит в сторону.

— Я так и подумал, хотя сейчас это ничего не меняет. Вот только не пойму, каким образом он создаст свои подразделения. Поясни.

— Очень просто. Русского государства как не было, так и нет. От Берлина одни пустые обещания и громкие заявления. Однако, как только Вермахт покатится на запад, а это не за горами, такое государство может появиться. Как последний шанс отыграть ситуацию назад и привлечь под знамена Третьего Рейха побольше русских. И в этот момент основным игроком станет тот, кто привлечет к себе наибольшее число сторонников среди эмигрантов и командиров РОА, за кого будут немецкие генералы и политики, и кого благословят Романовы. Именно он станет президентом или верховным канцлером на том клочке суши, который Борман и Розенберг отдадут русским. Я считаю, что таким клочком станет Крым, и Бискупский имеет все шансы, чтобы стать хозяином полуострова. А для обеспечения своей безопасности и стабильности в регионе ему понадобится армия. Не только РОА, которая

подчиняется Трухину, но и собственная гвардия. Мысль ухватил?

— Кажется, да. Он сформирует одну-две дивизии на территории Дона, а потом, когда настанет удобный момент, перебросит их в Крым или в другой регион, где немцы объявят Новую Россию. До поры до времени они будут считаться казачьими, а на деле русскими. Но как он это провернет?

— Ты не знаешь всех внутренних раскладов в Третьем Рейхе. Да и мне, честно говоря, не все известно. Скажу только, что его готовы поддержать несколько генералов Вермахта, которые поделятся трофеями, и за ним некоторые серьезные чины Абвера, чиновники Имперского министерства оккупированных восточных территорий и даже нацисты. Они окажут ему содействие, и у него все может получиться.

— А Петр Николаевич Краснов и правительство ДКС?

— А что они? Для них главное — свою территорию удержать и я повторяю. Пока Бискупский будет им помогать, они будут помогать ему. Баш на баш. Ты мне, а я тебе.

— Интересно. А причем здесь моя группа, Иванов и Тихоновский?

— Предполагаю, что Союзу Возрождения России группы вроде твоей необходимы как пожарные команды в пределах Доно-Кавказского Союза. Сопровождение посланников и выполнение специфических задач — не надо искать людей, они уже есть, необходимо отдать приказ и они все исполнят. А Иванов и Тихоновский получили быстрый старт карьеры и поддержку. Поэтому делают то, что им велено. Так что не обольщайся, Андрей. Если понадобится, тебя тоже кинут в пекло. Может быть, даже раньше меня, как неудобного свидетеля.

Беринг широко улыбнулся и я, подумав, что он не далек от истины, тоже. После чего, допив кофе, мы заказали еще и разговор продолжился.

— И все-таки, капитан, — делая очередной глоток ароматного напитка, сказал я, — странный ты человек.

— Почему?

— Немец, служишь в Абвере, а думаешь о России и командуешь казаками.

— Ничего странного, — он тяжело вздохнул. — Мои предки больше двухсот лет служили Российской империи, и я вырос среди эмигрантов, которые мечтали вернуться в Россию. Германия, к сожалению, так и не стала моей настоящей Родиной. Все мои мысли и чаяния связаны с Россией. Хотя, сказать по чести, я не верю в победу Третьего Рейха или какое-то более-менее хорошее окончание Восточной кампании и создание полноценного Русского государства. А что насчет казаков, вспомни историю, Андрей. Они никогда не отказывали достойным людям в приеме. Если ты человек войны, не трус и в тебе есть дух воина, значит, казаки всегда назовут тебя своим братом. Так что можешь считать меня приписным казаком, если для тебя это важно.

— Честно говоря, не очень. Я слушаю идеологов, которые говорят о древности казачьего народа и мне это приятно. Греет душу. Но когда начинаются разговоры, что надо полностью отделиться от России, этого я уже не понимаю. Приходится пресекать подобные разглагольствования и пока это не трудно. Тем более что Петр Николаевич Краснов и другие наши атаманы имперцы. Однако, что будет потом, через пять, десять или пятьдесят лет?

— Не думай об этом. Нам бы пару лет простоять — уже много. Большевики в Москве больше тридцати наших дивизий окружили, и мы эту битву проигрываем. Еще месяц-другой и начнется откат. Вермахт будет отступать, и враг, если его не остановить, дойдет до границ Казакии. Ну и что дальше? Как биться? Я даю тебе гарантию, как только большевики

вторгнутся на Дон или Кубань, половина крикунов, которые ратуют за независимую Казачью и отделение от России, сбегут в Европу. А мы с тобой останемся, будем биться до последнего патрона и сдохнем здесь. Хотя бы потому, что это земля для нас родная и полита кровью предков. Разве я не прав?

— Прав, — согласился я с ним.

— То-то же. Поэтому, Андрей, давай думать про оборону Дона и Кубани уже сейчас. Что атаманы и генералы решат, пока не нашего ума дело. За себя надо мозгами пораскинуть, на своем уровне.

— Не понимаю, о чем ты.

— О том, что необходимо готовить схроны и тайники, копить неучтенное оружие и подбирать надежных людей. Ты говоришь — моя рота может погибнуть. Это возможно, но я не баран и на убой не пойду. У тебя группа отдельная, не мальчики для биться. А помимо нас есть другие серьезные подразделения, в которых командиры нас знают. Если все правильно продумать, можно большевикам кровь пустить и заставить их затормозить. Не разбить, ибо действуя малыми группами войну не выиграть, но заставить споткнуться.

— Поддержка нужна.

— Будет. Я все-таки офицер Абвера и не сам по себе. За мной тоже серьезные люди.

Он замолчал и посмотрел на меня. Капитан ждал ответа и, в очередной раз отметив, что Беринг не простой человек, хотя порой таким кажется, я кивнул:

— Ты меня убедил, я с тобой.

— По рукам? — капитан протянул через столик правую руку.

— По рукам, — я пожал его ладонь.

Что я терял и что приобретал, заключая такой договор? Пока ничего. Слова остаются словами. Никаких бумаг подписывать не надо и по факту есть соглашение двух мужчин.

47.

Москва. 25–30.01.1943.

Из мемуаров генерала Антона Васильевича Туркула:

"Сводная корпусная группа из Тарусы пробилась в Москву довольно легко. Большевики бросили основные силы на внешний фронт. Самое время ударить по врагу там, где он этого не ожидает, и я предложил немецким генералам совершить дерзкий рейд по тылам Красной армии. Однако меня не хотели слушать. Проклятые службисты. Они придерживались своего плана, следовали приказам и стремились как можно скорее оказаться в Москве. Расчет строился на том, что объединившись с главными силами 4-й полевой армии, удастся быстрее деблокировать окруженную группировку и отогнать большевиков. Но на деле мы просто пополнили число тех, кто оказался в Московском котле.

Командовал окруженными в столице войсками, как старший по званию и должности, генерал Готхард Хейнрици. Он был уверен, что сможет прорвать кольцо и соединиться с главными силами группы армий "Центр", а все, что произошло, рассматривал исключительно как последнюю попытку Красной армии показать зубы. Однако он ошибался. Советские войска были готовы к попытке немцев вырваться, и когда ударная моторизованная группировка из Москвы пошла в направлении на Звенигород, она уперлась в глубоко эшелонированную оборону и откатилась обратно. После чего продолжились ожесточенные бои за городские руины.

Когда я оказался в Москве, на юге города большевики удерживали Люблино, а на севере

ши бои за Ивантеевку. Под моим командованием оставалось семь с половиной тысяч бойцов, и генерал Хейнрици приказал влить в дивизионную группу "Россия" всех восточных добровольцев. Видимо, чтобы они не путались под ногами. Поэтому вскоре мое русско-белорусское войско было усилено двумя полицейскими батальонами из Латвии, остатками 4-го Эстонского добровольческого легиона, двумя тюркскими ротами, сводной полковой группой украинцев из "Галичины" и сотней "вольных козаков" из Полтавы. Артиллерию мы потеряли или сами уничтожили под Тарусой. Боеприпасов кот наплакал. Продовольствие заканчивалось и не хватало теплых вещей. Подчиненные мне подразделения не были боеготовы. Но, на наше счастье, особых надежд на нас никто не возлагал и мы несколько дней находились во второй линии обороны в районе Теплого Стана. Это время я использовал для переформирования подразделений и укрепления дисциплины. А потом нас бросили в наступление на Бирюлево и мы, как ни странно, смогли отбить этот пригородный населенный пункт. Ударили неожиданно, пошли в атаку под покровом тьмы, и выбили красную сволочь в поля. При этом взяли хорошие трофеи, несколько орудий, полтора десятка минометов и приличные запасы продовольствия, которое у нас вскоре попытались отнять немецкие интенданты. Однако мы уперлись и отстояли продукты. По крайней мере, большую их часть.

Нас оставили оборонять Бирюлево. Каждый день бой. Каждый день бомбардировки и обстрелы. Каждый день погибшие. Но мы держали позиции, не отступали и ждали, что немцы, наконец-то, смогут деблокировать Московскую группировку. Только ничего хорошего из этого не выходило. Немцы раз за разом колотились в позиции большевиков и откатывались. На руинах города, в котором уже давно не было мирных жителей, остались тридцать дивизий Вермахта. И вокруг Москвы, в городках и поселках, еще семь-восемь дивизий. Голод, холод, болезни, раны и чувство обреченности делали свое дело. Удары германской армии становились все слабее, а речи доктора Геббельса, который пытался подбодрить солдат 4-й армии, звучали с каждым днем все громче и напыщеннее. Я понимал, что мы обречены, но все еще надеялся на благоприятный исход этого сражения.

Новый Год встретили в окопах. Численность подчиненных мне войск постоянно таяла, и появились дезертиры. Около двухсот солдат РОА и БКА сдались в плен большевикам. Но на следующий день они снова появились перед нашими окопами. Красноармейцы гнали дезертиров по заснеженному полю и когда они отошли от вражеских позиций на полсотни метров открыли огонь из пулеметов. Не выжил никто. Все делалось показательно, дабы нас запугать, и спустя полчаса красный политрук-пропагандист объявил в мегафон, что так будет с каждым предателем Родины. После чего ни один из моих солдат о дезертирстве даже не задумывался.

25-го января 1943-го года, совершенно неожиданно для себя, я оказался на совещании, которое проводил генерал Хейнрици, и смог более точно узнать обстановку вокруг нас, а потом был посвящен в планы командования. Бункер командующего находился в районе Кремля, от которого в ходе прошлогодних боев осталась огромная груда кирпичей, и раньше он служил убежищем для Сталина. Впрочем, речь не об этом, а о нашем положении и планах.

В Москве оставалось больше ста сорока тысяч боеспособных солдат, десятков танков и три десятка бронетранспортеров, около трехсот пятидесяти орудий и минометов. Боевой дух войск упал. Продовольствия нет. Топлива нет. Боеприпасы на исходе. Съедены все лошади и собаки. Зафиксированы случаи каннибализма. Транспортная авиация, которая должна была

ежедневно сбрасывать нам продукты, медикаменты и боеприпасы, понесла серьезные потери и по требованию Геринга ее полеты временно прекращены. В госпиталях больше тридцати тысяч раненых и обмороженных, которых нечем лечить. Группа армий "Центр", несмотря на подкрепления, которые в последнее время постоянно перебрасывались в ее распоряжение со всех направлений, деблокировать Московскую группировку не смогла. Вокруг города шесть советских армий и они вскоре перейдут в наступление, добьют окруженных немецких солдат и объявят о первой крупной победе Советского Союза над Германией. Берлин требует держаться. Однако генерал Хейнрици принял решение идти на прорыв. Последняя попытка. Другой уже не будет. Раненые остаются в госпиталях. Прорыв будет осуществляться по трем направлениям: Красная Поляна, Наро-Фоминск и Малоярославец. Хорошо бы собрать все силы в единый кулак и ударить в одном месте, чтобы наверняка проломить оборону Красной армии, но это невозможно из-за слабой дорожной инфраструктуры. Всю ответственность берет на себя Хейнрици, а командующий группой армий "Центр" хоть этот план и не одобрял, был вынужден смириться, и заверил его, что организует встречные удары.

С Хейнрици никто не спорил. Все понимали, что он прав. Москва, конечно же, символ. Но губить ради замороженных развалин остатки войск преступно и глупо. А Берлин не понимал, что немецкие солдаты на грани и лучше примут смерть в бою, чем гибель от голода и холода в промерзших московских подвалах.

Мое мнение никого не интересовало. В очередной раз я стал исполнителем чужой воли и был назначен в арьергард войсковой группировки, которая двинется на Малоярославец. Хорошо это или плохо? Тогда я об этом не думал. Куда ни кинь, всюду клин. Все просто. Впереди честный бой и под моим командованием все еще четыре тысячи солдат, которых я собирался вывести из ловушки.

После совещания я вернулся в Бирюлево, собрал военный совет и сообщил о решении командующего. Лица офицеров, с которыми я прошел через тяжкие испытания, озарились радостью и надеждой. Неважно, кто мы по вере, по убеждениям и национальности: русские, белорусы, латыши, литовцы, турки или украинцы. В этот момент у нас была общая цель и одна судьба на всех. Ради выживания мы были обязаны сделать все, что необходимо, и сразу взялись за работу.

На сборы двенадцать часов и сделать за этот срок предстояло немало. наших раненых пришлось отправить в один из немецких госпиталей, который и так был переполнен. Довести до личного состава план движения и выделить самых крепких бойцов в отдельные "группы быстрого реагирования", которые примут на себя основные удары большевиков. Подготовиться к ночному маршу вслед за немцами, которые будут пробивать нам дорогу. И все это под непрекращающимися обстрелами противника. Кто замешкается, отстанет и потеряется, погибнет. Все это понимали, и мы подготовились в срок.

Вечером 26-го января остатки немецких дивизий двинулись в атаку. Шел сильный снегопад. Вразнобой били советские и немецкие орудия, а в руинах Москвы время от времени звучали взрывы. Участок обороны, который мы держали, по воле случая на пару часов стал тихой гаванью, и когда поступила команда на выдвижение, мы спокойно покинули Бирюлево, начали марш и добрались до Переделкино. Кругом разруха. Догорали брошенные немцами автомобили. Воняло паленой резиной и горелой мертвечиной. Кроме нас здесь никого не было. Немцы уже покинули Москву, и далеко впереди шел серьезный бой.

Не дожидаясь новых команд, я повел своих солдат дальше и после полуночи, пройдя через советские оборонительные укрепления, догнал немцев. Они были напуганы и совсем про нас забыли. Поэтому нас приняли за советских солдат и встретили огнем. В результате короткой стычки погибли три наших солдата и два немецких. Глупо вышло. Но вскоре мы разобрались, кто есть кто, помог наш офицер связи капитан Гельмут Фальке. Стрельба прекратилась, была налажена связь с пехотной дивизией, которая шла перед нами, и движение продолжилось.

Мы шли всю ночь, сквозь снег и сильный ветер. Иногда ослабевшие солдаты отходили на обочину, останавливались, садились на снег и замерзали. Желающих им помочь не было. Каждый думал о себе и бойцы, которые еще вчера делили один сухарь на двоих, этой ночью отворачивались от друзей и продолжали переставлять ноги.

Утром 27-го числа наши колонна проходила через разрушенную деревушку. Передовые отряды немцев попали под огонь вражеской артиллерии и поверх догорающих разбитых домов валялись сотни немецких трупов. Куда ни посмотри, кругом мертвецы. А невдалеке стояли подбитые немецкие бронемашины и танки. Они горели, а между ними по грязному снегу ползали раненые солдаты. Кто-то из них, у кого еще были силы, звал своих камрадов и умолял помочь или просто добить. Однако к раненым никто не подходил. Мы шли мимо, снова отворачивались и топтали трупы. Никакой военной романтики и героизма. Все это выветрилось, и остались только инстинкты, которые вели нас вслед за немецкими ударными отрядами к спасению.

Сколько прошли в тот день сказать трудно, дорога не была прямой. Но к вечеру, смертельно уставшие, голодные и обозленные на весь белый свет, мы втянулись в захваченный немцами Троицк. Часть городка была объята пожарами, которые, конечно же, некому было тушить, а в уцелевших домах спали немцы. Я тоже хотел спать и устал. Однако сначала позаботился о солдатах. На окраине городка обнаружили промышленные цеха, и мы их заняли, а потом получилось добыть еду. Невдалеке находилась временная конюшня, а в ней полсотни застреленных лошадей. Судя по всему, животных перебили советские коноводы, когда поняли, что город не удержать. Трупы окоченели и стали промерзать, но они были съедобны и наши тыловики, несмотря на усталость, озаботились горячим бульоном.

Пока готовилась пища, я нашел штаб нашей группировки и генерала Густава Фена, который являлся моим непосредственным начальником. Приказ оставался прежним — двигаться в арьергарде и прикрывать немцев с тыла. Ничего нового я не услышал и хотел уже покинуть штаб, когда Фен остановил меня и сказал, что если дела пойдут совсем туго, мне в плен лучше не сдаваться. Я пожал плечами — это и так известно. После чего вернулся в расположение своего подразделения, выпил котелок горячего сытного бульона и смог выкроить несколько часов на сон.

Ночью в наше расположение проникли советские разведчики и прежде, чем их обнаружили, они вырезали роту солдат, а потом с боем отошли и скрылись среди снегов. Это был не единственный случай. Помимо нас были атакованы и немцы. Уставшие солдаты не были готовы драться с сытыми красноармейцами, которые действовали словно волки, напавшие на отару овец. Однако ночь закончилась, по-прежнему сверху падал снег, и опять движение. Планировалось, что к исходу дня мы окажемся в Боровске, но натиск ударной немецкой группировки был отбит, и пришлось ночевать в разрушенных деревнях.

Еще одна ночь. Снова нападение противника. Но в этот раз мы были начеку. Наверное,

благодаря тем самым лошадям из Троицка, чье мясо подпитывало наши силы. Советская разведка понесла потери и отступила, а мы, греясь у костров, с трудом дотянули до утра и на рассвете появились вражеские танки. Из леса выскочили четыре "тридцатьчетверки". Они были без поддержки пехоты и, остановившись в трехстах метрах от нас, стали обстреливать колонну. Каждый выпустил по десятку снарядов, а затем танки скрылись. Наверное, у них заканчивался боезапас и, оставив на поле боя тридцать убитых и столько же раненых, снова мы продолжили марш по снежным полям.

Боровск все-таки был взят ночной атакой немецких гренадер. Но в этом городе задерживаться не стали. Следующая остановка — Малоярославец, к которому пробивались подвижные соединения группы армий "Центр". Вот только добраться до него было тяжело. Большевики не хотели нас выпускать и между двумя городами, Боровском и Малоярославцем, завязалось полномасштабное полевое сражение. Словно на зло, испытывая нас, природа прекратила посылать на землю снег, небо очистилось от туч, и появилась вражеская авиация. Противник бросил против нас все, что у него было, а мы дрались за свои жизни и упрямо шли вперед, сдерживали врага и отходили по следам немцев. Опять из заснеженных полей выскочили советские танки, на этот раз шесть машин. Из леса вылетела кавалерия, примерно три-четыре сотни всадников. Из деревушки, которая находилась в стороне от дороги, ударили орудия. Кругом взрывы и хаос. Противник среди нас. Где свои и чужие, не всегда понятно. И, отбив атаку красной конницы, я отдал приказ уходить в лес. Мы перестали идти за немцами, которые оторвались от нас, а пошли за отступившими советскими конниками, и вскоре напоролись на вражеский лагерь.

Подобно штормовой волне солдаты накатили на противника и советские кавалеристы, которые подобного не ожидали, бросая лошадей, скрылась в дремучей вековой чащобе. Снова мы одержали победу и выжили, добыли пропитание, оружие и боеприпасы, а враг бежал.

В лесном лагере мы смогли перевести дух и подкрепиться. На дорогу выходить нельзя, там вражеские танки, а в небе советские штурмовики. Поэтому дальше пошли по лесам, и это оказалось правильным решением. Двигались медленно, но уверенно, и 30-го января вышли из окружения и невдалеке от Малоярославца соединились с немецкими войсками. От дивизионной группы "Россия" и влившихся в нее солдат других инациональных соединений, остались жалкие опметки. А если быть точным, я вывел из Московского котла 1784 солдата и офицера.

48.

Ровеньки. 01.02.1943.

Я прошелся по улице и осмотрелся. Спокойно. Ничего подозрительного не заметил. Казаки моей группы неподалеку. Они смешались с местными жителями и внимание к себе не привлекали. Все в гражданке. Немцы в городе, конечно, есть, но никто не проявлял интереса к тому, что сейчас происходило в здании районного ШУПО.

Еще раз окинув улицу взглядом, я вернулся в машину, присел рядом с водителем, плотнее запахнул пальто и замер. Со своей стороны я сделал все, что требовалось. Оставалось дожидаться Иванова и Тихоновского, а затем доставить их в Новочеркасск.

Что мы делаем в Ровеньках? Вопрос, конечно, интересный, ведь это не территория Доно-Кавказского Союза. Однако ответить не сложно. Моя группа обеспечивает безопасность переговоров, которые ведутся в Ровеньках между двумя ветвями казачества.

Это предварительная встреча, на которой оговариваются условия другой, более серьезной с участием генералов и атаманов. От донцов, кубанцев и терцев мои начальники. От малороссийских казаков начальник Ровеньской районной ШУПО Орлов и атаман слободского казачества Приходько. Что характерно, переговоры ведутся тайно. А цель — заключение союзного договора.

Ни для кого не секрет, что немцы к украинцам относились, словно к собакам. В самом начале войны Гитлер успел много чего сказать о неполноценных народах и славянах в частности, и его слова до сих пор являются руководством к действию для новых хозяев Украины. Взять как пример рейхскомиссара Эрика Коха. Не так давно он во всеуслышание объявил: "Украина является для нас всего лишь объектом эксплуатации, она должна оплатить войну, и население должно как второстепенный народ использоваться для решения военных задач, даже если его надо ловить с помощью лассо". А вот другие его слова: "Не существует никакой свободной Украины. Смысл нашей работы в том, чтобы украинцы работали на Германию".

Казаков это не касалось. В рейхскомиссариате "Украина", который немцы уже объявляли частью Германии, казаки считались потомками остготовов и получали права фольксдойче. Все по заветам покойного Адольфа. Разумеется, если казаки могли доказать свое происхождение или купили поддельные документы. Поэтому казачество имело относительную свободу. На территории Черниговской, Сумской и Харьковской областей возникло Украинское Слободское казачье войско, а в Донецкой и Луганской областях отделы Всевеликовского Войска Донского. А помимо них, словно грибы после дождя, появились различные общины, округа, коши и куреня, на основе которых создавались вспомогательные военизированные соединения. И список этих казачьих формирований, которые не смешивались с Украинской Народной Армией, выглядел серьезно:

580-й охранный корпус 580-го тылового района.

531-й охранный корпус 531-го тылового района.

Охранный корпус РСХА-СС "Прюцмана", "Волынского Штаба борьбы с бандитизмом РСХА-СС" (2 казачьих полка вермахта, 1 казачий полк полиции, 10 казачьих батальонов).

454-я охранный дивизия вермахта (4 казачьих полка).

741-я бригада особого назначения (2 полка, 8 батальонов).

721-я бригада особого назначения (10 батальонов).

Казачий вербанд "Феодосия" (1 полк, 8 батальонов).

Херсонская дивизионная группа "Фон Панвиц" (3 полка, 8 батальонов).

57-й казачий охранный полк "Цвиста", он же полк "Вольного казачества".

179-я полковая боевая группа 79-й пд.

Казачий Волнавахский абтелунг 106-й АГ.

Казачий Мариупольский абтелунг 106-й АГ.

Симферопольский казачий эскадрон.

Абтелунг Шалибабаева.

Абтелунг Ноймана.

Абтелунг Жерар де Сукантона.

121-й ШУМА батальон.

126-й ШУМА батальон.

135-й ШУМА батальон.

159-й ШУМА батальон.

160-й ШУМА батальон.

161-й ШУМА батальон.

7 казачьих районных отделений украинской ШУПО в Донбассе.

Общая численность этих казачьих формирований по самым скромным прикидкам около сорока тысяч бойцов. Как правило, они находились под командованием немецких офицеров и некоторые из них уже воевали с большевиками. Соответственно, кто был полезен оккупационным властям или Вермахту, чувствовал себя при новой власти довольно вольготно. Однако оккупанты есть оккупанты. Все равно они остаются чужаками. Поэтому часть казаков, в основном этнических, а не русских и украинцев, которые "стали казаками", мечтала о большей свободе. Они видели, что появился Доно-Кавказский Союз, государство казаков, и тянулись к своим. Именно так — к своим. Немцы им не родня. Украинцы и русские, хоть и славяне, тоже инородцы, пусть даже нас связывают века совместного проживания в Российской империи. И со стороны атаманов Украинского Слободского казачьего войска, которых поддержали донцы Донбасса и Луганска, было сделано предложение о переселении этнических казаков, кто осознавал себя частью казачьего народа, на территорию Дона и Кубани. Насколько серьезным оно было? Никто не знал. Как к этому отнесутся немцы? Тоже не ясно. И на разведку были отправлены Иванов с Тихоновским, а моя группа их прикрывала. Официально от партизан, а на самом деле от немцев. И если какой-то рьяный немецкий чиновник или офицер из комендатуры города решит задержать посланцев ДКС для разбирательства (вряд ли, но такого развития событий исключать нельзя), на солдат гарнизона нападут "партизаны" и пока будет идти бой, мои начальники скроются. Но, слава богу, все спокойно. Орлов гарантировал безопасность, и свое слово пока держал. Но самое главное — нас прикрывал Абвер. Конечно же, неофициально. Поэтому "тайные переговоры" не такие уж тайные.

У меня по поводу всего происходящего мнение сложилось давно. Казак он и есть казак. Донской, кубанский, терский, уральский, забайкальский или потомок запорожцев. Все мы от разных корней, в каждом смешалась кровь многих народов и племен. Но все мы дети Дикого поля и потомки вольных людей. Поэтому мы не ищем того, что нас разделяет, а ищем то, что объединяет. Мы — народ казаков. Если потомок казачьего рода это осознает, живет по заветам предков и является носителем казачьей культуры, значит, он наш. И если удастся договориться о переселении украинских казаков на Дон, то это хорошо. Земли у нас много, а людей не хватает. До сих пор многие станицы полупустые с Гражданской войны стоят. Даже, несмотря на завоз красноармейских семей из Центральной России, которые занимали казачьи хаты. Да и эта война уже унесла много жизней. Десятки тысяч мужчин погибли, одни сражаясь за коммунистическую партию и Советский Союз, а другие за Германию и Присуд. А были еще казачьи семьи, которые большевики успели принудительно эвакуировать за Волгу или на Кавказ. Кто-то уже возвращается, но людей все равно не хватает, а впереди новые сражения. В чем в чем, а в этом после поражения немцев под Москвой сомневаться не приходится.

Честно говоря, когда мне говорили о неминуемом поражении Вермахта, я отмалчивался. Слишком сильной казалась немецкая военная машина. Она, конечно, должна была забуксовать и когда-нибудь сломаться, но не так быстро. Однако битва за Москву показала мощь Красной армии. Потери Германии огромны и на развалинах русской столицы произошел перелом в войне. Сами немцы говорят, что не все так плохо, как может показаться, ибо из котла смогли вырваться почти сто тысяч солдат. Однако я им не верил и

больше прислушивался к Совинформбюро, которое заявило, что разбиты тридцать девять немецких дивизий, в плену больше ста десяти тысяч человек, половина из которых ранены и обморожены, а генерал Хейнрици вывел из котла всего тридцать пять тысяч солдат.

В любом случае, как бы там под Москвой ни складывалось, скоро начнется откат. Дно-Кавказский Союз может оказаться один на один против всей советской мощи и придется сражаться самим. Конечно, при условии, что будет хотя бы призрачный шанс отстоять свою свободу. Поэтому каждый воин на счету и наше правительство пытается создать, вооружить и обучить как можно больше сотен, батальонов, полков, бригад и дивизий. Правда, есть еще РОА — Русская Освободительная Армия, в которой уже больше ста сорока тысяч бойцов. Но, как и наши атаманы, я уверен, что Трухин сотоварищи нам всерьез помогать не станут. Хотя бы потому, что многие считают нас самостийниками. Вообще странные они люди, русские патриоты, что советские, что имперские. Дать независимость или самоуправление грузинам, татарам, армянам, киргизам или таджикам, всегда готовы. Половину империи могут подарить — для "друзей" не жалко. А как только речь заходит о самостоятельности казаков, которые не отделяют свою судьбу от России и желают получить автономию, сразу встают на дыбы. С чем это связано? Не знаю. Скорее всего, таков их менталитет. Заложено что-то в мозги и вырвать это из их черепных коробок никак не получается. Недавно читал статью Бориса Савинкова "Вольное казачество" и там точно такие же мысли. Можно даже процитировать:

"Так называемое "самостийное" движение среди казачества принято рассматривать почти как государственное преступление. Так его рассматривали Колчак и Деникин. Так его рассматривают Авксентьев, Керенский, Милюков. Люди, которые торжественно заявили и заявляют, что они борются за свободу, когда речь идет не только о свободе на

шей, великороссов, но и свободе остальных народов, входивших в состав бывшей Российской империи, и в частности, и может быть, в особенности о свободе казачьей, не колеблясь ни на мгновение отрицают эту свободу.

Чем объяснить это вопиющее противоречие? Я спрашиваю: почему москвич имеет право на управление своей родиной, страной, а кубанец или донец лишен этого права? Я спрашиваю: почему москвич, имея право на управление своей родной страной, посягает еще на управление Кубанью и Доном? И я спрашиваю: почему кубанец или донец обязаны умереть за Москву?

Мне скажут: нет донцов, нет кубанцев, нет терцев, есть только русские люди. Казаки — те же великороссы, но отселившиеся на окраины государства. Да, конечно, казаки такие же православные, говорящие на русском языке, русские люди, как и великороссы (не забудем, однако, что на Кубани есть немало казаков-украинцев). Но ведь у казачества свой особый уклад, свои особые нравы, своя история, свои законы. Но ведь казачество не покушается на Москву и не отрекается от Москвы. Но ведь казачество желает только одного — чтобы мы, великороссы, не вмешивались в его, казачьи, дела и не насиловали его, казачьей, воли. Я не сомневаюсь, что независимые Дон, Терек, Кубань найдут приемлемый, достойный и их, и Москвы, и выгодный для нас всех способ сожителства с свободной Великороссией. Но способ этот должен быть утвержден не принудительно, не вооруженной рукой, а добровольным и добросовестным соглашением.

Казаки были готовы грудью защитить родные станицы. На Дону, на Маныче, на Кубани легли тысячи и тысячи казаков в борьбе против коммунистической власти. Но Деникину слышался перезвон московских колоколов, и казаки пошли на Москву, и усеяли своими

труппами путь до Орла, и вернулись в Новороссийск к "пароходным дымкам". Разумно ли поступил Деникин? Как знать. Может быть, кубанцы, терцы, донцы отстояли бы свои казачьи земли, если бы не поход на Москву. И, может быть, не было бы ныне горя казачьего, того тяжкого горя, которое ходит по белу свету, мыкаясь по Турции, Болгарии, Германии, Сербии, Польше в то время, когда заливаются слезами родные станицы.

Принуждением не выстроится Россия. Пулеметами воедино не соберется. Когда в Москве падет враждебная народу власть, когда в Москве не будет ни Троцких, ни Романовых, ни жандармов, ни чрезвычайек, ни генерал-губернаторов, ни комиссаров, когда в Москве будет мир и свобода, — независимое казачество само потянет руку, положит первый камень государственному строительству новой "третьей" России, народной, крестьянской, казачьей" ...

Вот такие рассуждения, которые мне близки...

Прерывая мои размышления, из штаба ШУПО вышел Иванов, а за ним появился Тихоновский. Судя по их улыбкам, встреча прошла удачно, и можно уезжать. Отлично. Чем скорее вернемся в Новочеркасск, тем быстрее я окажусь дома, в уютной теплой квартире, и увижу Анну.

49.

Новочеркасск. 27.02.1943.

Ночь. Конец февраля, холодно и за окном снова падал снег. Я в одиночестве сидел на городской базе группы. Придвинулся поближе к печке, в которой горел огонь, и мелкими глотками пил горячий чай.

Позади еще один день. Сегодня я опять был в дороге, вместе с Ивановым мотался в лагерь военнопленных под Батайском, и то, что там увидел, несколько выбило меня из колеи. Много плохого я видел за последние пару лет. Прошел путь от детдомовского воспитанника и красноармейца до диверсанта Абвера и командира отдельной казачьей группы. Но временный концентрационный лагерь военнопленных, по сути, перевалочная база, все-таки оставил в душе неприятный осадок.

Огромный глиняный карьер с отвесными стенами. Он окружен колючей проволокой и вышками, на которых находились охранники. А внизу несколько бараков и живая человеческая масса, больше трех тысяч человек в грязных оборванных шинелях. С неба срывался мокрый снег, а температура воздуха минус семнадцать градусов. Люди при таких условиях мерли, словно мухи. Пайку военнопленным давали скудную, они за нее дрались и часто происходили убийства. О том, чтобы как-то сберечь людей, никто не думал. Лагерь жесткий и на это имелись причины.

Во-первых, сейчас уже не сорок первый год, когда с военнопленными старались обходиться по-человечески. Я помню лагерь, в котором находился, когда оказался в плену, и разница бросалась в глаза сразу. А во-вторых, под Батайском находились главные наши враги: коммунисты, политруки и красноармейцы, которые были захвачены в плен с оружием в руках и до последней возможности пытались сопротивляться. Почти все они из-под Сталинграда, который немцы все-таки взяли. Но были и такие, кого пару дней назад доставили специальным эшеленом с Кавказа и пока держали отдельно, в основе это бойцы красных казачьих корпусов, Донского и Кубанского. А у нас ведь как? Так или иначе все казаки родня, корни общие, и один из военнопленных оказался двоюродным братом Лазаря Митрофановича Иванова. Вот он в лагерь и поехал, а я вместе с ним. Мог послать кого-то из

казаков, но решил своими глазами посмотреть на упертых большевиков. Ну, увидел, что хотел. А дальше-то что? Вот сижу теперь и вспоминаю все события прошедшего дня, делаю какие-то выводы, рву себе душу и размышляю о перспективах дожить до окончания войны.

Когда добрались до лагеря, нас уже ждали. Охрана наша — казаки одной из тыловых сотен. Комендант, по совместительству командир сотни, есаул Щербаков, доложил Ивану и проводил нас в штаб, аккуратную хатку недалеко от карьера. После чего привели ивановского родича, худого и крайне истощенного мужчину с отстраненным взглядом уставшего от жизни человека, которому на все плевать.

Лазарь Митрофанович попросил коменданта не мешать беседе и удалиться, а сам разместился за столом. Но когда появился военнопленный, он слегка привстал, пристально в него всмотрелся и спросил:

— Никифор, ты что ли?

Военнопленный поднял голову, скользнул по Иванову взглядом и, отвернувшись в сторону стены, ответил:

— Красноармеец Никифор Саблин, 25-кавалерийский полк 15-й Донской казачьей дивизии.

— Это же я, Лазарь, — Иванов нахмурился и снова присел: — Не узнал?

— Узнал, — Саблин по-прежнему смотрел на стену.

— Присаживайся, брат, погугарим.

— Не об чем мне с тобой гугарить. Не брат ты мне.

— Отчего же? — от сдерживаемых гневных чувств лицо Иванова слегка побагровело.

— Шкура ты... Родину продал...

— Смотрю, хорошо тебя комиссары обработали, Никифор. Забыл, как мы большевиков вместе рубали? Помнишь восемнадцатый год?

— Что было, то прошло. Я за свои ошибки молодости ответил и кровью за них заплатил. Сначала в Польше, когда ляхов рубал, а потом в тюрьме.

— И все-таки присядь, Никифор, — Лазарь Митрофанович скривился, словно съел кислоту. — Ты от родства нашего отрекаешься, а я нет.

Молча, Саблин покачал головой, и Лазарь Митрофанович кивнул мне, мол, помоги красноармейцу. Я все понял правильно, отлепился от теплой печи, приблизился к Саблину и слегка подтолкнул его к столу. Он едва не упал, зыркнул на меня злым взглядом и все-таки присел на табурет.

— Есть хочешь? — поинтересовался у него Иванов.

— Харчами купить собираешься? — огрызнулся Саблин. — Не выйдет.

— Перестань, — Лазарь Митрофанович слегка ударил ладонью по столу. — Не ершишь, не надо. Хорунжий, мечи на стол, что есть.

Продукты у нас были, свежий хлеб, консервы, сало и колбаса. Я наготавливать не стал, порубал шматками колбасу и сало, порезал хлеб и вывалил все это на большое блюдо, а затем снял с печи чайник и налил в жестяную кружку кипятка. Заварка и сахарин нашлись в запасах коменданта. Этого пока хватит.

Саблин посмотрел на продуктовое изобилие, сглотнул голодную слюну и опустил голову. Сильный человек — решил ничего не брать у "врагов", уперся и не отступает, хотя заметно, что давно уже голодает и находится на грани. Еще немного и помрет.

— Чего не ешь? — Иванов вопросительно кивнул родственнику.

— Не могу, пока другие голодают.

— А я ради этого и приехал. Тебя повидать, само собой. Но главное — позаботиться о пленных казаках.

— Только о казаках?

— Да.

— А остальные не люди?

— До остальных мне пока дела нет.

Пленный снова посмотрел на еду и попросил:

— Отпусти меня, Лазарь. Христом Богом прошу. Не мучай. Не хочу я с тобой говорить и на еду смотреть не могу.

— Не выйдет, Никифор. Поговорить со мной придется. Пока не погутарим, будешь сидеть здесь, в тепле, перед едой, а твои друзья будут стоять на морозе. Ешь!

Последнее слово прозвучало, словно команда, резко и отрывисто. Тут уже Саблин не выдержал и накинулся на еду. Первый кусок колбасы буквально проглотил, почти не прожевывая, и я подумал, что надо его притормозить, как бы заворот кишок не произошел. Но он сам догадался, что торопиться не стоит, и дальше ел не торопясь, сдерживая жадность, и запивая еду чаем.

Пока Саблин насыщался, мы молчали и наблюдали за тем, как он ест. Но все когда-нибудь заканчивается. Блюдо опустело, и чай был выпит. Я снова наполнил кружку кипятком и пододвинул ее пленному, а он добавил заварку, взял кусок сахара и обратился к Иванову:

— Раз уж так все вышло, говори, что тебе надо. Только учти, я никаких военных секретов не знаю. Обычный красноармеец.

— Запомни, Никифор, ты не красноармеец, а казак. Красный, но казак. Этого ничем не отменить. Мы с тобой родились казаками, живем как казаки и умрем казаками.

— Хорошо, — согласился Саблин.

— Как ты жил все это время?

Никифор пожал плечами:

— Как и все, кто на запад не удрал. Когда Деникин на Кубань уходил, я в станице остался. Пришли большевики, поставили перед выбором — либо к стенке, либо за них воевать. Я решил, что лучше воевать. В Крым, когда Врангеля добивали, не попал. Оказался на польском фронте. Потери были большие, и я дослужился до командира сотни. А когда мы отступили, меня демобилизовали. Возвращаюсь домой и как раз под раскулачивание попал. Что у нас было, все отобрали. Батя кой чего схоронил и мы выжили. А потом послабление нам вышло, даже снова поднялись. Дети родились. В тридцать третьем батю схоронил. А в тридцать четвертом сцепился с комсомольцами, наговорил лишнего, подрался с ними и одного крепко приложил. Мне дали семь лет. Отсидел пять. Выпустили. Опять вернулся домой, а тут война. С вами, шкурами, кто за немца, мне не по пути. Потому пошел добровольцем на фронт. С первого раза не взяли — судимость и не было доверия. Зато когда казачью кавалерию набирать стали, вопросов уже не задавали. А там нас погнали, через Кубань до Дагестана и дальше. Половина нашего корпуса к Волге ушла, а половина в горы. В плен попал уже в Азербайджане и меня хотели в распыл пустить. Но казачья справа спасла. Немцы как увидели, что казак, передали шкуровцам, а они уже сюда отправили. Такая вот история. А ты как жил за границей? Небось жировал, пока из нас здесь последние жилы тянули? Красиво жил?

— Не дай Бог, брат, никому такой "красивой жизни", — Иванов покачал головой. — Но

речь не обо мне. Сколько казаков сейчас в этом лагере?

— Не считал. Сотен пять, наверное. Ты начальник, коменданта спроси.

— И все думают как ты? Такие же упертые?

— Люди разные. А ты хочешь предложить амнистию, чтобы казаки к вам перешли и немцам стали служить?

— Не немцам, а Присуду, земле казачьей.

— Она как... — протянул Саблин. — О Присуде заговорили... Жди большой крови...

— Куда уж больше? Она и так потоками льется. Не мы войну начинали и, скорее всего, не нам ее заканчивать. Появился шанс что-то исправить и вернуться на Родину. Мы его использовали и стараемся из этой ситуации что-то выжать.

В хате воцарилась тишина. Саблин аккуратно пил чай, а Иванов размышлял. Братья молчали минут пять, а затем Лазарь Митрофанович спросил Никифора:

— Если я тебя на поруки возьму и в родную станицу отправлю, что делать станешь?

Саблин помялся и ответил честно:

— Отлежусь и осмотрюсь. А потом не знаю. Честно говоря, силы на исходе. Я вас ненавижу, потому что против родной страны пошли. Но жену и деток повидать охота.

— Решено — я тебя забираю. Под свою ответственность. Сегодня побудешь со мной, мне есть, что тебе сказать, а завтра отправлю к жинке и детишкам.

— А что с другими военнопленными?

— Казаки отдельно, с ними разговор особый. Насчет комиссаров и коммунистов ничего не скажу — мне на них плевать.

— Не по-людски это... Я уезжаю, а они здесь...

Иванов посмотрел на меня:

— Хорунжий, выйди.

Кивнув, я покинул хату и обнаружил рядом с ней коменданта, который кинул взгляд на дверь и спросил:

— Разговаривают, братья?

— Да, — ответил я и, подумав, что среди пленных казаков могут быть и мои родственники, задал сотнику вопрос: — У тебя списки сидельцев далеко?

— В штабе.

— Не помнишь, по фамилии Погиба есть кто?

Он задумался, а потом помотал головой:

— Нет. Фамилия такая, что я бы запомнил. Сам понимаешь, к казакам приглядываемся особо. Была бы возможность, кормили бы лучше и дрова давали. Но чего нет, того нет.

— Понятно.

Иванов и Саблин вышли из хаты через четверть часа. О чем именно они говорили, меня не касалось. Видимо, у них были какие-то семейные темы. Однако одно могу сказать точно — Никифор уже не упрявился и перестал называть родственника предателем.

Все документы на передачу военнопленного были оформлены быстро. После чего Иванов сказал сотнику, что уже завтра его временный лагерь прекратит свое существование. Казаков отправят в Ростов, где ими займется специальная комиссия. А за остальными придут немцы. Сотника это известие обрадовало и, когда мы покидали лагерь, он махал нам вслед рукой и улыбался.

В Новочеркасск вернулись под вечер. Иванов высадил меня возле городской базы и велел ждать Тихоновского. Желательно, чтобы я был один.

Машина умчалась, а я зашел на территорию базы, отпустил дежурного, пусть будет неподалеку, но не высовывается, и остался в одиночестве. Самое время подумать. Однако чем больше я размышлял о своей судьбе и тех испытаниях, которые были уготованы нашему народу, тем мрачнее становился. Невеселые думы в голове, тяжкие.

С одной стороны лично у меня все неплохо. Офицер и командир подразделения. Хорошее жалованье, есть заначка на черный день, горсть драгоценных камней, и в уютной квартире меня ожидает любимая девушка.

А с другой стороны имеется серьезная озабоченность будущим, которое туманно и не сулит ничего хорошего. Хотя бы по той причине, что моя жизнь тесно сплетена с Доно-Кавказским Союзом.

Весь мир объят войной. В Тихом океане идут сражения между японцами и американцами. В Азии самураи захватывают новые территории и бьют китайцев. В Персии Роммель в очередной раз разгромил англичан и рвется в Индию. Над Ла-Маншем ежедневные воздушные битвы, а в северных морях схватки между немецкими "волчьими стаями" и союзниками. Но все это далеко и меня не волновало. Гораздо важнее, что происходит на Восточном фронте и на Присуде.

С фронтом более-менее понятно. Немцы потеряли Москву, но зато захватили Сталинград и Астрахань. А затем почти везде наступило временное затишье. Идут бои местного значения на подступах к Ленинграду, вдоль Волги и в Азербайджане, где немецкие и турецкие войска при поддержке казаков и кавказских легионов пытаются добить остатки шести советских армий. В сводках проскальзывают названия населенных пунктов: Хаммас, Куба, Нуха, Евлах, Тертер, Сабирабад. Но где это я представлял слабо. Понятно только, что основная цель для немцев и турок — Баку.

А вот в ДКС изменений много и постоянно что-то происходило.

Немцы окончательно передали управление Доном, Кубанью и Ставрополем правительству Доно-Кавказского Союза, которое, конечно, отчитывается перед Имперским министерством оккупированных восточных территорий о том, что делает, но с каждым днем ведет себя все более уверенно и независимо. Заводы и фабрики, как оставались под немцами, так и остаются. Зато удалось договориться о размещении наших заказов на местных и союзных предприятиях. В частности, в Турции, Румынии, Италии, Сербии и Венгрии. Что из этого получится, каков будет итог и где брать деньги на закупку оборудования, вооружения и боеприпасов, не понятно. Но это лучше, чем сидеть и ждать у моря погоды. Если союзники дадут что-то по кредитной линии или в обмен на продовольствие, мы не откажемся.

Что немаловажно, с обретением независимости, пусть даже ограниченной, Доно-Кавказский Союз вывел своих граждан из-под юрисдикции оккупационных властей, а затем договорился с немцами о том, что наши люди не будут угоняться в Германию на работы. Есть Украина, Белоруссия и Центральная Россия, а нас трогать не надо, и немцы это приняли. Особенно после того как во Львове, Минске и Киеве прошли массовые акции неповиновения, которые вылились в вооруженное сопротивление оккупантам. Достоверных сведений об этом нет, но по слухам на подавление восстаний немцы были вынуждены отвлечь несколько дивизий и Альфред Розенберг решил пересмотреть политику по отношению к местному населению.

Финансы и документы. Скоро у нас появятся свои паспорта и денежные знаки. Конкурс объявлен, и правительство рассматривает проекты. Что-то выберут и решат. Может быть, к

лету управятся, и я начну получать жалованье в южных рублях, доно-кавказских гривнах или северокавказских тугриках. Немецкие рейхсмарки, конечно, надежнее. Но свое есть свое. Хотя я прекрасно понимаю, что наши дензнаки ничем кроме честного слова Петра Николаевича Краснова и его министров пока не обеспечены. Золотого запаса нет, зато есть земля и люди. Вот это наше главное богатство.

Законы. Тут все просто и одновременно с этим сложно. Просто, потому что ДКС начинает жить по законам, которые были приняты Всевеликим Войском Донским и Кубанской Радой в период Гражданской войны. Ничего придумывать не надо, берется самое лучшее и распространяется по селам, станицам и городам. А сложность в том, что не всегда и не везде эти законы исполняются. Слишком большая территория, слишком мало опытных управленцев и чиновников, слишком велика инертность людей, привыкших жить при советской власти, и слишком много тех, кто не верит в жизнеспособность Союза. А раз не верит, значит, ждет большевиков или готовится к побегу на запад. Одни саботируют все указания сверху и вредят, а другие набивают собственные карманы. Но это временно. Порядок будет установлен, я в этом уверен.

Вооруженные силы. Вот этим мы можем гордиться. Сто вторая Донская казачья бригада Кононова, которому помимо казаков подчинили часть калмыцких добровольческих отрядов, под Сталинградом. Первая Кавказская казачья дивизия в Азербайджане, а ее тыловые подразделения под Пятигорском. Первая казачья кавалерийская дивизия три дня назад прибыла в Ростов и находится на отдыхе. А 1-я Кубанская казачья дивизия, Отдельная бригада ОСНАЗ, 1-я и 2-я Сводно-казачьи пешие бригады заканчивают формирование. Благо, есть постоянный приток добровольцев из местных жителей, из РОА и с Украины. С авиацией, речными и морскими флотилиями, батальонами ШУПО и ШУМА, без особы изменений. О чем еще стоит упомянуть? Вспомнил! Валентин Беринг сформировал казачью парашютно-десантную роту, и получил от немцев снаряжение, а так же два транспортных "юнкерса" и один "дорнье". Но этого мало и он считает, что необходим полноценный батальон десантников, который будет иметь свой аэродром и собственную авиацию, не только транспортную, но и эскадрилью прикрытия...

Во дворе послышался шум. Кто-то пришел. И, прогнав посторонние мысли, я приблизился к главному входу. Дом у нас старый, на высоком фундаменте, а над дверью узкое окошечко и виден весь двор.

Свои. Возле дома под светом лампы стоял Тихоновский, а за его спиной еще один человек.

Открыв дверь, я впустил гостей и узнал того, кто пришел с моим начальником. Это был Иван Сергеевич, преподаватель из школы урядников, который передавал мне привет от дядьки Кондрата.

Мы прошли в дом, и Тихоновский представил гостя:

— Знакомься, это Иван Сергеевич Алейник.

Преподаватель усмехнулся и кивнул Тихоновскому:

— Мы с Андреем знакомы.

— Вот как? — немного удивился он и посмотрел на меня.

— Школа урядников, — пояснил я.

— Хорошо, быстрее найдете общий язык.

— Найдем, — мы с Алейником ответили одновременно.

Снова Тихоновский обратился ко мне:

— Как у тебя дела?

— На личном фронте порядок. По службе тоже. Вчера группа вернулась с тренировок, казаки отдыхают.

— Добро. Я уезжаю, меня посылают на Кубань. А твоим непосредственным начальником становится Иван Сергеевич.

Не могу сказать, что меня это обрадовало. Привык к Тихоновскому, а новый начальник, хоть и знакомая личность, но я его знал плохо. Впрочем, это неважно. Все мы люди, все мы человеки, разберемся, что к чему.

50.

Москва. 20.03.1943.

Заместитель командующего Западным фронтом генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов нервничал. Его срочно вызвали в Москву, к товарищу Сталину, который недавно вернулся в столицу. Волю хозяина следовало выполнять без промедления, и генерал Власов вылетел в Москву на самолете У-2. Под крылом проносились поля и леса, разграбленные и сожженные дотла деревушки, забитые колоннами солдат размытые весенние дороги и речушки. Самолет быстро приближался к одному из полевых московских аэродромов, а генерал прокручивал в голове свою жизнь и пытался понять, зачем он понадобился хозяину.

Андрею Андреевичу сорок два года. Он родился в селе Ломакино, Нижегородской губернии. Из бедной крестьянской семьи. Собирался стать священником и учился в духовной семинарии. Но началась Гражданская война и в 1919 году, окончив четырехмесячные командирские курсы, он был назначен на должность командира взвода и отправился на Южный фронт. Служил во 2-й Донской стрелковой дивизии. Воевал с беляками и казаками на Северном Кавказе, а потом в Таврии, добивал Врангеля и давил махновцев, вчерашних союзников советской власти, которые стали врагами.

После окончания Гражданской войны Власов продолжил военную карьеру. Он учился и служил, поднимался по служебной лестнице и был образцовым командиром Красной армии, а с 1937 по 1938 года являлся членом трибунала Ленинградского и Киевского военных округов. Что характерно, за это время трибунал не вынес ни одного оправдательного приговора, а Андрей Андреевич зарекомендовал себя как жесткий, волевой и принципиальный коммунист. С августа 1937 года он командир полка. С апреля 1938 года помощник командира дивизии. Осенью этого же года направлен военным советником в Китай, с обязанностями справлялся хорошо и был отмечен китайским правительством. Чан Кайши наградил его орденом Золотого Дракона, а жена китайского лидера подарила Власову часы. Правда, после возвращения в СССР орден и часы у Андрея Андреевича отобрали сотрудники НКВД, но память все равно осталась.

На родине Андрей Андреевич был отправлен с инспекцией в 99-ю стрелковую дивизию, в которой он раньше служил. Его преемник активно изучал тактику Вермахта и Власов указал об этом в рапорте. После чего комдива арестовали и объявили шпионом, а Андрей Андреевич занял его место. Военская дисциплина и исполнение уставных норм — именно на это делал упор комдив Власов, который хотел, чтобы его дивизия стала лучшей, и добился своего. Вскоре 99-я стрелковая дивизия была награждена переходящим Красным Знаменем и ее признали лучшей в Киевском военном округе. Самого Андрея Андреевича при этом наградили золотыми часами и орденом Красного Знамени, а еще о нем писались хвалебные статьи в "Красной Звезде" и других газетах.

Андрея Андреевича заметили. Сам товарищ Сталин обратил на Власова внимание и его карьера пошла в гору. В январе 1941 года он был назначен командиром 4-го механизированного корпуса Киевского особого военного округа, а в феврале уже награждён орденом Ленина.

С началом войны Власов проявил себя как преданный партии военачальник, который выполнял все поставленные перед ним приказы и добивался результатов. А когда немцы стали подступать к Москве, Власов стал командующим 43-й армией, сразу вошел в курс дела и на его участке обороны фашисты долгое время не могли прорваться к столице.

В сорок втором году Андрей Андреевич принял командование другой армией, 2-й Ударной, и снова показал себя с наилучшей стороны. Именно благодаря его своевременным действиям в сентябре 1942 года в окруженной Кашире за двое суток были полностью истреблены четыре немецкие пехотные дивизии немцев и части украинских националистов. Это была значительная победа, и вновь Андрея Андреевича осыпали наградами и повысили в звании. Стране требовались герои, не только рядовые бойцы, но и военачальники, и Власов стал одним из них. По заданию Главного политуправления о нем пишется книга под названием "Сталинский полководец". У него брали интервью ведущие советские и иностранные журналисты. А американский корреспондент Ева Кьюри писала о нем: "Этот человек знает, как сражаться, и сражается не только с решимостью, не только с храбростью, но и со страстью". Без сомнения, на тот момент он являлся "одним из любимых командиров Сталина". Поэтому от него ждали новых успехов, и он снова себя проявил в период окружения Московской группировки немцев, а затем во время ее ликвидации.

Однако сорок третий год начинался для генерала Власова не очень удачно. Его 2-я Ударная армия понесла значительные потери, выпустила из Москвы крупную группировку немцев и не смогла взять Козельск. После чего Андрея Андреевича назначили на должность заместителя командующего Западным фронтом. Вроде бы как повышение. Но должность не давала возможности себя проявить. А недавно жена прислала письмо и в нем были кодовые слова: "Приходили гости". Это значило, что квартиру генерала посетили сотрудники НКВД и был произведен обыск. Тучи сгущались. Генерал Власов смотрел в будущее без особого оптимизма и неожиданный вызов к хозяину, как ему казалось, не сулил ничего хорошего...

Тем временем У-2 пролетел над разрушенными кварталами и приземлился в городе, в районе Люблино, на расчищенную от камней, кирпичей и прочего строительного мусора площадку. Генерал вылез из самолета и практически сразу подъехал правительственный автомобиль, из которого вышел подтянутый полковник. Власов его знал — Кириллов из "Особого сектора ЦК ВКП(б)". Его часто видели рядом с хозяином, а потом он пропал — говорили, провалил какое-то особо важное задание и впал в немилость. И вот он снова в свите хозяина.

— Андрей Андреевич, — полковник Кириллов кивнул Власову, — мне поручено встретить вас и разместить в гостинице.

— Гостиница... — протянул генерал, осматриваясь. — Откуда?

— На самом деле это временка невдалеке от Кремля, — усмехнулся Кириллов и указал на автомобиль. — Прошу.

Власов сел в машину, она медленно двинулась к центру столицы, а генерал смотрел в окно.

Везде движение и кипела работа. Сотни тысяч людей разбирали руины. В основе женщины и подростки, которые трудились по двенадцать часов в день. Они съехались со

всей страны и вкалывали не жалея сил. Да и как иначе? Ведь Москва — символ, центр государства, сердце страны. И чем быстрее столица будет восстановлена, тем лучше. Освобождение города вызвало ликование всего советского народа и огромный патриотический подъем. Теперь уже никто не сомневался в исходе войны. Особенно после возвращения в Москву правительства, Ставки Верховного Главнокомандующего и самого товарища Сталина.

Невдалеке раздалась серия негромких взрывов. Но рабочие не отвлекались. Видимо, привыкли к подобному. А Кириллов пояснил:

— Саперы работают. В городе много неразорвавшихся боеприпасов и мин. Часто нет возможности их вывезти. Поэтому подрывы производятся в городе.

Генерал, молча, кивнул, и снова стал смотреть в окно. Однако вскоре автомобиль въехал на огороженную бетонными блоками территорию и остановился.

— Приехали, Андрей Андреевич, — сказал полковник и добавил: — Скорее всего, хозяин вызовет вас ночью, ближе к полуночи. Так что спать лучше не ложитесь, я за вами заеду.

— Хорошо, — Власов кивнул и, подхватив походный чемоданчик, вышел.

Гостиница для высшего комсостава находилась в километре от развалин Кремля. Несколько деревянных коттеджей, которые были собраны на скорую руку. Однако все необходимые удобства имелись. Можно было поесть, помыться, выспаться, подстричься и даже посмотреть кино.

Власова снова встретили, проводили в номер, просторную комнату в одном из коттеджей, и он стал готовиться к встрече с хозяином. Для начала достал генеральский мундир с погонами, которые были введены в частях советской армии еще в прошлом году, и отдал его на глажку. Потом посетил баню и парикмахера. Вечером плотно поужинал, послушал сводку Совинформбюро и достал свою личную карту боевых действий, над которой просидел до девяти часов вечера.

Генералу хотелось спать, сказывалось нервное напряжение последних дней. Но он терпел и ровно в 23.00 за ним приехали. Сопровождающим снова был Кириллов. Всю дорогу он молчал, а Власов его ни о чем не спрашивал и подозревал, что сегодня он может отправиться в застенки НКВД. За что? Причину найти не сложно, было бы желание.

Миновав несколько контрольно-пропускных пунктов, машина резко свернула и въехала в подземный гараж. Остановка. Кириллов остался в машине, а Власова в очередной раз встретили. Теперь уже офицеры из личной охраны вождя. Они вежливо и аккуратно его обыскали, а затем проводили к лифту, который опустился в командный бункер, и здесь снова проверка с досмотром.

Наконец, генерал оказался в святой святых, в личных апартаментах вождя, который после переезда из Куйбышева в Москву редко покидал подземное укрытие. Перед кабинетом хозяина секретарь вождя Поскребышев. А напротив него на обитых сукном стульях ждали вызова маршал Ворошилов и начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Шапошников. Власов с ними поздоровался и услышал от Шапошникова:

— Только тебя и ждем, Андрей Андреевич.

Слова начальника Генштаба подбодрили Власова. Если ждут, значит, он нужен. А если так, надо ожидать нового назначения, а не наказания за грехи.

Поскребышев прошел в кабинет вождя и вскоре вернулся, посмотрел на Ворошилова, Шапошникова и Власова, а затем отошел в сторону и сказал:

— Проходите, товарищи.

Власов уже бывал в подземном кабинете хозяина, когда в сорок первом принимал под командование 43-ю армию, и отметил, что обстановка не изменилась. Хотя не так давно в этом помещении находился штаб командующего 4-й полевой армией Хейнрици. Как и прежде, в углу находился монументальный стол вождя. Как и прежде, вдоль левой стены тянулся покрытый кумачом длинный стол для заседаний. Как и прежде, за ним сидели Сталин, Берия, Жуков и Маленков. Как и прежде, на противоположной стене висела огромная карта западных областей СССР с обозначением линии фронта. Как и прежде, хозяин поднялся, шагнул навстречу военным и поздоровался с каждым за руку.

Вновь прибывшие разместились за столом, и Власов оказался напротив Берии, который посмотрел на него так, что невольно у генерала дрогнули колени. Но Андрей Андреевич своей слабости не показал. Пока он нужен хозяину, ему бояться нечего.

— Товарищ Жуков, — с легким кавказским акцентом, произнес Сталин, — доложите обстановку на фронтах.

Жуков вышел к карте и начал доклад. Однако Власов слушал его невнимательно. Он знал обстановку не хуже своего коллеги и был уверен, что ничего нового не услышит.

На Карельском, Ленинградском, Волховском и Северо-Западном фронтах без изменений. На Калининском и Западном фронтах после зимних сражений, уничтожения окруженной немецкой группировки и освобождения Москвы обстановка стабилизировалась и соприкосновение с противником проходит по линии Ржев — Сычевка — Вязьма — Милятино — Калуга — Дубна — Плавск. Брянский, Воронежский и Юго-Западный фронты уверенно держат оборону. Сталинградский фронт не удержал Сталинград, город имени вождя, и обороняет левобережье Волги. Закавказский фронт, точнее, его остатки, держат оборону Баку и Куринской низменности, обстановка крайне тяжелая. На Дальнем Востоке самураи несколько раз провоцировали советских пограничников, но на серьезные действия так и не решились. Они были близки к тому, чтобы начать боевые действия против СССР в прошлом году. Однако после освобождения Москвы притихли и продолжают выжидать.

Доклад Жукова был окончен и Сталин обратился к Власову:

— А что по поводу обстановки и планов германского командования думаете вы, товарищ Власов?

Власов ждал этого вопроса, поднялся и стал излагать свои мысли.

Скорее всего, в ближайшее время положение дел на фронтах останется неизменным. Обе стороны нуждаются в передышке, и сражения будут идти за Баку, удержать который практически невозможно. Для Красной армии единственные способы доставлять подкрепления в Азербайджан — по морю или по воздуху. Но для этого не хватает плавсредств и транспортных самолетов. Следовательно, как бы войска Закавказского фронта ни сопротивлялись, они могут продлить агонию, и не более того. Все это очевидно. А основные события начнут происходить в конце весны и в начале лета. Германия перегруппирует силы, добьет сопротивление Закавказского фронта, соберет в кулак резервы и попытается взять реванш за Московское поражение.

Слова Власова ни для кого откровением не стали. Однако хозяин слушал генерала и не прерывал. А его примеру следовали остальные. И когда генерал замолчал, Сталин сказал:

— Есть мнение, что вы, товарищ Власов, готовы возглавить фронт. Что на это скажете?

Машинально оправив генеральский китель, Власов ответил:

— Готов выполнить любой приказ партии и Верховного Главнокомандующего, товарищ

Сталин. Для выполнения порученных задач приложу все усилия и сделаю все возможное.

— Это хорошо, — Сталин взял со стола трубку, повертел ее в ладони и продолжил: — Командующий Сталинградским фронтом генерал-лейтенант Гордов не справился со своими обязанностями и не оправдал наших ожиданий. Поэтому ми найдем для него иное дело, а Сталинградский фронт будет разделен на два, как это было в сорок втором году. Непосредственно Сталинградский и Юго-Восточный. Ви примете Юго-Восточный. С формированием штаба вам помогут, товарищ Власов. Резервы получите. Однако учтите — ми ждем от вас активных действий, а не пассивной обороны на левом берегу Волги. Тревожьте немцев, дергайте их и не давайте врагу покоя. Отвлеките на себя хотя бы часть сил с Московского и Кавказского направления.

— Слушаюсь, товарищ Сталин, — Власов коротко кивнул.

На этом, как таковое, ночное совещание для Андрея Андреевича было окончено. Ворошилов остался за столом хозяина, а Шапошников и Власов направились в Генеральный штаб.

51.

Новочеркасск. 28.03.1943.

Вечер. Я вошел во двор городской базы и краем глаза заметил Сахно, который стоял рядом с воротами, держался в тени и курил:

— Андрей! — окликнул он меня.

— Чего? — я посмотрел на него.

— Алейник пришел, тебя ждет. Меня из дома на холод выгнал, собака злая. Говорит — нечего в тепле отсиживаться, один охранник обязан находиться снаружи. А у нас как раз смена.

— Где он?

— У тебя в кабинете.

— Будь он неладен, — прошептал я себе под нос и направился в дом.

Тихоновский умчался на Кубань, зачем и почему, он не объяснял. Иванов заседал в комиссии по распределению пленных казаков и постоянно находился в Ростове. Единственным нашим начальником оставался Иван Сергеевич Алейник и за минувший месяц он надоел мне так, что я стал испытывать к нему антипатию. Видеть его уже не мог. Впрочем, не только я, но и казаки моей группы. А причина простая — он очень дотошный и постоянно пытался нас контролировать.

Раньше как было? Иванов и Тихоновский занимались своими штабными делами, а про нас вспоминали, только когда мы были нужны. И нас это устраивало. Я командир. Сахно, Сотников и Дзюба командиры подгрупп, мои заместители и помощники, все держится на них. При этом одеяло на себя никто не тянул, и у нас все было по-братски. Собрались, погутарили и что-то решили. На городской базе постоянно находился один дежурный, а остальные отдыхали, как им заблагорассудится. Если выезд на полевую базу или экстренная тревога, собирались быстро, так как адреса известны, а в городе починили телефонную связь. Короче, относительная свобода, в рамках разумного, без наглости с нашей стороны.

Однако Алейнику, кроме нас заниматься было нечем, и большую часть дня он проводил с нами. Куда группа, туда и он. Мы на полигон и он за нами. У нас выходной, а он не отдыхает, сидит на нашей базе. Ладно бы так, но Алейник стал влезать во внутренние дела группы. Почему на городской базе только один дежурный, ведь тут арсенал и могут напасть

партизаны, диверсанты или подпольщики? Почему во дворе дома беспорядок? Отчего нижние чины, находясь в увольнении, носят при себе не только пистолеты и холодное оружие, но и гранаты? Он, между прочим, по званию войсковой старшина (полковник), и мой непосредственный начальник, которому я обязан подчиняться. Но его мелкие придирки, с которыми приходилось мириться, уже выводили меня из себя настолько, что я стал огрызаться. Словно старый казак специально провоцировал меня и проверял на психологическую устойчивость. А он это, конечно, пресекал. Если бы ругался или пытался меня построить, чтобы знал как служить по уставу, я бы это принял как должное. Но вместо этого Алейник проводил воспитательные беседы и постоянно меня поучал, будто он по-прежнему учитель, а я его ученик. И это злило меня еще больше.

"Скорей бы Тихоновский вернулся, — подумал я, входя в дом. — Может тогда Алейник исчезнет?"

Миновав второго дежурного, который сидел за столом и чистил пистолет, я кивнул ему и прошел в свою комнату.

Алейник был здесь. Он сидел в МОЕМ кресле. За МОИМ столом. И читал МОЮ книгу мемуары казачьего полковника Федора Елисеева о боях на Кавказском фронте во время Первой Мировой войны.

Вот еще один момент, который меня задевал за живое. Алейник мог спокойно входить в помещение, которое я считал своим кабинетом, и брать со стола все, что на нем находилось. Это как? Так быть не должно. Но на мои замечания он не обращал внимания, отмахивался или начинал лекцию по офицерской этике казаков, которые все братья и у нас все общее, кроме женщин. Мол, если открыто помещение, входи и бери чужое. Особенно если ты старше по возрасту и чину. Демагог. Что-что, а говорил он красиво. Этого не отнять — умеет лапшу на уши вешать.

— Добрый вечер, Иван Сергеевич, — поприветствовал я его и присел напротив Алейника.

— Здравствуй, Андрей, — он кивнул, положил книгу на стол и добавил: — Занятное чтиво Федя написал, интересно читать.

— А вы знакомы с автором?

— Да, — он снова кивнул. — Не далее как пару месяцев назад получил от него весточку.

— Так он жив?

— А чего ему сделается? Крепкий казак. Воюет.

— И где? В каком полку? С ним можно увидеться?

— А ты бы этого хотел? — Алейник усмехнулся.

— При случае, конечно.

— Не получится. Федор Елисеев сейчас в Иностранном легионе. Судя по всему, где-то в Индокитае сражается с японцами.

— Вот как? — я был искренне удивлен. — Почему он там, а не на родной земле?

— Это у него спрашивать надо. Я за Елисеева не ответчик. Но, думаю, причина в том, что он не захотел продолжать Гражданскую войну, разочаровался в нашей борьбе и не верит в создание Казакии. А жаль, Федя хороший воин. И он, к сожалению, не единственный казак, кто остался в стороне. Ну да не об этом речь. Я к тебе не просто так зашел. И если бы ты сам не появился, приказал бы тебя вызвать.

— За три часа что-то резко изменилось? — теперь уже я усмехнулся. — Мы с вами

сегодня уже два раза пересекались.

— Так и есть, Андрей. Кое-что изменилось. Появился человек, которого я долго ждал. Да и не только я. Он принес весточку, которая проясняет обстоятельства одного старого дела, и уже завтра твоя группа отправится в путь. Хватит отдыхать, пора родине служить.

— Куда направимся?

— На Кубань.

— К Тихоновскому?

— Нет. У него своя задача, а у нас своя. Миссия тайная. Экипировка — полная боевая. Транспорт и документы я обеспечу.

— Вы с нами?

— Конечно.

— К чему нам готовиться?

— Пока не знаю. Хотелось бы обойтись без стрельбы. Но может случиться так, что драки не избежать. А чтобы ты лучше понимал, куда и зачем мы отправляемся, расскажу одну историю. Однако запомни — что будет сказано, должно остаться между нами. Даже своим казакам ничего не говори. Даже любимой девушке и своему родственнику Кондрату, если он, вдруг, встретится на нашем пути. Никому ни слова, ни намека. Сейчас начальник у тебя один — это я. Других не слушай.

— Все настолько серьезно? — Алейник был встревожен, я это почувствовал и тоже напрягся.

— Да.

— Хорошо. Излагайте свою историю.

Он помедлил, пожевал сухими тонкими губами и спросил:

— Ты про казну Кубанской Рады что-то слышал?

— Краем уха.

— От дядьки?

— Ага.

— И что он рассказывал?

— Ничего, кроме того, что золотой запас Кубанской Рады исчез. Мы об этом особо не разговаривали. Не до того было.

Снова короткая пауза и Алейник начал рассказ:

— После падения царской России на Кубани задумались о создании самостоятельного государства. Предпосылки для этого имелись, и появилась Кубанская республика, которая управлялась Радой. Во власти оказались казаки из старых черноморских и донских семей. Люди более чем серьезные и они быстро собрали казну, которая могла дать казачьему государству резкий экономический подъем и обеспечить народу высокий уровень жизни. В основном это серебро и золото. Накопления запорожцев, которые после разгрома Сечи переселились на Кубань, а потом перетасили свои запасы на новое местожительства. Церковное имущество: ризницы, кадила, кресты и старые иконы в золотых окладах. Запасы государственных банков и казна Кубанского Казачьего Войска. Частные активы и трофеи с Кавказа. Например, два мешочка "турецких алмазов". В 1914 году османы ограбили персов и захватили драгоценные камни высокого качества. А казаки их перехватили, отобрали богатый трофей и отправили добычу не в Москву, к царю-батюшке, а на ридную Кубань. И это тоже часть казны Кубанской Рады.

В марте 1918 года большевики подходили к Екатеринодару. Удержать город Рада не

могла и предпочла отступить. Члены правительства шли вместе с армией и когда припекло даже ходили в штыковую атаку. Казна находилась в обозе под особой охраной и перевозилась на 80 параконных подводах...

— Ничего себе... — не выдержал я и прервал Алейника. — Это же сколько золота...

— Не так много, как может показаться, — Иван Сергеевич поморщился. — Одна подвода в среднем перевозила полтонны. Всего в "банковском" обозе, как его называли бойцы Кубанской армии, сорок тонн ценностей. Плюс-минус еще пять. Вычитаем книги и документы, регалии Кубанского Войска и запорожские реликвии. Потом бумажные деньги, царские банкноты и векселя, а так же серебро — это шло на текущие расходы. Ну и остается тонн пять золота. Впрочем, не сбивай меня с мысли. Слушай дальше.

— Прошу прощения, Иван Сергеевич. Виноват. Дурак. Исправлюсь.

Алейник шутливо погрозил мне пальцем и продолжил:

— Красные очень сильно хотели завладеть кубанской казной. Но не вышло. Кубанцы соединились с добровольцами Корнилова и столкнулись с новой проблемой. Теперь уже лидеры Белого движения попытались наложить лапу на казну. И тогда было принято решение ее спрятать. От греха подальше. Занимался этим специальный отряд: Мыкола Рябовол, священник Кулабухов и группа надежных казаков. Они свою миссию выполнили — казну сховали. А потом был отбит Екатеринодар, и начались трения с белыми генералами. Священника Кулабухова обвинили в измене и самостийности, а затем повесили. Рябовола убили в Ростове. Казаки и офицеры из их отряда пропали или погибли. А когда большевики нас погнали, и начался большой драп, за границу вывезли только двенадцать ящиков с регалиями и некоторые драгоценности. Золото и "турецкие алмазы" остались в тайнике. Где он находится — неизвестно.

Во время отступления на поиск клада были выделены четыре группы. Все имели надежные координаты, где и что спрятано. Казаки собирались вывезти золото в Крым. Однако никто и ничего не обнаружил. В указанных тайниках находилась мелочевка или они оказались пустыми. Две группы погибли. Одна потеряла половину казаков. В последней выжил только командир. В 1921 году на поиски кубанской казны отправились чекисты, специальный отряд из самых отъявленных сорвиголов, которых отбирал лично Дзержинский. По слухам, они тоже имели точные данные о местонахождении золота, ушли в горы и пропали. А в 1922 году казну искал генерал Фостиков и тоже ничего не нашел. Хотя при нем находился представитель Рады, который утверждал, что ему доподлинно известно, где находится тайник. Судя по всему, Рябовол и Кулабухов не доверяли другим членам Рады. Поэтому дали им ложные координаты тайников, а сами спрятали все в одном месте. Вариантов местонахождения казны несколько: подземелье под станицей Новощербиновской, аул Шенджий, засыпанные колодцы в станицах Атаманская, Калужская, Уманская, Староминская и Старощербиновская, пещера на хребте Пшаф или старые выработки на горе Собер-Оашх. А может быть казна в секретном бункере где-то в Екатеринодаре или окрестностях. Но тогда, выходит, после освобождения кубанской столицы золото тайно вернули в город или вовсе никуда не вывозили, а в сундуках и бочках вместо металла возили камни. К чему я тебе все это говорю, догадываешься?

— Будем искать клад?

— Верно.

— А человек, которого вы ждали, дал вам подсказку, где искать?

— Да.

— Он с нами поедет?

— Нет. И кто он тебе знать не стоит. В этом деле, чем меньше знаешь, тем больше шансов уцелеть.

— А куда именно поедем, сразу не скажете?

— Не скажу.

— Понимаю, Иван Сергеевич. Будь я на вашем месте, тоже придерживал бы информацию до последнего. Только не понятно, почему именно вы этим занимаетесь?

— А потому, Андрей, что двадцать два года назад я был командиром той группы, которая искала казну и не нашла ее. Своих казаков я вывел с боем. Половину, но вывел. Чудом ушли. А вот твой дядька Кондрат один выжил.

"Чем дальше, тем больше узнаю о своем родственнике и людях, которые меня окружают, — подумал я. — У всех тайны и все такие загадочные, что порой становится не по себе".

— Иван Сергеевич, еще вопрос можно?

— Хоть сто. Но не на все я смогу ответить.

— Сотню не надо. Сейчас важен только один. Если найдем казну, кому сдадим?

— Нашим атаманам.

— Всем?

— Конечно, нет. Никакой помпы не будет. Соберется узкий круг, наиболее авторитетные атаманы, и мы передадим казну им. Если хочешь знать фамилии, то это не секрет. Красновы, Науменко, Балабин, Татаркин, Шкуро и Кононов. Семь человек. Именно они будут распорядиться казной Кубанской Рады. За кем есть реальная боевая сила, тот и будет допущен к секрету. А дальше пусть сами решают, как быть, на что тратить золото и надо ли это вообще делать.

— Ясно.

— Больше ни о чем спросить не хочешь?

— Не сегодня. Мне подумать надо.

— Думай, Андрей, — Алейник поднялся. — А я, пожалуй, пойду и выплюсь. Если не возражаешь, останусь у вас. А то мало ли что... Вдруг, со мной за ночь что-то случится...

— Оставайтесь, Иван Сергеевич.

Алейник подошел к двери, обернулся и, с усмешкой, поинтересовался:

— Надеюсь, ты не в обиде, что последний месяц я тебя и казаков прижимал?

— Нет.

— Вот и хорошо. Все это для дела. Я к тебе и твоим бойцам присматривался. Гнили ни в ком не обнаружил и теперь уверен, что на вас можно положиться.

Я промолчал, а Алейник вышел. В комнате наступила тишина и, почесав затылок, я сам себе сказал:

— Бывает же такое. Клагоискателем стану.

52.

Абинский район. 30.03.1943.

Кругом лес и невысокие старые горы. Деревья уже начинали покрываться робкой весенней листвой. В основном это дубы и грабы. Но пока еще зелени немного. Я замер и осмотрелся. Автомат, немецкий МР-38, в руках и движется вслед за взглядом, который скользит по окрестностям. Слева река Абин. Если идти вперед и не сворачивать, станица

Эриванская. За спиной станица Шапсугская. А справа щель Мандрыкина. Иван Сергеевич говорит, что именно туда нам и надо. Он уверен, что сможет по приметам найти заветный камушек, который закрывает вход в искусственную пещеру, где спрятана казна Кубанской Рады. Все остальные точки, которые назывались им ранее, не в счет, обманки, которые оставили Рябовол и Кулабухов.

Ну-ну, посмотрим. Честно говоря, я в успех миссии не верил и считал, что мы зря бродим по лесу. Тем более небольшим отрядом. В Абинске я узнал, что в этих местах есть партизаны, которые ведут активные боевые действия и прекрасно ориентируются на местности. Мне с ними встречаться не хотелось. Поэтому я убедил Алейника не въезжать в Шапсугскую, а покинуть машины не доезжая до станицы, и он со мной согласился. Лучше несколько часов по чащобам походить и холодные речки вброд форсировать, чем стрелять.

Невдалеке еле слышно хрустнул сучок и между деревьями мелькнул смазанный силуэт человека в маскировочном костюме. Свой. Это возвращался Сотников.

Я присел под дерево. Группа, которая двигалась следом, повторила мое движение, рассредоточилась и замерла, а Иван Сергеевич, который находился в ядре, в самом безопасном месте, направился ко мне.

Алейник и Сотников подошли одновременно. Они тоже присели и казак доложил:

— Людей нет. Но нашел свежие кострища и следы. Партизаны. Человек двадцать. Снялись три-четыре часа назад, и ушли на восток.

Иван Сергеевич посмотрел на меня. Он ждал рекомендаций и я сказал:

— При обычных обстоятельствах стоило бы вызвать роту солдат и поохотиться на партизан. Но внимание к себе привлекать не надо. Поэтому двигаемся дальше самостоятельно, со всеми положенными предосторожностями.

— Правильно, — Алейник согласно кивнул и добавил: — До цели еще примерно полтора километра.

— Мимо не проскочим? — спросил я его.

— Не должны.

Сотников, не понимая, о чем речь, неодобрительно покачал головой, а я ему подмигнул — не кручинься, братка, всему свое время, если что-то найдем, обо всем узнаешь.

Свернув в щель Мандрыкина, группа двинулась в гору. Подъем не сложный и есть еле приметные тропинки. Однако мы не торопились, шли осторожно. Во-первых, можно напороться на партизан. А во-вторых, Иван Сергеевич искал приметный камень и никак не мог его разглядеть.

"А может Сергеича обманули? — подумал я, посматривая на Алейника. — Пришел какой-нибудь "сказочник", задурил старому казаку, который помешан на кладе, мозги. А потом взял награду и сбежал. Может быть такое? Запросто"...

— Есть! — неожиданно сказал Иван Сергеевич и резко остановился.

Приблизившись к Алейнику, я посмотрел, куда был направлен его взгляд, и увидел на склоне большой валун. Он выпирал из поверхности горы и был покрыт густым слоем лишайника. Судя по всему, его давно не трогали.

— Вы уверены? — спросил я Ивана Сергеевича.

— Нет, — он покачал головой и начал карабкаться по склону. — Сейчас проверим, там приметы должны быть.

Проверка это хорошо и правильно. Но про безопасность забывать тоже нельзя и, прежде чем последовать за Алейником, я приказал двум тройкам взять периметр под охрану. Одну

направил вперед, к стоянке партизан, которая совсем рядом, и ее повел Сотников. А тыл прикрыл Сахно. Остальные оставались на месте.

Спустя пару минут я присоединился к Алейнику, догнал его и помог старому казаку взобраться на склон.

Камень как камень. Перед ним небольшой уступ. Обычный природный валун. Таких по окрестным горкам тысячи. С чего Иван Сергеевич решил, что это именно тот, который нам нужен? Непонятно. Да и не похож он на камень, который закрывает пещеру. Можно ведь и логически подумать. Дорога есть, но она плохая и идет вдоль реки. По щели пройти можно, но тяжело, тропа неудобная. Каким образом сюда, если в щели Мандрыкина, действительно, существует потайная пещера, затаскивали бочки с золотом? Сколько сил для этого необходимо приложить? Или здесь только часть казны?

Вопросы. Вопросы. И снова вопросы.

— Вот примета! — содрал с камня кусок зеленого покрова, выдохнул Алейник. — Гляди, Андрей.

В самом деле, под лишайником оказался знак. В камне был выдавлен крест.

— Давай попробуем сдвинуть этот булыжник, — смахнув со лба пот, сказал Иван Сергеевич и навалился на валун.

"Его и десять человек с места не сорвут", — подумал я, но встал рядом с Алейником и начал ему помогать.

Как ни странно, валун, который казался огромным монолитом весом в пару тонн, дернулся. Мы навалились на него вдвоем и он, со скрипом и скрежетом гравия, хоть и с трудом, примерно на метр отвалился в сторону. В скале появилась щель и Алейник, размахисто перекрестившись, устало просипел:

— Слава тебе Господи!

Казаки, которые наблюдали за нашими действиями, молчали. Я приказал достать заранее подготовленные фонари, а затем, пропустив вперед Ивана Сергеевича, вместе с двумя бойцами вошел в пещеру. Свет фонарей осветил ее и я понял, что это не природное творение, а дело человеческих рук.

Сначала мы оказались в широком коридоре, который был выложен мергелиевыми плитами. Надо сказать, на вид они тяжелые, каждая весом по сотне килограмм, и объемные, два на три метра. Швы скреплены известью и заметно, что раньше их поверхность покрывалась побелкой. Коридор был прямым, тянулся на тридцать метров, и когда мы его миновали, то очутились в просторной пещере. Она оказалась совершенно пустой, но за ней была следующая. Кстати, тоже пустая. Сквозь узкие щели в потолке в пещеру проникал свет. Не яркий, но если бы мы погасили фонари, его бы вполне хватило для того, чтобы осмотреться.

— Опять пусто, — с заметным раздражением в голосе произнес Алейник. — Неужели меня обманули?

Его вопрос был риторическим и ответа не требовал. Иван Сергеевич замер на месте, наверное, переживал, а я обошел пещеру по кругу. Стены и пол из знакомых плит. Выхода в другие подземелья не видно. Однако, обходя пещеру, в одном месте я почувствовал сквозняк. По щеке прокатилась холодная волна, и я замер. Повернул фонарь на стену, присмотрелся, и обнаружил, что одна плита слегка покосилась, и за ней не камень, а темнота.

— Иван Сергеевич, сюда! — позвал я Алейника, а потом обратился к казакам: — Браты, а ну-ка помогите!

Плиту сняли с места. За ней очередной коридор. Правда, уже не широкий, а узкий, на одного человека. Алейник опять пошел впереди, но вскоре остановился и закупорил проход.

"Наверное, что-то увидел и потому замер на месте", — промелькнула у меня мысль.

Прошла минута, а за ней другая. Секунды тянулись очень медленно. В узком коридоре, словно в ловушке. Неприятное чувство и я не выдержал, положил на плечо Алейника ладонь и он вздрогнул. После чего Иван Сергеевич с трудом обернулся. Его лицо побледнело, а в глазах застыл ужас. Впервые я видел его в таком состоянии и спросил:

— Что с вами?

— Уведи меня отсюда, Андрей, — дрожащими губами прошептал он.

Раз просят, значит, уведу. Однако непонятно, в чем проблема. Что такое мог увидеть Алейник? Почему он испуган, притом, что я ничего не слышал и не видел, а минуту назад он держался бодрячком?

Попытившись назад, я вытащил дрожащего Алейника из коридора и попытался его расспросить. Однако он впал в ступор и, перехватив удобнее автомат, я вернулся. Дошел до следующей пещеры, кстати, тоже искусственной, и остановился на месте Ивана Сергеевича.

Странно. Пещера как пещера. В потолке заросшие корнями световые щели и ржавый металлический люк. На полу ветхая деревянная лестница и веревки. А возле противоположной стены бочонки. По описаниям очевидцев, чьи показания были скрупулезно задокументированы Алейником, те самые, с золотой казной. И было их больше ста. Предположим, в каждом сорок-пятьдесят килограмм золота. Следовательно, в казне около пяти тонн, а может и больше. Серьезная добыча.

Почему-то в этот момент я был совершенно спокоен. И отметил, что у меня нет мыслей, чтобы завладеть огромным богатством. Оно не мое. Вот рубины, которые отобрал у покойного медвежатника, принадлежат мне и друзьям. Это я знал. А золото Кубанской Рады могло быть использовано только на общее благо.

"Правильно", — в голове сама по себе сформировалась чужая мысль.

От этого я вздрогнул и едва не отступил. Но смог удержать себя в руках, еще раз осмотрел пещеру и увидел, как от правой стены отделилась густая черная тень. Кусок тьмы медленно пересек пещеру и скрылся в левой стене. Мистика. У меня по лицу потекли ручейки пота, волосы на голове зашевелились, ноги онемели, а перед мысленным взором пронеслась вся жизнь. И это не было страхом. Нет-нет. Скорее, мое состояние можно назвать трепетом, перед чем-то древним и непостижимым. Никогда до этого момента я не сталкивался ни с чем подобным и, машинально, перекрестившись, почувствовал на плече чужую руку, а потом услышал голос казака, который стоял за моей спиной:

— Командир, ты чего?

— Порядок, — ответил я, не оборачиваясь, и шагнул в пещеру.

— Ты пять минут на одном месте стоял, и я решил, что с тобой беда, как с Алейником.

Встряхнув головой, я прогнал наваждение и отмахнулся от бойца:

— Не обращай внимания. Я в норме.

Судя по взгляду казака, он мне не поверил. Но вскоре успокоился. Тем более что мы стали вскрывать бочонки и наше внимание переключилось на другие вещи, более материальные. Все бочонки не взламывали. Только три. И во всех оказалось золото. Правда, разное. В одном бочонке слитки. В другом царские червонцы. А в третьем килограммовые бруски.

Спустя четверть часа появился Алейник. О том, что он увидел, Иван Сергеевич молчал

Главное — оклемался и мог принимать решения. А я ему лишних вопросов не задавал. Не время и не место.

Первый этап — поиск клада, позади и он прошел успешно. Далее второй этап — эвакуация золотого запаса, и тут могли возникнуть многочисленные сложности. По всем законам авантюрного жанра должны появиться проблемы. Например, на отряд могли напасть партизаны или случится землетрясение и нас завалит в пещерах. Не знаю, кто и как, а я постоянно ждал подвоха. Не может все так хорошо закончиться. Я в это не верил. Однако ничего плохого не происходило.

Люк на потолке последней пещеры выходил на поверхность, а рядом находилась старая просека. Золото можно легко поднять наверх, а потом вывезти. И, не затягивая эвакуацию, я приказал радисту группы вызвать Абинск. Связь установили быстро и, несмотря на приближающуюся ночь, из райцентра в Шапсугскую была отправлена автоколонна, которая доставила нам подкрепление, две сотни местных казаков. Им про находку, разумеется, ничего не говорили. Для местных жителей установка простая — найден большой схрон партизан и необходимо вывезти вооружение. Непосредственно погрузкой золота занималась моя группа, а прибывшие сотни раскинули по лесу охранные периметры. Работа спорилась, и в районе полуночи все было закончено. После чего набитые золотом грузовики под охраной моей группы двинулись в сторону Екатеринодара.

Единственное, о чем еще стоило упомянуть, о нашем разговоре с Алейником. Мы все-таки обсудили появление призрака или морока, который заставил нас испытать страх. И решили, что нам все привиделось. Возможно, в пещере скопился какой-то газ, который вызвал галлюцинации, и мы попали под его действие. Что было, то прошло, и вспоминать об этом не стоит. Однако мы оба знали, что газ ни причем. Просто, нам так спокойней, и чем скорее память сотрет этот момент, тем лучше.

53.

Черное море. 01.06.1943.

Самолет Ли-2, на борту которого красовались немецкие опознавательные знаки, взлетел с аэродрома подскока под Одессой и направился в сторону Крыма. В сопровождении два истребителя. Погода отличная. Машины неоднократно проверены, а пилоты опытные. Волноваться не о чем и, посмотрев в иллюминатор на ласковое Черное море, командующий РОА Федор Иванович Трухин откинул перед своим креслом раскладной столик. Дел много, а времени постоянно не хватало, и он собирался немного поработать.

Трухин летел в Крым не просто так, отдохнуть, проветриться, отвлечься и проинспектировать несколько подразделений Русской Освободительной Армии. Немцы, наконец-то, решились на реставрацию Российского государства. После многочисленных консультаций, переговоров и тайных бесед в берлинских кулуарах, Мартин Борман дал свое согласие на то, чтобы Крым, по примеру Дона, Кубани и Ставрополя, перешел под контроль белоэмигрантов. Правительство возглавит Василий Викторович Бискупский, чья кандидатура устраивала германцев и большую часть эмигрантов. А Трухин останется командующим вооруженными силами.

Как именно будет называться обновленное Российское государство в пределах одного полуострова, пока не ясно. Кто войдет во временное правительство, тоже не понятно. За счет чего будет возрождаться экономика, тайна скрытая мраком. Каким образом налаживать отношения с крымскими татарами, которые при поддержке турок собирались создать в

Крым халифат, и что им пообещать за лояльность, окончательно не решено. Проблем и вопросов хватало. Их было превеликое множество. Но Трухина они напрямую не касались. Он не мог разорваться и не собирался влезать в управление Крымским полуостровом. Для этого есть Бискупский, с которым Федор Иванович нашел общий язык. Он глава гражданского правительства, а его дело — война и забота о РОА.

"С чего начать? — доставая толстый блокнот и карандаш, подумал Федор Иванович. — Пожалуй, с войск".

Главком РОА стал делать в блокноте пометки.

Несмотря на постоянные потери, дезертирство и уход казаков, которые после создания ДКС откололись от Русской Освободительной Армии, на начало лета численность подчиненных генералу Трухину войск перевалила за двести десять тысяч. Контингент — военнопленные, белоэмигранты, добровольцы с оккупированных немцами территорий, а так же украинцы и белорусы. Причины для вступления в РОА у всех разные. Одни ненавидели советскую власть, которая отняла у них все, что люди имели до революции, и уничтожила близких. Другие мечтали о возрождении прежней России, во всем ее величии. Третьи поддались на пропаганду немцев. Четвертые испытывали жизненные трудности и просто прибились к наиболее устойчивому, по их мнению, берегу. А пятые, украинские и белорусские националисты, не смогли найти общего языка с немцами и временно "стали русскими".

Войска РОА делились на три составные части: полевые, охранные и резервные.

Полевые — боевые соединения, которые воевали на фронте:

1-й пехотный корпус: 2-я, 3-я и 4-я пехотные дивизии, отдельный танковый батальон на трофейных танках БТ-7 и Т-34, два артполка корпусного подчинения и несколько вспомогательных подразделений. Дислокация — Воронежская область. Командир — генерал-лейтенант Михаил Федорович Скородумов, создатель Русского Охранного Корпуса в Сербии, которого Трухин смог без особого труда убедить возглавить самое крупное формирование РОА.

2-й пехотный корпус: 1-я, 5-я и 7-я пехотные дивизии, а так же три отдельных артиллерийских полка корпусного подчинения. После зимних боев в осажденной Москве корпус выведен на отдых и переформирование. Дислокация — учебный лагерь под Киевом. Командир — генерал-лейтенант Антон Васильевич Туркул, которого Трухин повысил в звании, а немцы осыпали орденами и медалями. Вскоре корпус будет готов отправиться на фронт. По настоянию Трухина, в Воронеж, где после его слияния с 1-м корпусом будет создана полноценная русская полевая армия.

3-й пехотный корпус: 6-я пехотная и 1-я бронекавалерийская дивизии. Дислокация — Рославль, где 3-й корпус сменил 2-й. Командир — генерал-майор Владимир Владимирович Крейтер, который до своего назначения был начальником штаба у генерала Туркула.

Охранные — полицейские батальоны и полки, которые были сформированы немцами для охраны своих тылов, а потом переданы РОА. Но эта передача сушая формальность и полицейские подразделения по-прежнему оставались под контролем немцев, охраняли железные дороги, мосты и населенные пункты, ловили партизан и сопровождали обозы. Общая численность бойцов в этих формированиях больше пятидесяти тысяч человек и Трухин пытался объединить их в отдельные бригады и дивизии под командованием верных офицеров РОА. Однако из этой затеи пока ничего не выходило. Немцам было удобнее держать полицейские и охранные батальоны отдельно от основных русских сил.

Резервные — тыловые и учебные соединения, которые Трухин старался беречь. Кадровый резерв, школы офицеров, курсы переподготовки, роты ОСНАЗ, 1-й гвардейский батальон Сахарова, сводное авиасоединение Мальцева на трофейных машинах и прочие небольшие подразделения, которые в самом скором времени предполагалось стянуть в Крым, где их можно собрать в кулак. А еще было бы хорошо перетащить на полуостров главный штаб РОА, чтобы командовать русскими войсками не из Берлина, а находясь на русской земле.

Кроме того, имелись две отдельные бригады, которые временно находились на территории ДКС и подчинялись непосредственно Бискупскому. По его просьбе казаки за один месяц смогли сформировать для будущего президента России два подразделения. Они не входили в РОА, и если бы Трухин вздумал отдать командирам этих бригад приказ, на него не обратили бы никакого внимания. Командующий это понимал и собирался решить щекотливый вопрос непосредственно с Василием Викторовичем Бискупским. Однако Трухин предполагал, что в этом вопросе он навстречу не пойдет. По той простой причине, что ему нужна собственная гвардия, которая защитит его не только от партизан, крымских татар или советских диверсантов, но и от РОА.

Карандаш черкал страницы, и Трухин продолжал работать. Тыловое снабжение. Передача трофейной советской техники и вооружения в части Русской Освободительной Армии. Проверка офицеров и их переаттестация. Тезисы для доклада перед высшим командным составом армии. Переброска подразделений. Планы немцев и большевиков на летнюю военную кампанию. Один вопрос цеплял за собой другой. Но вскоре Трухин устал. Он закрыл блокнот, откинулся в кресле и его взгляд скользнул по салону самолета.

Разумеется, командующего РОА сопровождали штабные работники и охрана. Люди преданные, неоднократно проверенные, и каждый доказал свою верность. Однако Трухин прекрасно понимал, что половина из них может в любой момент его предать. Если немцы решат, что он становится опасен и его нельзя удержать под контролем, поступит приказ и один из телохранителей, не задумываясь, выстрелит ему в голову или сдаст своего главкома Абверу. Поэтому единственная возможность выжить и остаться на свободе — сохранять преданность Третьему Рейху, а свои дела проворачивать тайно и копить силы в Крыму. Зимние сражения на Восточном фронте показали, что Вермахт не так уж и силен, а значит, настанет срок и Красная армия погонит захватчиков на запад. И ждать большого наступления большевиков уже недолго. Но где они ударят? Вот в чем вопрос, и Трухин начал перебирать варианты.

Германский Генштаб склонялся к тому, что большевики предпримут не одно, а несколько наступлений. Они будут следовать одновременно или одно за другим. Основные сражения произойдут в районе Москвы и Ленинграда. И в этом был смысл. Советские войска тоже несли потери, а наибольшая плотность населения, даже с учетом войны, именно в Центральной России. Опять же заводы и фабрики, захваченные немцами в начале Восточной кампании, должны быть отбиты. А еще, что немаловажно, Сталин попытается как можно дальше отодвинуть линию фронта от столицы.

Но Трухин считал иначе. Будет одно большое наступление. Направление удара советских войск вдоль Волги от Камышина на Сталинград, а затем на Ростов. Цель — разрезать Восточный фронт, отделить южные районы и Кавказ от Центральной России, выйти к Азовскому морю и, конечно же, покарать казаков. Тут и экономика, и мобилизационные расчеты, и мировой престиж, и амбиции большевиков. Факторов много.

Но на первом месте, по мнению Федора Ивановича, желание советского руководства поквитаться с самостийниками.

Дурной пример, как известно, заразителен. Немцы дали независимость казакам и это моментально привлекло к ним симпатии других народов. Вот он показатель германских намерений. В своих речах немецкие пропагандисты утверждали, что пришли победить коммунизм, и после победы все народы СССР получают право на самоопределение. И вот оно, это самое самоопределение. Сегодня казаки. Завтра появится возрожденная Россия, пусть пока в пределах Крыма. А потом Татарстан, Башкирия или среднеазиатские республики начнут говорить о создании государственности без оглядки на Кремль. И неважно, что немцы не собирались давать кавказцам и азиатам независимость. По крайней мере, Трухин об этом ничего не слышал. Приманка есть и ее достаточно. Поэтому, чтобы не происходили внутренние волнения, большевикам следовало как можно скорее раздавить Доно-Кавказский Союз. И пусть это не решающий фактор, но учитывать его необходимо.

Примерно так размышлял Федор Иванович, когда пытался поставить себя на место руководителей СССР. Однако он держал свои мысли при себе. С атаманами ДКС предположениями, которые частично подтверждались данными собственной разведки, конечно, поделился. А вот с немцами нет. Хотя бы потому, что германские генералы, несмотря на первые поражения от Красной армии, до сих пор считали себя непревзойденными стратегами, и за эту ошибку им предстояло поплатиться.

"Тяжко придется немцам, казакам и всем нам этим летом", — подумал Федор Иванович и, вспомнив о последнем посещении Новочеркасска, которое произошло месяц назад, задался вопросом финансового благополучия ДКС. Если в начале весны казаки бедствовали, считали копейки и во многом зависели от немцев, теперь все изменилось. Резко и кардинально. Из неизвестных источников они получили золото, которым обеспечили свои бумажные деньги и смогли оплатить поставки союзников. Иностранцы сразу почуяли выгоду и на время, пока у казачьих атаманов не иссякли средства, Ростов и Новочеркасск стали местом паломничества для европейских коммерсантов, которые предлагали любые товары и услуги, от алкоголя и продовольствия до ширпотреба. Но казаков, которые тоже чувствовали приближение грозы, интересовало совсем другое: оборудование, оружие, боеприпасы и техника. Они собирались драться всерьез, до последнего. В этом Трухин был уверен. А вот откуда казаки взяли золото, генерал так и не понял. Да чего он? Даже немцы не смогли в этом разобраться и когда надавили на атаманов, в первую очередь на Петра Николаевича Краснова, они уперлись и промолчали. После чего германцам, дабы не портить отношения с ценным союзником, который день ото дня становился сильнее, пришлось сбавить тон и пойти на попятную...

Прерывая размышления главнокомандующего, в салоне появился один из пилотов, который доложил:

— Снижаемся, через десять минут посадка.

54.

Ростовская область. 03.06.1943.

Снова дорога, я ехал из Краснодона, куда меня специально посылали на круг казаков окрестных станиц. Народа было много, почти тысяча казаков. Но ничего нового для себя я не увидел и не услышал. В основном решались вопросы земли и дела охранных сотен, часть из которых находилась на немецкой территории, а часть в Доно-Кавказском Союзе.

Большевики, сволочи, раздробили земли Войска Донского, и так вышло, что окраинные районы Луганска (Сталино) и Донецка (Ворошиловграда) оказались на Украине, которую немцы уже включили в Третий Рейх. По-хорошему, стоило бы вернуть казакам, что отняли большевики. Однако дело двигалось медленно и на круге в Краснодаре казаки написали обращение к рейхсканцлеру Мартину Борману.

Если интересно, текст под рукой:

"Вождю Европы господину Мартину Борману. Мы, донские казаки, остатки уцелевших от жидовско-сталинского жестокого террора своих соотечественников, отцы и внуки, сыновья и братья погибших в ожесточенной борьбе с большевиками и замученных в сырых подвалах и мрачных застенках кровожадными палачами Сталина, шлем Вам, другу Донского казачества, свой горячий Донской казачий привет! Сегодня мы собрались по инициативе нашей районной власти на торжественный праздник, посвященный нашему освобождению от жидовско-коммунистической тирании, чтобы продемонстрировать наши горячие симпатии и дружбу с Германским народом и Победоносной Германской Армией. В тяжелых муках и страданиях прошли для нас, донских казаков, двадцать два года владычества большевистской власти. Большевистские палачи не могли простить нам нанесенных нами им обид. А эти обиды были поистине велики. Не один комиссар испытал на своей собственной шкуре силу казачьего удара штыком и шашкой и меткость артиллерийского огня в 1918–1920 годах, когда мы бились за честь казачью, за свою родную землю, за вольную жизнь, за спокойствие нашего горячо любимого батюшки Тихого Дона против большевиков. Мы дрались тогда под командованием нашего любимого полководца, Атамана Войска Донского, казака-генерала Петра Краснова, под знаменем прославленного Гундоровского Георгиевского полка и под овеянными боевой славой знаменами других донских казачьих полков. Костями наших дедов и отцов, сыновей и братьев усеяны обширные поля Русской и Донской земли, богато они политы нашей горячей казачьей кровью. В неравной борьбе мы были побеждены, но не побежденным остался дух наш, и непреклонна наша воля к дальнейшей борьбе. Именно за это многие наши казаки изгнаны в далекие места пустынной Сибири, на суровые острова Северного и Белого морей, они рассеяны по всем странам земного шара, волею судьбы томятся в лагерях военнопленных. Наши станицы и хутора опустошены и разграблены алчными жидовскими руками, дворы наши заросли сорными травами. Нас, казаков Краснодарского района, насильственно присоединили к Украине и сделали невольными украинцам! Но, где бы, ни томился наш донской казак, он твердо верит, что скоро наступит конец сталинско-жидовскому деспотизму. Над нашей истерзанной Родиной уже яркое солнце свободы, о которой мы долгие годы мечтали. Германский народ и Германская доблестная Армия под Вашим руководством навсегда вырвали нас из когтей хищного зверя Сталина и его приспешников. Уже свободно текут голубые воды Тихого Дона, радостно вздыхают огромные донские степные просторы, и, как и прежде, несутся по ним удалые песни свободных, вольных и счастливых донских казаков. Никогда больше не вернется ненавистная жидовско-коммунистическая диктатура. Мы, донские казаки, готовы в любую минуту взять в руки оружие и вместе с благодарными, славными солдатами Великой Победоносной Германской Армии громить беспощадно коммунистическую заразу до полного ее уничтожения. Смерть Сталину и его опричникам! Хайль Борман! Да здравствует наш организатор и полководец казак-генерал Петр Краснов! За окончательную победу над нашим общим врагом! За Тихий Дон и донских казаков! За Германскую и союзные Армии! За вождя Новой Европы Мартин:

Бормана — наше могучее, сердечное казачье "ура!"

Подписались: атаман Гундоровской станицы Ф.Г. Власов, бургомистр Краснодона П.А. Черников, командиры охранных сотен и почетные казаки.

Сам по себе этот документ ничего не значил. Однако он, как еще полсотни подобных, будет приобщен к обращению на имя Мартина Бормана и Альфреда Розенберга с просьбой донских атаманов вернуть ДКС их исконные земли. Что из этого выйдет, мне неизвестно. В данном случае я всего лишь винтик огромной машины, которая раскручивает маховик и набирает обороты. Однако я предполагал, что никакого присоединения не будет. По той простой причине, что спокойное время на исходе и вскоре нам следует ожидать наступления Красной армии. Я ведь не слепой и не глухой, многое вижу, и многое слышу, а потом все это пытаюсь анализировать, и признаки надвигающегося Красного шторма видны любому здравомыслящему человеку. Но пока я в тылу и в жизни полный порядок.

Когда моя группа и Алейник доставили в Новочеркасск золото Кубанской Рады, в столице Союза нас уже поджидали атаманы, которые имели вес и за спиной каждого стояли верные казаки. Были Красновы, Балабин, Шкуро, Науменко, Татаркин и Кононов. А помим них уже знакомый мне Николай Лазаревич Кулаков, которого терцы выбрали походным атаманом и которому сделали протезы. Эти восемь атаманов приняли золото. Его взяли под охрану казаки Атаманской конвойной сотни, к которым присоединился Алейник, и сокровища исчезли в закормах Доно-Кавказского Союза. А мы вернулись на базу и стали ждать награду. Все считали, что это будут внеочередные чины, ордена и кресты, а помимо того солидная денежная премия. Но я, честно говоря, задумался над тем, что нас проще ликвидировать. Хотя бы ради сохранения тайны. Поэтому постоянно был настороже и ждал подвоха.

Минуло три дня и нашу базу, которая, между прочим, находилась под постоянным наблюдением неизвестных шпионов, посетили гости, Петр Николаевич Краснов и Андрей Григорьевич Шкуро. Два легендарных атамана появились вечером, инкогнито и без явной охраны. Личный состав находился в доме и никуда не отлучался, а охранник во дворе, молодой казак Сашка Свиридов, растерялся и заорал во все горло:

— Смирно!!!

Казаки схватились за оружие, слишком истошным голосом кричал Свиридов, а я метнулся к выходу и нос к носу столкнулся с Андреем Григорьевичем.

— Спокойно, козаче, свои, — усмехнулся Шкуро.

— Смирно! — повторил я команду Свиридова и отступил в сторону.

Шкуро прошел в комнату и насмешливым взглядом оглядел казаков, которые продолжали сжимать оружие. За его спиной появился Краснов, который встал с ним рядом. Оба атамана переглянулись, и Шкуро обратился к казакам:

— Благодарю за службу, братцы!

Краткая пауза и казаки выдохнули:

— Рады стараться, ваше высокопревосходительство!

Получилось на удивление дружно и слаженно. Атаманы остались довольны и Петр Николаевич, покосившись на меня, сказал:

— Веди к себе, хорунжий.

Я провел атаманов в кабинет. Они разместились за столом, а я остался стоять.

— Догадываешься, зачем мы к тебе явились? — спросил Шкуро.

— Наверное, решать нашу судьбу, — ответил я.

— Правильно, — Андрей Григорьевич кивнул и задал новый вопрос: — Чего хочешь за службу?

"Следи за языком", — промелькнула в голове мысль, но я сказал то, о чем думал последние дни:

— Хочу, чтобы нас не зачищали.

Шкуро нахмурился:

— Почему решил, что вас могут зачистить?

— Думаю, что необходимо сохранить тайну золотого запаса. И проще всего нас убрать.

Была группа в отделе "Контроль" и нет ее, исчезла, пропала, сгинула. Когда речь заходит о сокровищах и политике подобное может произойти. В очередной раз Краснов и Шкуро обменялись быстрыми взглядами, и я понял, что тема уничтожения моей группы обсуждалась. Я прав. Я угадал. Однако нас решили оставить в живых. Следовательно, сейчас будет разнос.

Андрей Григорьевич очень легко изобразил гнев, даже слегка привстал и, хлопнув по столу ладонью, начал меня отчитывать:

— Ты чего, хорунжий?! Совсем потерялся?! Мы казаки и ты казак! Своих не сдаем! Запомни это! Раз и навсегда! Вбей себе в голову, что никогда казак не спишет другого казака, если он не предатель! Не бывать этому! Сопляк! Молокосос! Вроде бы бравый вояка, а воспитание советское! Это у большевиков принято соратников стрелять! А мы не какие-то там соратники, а братья! Все из одного народа! Или ты нас в предатели записал?!

Вытянувшись по стойке "смирно", я стоял без движения и "пожирал" начальство глазами. Не дать и не взять, стойкий оловянный солдатик из сказки, когда у него были две ноги. Но, наконец, Петр Николаевич успокоил Шкуро:

— Не кипятись, Андрей Григорьевич. Хорунжий еще молодой, не все понимает, поправится со временем.

— Ладно, — Шкуро снова присел. — Разговаривай с ним ты, Петр Николаевич, а у меня терпения не хватает.

Разговор повел Краснов:

— За безопасность группы и свою лично можешь не переживать. Мы за тобой давно наблюдаем и ты нигде слабинку не давал. Рекомендации у тебя отличные и ты со своей группой сделал большое дело. Про это не забудем. А что лишнего наговорил, так это бывает, в следующий раз умнее будешь. Лучше скажи, что тебе и казакам нужно? На какую награду рассчитываете?

Я пожал плечами:

— Как обычно: чины, премии, ордена, отпуск.

— Все будет, кроме отпуска. Пару дней получите, а потом снова на службу. О соблюдении секретности, думаю, напоминать не стоит?

— Мы все понимаем, Петр Николаевич.

— Это хорошо, что понимаете. Но ты казакам еще раз все объясни. Знаю, что часть группы прошла подготовку в Абвере, и сохранились старые контакты. Однако вы казаки, а не германцы. Вам жить на родной земле и за длинный язык болтуны могут ответить. Понимаешь, хорунжий?

— Так точно.

— Все контакты с немцами, даже теми, кто числится в казачьих частях, свести к минимуму, а желательно вообще исключить.

— Будет исполнено.

— Базу вам выделяют в другом месте, на окраине Новочеркаска. Она будет больше. Подчиняетесь, по-прежнему, Иванову. Группу начнешь разворачивать во взвод. Отбор лично. За все отвечаешь ты.

— Слушаюсь.

Краснов и Шкуро пробыли в расположении группы целый час. Разговор со мной был недолгим, исключительно по делу, а затем атаманы вышли в общую комнату, где Андрей Григорьевич, с шутками и прибаутками, стал вспоминать боевую молодость. А казаки смотрели на него восторженными взглядами и задавали легендарному атаману вопросы.

Когда гости ушли, я еще раз проинструктировал бойцов о неразглашении тайны. А сам подумал о том, что немцы о золоте все равно узнают. Мы промолчим. А вот атаманы, каждый из которых тесно сотрудничал с германцами, слабое звено. Хоть один, но проболтается. Не политикам и не военным, не командованию РОА или рядовым сотрудникам Абвера, а тем, кто имел в руках реальную власть.

Впрочем, вскоре все плохие мысли меня оставили. Я сам постарался их прогнать, ибо так легче жить. Нам дали короткий отпуск и когда мы из него вернулись, казаков и меня осыпали наградами. Каждый участник экспедиции получил медаль "Герой ДКС", которую учредили всего неделю назад. Моя за номером восемь. А кроме того премии в золоте, каждому по двадцать царских червонцев, и наградное оружие, немецкие пистолеты "вальтер" с дарственными серебряными пластинками на рукоятках. Ну и, конечно, повышение на один чин. Все это происходило за закрытыми дверями и в узком кругу. После чего начался переезд на новую базу.

Служба продолжилась. Алейник так и не появился, пропал старый казак. Зато в Новочеркасск вернулся Иванов, который по поручению Бискупского стал мотаться по лагерям военнопленных и набирать добровольцев в русские бригады. А в промежутках между своими поездками он нарезал нам задачи. В общем-то, самые обычные. Сопроводить чиновника или важного гостя, обеспечить чью-то безопасность или проверить пару-тройку адресов на предмет логова подпольщиков или криминальных элементов. По сути, все это мелочевка и мы выполняли роль пожарной команды. Если необходимо что-то срочно сделать в плане силового прикрытия, а рядом никого нет, вызывали нас. И так однажды я познакомился с генерал-лейтенантом Исааком Федоровичем Быкадоровым, еще одним донским лидером, который до недавнего времени находился за границей. У него имелись трения с некоторыми казачьими атаманами и на родину он не спешил. Но создание Доно-Кавказского Союза побудило его приехать в Новочеркасск и попросить Краснова о назначении, хоть в гражданскую администрацию, хоть на военную должность. И пока Петр Николаевич размышлял, я две недели сопровождал Быкадорова в поездках по казачьим землям. А заодно знакомился с его статьями. Умный человек — этого не отнять и некоторые его высказывания в эмигрантских журналах запомнились мне особо.

Например, вот эта цитата:

"Казачество всегда едино, цельно в разрешении и понимании своих внутренних казачьих вопросов. Во мнениях же, взглядах, отношениях к вопросу внешнему для него — русскому, казачья интеллигенция разделяется, расплывается, забыв о главном, единственно неизблемом — об интересах своего народа, народа казачьего. У русской интеллигенции здесь, за рубежом, и у советской власти там, в СССР, получилась удивительная согласованность в устремлениях внедрить в сознание казачества (у первой — в эмиграции, у

второй — в родных наших краях) убеждение, что казаки являются русским (великорусским) народом, а "казак" и "крестьянин" — тождественные понятия. Заботы советской власти о подобном "воспитании" казачества вполне понятны: они преследуют практические цели: затемнением национального самосознания у казачества, внедрением психологии великоросса ослабить сопротивление советскому строительству. Однако казаки никогда себя не осознавали, не ощущали и не считали великороссами (русскими), — считали русскими, но исключительно в государственно-политическом смысле (как подданные Русского государства)".

Каково? Мне понравилось, потому что показалось правильным, и я его слова записал в блокнотик. А когда Быкадорова назначили командиром 2-й Донской казачьей дивизии, которая существовала пока только на бумаге, мы расставались, словно хорошие приятели. Не друзья, конечно. Он старше по возрасту и по званию. Но приятели точно.

Такие вот дела. Дни летели за днями, а я постоянно в беготне и суете, в пути или в госпиталях. Спрашивается — что я там забыл и не заболел ли? Нет. Со здоровьем, слава богу, все в порядке и старые раны меня не тревожили. А вот бойцов набирать нужно, раз есть приказ расширяться до взвода, и я искал кандидатов в специальное подразделение среди легкораненых ветеранов. На основе своего опыта я рассудил, что нужны не просто люди, а матерые казаки, которые видели кровь и умеют воевать, но на фронт возвращаться особым желанием не горят. Именно из таких казаков состоит мой небольшой отряд, и опытные ветераны, чья личность легко подтверждается, быстро в него вольются. И, как показала практика, я был прав. Поэтому сейчас у меня взвод из тридцати казаков, которые прошли огонь, воду и медные трубы. Сила? Смотря как ее использовать. Если бросить взвод в окопы и на нас пойдет пара рот советской пехоты, то за пару часов нас уничтожат. А вот если использовать с умом, для диверсионных или противодиверсионных акций, мы таких дел наворотим, что всем большевикам тошно станет.

55.

Новочеркасск. 03–08.06.1943.

Вернувшись из Краснодона и передав обращение казачьего круга Иванову, я получил короткую передышку. В столице ДКС временное затишье. Впрочем, как на всей территории нашего государства.

В казачьих станицах полным ходом идут сельскохозяйственные работы. Восстанавливаются мосты и дороги, а в крупных городах пытаются решить проблему безработицы. В Новороссийск прибыл караван морских судов из Италии, который привез заказанное у союзников оборудование для заводов, в первую очередь патронного и порохового. В военных лагерях формируются новые части. С территории Украины на Дон и Кубань перебираются люди, только за прошлый месяц переехало свыше двенадцати тысяч человек, и большая часть осела в сельской местности, где катастрофически не хватало рабочих рук. Полковник (уже полковник) Валентин Беринг все-таки сформировал парашотно-десантный казачий батальон и сейчас он подчинен ВВС, которыми командует прибывший из Югославии знаменитый летчик-казак Вячеслав Матвеевич Ткачев. Генерал-майор князь Султан-Гирей Клыч, как союзник ДКС, объявил о наборе кавказских воинов в "Дикую дивизию". В Новочеркасске, Ростове, Екатеринодаре и Ставрополе появились новые газеты. Правительство обсуждает закон о разрешении гражданскому населению иметь и носить огнестрельное оружие, пока только пистолеты и винтовки. В районе Сочи окружен

крупный партизанский отряд, а в Таганроге разгромлена очередная подпольная организация.

Это новости нашего региона. На мой взгляд, не очень значительные. А в мире тоже без серьезных изменений.

В Азербайджане немцы, турки и казаки, наконец-то, плотным кольцом обложили Баку, и готовится штурм. В Крыму во главе с Василием Викторовичем Бискупским сформировано русское правительство, объявлено о создании Русской Державы с центром в Симферополе и немцы согласились передать этому государству полуостров, а так же контроль над РОА. Фельдмаршал Роммель и его танковая армия "Азия" ведут бои в Ираке и Иране. В Тихом океане японцы рубятся с американцами. Итальянские и немецкие парашютисты, при поддержке флота и авиации, захватили Мальту — лучше поздно, чем никогда. Однако итальянский флот потерпел поражение в битве с английским Средиземноморским флотом. Диктатор Франко в очередной раз отказался открыто на правах союзника примкнуть к странам Оси и присоединиться к Мировой войне. А вот Бразилия, наоборот, приняла предложение американцев и готова направить экспедиционный корпус на борьбу против фашизма.

Событий вроде бы много. Но все они меня не касались. По крайней мере, не напрямую. Для моей группы серьезной работы пока не было, и потому я решил отдохнуть. Однако не просто так, поваляться на койке, а выехать с ночевкой на Дон, порыбачить, покупаться и позагорать, организовать пикник и пригласить боевых товарищей, которые приедут не одни, а с женами и подругами. Такими были мои планы, которые не состоялись.

Я заранее договорился с начальником отдела иностранных переводов Самохваловым, что он дает Анне несколько выходных. После чего на крыльях любви помчался в наше гнездышко. Дело к вечеру, захожу в квартиру и вижу следующую картину. Анна сидит на кровати, склонилась над тазиком и ее тошнит.

— Что с тобой? — обеспокоенный, я подскочил к девушке. — Отравилась?

Она вытерла полотенцем лицо, устало улыбнулась и покачала головой:

— Нет, Андрюша. Это не отравление. Наверное, я беременна.

Новость не из простых и она сразу выбила меня из колеи. Но вида я не показал, обнял Аню и сказал, что рад этому. А когда она заснула, долго сидел на кухне, пил чай, курил и размышлял.

Идет война и обстановка напряженная, того и гляди, большевики снова окажутся под Ростовом и Новочеркасском. Какие дети? О чем речь? Не время для этого. А с другой стороны, война войной, а жизнь продолжается. Я не строил планов, и понятия не имел, что будет со мной через несколько дней и куда меня забросит судьба. Однако знал, что люблю Анну и хочу иметь от нее детей. Поэтому не надо сомневаться и если любимая девушка носит моего ребенка, необходимо делать следующий шаг.

Приняв решение, я заснул и хорошо отдохнул. А когда проснулся, обнаружил, что Анна встала раньше и уже готовит завтрак. Может быть, не самое лучшее время для того, чтобы сказать любимой о своих намерениях, но правильнее сделать это сразу, пока есть запал.

— Выходи за меня замуж, — сходу предложил я Анне, которая накрывала на стол.

Девушка обернулась, посмотрела на меня и кивнула:

— Я согласна.

Романтики, конечно, никакой. Однако лишние слова не нужны. Мы не первый день вместе и понимали друг друга без слов. Главное — что в душе.

Произошло это событие 4-го июня, знаменательная дата, которую я собирался помнить

всю жизнь. И после завтрака мы начали обсуждение того, как и где будет происходить наша свадьба. Делали это весело, перешучиваясь, а потом собрались вместе посетить врача. Настроение замечательное. Все хорошо. Однако ровно в полдень раздался телефонный звонок, я поднял трубку и услышал встревоженный голос Иванова, который потребовал немедленно явиться на базу отряда.

Делать нечего. Приказ есть приказ. Я успокоил Анну, сказал, что необходимо срочно подписать какие-то документы по снабжению, отправил ее к доктору и помчался на базу.

Спустя полчаса был на месте. Дежурный уже обзвонил бойцов и почти все были на месте. Иванов тоже здесь и, когда мы закрылись в кабинете, он спросил:

— Сегодняшние сводки слушал?

— Нет. А что случилось?

— Большевики перешли в наступление сразу на нескольких направлениях. Идут бои под Ленинградом и под Москвой. Но главный удар нацелен на юг. Противник смог собраться с силами и ударил от Камышина на Сталинград. Воссоздан Донской фронт и в нем девять армий: 1-я и 2-я гвардейские, 21-я, 24-я, 57-я, 65-я, 66-я, а так же 4-я и 5-я танковые армии, и две воздушные. Для немцев по какой-то причине мощь вражеского удара оказалась неприятным сюрпризом. Они его ожидали, но не такого сильного. Против Донского фронта 6-я полевая и 4-я танковая армии, плюс 3-я румынская и 2-я венгерская. Наступление началось ночью, и фронт уже прорван. Петр Николаевич Краснов пару часов назад разговаривал с генералом Трухиным и представителями немецкого Генштаба. Судя по всему, основная цель большевиков именно мы. Они хотят разрезать Восточный фронт, выйти к Азовскому морю и задавить нас. Говорю все это, чтобы ты четко понимал обстановку.

Кивнув, я сказал:

— Все понятно. А теперь давайте по делу, Лазарь Митрофанович. Что требуется от нас?

Помедлив, Иванов ответил:

— Задач много. Во-первых, есть мнение, что немцы не смогут удержать противника и когда большевики подступят к Новочеркасску, придется эвакуировать штабы, правительство, архивы, документы, казну и людей. Все это под бомбежками и огнем диверсантов. Вы, как обычно, станете пожарной командой. А во-вторых, получено согласие немцев на общий сбор всех русских, казачьих, азиатских и кавказских частей в единую армию, которая так ударит по большевикам, что вышибет им зубы и отобьет желание продолжать наступление. Соответственно, придется заниматься сопровождением наших военачальников, важных грузов и совершенно секретных приказов. Так что работы будет много. Готовься, Андрей, и казаков готовь.

— Слушаюсь.

Иванов кивнул:

— Я в штаб, а ты собирай бойцов и проверь свой автопарк. Базу не покидать. Готовность пять минут.

— Есть.

Начальник уехал, а я прослушал сводки. Сначала немецкую, а затем советскую. Все подтверждалось. На Восточном фронте началось наступление большевиков. На севере, судя по всему, отвлекающие удары, а основной на юге. Идут бои в районе Михайловки, Иловлинской и Дубовки. Советские войска прут вперед и только вперед. По авиации, танкам и артиллерии у них примерный перевес в полтора раза, а по живой силе в два с половиной.

"Вот же, зар-ра-зы, как все не вовремя", — подумал я о наступлении большевиков и

беременности любимой девушки, а затем отправился на обход территории.

База у нас хорошая. На окраине Новочеркаска, в недостроенном двухэтажном здании с огороженной территорией. При советской власти здесь планировалось создать дополнительные учебные классы военного училища, но не успели. А когда этот недострой достался нам, мы обтянули глухой трехметровый забор колючей проволокой, завели собак и облагородили территорию. Все есть: вода, электричество, телефонная связь и канализация. Рядом с основным зданием гараж и в нем четыре автомобиля, две "эмки" и два грузовика. За гаражом бомбоубежище. В подвале тир. А в здании оружейная комната с хорошим арсеналом. Могу похвалиться: полсотни автоматов, почти восемьдесят пистолетов, триста пятьдесят гранат, шесть ручных пулеметов и два станковых ДШК, запас тротила и детонаторов. Боезапас для стрелкового вооружения такой, что хватит на уничтожение вражеского полка. Стволы, правда, разных систем и марок. Что давали, мы брали и не отказывались, с запасом. Тем более что я держал в голове слова Беринга о необходимости создания собственных схронов. Поэтому, время от времени, посылал казаков в глухие места, где мало людей, и они делали небольшие тайники. Кстати, не только с оружием и боеприпасами. Но и с запасом медикаментов, продовольствия и одежды. Если нас прижмут, не удастся отступить и придется переходить на нелегальное положение, не пропадем.

День прошел. Отряд полностью собрался на базе, и мы стали ждать дальнейшего развития событий. Однако 5-го и 6-го июня ничего не происходило. А вот 7-го июня весь взвод за исключением дежурных был отправлен в Хотунок, на усиление охранных сотен, которые искали диверсантов. Однако ничего делать не пришлось. Диверсантов обнаружили раньше, чем мы добрались до места. Они начали отстреливаться и казаки с ними не церемонились, покروшили всех из пулеметов.

Мы потолкались рядом с полем боя, посмотрели на избитую пулями саманную хату и трупы диверсантов, вернулись на базу, поужинали и послушали вечерние сводки.

На фронте кипели жаркие сражения. Под Ленинградом советские войска смогли отбить у немцев несколько населенных пунктов и полностью уничтожили два прибалтийских легиона, кажется, 1-й Латышский и 2-й Эстонский. Под Москвой, наоборот, успех сопутствовал немцам, которые остановили продвижение Красной армии, и в районе Рославля окружили две вражеские стрелковые дивизии, одна из которых называлась гвардейской. Что характерно, в этой операции отличился 3-й пехотный корпус РОА под командованием Владимира Владимировича Крейтера.

Можно сказать, что противоборствующие стороны разменялись ударами. Но главные события происходили на Волжском направлении, и здесь инициатива была на стороне советских войск. Под ударами Красной армии немецкая оборона трещала по швам и лопалась, особенно в тех местах, где ее доверяли румынам и венграм. Пала Иловлинская. За ней Фролово и Михайловка. В Дубовке одна из румынских дивизий оказалась в окружении и готова сдать. Советские танки уже на подступах к Сталинграду и Калачу-на-Дону. Это еще не ДКС, но уже близко. Прорыв ширится, а резервы, которые Вермахт берег до последнего момента, как правило, находились на Московском направлении. Их переброска требовала времени, и они вступали в бой с колес.

Новости оптимизма не внушали и, обсудив положение дел на фронте, мы стали расходиться. Но снова появился Иванов, который сообщил, что необходимо сопроводить Петра Николаевича Краснова и приближенных к нему штабных генералов в поездке по военно-полевым лагерям, где происходит формирование 1-й Русско-казачьей армии.

Выдвигаемся после полуночи.

Опять в дорогу и, отдав соответствующие приказы, я заскочил домой, попрощался с Анной и в два часа ночи автоколонна из двух "эмок" и одного грузовика с казаками подкатила к штабу УКФ. Здесь к нам присоединились два броневика Атаманского конвоя, еще один грузовик с бойцами, и несколько штабных автомобилей. После чего мы покинули Новочеркасск и двинулись на северо-восток, туда, где шли бои.

56.

Морозовск — Котельниковский. 08–17.06.1943.

Жаркое лето сорок третьего года. Беспощадное палящее пекло донских, сальских и приволжских степей. Сухая трава. Объятые пожарами города и станицы. Взорванные мосты и разбитая техника на обочинах дорог. Мелкая серая пыль, которая проникала всюду. Раздувшиеся на жаре трупы людей в военной форме и гражданской одежде. Пробитые каски и брошенное сломанное оружие. Окровавленные засохшие бинты. Обвалившиеся блиндажи и окопы. Сотни самолетов в чистом синем небе с редкими вкраплениями белых облаков. А самое главное — запах, жуткая смесь из отработанного масла, пыли, горящих нефтепродуктов, пороховых газов, человеческого дерьма и разлагающихся трупов. Именно таким многие запомнят это лето, которое, как и два предыдущих, было наполнено болью, страданиями и потерями.

Красная армия перешла в решительное наступление. Донской фронт Константина Георгиевича Рокоссовского, без ложной скромности, одного из лучших военачальников Советского Союза, вобрал в себя армии Сталинградского фронта, получил подкрепления и рванул на запад. Механизированные, танковые, кавалерийские и стрелковые корпуса 1-й и 2-й гвардейских, 4-й и 5-й танковых армий, проломив оборону немцев, ворвались в тылы захватчиков и стали развивать успех. А пять общевойсковых армий: 21-я, 24-я, 57-я, 65-я и 66-я; расширяли прорыв, занимали населенные пункты и добивали окруженные немецко-румынско-венгерские дивизии.

Однако Вермахт все еще был силен и смог остановить натиск советских войск. На линии Вешенская — Калач-на-Дону — Сталинград фронт временно стабилизировался. Танковые кулаки Донского фронта ударили в оборону противника и отскочили. После чего Рокоссовский стал искать слабое место и нашел его. Как ни странно, таким местом оказались развалины Сталинграда. Немецкие передовые дивизии, захватив его, покинули руины и передали город частям второго эшелона, которые состояли из нескольких охранных частей и союзников: румын, венгров, казаков, калмыков. Но казаков, 102-ю Донскую казачью бригаду, которая по мощи и численности не уступала полнокровной дивизии, отвели в тыл, калмыцкие добровольческие части состояли из плохо обученных степных конников, а румыны и венгры стоять насмерть не собирались. Поэтому, когда 1-я гвардейская армия Донского фронта после непродолжительной артподготовки при поддержке Волжской флотилии ворвалась в город, серьезного сопротивления она не встретила. Сталинград, за который немцы сражались несколько месяцев и где погибли десятки тысяч солдат Вермахта, пал за шесть дней.

Советские войска захватили более сорока тысяч пленных и богатые трофеи, о чем сразу же был оповещен весь мир. Доктор Геббельс в свою очередь сообщил об очередном "выравнивании линии фронта" и тактическом отступлении. А небольшие немецкие соединения, которые находились в Сталинграде, 531-й Калмыцкий кавалерийский

(охранный) корпус и остатки разбитых румынско-венгерских дивизий откатились к Черному Яру, Цаце и Котельниковскому. После чего самым разумным и легким вариантом для Рокоссовского могло стать продвижение вдоль Волги на юг, к Астрахани и Каспийскому морю с дальнейшим выходом к предгорьям Кавказа. Догонять разбитого врага, брать новых пленных и отвоевывать потерянные в прошлом году районы не так уж и сложно. Меньше потерь и виден результат. Но Ставка Верховного Главнокомандующего настояла на генеральном плане, который заключался в том, что Донской фронт за один месяц дойдет до Новочеркасска и Ростова, а в дальнейшем вернет контроль над Ростовской областью и захватит Таганрог. А освобождением Астрахани займется Юго-Восточный фронт генерал-лейтенанта Власова.

Спорить со Ставкой Рокоссовский не решился. Перед войной он успел посидеть в тюрьме НКВД, где "почетный чекист" Лев Заковский лично выбил ему несколько зубов, сломал три ребра и пальцы ног. Поэтому командующий фронта смирился, хотя немного схитрил. Рокоссовский слегка изменил направление основного удара и перевел механизированные корпуса на левый флаг, решив атаковать не Калач-на-Дону, а форсировать Аксай Курмоярский и захватить Котельниковский. А уже от него поворачивать на Ростов и Новочеркасск.

Тем временем, пока армии Донского фронта добивали попавших в окружение немцев, венгров и румын, а затем брали Сталинград и подтягивали к фронту основные силы, в Морозовске происходило формирование 1-й Русской армии. Первоначально ее хотели назвать Русско-казачьей, но командование РОА проявило в этом вопросе принципиальность. "Русская и только Русская, никакой другой быть не может" — с подачи белоэмигрантов, которые по-прежнему видели в казаках самостийников и втайне завидовали им, сказал генерал Трухин, и Петр Николаевич Краснов это принял. Пусть будет Русская, пока это не принципиально. Особенно на фоне того, что основная угроза от наступления большевиков исходила для Доно-Кавказского Союза, а не для Крыма, где белоэмигранты пытались реставрировать Русское государство.

Итак, 1-я Русская армии. За два неполных года войны РОА стала представлять из себя значительную силу, а где сила, там и влияние. Казаки тоже смогли собрать, вооружить и подготовить крупные боевые подразделения. Но русских было больше, и опять Краснов пошел на уступки. Командующим армии был назначен генерал-лейтенант Туркул. А состав армии на начальном этапе выглядел следующим образом:

1-й пехотный корпус РОА. Переброшен из-под Воронежа. Состав: 2-я, 3-я и 4-я пехотные дивизии, 1-й отдельный танковый батальон, два артполка корпусного подчинения и ряд вспомогательных подразделений. Командир — генерал-лейтенант Михаил Федорович Скородумов

2-й пехотный корпус РОА. Прибыл из Киевского военного лагеря. Состав: 1-я, 5-я и 7-я пехотные дивизии, три артполка корпусного подчинения и вспомогательные подразделения. Командир — генерал-майор Борис Алексеевич Смысловский.

4-й сводный корпус РОА. Свежее формирование из одной пехотной бригады Бискупского, которая создавалась на Дону, десяти полицейских и охранных батальонов из Воронежской области, 1-го гвардейского батальона полковника Сахарова и 2-го отдельного танкового батальона. Командир корпуса — генерал-майор Александр Николаевич Черепов.

1-й казачий корпус ДКС. Состав: 1-я Донская казачья дивизия (бывшая 1-я казачья кавалерийская дивизия Вермахта), 1-я Кубанская казачья дивизия, Отдельная казачья

бригада ОСНАЗ и артиллерийский корпусной полк. Командир — генерал-лейтенант Евгений Иванович Балабин.

2-й казачий корпус ДКС. Состав: 102-я Донская казачья дивизия (бывшая 102-я Донская казачья бригада Вермахта), 1-я и 2-я Сводно-казачьи пешие бригады, Сводно-казачья кавалерийская бригада из охранных станичных сотен и Сводная пехотная бригада из восьми батальонов ШУПО и ШУМА. Командир — генерал-майор Дмитрий Алексеевич Силкин.

ВВС в подчинении армии: шесть истребительных, две бомбардировочные, одна разведывательная и одна авиатранспортная эскадрильи. Плюс один парашотно-десантный батальон полковника Валентина Беринга и два зенитных дивизиона. Командир сводной авиационной группировки — генерал-майор Вячеслав Матвеевич Ткачев

Общая численность личного состава и материальная часть армии: 125 тысяч солдат, казаков и офицеров, 760 автомобилей, 127 бронемашин, 67 танков, 340 артиллерийских орудий, 620 минометов и 110 самолетов.

Кроме того, ожидалось подкрепления. В течение семи дней 1-я Кавказская казачья дивизия Андрея Григорьевича Шкуро, которую перебрасывали из Азербайджана. В течение девяти дней 3-й пехотный корпус Владимира Владимировича Крейтера из Рославля. В течение двенадцати дней Херсонская дивизионная группа "Фон Панвиц" из донских и малороссийских казаков, которую Вермахт решил передать союзникам. А помимо того в тылу, на территории Доно-Кавказского Союза, спешно формировались новые подразделения: 2-я Донская казачья дивизия Быкадорова, 2-я Кубанская казачья дивизия Соломахина и Терская казачья бригада Кулакова. Это не считая станичных охранных сотен, батальонов ШУМА и ШУПО, военных флотилий и полиции. Ну и, конечно, новые части создавала Русская Освободительная Армия, которая переносила главный учебный лагерь из окрестностей Киева в Крым и организовала еще один крупный учебный центр в Локотском округе Брянской области.

Как обычно, все делалось в спешке. Требовалось проводить тактические и штабные учения. Имелась нужда в боеприпасах, средствах связи, ГСМ и медикаментах. Но обстановка на фронте постоянно изменялась. И когда армии Донского советского фронта, 1-я гвардейская, 4-я и 5-я танковые, от Сталинграда устремились на Котельниковский, германское командование потребовало от союзников срочно занять оборону вдоль Аксая Курмоярского и остановить большевиков. Возражать немцам было бессмысленно, они продолжали диктовать условия, и генерал Туркул отдал корпусам 1-й Русской армии боевой приказ.

От Морозовска до Котельниковского, в котором уже находились две румынские дивизии, не так уж и далеко. Однако в вопросе передислокации войск большую роль играла пропускная способность грунтовых дорог между этими населенными пунктами и состояние переправ через Дон. А с этим сразу, несмотря на лето, возникли проблемы. Войска следовало перебросить как можно скорее, пока большевики не форсировали реку и не захватили Котельниковский. По этой причине в авангарде Русской армии двигались оторванные от корпусов моторизованные, танковые и кавалерийские соединения. Они шли сплошным потоком, забив все дороги, а за ними двигались пехотинцы и тылы. Очень удобная мишень для авиации, особенно с учетом того, что немцы сначала прикрывали собственные дивизии, а только потом союзников, и "сталинские соколы" не могли этим не воспользоваться.

В небе появилась советская авиация и здесь она впервые встретила с летчиками РОА

и ДКС. В радиоэфире стоял отборный русский мат. На землю летели сбитые "ишачки", "лагги", "яки", "илы" и "миги". С обеих сторон одни и те же самолеты, разница только в опознавательных знаках, красных звездах и Андреевских крестах. Очень скоро командование 16-й воздушной армии Донского фронта осознало, кто прикрывает противника, и, отозвав бомбардировщики, бросило на "предателей" лучшие эскадрильи истребителей. Но к этому моменту русские и казаки, потеряв двадцать три и сбив двадцать девять самолетов, ушли на свои аэродромы, зализывать раны.

Советские бомбардировщики, опасаясь попасть в ловушку, временно не летали. Поэтому к вечеру 16-го июня передовые части 1-й Русской армии, не понеся серьезных потерь, вошли в Котельниковский и начали рассредоточение вдоль водной преграды. А следующим утром на правобережье появились советские механизированные и танковые соединения. Они сходу форсировали Аксай Курмоярский в нескольких местах и попытались развить успех.

Начиналось сражение, которое должно было решить судьбу воевавших на стороне немцев русских и казачьих формирований. Если 1-я Русская армия не выдержит удара большевиков, германское командование перестанет их поддерживать, а советские войска прорвутся на казачьи земли и это станет концом Доно-Кавказского Союза. Все русские и казаки это понимали, были готовы сражаться и не отступать. Однако две танковых и одна гвардейская армии, которые прикрываются превосходящими силами авиации, могли стереть пять русско-казачьих корпусов и две румынские дивизии, в порошок за пару дней боев. Следовало сделать что-то такое, чего враг не ожидает, и генерал Туркул принял решение контратаковать.

В полдень 17-го июня танковая рота 102-й Донской казачьей дивизии захватила советскую наплавную переправу через Аксай Курмоярский, была усилена кавалерийскими казачьими частями, русскими танковыми батальонами и Отдельной казачьей бригадой ОСНАЗ. После чего, под командованием Кононова, ударная группировка перешла на правый берег реки, захватила станицу Курмоярскую и двинулась по тылам противника. Она шла на соединение с 1-м парашютно-десантным батальоном полковника Беринга, которые в это самое время десантировались вдоль железной дороги на участке Сталинград — Котельниковский. Про контратаку уже речь не шла. Начинаясь дальний рейд, рискованный и опасный, и ночью казаки Кононова лоб в лоб столкнулись с полками 4-го Донского советского кавалерийского казачьего корпуса.

57.

Котельниковский. 19.06.1943.

Серия мощных взрывов прошла по южной окраине городка. С потолка посыпалась пыль, а одна из балок в стене треснула.

— Во лупят, большевики! — стряхивая с пропотевшей гимнастерки мусор, сказал Сотников.

Это да, боеприпасов большевики не жалели и калибры у них серьезные. В этом я с Борей был полностью согласен и на миг пожалел, что не остался в Новочеркасске. Там сейчас хорошо, мирный город, чистые улицы, лето и симпатичные девушки, при взгляде на которых хочется улыбаться, выходят на прогулку. А самое главное — там Аня, с которой мы так и не успели пожениться. Как она и чем сейчас занимается? Наверное, находится в штабе УКФ и переводит очередной секретный документ с немецкого языка. А я прячусь в подвале,

надеюсь, что вражеский снаряд не упадет на наше убежище, и время от времени посматриваю на Семена Николаевича Краснова и двух офицеров связи, которые склонились над картой. Моя задача — их охранять. Со мной одна группа, пятнадцать казаков. А в соседнем подвале, который находится через дорогу, штаб 1-й Русской армии.

Судьба и воинская доля. Они кидали меня из стороны в сторону, и снова я оказался на фронте. Сначала сопровождал Петра Николаевича Краснова в Морозовск, где происходило сосредоточение русских и казачьих дивизий. Потом на пару дней вернулся в Новочеркасск. А когда 1-я Русская армия получила приказ на передислокацию в район Котельниковского, вместе с Семеном Николаевичем выехал на передовую. Он начальник штаба УКФ, вместе со своими офицерами, наблюдает за работой армейского штаба и, по мере сил, утрясает проблемы, которые постоянно возникают. Однако к командарму с советами не лезет.

Антон Иванович Туркул не военный гений, на Суворова на тянет. Но он профессионал и у него хорошие помощники. Вместе они справляются, отлаженный штабной механизм двигает с места на место батальоны, полки, дивизии и корпуса, заставляет солдат сражаться, и мы пока еще держимся. Наверное, в первую очередь из-за того, что в тылах противника находится наша конно-механизированная группировка, которой командует Иван Никитич Кононов, и там же десантники Беринга. Это элита. Побережь бы такие ценные войска: казаков, отдельные танковые батальоны, парашютистов и бойцов особого назначения. Однако иного выхода не было. Если бы не лихой рейд Кононова, нас бы еще вчера прихлопнули. Слишком велико превосходство большевиков. Они прут и прут вперед без остановки, торопятся и не жалеют боеприпасов. От Котельниковского уже почти ничего не осталось, и оборона трещит по швам. Пора бы выводить штаб армии из-под удара дальше в тыл, но это решать без меня.

Временно обстрел прекратился. Наступило затишье и, поднявшись по выщербленной лестнице, я выглянул наружу. Все вокруг в дыму, а в воздухе запах гари, сгоревшего пороха и какого-то машинного масла. Невдалеке догорала бронемашина. Слева от нее двор и спуск в подвал, который приютил штаб армии, а раньше он был складом. Вроде бы порядок, командование не пострадало. А вот полевая связь, судя по оборванным телефонным проводам над разбитыми зданиями, опять накрылась.

Словно угадав, о чем я думаю, появились связисты. Два бойца РОА быстро перетащили через дорогу катушку с проводом, размотали ее и скрылись в подвале. А вместо них на поверхность вышел невысокий моложавый майор РОА в советской каске и немецким МР-38 в правой руке. Это начальник штабной охраны Петя Васильев, он русский, москвич из эмигрантов, в свое время, как и я, прошел подготовку в Абвере и успел побывать в тылу у красных, а потом перешел в РОА.

Я ему свистнул. Он меня увидел и приветственно махнул рукой.

— Что нового!? — окликнул я Васильева.

Он поморщился и отозвался:

— Кажется, последний парад наступает!

— Ты серьезно!?

— Ага! Нам бы до темноты дотянуть и отступить. Сейчас никак — самолетами накроют. Сам видишь, с неба прикрытия никакого.

Больше он ничего не сказал, ушел обратно в подземелье, а я спустился в наш подвал и позвал Сотникова:

— Боря!

— Чего? — он подошел.

— Начинай паковать вещи и проверь наш транспорт. Возможно, придется срочно драпать.

— Все уже собрано и проверено, машины на ходу, под навесом. Их немного осколками посекло и стекла лобовые выбило, но это мелочь.

— Еще раз проверь.

— Понял, командир, сделаем.

Боря, прихватив пару казаков, через запасной ход, который мы заранее пробили из подвала, полез наружу, а меня позвал Семен Николаевич, который направился в штаб армии.

Я последовал за Красновым, мы пересекли дорогу и скрылись в штабном подвале. Только спрятались, как начался очередной артобстрел, на этот раз из минометов. Наверху взрывы, а в просторном подземелье больше ста человек: штабные офицеры, охранники, связисты и адъютанты. Сильно накурено, даже неприятно. Но на такую мелочь никто не обращал внимания. Штаб работал, и шум голосов порой перекрывал даже взрывы.

Краснов прошел в дальний угол подвала, где под несколькими лампами стоял грубо сколоченный стол, а на нем лежала карта района боевых действий. Все командование 1-й Русской армии здесь, принимает доклады и отдает распоряжения. Семен Николаевич нашел Туркула и они стали обсуждать обстановку, а я отошел немного в сторону, чтобы не мешать генералам, но все равно слышал, о чем они беседовали.

— Обстановка сложная, — сказал командарм. — Танки противника уже на нашем берегу. Речка преграда не серьезная, слишком легко через нее перебраться, особенно с нашего правого фланга. Кануково захвачено, и я отдал приказ 1-му корпусу РОА отходить вдоль Кара-Сала на Шебалин. Румыны, падлы, отступают, не удержали Обильное, хотя натиск красных там был не велик. Теперь бегут, а мне их остановить нечем. Все резервы давно в бою. Остался только 1-й гвардейский батальон Сахарова недалеко от станции, держу его до последнего. От группы Кононова уже два часа нет докладов. Последний был о том, что он полностью разгромил 4-й Донской кавалерийский корпус красных и одну из стрелковых дивизий. Больше всего проблем от советской артиллерии и авиации.

— Где прорван фронт? — спросил Краснов.

— Почти везде. Но в основном пострадал 1-й корпус РОА. Скородумов просил помощи, а помочь ему нечем.

— А что немцы?

— Требуют держаться. Они готовят контрудар. Думаю, хотят от Калача рвануть к Волге и окружить большевиков, пока они заняты нами.

— Может получится.

— Может, — согласился Туркул. — Но нам от этого не легче. После вчерашнего боя у Ткачева осталось всего десять истребителей. У артиллерии на исходе боеприпасы, а у многих орудий прогорели стволы. Плохо дело, плохо. Того и гляди, красные ворвутся в Котельниковский, а нам даже штаб не вывезти, над головой вражеская авиация, только и ждет, чтобы мы в степь высунулись.

— Куда будем отходить?

— Штаб на Дубовское, вдоль железнодорожного полотна. Правый фланг, как я уже сказал, от Кануково на Шебалин и частью сил на Никольское. Левый фланг на Красный Яр.

— Я попробую связаться с Петром Николаевичем, — сказал Краснов. — Он обещал помощь.

— Какую именно?

— Не сказал, связь оборвалась.

— Хорошо, Семен Николаевич, просите помощь. Даже если нам дадут хотя бы один полк, уже хорошо.

Краснов направился к радиостанции, а к Туркулу подбежал один из телефонистов и доложил:

— Господин генерал, советские танки и пехота в Котельниковском!

— Кто сообщил!? — командарм поджал губы.

— Штаб 5-й пехотной дивизии, он в центре городка. Говорят, противник вошел в город еще двадцать минут назад, но не было связи.

Туркул взглядом отыскал начальника штабной охраны:

— Васильев!

— Я! — отозвался он.

— Пошли разведку к штабу 5-й дивизии! Живо!

— Есть!

Часть охранников выбежала наружу, а я последовал за ними. Хотел вдогонку послать своих казаков. Однако на выходе резко остановился, так как увидел, что на улице метрах в ста пятидесяти появилась "тридцатьчетверка" с красной звездой на башне. Танк на мгновение остановился, и выстрелил из орудия. Он целился в штабных охранников, которые перебежали улицу, но промазал и сдал назад. Почему не стрелял из пулемета, не ясно, возможно, израсходовал боезапас. А вот почему отступил, понятно. Без пехоты в населенном пункте быстрая смерть.

Один из охранников вернулся в штаб, чтобы сообщить о появлении вражеского танка, а я метнулся в наш подвал, схватил сумку с противотанковыми гранатами, поручил вернувшемуся Сотникову присматривать за Красновым, а сам с пятью казаками, один из которых вооружился ручным пулеметом, пошел навстречу опасности.

Где танк, там и пехота. Всех врагов мы не победим, но сможем их задержать, пока охрана штаба готовится к обороне. Все происходило слишком быстро, рассуждать некогда, и я действовал по наитию. В голове сформировалась мысль — я обязан отыграть хотя бы несколько минут. А еще была непрошибаемая уверенность, что здесь и сейчас со мной ничего плохого не случится. Отчего так и почему? Наверное, из-за того, что я давно находился в тылу. Поэтому рвался в бой, давно себя на это настраивал и хотел пустить врагам кровь. Ведь где-то мои друзья, боевые побратимы из "Фалширма" и полка Кононова, сражаются в тылу противника, а я при штабе, ем тушенку, охраняю генералов и слушаю новости. От этого на душе как-то неуютно.

Моя небольшая группа бежала через разбитые частные дворы на окраине городка, мимо горящих домов, через дым и пепел. Жителей нет, их эвакуировали, и вчера был доклад, что колонну беженцев разбомбила советская авиация. Может быть, "сталинские соколы" подумали, что это тыловая часть 1-й Русской армии? Скорее всего. Хотя сейчас это неважно.

Впереди рев танковых моторов и автоматная очередь. Стоп! Мы замерли, осмотрелись, ничего подозрительного не обнаружили и подготовили противотанковые гранаты. Пулеметчик с ДП вперед, мы следом. Дальше двигались осторожно и вскоре заметили противника.

Улочка заканчивалась. Перед следующей улицей перекресток и какая-то площадка, то ли стоянка для грузовиков, то ли место под строительство готовили. В общем, пятачок

пятнадцать на пятьдесят метров невдалеке от железной дороги, которая разрушена советской артиллерией. А на этом пятачке две "тридцатьчетверки" и около взвода советских солдат. Командиры танков на броне, указывали в сторону нашего штаба, махали руками и что-то объясняли командиру красноармейцев. Дистанция между нами и танками метров десять и нас прикрывал дым. Судя по всему, танкисты убеждали красноармейцев наступать, а они колебались. Самое время ударить, пока нас не заметили. Два казака с гранатами ловко взобрались на стену разрушенного дома, который пока не горел и покосился в сторону улицы. Я кивнул казакам — начинаем!

Автоматные и пулеметные очереди прошли по красноармейцам. Кто поумнее, с опытом, тот держался в стороне, но основная часть рядом с танками, в куче, словно бараны, и свинец сделал свое дело. Красноармейцы повалились на землю, моя очередь срезала одного танкиста, а казаки на стене дома метнули гранаты, по две штуки, одну за другой, и скатились вниз.

— Бум-м! Бум-м! Бум-м! Бум-м!

Гранаты взорвались. Они разметали тела мертвых и раненых красноармейцев, повредили один танк, кажется, сбили ему гусеницу, и мы немного отошли.

Над головой засвистели пули. Уцелевшие красноармейцы, которых все еще было больше, пытались нас достать, но им мешал дым пожарищ. А потом в нашу сторону выстрелил танк. Снаряд прошел высоко, вонзился в горящий дом и завалил его. Неплохо. Противника отвлекли и нанесли ему урон, пора отходить.

Прикрывая друг друга, и не отвечая на огонь красноармейцев, мы оттянулись к своему подвалу, и здесь меня встретил Краснов.

— Геройствуете, господин сотник? — с усмешкой, спросил он.

— Так уж вышло, Семен Николаевич, — я пожал плечами.

— Ладно, — он кивнул. — Занимайте оборону. Нам необходимо продержаться один час. Потом подойдет батальон Сахарова, он ударит во фланг прорвавшимся в город большевикам, и мы будем тянуть время до темноты. Ночью отступаем, возможно, с боем, если противник успеет окружить Котельниковский.

Сказав это, Семен Николаевич снова направился в штаб армии, а я с казаками присоединился к солдатам охраны, которые спешно строили баррикаду и выслали на фланги группы прикрытия. До наступления темноты еще четыре часа. Срок немалый. попробуй, продержись. Хотя мы ведь не одни. Скоро гвардейцы подойдут, они неподалеку, а помимо нас в Котельниковском бойцы 5-й пехотной дивизии. Они тоже сражаются. По крайней мере, должны.

58.

Кругляков. 19.06.1943.

На железнодорожном полотне стояли длинные воинские составы с боевой техникой и горели. Десятки танков, бронемашин и орудий полыхали в огне, а вокруг валялись тела сотен советских солдат. Когда началось нападение, они не были к нему готовы, собирались выгружать технику. Но из степи выскочили танки с Андреевскими крестами на башнях и стали расстреливать эшелон, а потом появилась казачья кавалерия и пехота на грузовиках. Бой был недолгим, и все закончилось очень быстро. Красноармейцев, которые пытались защищаться, перебили, и сопровождаемые казаками танки, двинувшись дальше, ворвались в Кругляков, важный железнодорожный узел между Котельниковским и Сталинградом. А

Иван Никитич Кононов, командир рейдовой группировки РОА-ДКС, хмураясь, стоял в ста метрах от пожарища и наблюдал, как пламя облизывает горящую технику и трупы солдат. Краткая передышка, рядом только охрана, и свежее испеченный казачий генерал размышлял.

Несмотря на хмурый и усталый вид, Кононов был доволен. Даже если его рейдовая группа будет полностью уничтожена, она свою задачу выполнила, отвлекла большевиков, приковала к себе значительные силы противника, вызвала в тылах советских войск панику и нанесла им невосполнимый урон. Как бы дальше ни сложилась его судьба, но слава об этом будет жить среди казаков долго. Натиск! Напор! Лихость! Быстрота действий! Все эти факторы помогли осуществить задуманное, когда командующий 1-й Русской армии генерал Туркул приказал ему прогуляться по тылам наступающей Красной армии. Но командующий планировал рейд силами 102-й Донской казачьей дивизии, которая окажет поддержку десантникам Беринга. А Кононов потребовал усиления и получил его. Помимо 102-й дивизии в прорыв пошли дополнительные подразделения: казачья бригада ОСНАЗ полковника Духопельникова, два отдельных танковых батальона из русских дивизий и станичные конные сотни, которые пару недель назад считались охранными. Что было под рукой, то в прорыв и послали, от станицы Курмоярской по направлению к Круглякову.

По сути, Кононов не придумывал ничего нового. Все умное уже придумано и знания прошлого необходимо адаптировать под настоящее. Технические новинки и новые виды вооружения — инструменты, которые помогают воинам выполнять поставленные боевые задачи. А по сути, по-прежнему все зависело от человека. Как он воспользуется оружием, каким образом защитится от вражеского и какую тактику выберет. Так считал Кононов и для примера часто вспоминал волчью тактику казаков.

Волк — хищник и у этого животного можно многому научиться. Предки об этом знали и подсматривали за "серым братом". Они перенимали его навыки, рисовали его образы на знаменах и гербах или брали в свои покровители. Давно в прошлом первобытное существование человека, античный период и средневековье. Однако людям до сих пор есть, чему учиться у волка. И в первую очередь это касается воинского искусства.

Волк питается мясом и охота для него способ прокормить себя и потомство. Основной прием охоты волчьей стаи — под покровом тьмы подобраться к добыче незаметно как можно ближе и настичуть ее на короткой дистанции. Или гнать жертву широким фронтом, атаковать с разных сторон, наносить серию неожиданных ударов с флангов, принудить изменить направление движения, заставить ее паниковать и прийти в ловушку, к обрыву или в то место, где она, окончательно ослабев, будет повержена. Это притом, что жертва может быть гораздо сильнее и быстрее волка.

Так воевали казаки в древности. Так воевали степняки. Так воевал атаман Платов в 1812 году. Так воевали Шкуро, Мамантов и Унгерн фон Штернберг в Гражданскую войну. Так в этой войне воевали советские кавалеристы рейдовых групп Доватора и Белова, немецкие десантники и диверсанты. Воины были настроены на победу, не боялись численного преимущества врага и побеждали. Не надо держаться за шверпункты (города, поселки, укрепрайоны) до последнего солдата. Оставил группу прикрытия, а сам иди вперед. Рвись к вражеским штабам и стратегическим объектам, ломай систему управления и не бейся лбом в оборону. Нет тыла и фронта. Есть только контролируемый хаос и общая цель. Встретил сопротивление, обошел противника по флангу и снова продолжил движение. При необходимости распад крупных отрядов и соединений на подгруппы. Быстрота и маневр. Хорошая подготовка воинов и командиров групп. Полное неприятие дутых авторитетов,

которые ничем не подтверждаются. В этом залог успеха. Казачий отряд наносит сотни одновременных хаотичных ударов, которые преследуют общую цель, заставляют противника тратить силы и ресурсы, расплыть войска и бегать по чащобам. А потом общий сбор и снова удары. Если необходимо — мелкими стаями. И далее, когда противник дошел до кондиции — окончательный общий удар. При этом, как правило, враг уже настолько устал и запутался, что не оказывает серьезного сопротивления. Бери его голыми руками.

Все это было опробовано Кононовым и другими казачьими командирами в сорок втором году, во время боев за Украину, Дон, Кубань, Ставрополье, Кавказ и приволжские степи. Опыт имелся, и сводная рейдовая группа Ивана Никитича Кононова сразу показала себя во всей красе, когда в десяти километрах от Курмоярской в степи столкнулась с 4-м Донским кавалерийским казачьим корпусом красных. Ну как казачьим? По названию. На деле это были разбавленные красноармейцами остатки 4-го Кубанского казачьего и 5-го Донского казачьего корпусов. После прошлогодних боев и отступлений от них мало, что осталось, жалкие ошметки. Кто из не погиб, тот перешел на сторону казаков Доно-Кавказского Союза или дезертировал. Но раз уж Красная армия наступает на Дон, необходимо соблюсти приличия и показать, что за советскую власть тоже сражаются представители донского казачества. Пусть даже они иногородние или вообще из Башкирии, Казахстана, Куйбышева, Саратова, Ленинграда или Челябинска. Главное — внешние признаки, а не суть.

Итак, 4-й Донской кавалерийский казачий корпус из состава 4-й танковой армии Донского фронта. Соединение третьего формирования, достаточно сильное и мощное. Состав корпуса был известен давно:

- 9-я Кубанская казачья кавалерийская дивизия.
- 11-я Донская казачья кавалерийская дивизия.
- 12-я Донская казачья кавалерийская дивизия.
- 152-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк.
- 255-й зенитно-артиллерийский полк.
- 4-й истребительно-противотанковый дивизион.
- 68-й гвардейский миномётный дивизион.
- 1896-й самоходно-артиллерийский полк (СУ-76).
- 4-й отдельный дивизион связи.
- 196-й автотранспортный батальон.
- 353-я полевая авторемонтная база.
- 30-е отдельное авиазвено связи.
- 408-й прачечный отряд.
- 39-й полевой автохлебозавод.
- 1278-я полевая касса Госбанка.
- 2357-я военно-почтовая станция.

Донской кавалерийский корпус Красной армии превосходил силы Кононова по численности и мощи минимум в полтора раза. Однако он находился на марше, и его командование было уверено, что Курмоярская давно под контролем советских войск и впереди свои. Имелись донесения, что казаки ДКС уничтожили советский плацдарм на левом берегу Аксая Курмоярского, но никто из командиров 4-го Донского корпуса не мог себе представить наглость заведомо более слабого противника, который без подготовки решится на рискованный рейд. Поэтому, когда танковые батальоны Кононова ударили в лоб

и начали расстреливать колонны кавалерии и бронетехники, а на флангах появились тысячи всадников, воцарился хаос, и началось избиение советских конников.

Ночной бой страшен своей неразберихой. Но русские танкисты, которые сидели в трофейных советских танках с Андреевскими крестами на башнях, знали, что они должны делать. Не задерживаясь и не ввязываясь в бой, танки РОА и ДКС шли вдоль грунтовых дорог по степи и методично расстреливали противника, а за ними двигались пехотинцы из бригады Духопельникова, которые добивали растерянных красноармейцев.

В ночном небе висели сотни осветительных ракет. Кругом пожары и стрельба. Порой, свои били по своим. Причем ошибки случались с обеих сторон. Однако преимущество было за нападавшими, и утром 18-го июня Кононов доложил в штаб 1-й Русской армии о своей победе. После чего связался с полковником Берингом, который со своими десантниками сначала зацепился за Кругляков, а затем решил его оставить и отступить в сторону Аксяя. Как он удержится в степи, Кононов не представлял, но знал, что должен его выручить и, посадив на трофейную технику пехотинцев Духопельникова, повел рейдовую группу дальше. Его цель была неизменна — Кругляков, и он торопился.

По степи, поднимая столбы пыли, катилась конно-механизованная орда. Танки и захваченные у большевиков самоходки, грузовики и бронемашины, а рядом конные сотни и полки. Прекрасная мишень для бомбардировочной авиации. Но советские летчики, наблюдая за этим движением сверху, считали, что видят своих. Слишком много сил было задействовано в наступательной операции по уничтожению 1-й Русской армии, и как обычно в штабах имела место неразбериха.

Кононов торопился, но добраться до Круглякова 18-го числа не успел, так как его войска столкнулись с 57-й гвардейской стрелковой дивизией 1-й гвардейской армии, которая двигалась к линии фронта. И опять встречный бой. И снова сражение. Как и 4-й Донской корпус 57-я гвардейская дивизия не была готова встретить противника в своих тылах, и в ходе четырехчасового полевого сражения, потеряв два стрелковых и один артиллерийский полк, бросая обозы, стала отступать. А спустя пару часов, уже в сумерках, она по ошибке подверглась мощнейшему авиационному налету советских бомбардировщиков. Что еще больше усугубило хаос и панические настроения красноармейцев.

Ночь прошла относительно спокойно. Кононов собирал рассеянные подразделения и утром они снова были в кулаке. Конечно, имелись немалые потери, были потерявшиеся в степи, отставшие и даже дезертиры. Но ударная сила сохранилась, в строю половина танков, захваченные "сушки", артиллерия и даже две "катюши". Можно воевать дальше и 19-го июня, пополнив трофейным топливом и боеприпасами запасы, рейдовая группа ворвалась в Кругляков, как раз к моменту выгрузки из эшелонов танковой бригады.

Снова полнейший успех. Но что дальше? Над головой советская авиация, которая ведет разведку и пытается понять, где свои, а где враги. В районе Котельниковского бои, предположительно, большевики ворвались в населенный пункт. Верхнекурмоярская снова захвачена противников. На правом фланге 1-й Русской армии разгром, румыны отступили, и из-за этого корпус Скородумова был атакован там, откуда не ждал появления врага. Кругом советские войска и со стороны Сталинграда идут новые дивизии, которые уничтожат его войска в течение нескольких часов.

"Как поступить? Как?" — одна и та же мысль билась в голове Ивана Никитича, а драгоценное время, выделенное ему судьбой на принятие важного решения, истекало.

— Иван Никитич! — прерывая размышления командира, окликнул его начальник охраны. — К нам гости!

Кононов обернулся и увидел подъезжающую "эмку", над которой развевались два флага, российский триколор и знамя Доно-Кавказского Союза. Охрана взяла гостей на прицел, но это оказался Валентин Беринг, который был в форме майора Красной армии.

— Приветствую, Иван Никитич! — Беринг выпрыгнул из автомобиля и подошел к Кононову.

— Здорово, — усмехнулся казак. — Я думал, что тебя уже и в живых нет.

— Как видите, уцелел, — комбат десанта развел руками и пояснил: — Меня когда из Круглякова выбивали, я приказал своим бойцам переодеться в советскую униформу. Вы знаете, где я раньше служил, навыки сохранились, и комплекты обмундирования были. Часть моих десантников стала "советскими солдатами", а другая часть "пленными". Маскарад.

— И большевики тебе поверили?

— А куда они денутся? Главное при таком раскладе — делай морду кирпичом и держись уверенно, побольше ори и тряси корочками СМЕРШа. Был один опасный момент, когда на меня сотрудники НКВД из стрелковой дивизии попытались надавить. Однако я им назвал такие фамилии, что они сразу сдулись. Пообещали пожаловаться на меня в штаб армии, но пока они созванивались и все утрясали, появились вы. В общем, из Круглякова я никуда не уходил.

— С моими казаками как разгляделся?

— Вовремя наши флаги поднял и выслал парламентаря. Обошлось без стрельбы.

— Потери большие?

Беринг потемнел лицом:

— Треть личного состава. В строю, не считая раненых, сто семьдесят бойцов.

— Предложения, куда нам дальше податься, есть?

Комбат шмыгнул носом, посмотрел на чистое синее небо, в котором висел советский разведчик, и ответил:

— Из Круглякова надо уходить.

— Это понятно. Однако куда?

— На Сталинград.

— Ты серьезно?

— Да, Иван Никитич. Нас ждут везде, куда бы мы ни рванулись. Но только не там. Пройдем, сколько сможем, а когда упремся и не сможем двигаться дальше, повернем на Аксай.

Кононов обдумал предложение Беринга, решил, что немец прав, и согласился:

— Верно говоришь. Пойдем готовиться к прорыву.

Офицеры погрузились в трофейный автомобиль десантника и умчались. Охрана Коконова, на машинах и верхом, последовала за ними. А разбитые эшелоны еще долго продолжали выгорать, коптить небо и пожирать тела мертвых солдат Красной армии.

59.

Котельниковский. 20.06.1943.

В стене пролом. Я осторожно приподнялся, посмотрел на улицу и увидел приближающихся красноармейцев. Они двигались осторожно и постоянно оглядывались, но

меня не видели. Сколько их всего, на глаз определить сложно. Однако никак не меньше полусотни. Танков и бронемашин нет.

Приклад автомата уперся в плечо, я прицелился, поймал на мушку ближайшего врага и плавно потянул спусковой крючок. Короткая очередь срезала красноармейца, и меня поддержали бойцы, которые находились рядом и в соседних помещениях разрушенного здания. Противник ответил, и над головой просвистело несколько пуль, которые вонзились в стену, выбили острые осколки кирпича и они прошлись по моей каске. А потом взрывы гранат, наших и вражеских. Но бой был коротким и, оставив на улочке полтора десятка трупов, противник откатился.

Я перезарядил оружие, прижался потной спиной к стене и на мгновение закрыл глаза. Очередная атака отбита. Какая по счету с утра? Девятая или десятая. Пехота отошла и сейчас начнет перегруппировку, а нас накроет артиллерия и придется прыгать в подвал. Плохи наши дела, но мы пока еще держимся.

Вот уже почти сутки идут бои за Котельниковский. Когда нас прижали, к штабу армии пробился 1-й гвардейский батальон полковника Сахарова, а за ним большой сводный отряд солдат 5-й пехотной дивизии РОА во главе с комдивом генералом Менандровым. До вечера мы продержались довольно легко и даже отбили часть Котельниковского. А когда наступила ночь, попытались прорваться и отступить вдоль железной дороги на Дубовское. Однако неудачно. Котельниковский уже находился в окружении и мы, потеряв несколько автомашин и десятков солдат, вернулись в городок.

Штаб армии опять занял свой подвал. Связь с корпусами и дивизиями только при помощи радиостанций. Если пробиваться, то небольшими группами по степи. Однако Туркул получил новые сведения и принял решение держаться. Ему пообещали помощь и прикрытие с воздуха. Судя по всему, обещания прозвучали весомо, и наши генералы воспрянули духом. После чего были сформированы сводные отряды, которые заняли оборонительные рубежи в брошенных домах и подвалах, немногочисленных административных зданиях и на железнодорожной станции.

По сведениям, которые мы получили от пленных, в Котельниковском одна стрелковая дивизия и механизированная бригада противника. Силушка немалая и на рассвете вся эта армада навалилась на нас. А мы... Что мы? Сражались и прикрывали штаб, тянули время, верили в своевременную помощь и радовались тому, что немцы не обманули и отвлекли советскую авиацию...

— Странно... — услышал я голос от соседней бойницы и посмотрел на пожилого подполковника РОА с винтовкой.

Офицера звали Николай Шатов, и полтора года назад он был честным исполнителем командиром Красной армии. Во время обороны Ростова-на-Дону делал доклад представителю Ставки Верховного Главнокомандующего маршалу Кулику о срочной эвакуации артиллерийских складов и некомплекте вооружения для вновь сформированных дивизий. Имелась проблема, не хватало транспорта, и дивизии не были боеготовы. Потребовался крайний, на кого можно свалить вину, и Кулик выбрал своей жертвой Шатова. Сначала кричал на него, а когда подполковник попытался оправдаться и предъявил приказы Кулика, которые можно было назвать вредительскими, маршал набросился на него с кулаками и пистолетом.

В общем, маршал при многочисленных свидетелях избил подполковника, который прослужил в Красной армии больше двадцати лет. И когда немцы погнали советские войска

на юг, Шатов остался в Ростове. Какое-то время находился на нелегальном положении, а когда убедился, что немцы не такие звери, как их расписывают, пошел в комендатуру и сдался. После чего Шатова отправили в распоряжение РОА, проверили, признали годным к службе и он оказался при штабе 1-й Русской армии. А сегодня добровольно вместе с группой штабных офицеров вышел на передовую и пока не пасовал, стрелял неплохо и не трусил.

— Что странно? — уточнил я у Шатова.

— Советская артиллерия молчит, — ответил он.

В самом деле, так и есть. Обычно после каждой атаки нас накрывали из минометов, а пару раз даже крупными калибрами, но сейчас пауза.

— Слышите? — Шатов приподнял указательный палец. — Канонада с юго-запада приближается.

Я прислушался. Снова подполковник прав — канонада приближалась. Значит, помощь уже близко. Однако кто идет к нам на выручку, немцы, румыны или какие-то резервные части ДКС? Мне об этом никто не докладывал, и оставалось только гадать.

— Ну как вы тут? — в помещение вошел обсыпанный известкой и цементной пылью начальник штабной охраны Петя Васильев, который, как и я, принимал участие в обороне.

— Нормально, — я посмотрел на него и вопросительно кивнул: — Какие новости?

— Скоро нас деблокируют.

— Кто?

— Дивизия Шкуро, а вместе с ней черкесы Султан-Гирея, калмыки и сводный полк дивизии Быкадорова.

— Сдюжат?

— Обязательно, у Андрея Григорьевича есть танки и много артиллерии, на Кавказе разжился. А большевикам сейчас уже не до нас.

— Немцы в контрнаступление пошли?

— Да. Они под Калачом-на-Дону хороший ударный кулак собрали, подгадали момент, и пошли к Волге. Говорят, уже Голубинский взяли и Самофаловку отбивают. Если так и дальше пойдет, к вечеру возьмут Сталинград в полукольцо.

— Хорошо бы... — протянул я и задал новый вопрос: — А про Кононова что слыхать?

— Прорвался к Аксаю. Красных накрошил столько, что вся степь в трупах, трофеи богатые взял и сел в оборону, ждет помощи.

— Красиво по тылам коммунистов Иван Никитич прогулялся.

— Точно, — согласился со мной Васильев и пошел дальше.

Мы просидели на позициях еще час. Большевики не наступали, артобстрелов не было, а небо над нами по-прежнему чистое, ни чужих самолетов, ни своих. А когда нас деблокировали, и пластуны 1-й Кавказской казачьей дивизии при поддержке танков стали выдавливать красноармейцев из Котельниковского, а калмыки с черкесами двигались по степи и обходили противника с флангов, я вышел на улицу и медленно направился к нашему подвалу. Где мои казаки? Во время боя всех раскидало, многих видел, были живы. Но, наверняка, кто-то погиб и получил ранения, а я командир и обязан о них позаботиться.

Добравшись до подвала, я обнаружил перед входом в подземелье казаков моей группы. Они стояли над телами двух наших павших товарищей и, сняв каску, молча, я присоединился к ним. В полукилометре бой. Через дорогу в штабе суета, снова связисты волокут телефонный кабель и бегают солдаты. Но все это нас пока не касалось. Мы смотрели на мертвых братьев, и каждый думал о своем.

Впрочем, стояли недолго. Противно завали мины, большевики решили напоследок напомнить о себе, и мы попадали наземь, а затем, прихватив с собой наших мертвецов, спустились в подвал.

— Погиба! — из темного угла слабым голосом позвал меня Семен Николаевич Краснов.

Я подошел к нему. Он сидел на старых досках, был бледен и осторожно баюкал перевязанную левую руку, видимо, получил ранение.

— Выжил все-таки? — снизу вверх, посмотрев на меня, сказал он.

— Так точно, господин генерал, — стоять было трудно, я присел на корточки и положил автомат на колени.

— Ты везунчик, сотник. Как и твои казаки.

— Дело не в везении.

— А в чем?

— В опыте.

— Да, наверное, ты прав. Но везение тоже имеет место быть, я знаю, о чем говорю. Как там наверху?

— Мины, — я был краток.

— Большевики отступают?

— Да.

— У тебя спирт есть?

— Нет.

— Жаль.

Краснов помедлил и, желая высказаться, сбросить с души груз, сказал:

— Знаешь, сотник, а я ведь был за то, чтобы уничтожить твою группу, когда вы золото Кубанской Рады притащили. И я такой не один.

— Я догадывался об этом, Семен Николаевич, и никого не виню. Окажись я на вашем месте, скорее всего, тоже за это выступил. Поэтому обид нет и быть не может. Каждый на своем месте.

— Это хорошо, что ты все понимаешь, и пока мы с тобой без посторонних, хочу еще кое-что сказать.

— Если секретное, то не стоит. У меня в голове уже столько тайн, что иногда страшно становится.

Семен Николаевич еле заметно улыбнулся, по крайней мере, попытался изобразить улыбку, а потом продолжил:

— В этот раз большевиков отобьем, уже почти отбили, и мы получим передышку. Но потом они снова придут, и опять будет литься кровь. Вот только главный враг даже не они. Он внутри. Мы сами между собой постоянно спорим и грыземся. Нет единства и это хуже всего. Одни за веру спорят, другие за форму правления, третьи ищут компромиссы с коммунистами и надеются договориться с Йоськой Сталиным, четвертые уже с англичанами и американцами за нашими спинами пытаются сговориться, а пятые хотят Петра Николаевича подсадить. Если смотреть снаружи, мы крепки, а если изнутри, сразу видны червоточины. С этим пора кончать, нельзя давать слабину, и потому скоро будет создано Министерство Государственной Безопасности Доно-Кавказского Союза.

Он сделал паузу и я спросил:

— Как НКВД?

— Именно.

— И моя группа перейдет в ведение Госбезопасности?

— На лету все схватываешь. Отдел "Контроль" станет частью МГБ и вы, конечно, тоже.

Или ты против?

— Надо посмотреть, что получится, и чем именно новая структура станет заниматься.

— А если останешься недоволен?

— Постараюсь перевестись в армию. Например, к Берингу.

— Ну да... Вы старые друзья... Но с этим не торопись... Послужи и осмотришь, потом поговорим об этом подробнее...

— Понял вас, Семен Николаевич.

— Вопросы есть? — Краснов поморщился от боли в руке.

— А как на это отреагирует СВР? Мы ведь вроде с этим Союзом сотрудничали.

— Не обращай внимания. СВР всего лишь прикрытие для одного человека, который ведет собственную игру.

— Бискупского?

— Почему Бискупского? — удивился генерал.

— Ну как же... Я слышал, что именно он стоит во главе СВР...

— Это не так. Иногда его выставляют на передний план, как громоотвод, чтобы он к себе внимание привлекал. Но на деле он фигура на шахматной доске.

— И кто же этот таинственный игрок, который стоит хитроумные комбинации?

— Послужишь в МГБ и все узнаешь. Всему свое время.

Краснов замолчал. Обстрел прекратился и, оставив генерала дальше баюкать руку, я вышел из подвала и закурил.

Пыхнул папироской и задумался. С того момента, когда я, боец Красной армии, принял свой первый бой, не прошло и двух лет. А событий за этот срок столько, сколько иному человеку за всю жизнь не пережить. Судьба играла со мной, и вот ее очередной финт — в самом скором времени я окажусь в структуре МГБ Доно-Кавказского Союза. Хорошо это или плохо, сказать пока не могу. Смутно все, много странностей вокруг и тайн.

"Плевать, — подумал я, выбрасывая недокуренную папиросу, — живы будем, не помрем, нам бы день простоять и ночь продержаться, как писал советский писатель Гайдар".

На улице рев танкового мотора. Я решил, что это снова прорвались советские танки, и хотел схватиться за оружие, а потом спрятаться. Но оказалось, что танки наши, из механизированного батальона 1-й Кавказской казачьей дивизии. А впереди стандартный советский КВ-1, который был захвачен казаками в одном из сражений и снова поставлен в строй. Машина серьезная и грозная, а на ее броне сидел мой родственник Кондрат, который меня не узнал и, прыгнув наземь, окликнул:

— Казак, где тут штаб армии?

— Здорово, дядька, — поприветствовал я его и шагнул навстречу. — Не узнал? Значит, быть мне богатым. Ты уже на месте, штаб напротив.

60.

Сталинградская область. 20.06.-10.07.1943.

Из мемуаров генерала Антона Васильевича Туркула:

"Следует признать, что план моего противника Константина Георгиевича Рокоссовского, этого талантливой польского шляхтича, мог принести ему победу. Танковые

и механизированные соединения 1-й гвардейской, 4-й и 5-й танковых армий, под прикрытием авиации, которая на участке Донского фронта временно завоевали превосходство в воздухе, рванулись на Котельниковский. Они ожидали встретить здесь румынские дивизии и вспомогательные разрозненные части. Сопrotивление должно было быть незначительным и, захватив Котельниковский, советский военачальник планировал повернуть войска на северо-запад, выйти на Красный Яр, Цымлянскую, Чертковскую и Морозовск. А затем сдавить немецкую группировку в районе Калача-на-Дону клещами с трех сторон и полностью уничтожить. После чего уже никто не смог бы ему помешать овладеть Новочеркасском, Ростовом и пробиться к Азовскому морю.

Однако на пути советских войск оказались не румыны, венгры и охранные части Вермахта, а 1-я Русская армия, которая, несмотря на нехватку артиллерии и боеприпасов, неготовность некоторых солдат сражаться против соотечественников и отсутствие авиационной поддержки, остановила лучшие армии Донского фронта. Враг запнулся и потерял темп. В его тылах действовала группировка Ивана Никитича Кононова и парашютисты полковника Беринга. Без сомнения, в том, что 1-я Русская армия удержала свои позиции и не была полностью уничтожена, их огромная заслуга. Если бы не этот рейд и своевременная высадка десанта, Рокоссовский достиг бы своих целей. Но храбрость и решимость русских солдат, лихость и бесстрашие казаков, сделали свое дело. Мы устояли. Рейдовая группа нанесла противнику огромные потери, а войска, которые обороняли позиции вдоль Аксая Курмоярского, проявили выдержку и сдержали натиск танковых советских полчищ. А когда казалось, что положение безнадежно, офицеры штаба армии пошли в бой простыми стрелками и я был готов уничтожить документы, подоспела долгожданная помощь. К нам прорвались казаки и горцы: 1-й Кавказская казачья дивизия Шкуро, сводные подразделения 2-й Донской казачьей дивизии Быкадорова и черкесы "Дикой дивизии" Султан-Гирея. Немецкая авиация, наконец-то, смогла обеспечить нам прикрытия с воздуха, Котельниковский был отбит и советские войска отступили.

Тот день, 20-е июня, запомнился мне на всю жизнь. Городок разрушен. Кругом трупы и горящая техника. Из дивизий и корпусов поступают доклады об огромных потерях. Кругом дым и чад. Однако перелом уже произошел, и я вернулся к делам моей армии.

Под ударами немецких войск, 4-й танковой и 6-й полевой армий, советская оборона рухнула. К исходу дня танки генерал-полковника Эдгарда Рауса и гренaдеры генерал-полковника Фридриха Паулюса ворвались в Самофаловку. А вечером следующего дня они захватили Ерзовку и Дубовку. Сталинград снова оказался в кольце. Три советских армии были окружены, и Рокоссовский стал готовить операцию по их деблокированию. Внимание обеих сторон оказалось приковано к Сталинграду, в районе которого разгорелось ожесточенное сражение, и для нас это было огромным благом. Советские войска нас не атаквали, немцы пытались не выпустить армии Рокоссовского из котла, а части 1-й Русской армии в это самое время, постоянно получая подкрепления, медленно продвигались к Волге.

22-го июня мы захватили Верхнекурмоярскую, которая находилась на нашем левом фланге. А на правом фланге 1-й пехотный корпус РОА генерала Скородумова вернул контроль над Кануково и Обильным.

23-го июня выбили советские войска из Кругляково и соединились с рейдовой группой Кононова в Аксае.

24-го июня без боя вошли в окруженный Перегрузный, где нам сдались два батальона советских войск.

25-го июня линия фронта стабилизировалась вдоль реки Есауловский Аксай.

26-го июня овладели населенными пунктами Верхнекумский и Капкинский, а передовые подразделения армии вышли к реке Мышкова.

Все делалось осторожно и без спешки. Германское командование нас постоянно подгоняло, но я ссылался на огромные потери, некомплект личного состава и неготовность войск наступать. Силы у нас были, но ложить в безумных атаках тысячи русских солдат и казаков, чтобы угодить немцам, я не собирался, и это была правильная тактика. Пока немцы и большевики сражались за Ерзовку и Самофаловку, мы собирали трофеи и проводили перегруппировку войск. Наконец-то, прибыл 3-й пехотный корпус Владимира Владимировича Крейтера, а вслед за ним Херсонская дивизионная группа "Фон Панвиц" Именно эти войска и 1-я Кавказская казачья дивизия выдвинулись в авангард, а потрепанные дивизии отошли в тыл. И что немаловажно, в мое распоряжение передали 531-й Калмыцкий корпус и 162-ю туркестанскую пехотную дивизию.

Тем временем 27-го июня Рокоссовский смог прорвать кольцо окружения, а затем оттеснить немцев обратно к Калачу. Но это было временно. Немцы наносили один удар за другим, и Ставка Верховного Главнокомандующего приказала войскам Донского фронта покинуть Сталинград. Насколько я знаю, Рокоссовский пытался возражать. Однако после провала наступательной операции и огромных потерь Донского фронта к нему уже не прислушивались. А вскоре советского шляхтича отозвали в Москву, и на его место был назначен генерал-лейтенант Власов, который до этого возглавлял Юго-Восточный фронт и провел несколько удачных десантных операций в низовьях Волги и вдоль побережья Каспийского моря. Враг старый и хорошо знакомый, я сталкивался с ним под Москвой. В отличие от своего предшественника новый командующий Донским фронтом, который, наверняка, вскоре снова станет Сталинградским, со Ставкой не спорил. Генерал Власов вывел войска из Сталинграда на прежние позиции и линия фронта замерла.

Все это происходило с конца июня по начало июля. За этот срок 1-я Русская армия отбила у большевиков Логовский, Громославку, Тингуту, Бузиновку, Красноармейск и Бекетовку, а затем вышла к великой русской реке. После чего меня вызвали в штаб группы армий "Центр" и моя армия получила приказ держать оборону вдоль Волги. Крайняя точка левого фланга — Бекетовка. Крайняя точка правого фланга — Астрахань. Предстояло растянуть армию на сотни километров и не давать противнику перебраться на правобережье. Задача не такая уж сложная, как может показаться, тем более что в мое подчинение переходили дополнительные силы. Помимо туркестанцев и калмыков, моторизованная дивизия словаков, румынская кавалерийская бригада и Хорватский пехотный корпус.

Я подтвердил получение приказа и отбыл в войска.

Эпилог.

Новочеркасск. 12.07.1943.

Наступление советских войск на Дон провалилось. Донской фронт генерала Рокоссовского откатился на исходные рубежи, и наступило очередное временное затишье. Доно-Кавказский Союз вздохнул с облегчением и все, кто был готов удрать, слезли со своих чемоданов, но далеко их не убирали, ибо люди понимали, что это не конец и война продолжается. В мясорубке под Сталинградом немцы, как и большевики, понесли большие потери. Однако СССР может позволить себе лишиться ста тысяч солдат и затем быстро восполнит утрату, а Германия переносит эту потерю уже с трудом. И кто знает, каким будет

исход следующего сражения? Возможно, Вермахт окончательно надорвется и откатится на запад, а мы останемся одни против всей мощи Красной Армии. Миллионы против десятков тысяч, если не учитывать войска РОА. Сможем ли выстоять? Вряд ли. Но сдаваться мы не собирались. Говоря "мы", я не имею в виду тех, кто при первой опасности сбежит или решит отдаться на милость победителя. Мы — это казаки, для которых Казакия и Присуд не просто слова, а Родина, за которую не жаль отдать жизнь. Поэтому мы будем биться за нее при любом раскладе, как бы ни пошли дела. Я, сотник Андрей Погиба, это прекрасно понимал и, вернувшись в Новочеркасск, выкроил один выходной день и потащил Анну регистрировать наш брак. Хорошо бы повенчаться, но в церквях длинная очередь, а времени нет.

Свадьбу сыграли на следующий день, без особой помпы и были только свои. Весь взвод, кто не в госпиталях и не на службе, полным составом, с семьями собрался на нашей базе, где уже были накрыты столы. Это против всех правил и нарушение уставов. Я это знал, но сознательно поступил именно так. Во-первых, потому что после боев за Котельниковский был период наплевательства на приказы, инструкции и уставы. А во-вторых, Новочеркасская база уже через пару дней перейдет в собственность местного батальона ШУПО, а мы переберемся в Ростов-на-Дону и перестанем быть тайным отрядом. Уже объявлено о создании МГБ (Министерства Государственной Безопасности) и в нем будет ЦСН (Центр Специального Назначения), в который мы войдем в полном составе.

Веселились от души, без оглядки на войну и возможный гнев начальства. Гости пили и танцевали, а мы с Анной много раз слышали "Горько!" и целовались. А когда ближе к полуночи база опустела, и на территории остался только караул, я отправил жену домой, а сам задержался.

Для начала обошел базу и прикинул, что мы заберем с собой в Ростов. Посетил арсенал и гараж. А потом вышел на крышу недостроя, присел на табуретку и, глядя на засыпающий Новочеркасск, закурил.

С реки дул свежий ветерок, и он уносил сизый папиросный дымок в сторону. Один за другим гасли городские огоньки. А у меня на душе было так спокойно, что я сам себе удивлялся. Вроде бы столько дел и забот, за спиной куча трупов, плен, ранения, госпиталя и тайны, за которые меня легко могут списать. Но в данный момент все это меня не заботило.

"Приятное состояние — надо его запомнить", — подумал я и, докурив папироску, поднялся.

В конце концов, у меня сегодня брачная ночь, пора к жене под бочок. А что будет завтра, разгребем. Главное — нет страха, а Доно-Кавказский Союз, с которым связана моя судьба, отыграл еще немного времени. Пусть полгода, при самом удачном раскладе даже год, это уже немало и можно многое сделать. Но об этом рассказ пойдет позднее.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Список использованной литературы.

Владимир Иванович Афанасенко, Евгений Федорович Кринко "56-я армия в боях за Ростов. Первая победа Красной армии. Октябрь-декабрь 1941".

Вячеслав Павлович Артемьев "Первая дивизия РОА".

Константин Ставрович Черкасов "Генерал Кононов".

Виктор Иванович Филатов "Власовщина. РОА: белые пятна".

Андрей Антонович Гречко "Битва за Кавказ".

Андрей Карашук, Сергей Дробязко "Восточные легионы и казачьи части в Вермахте".

Виктор Иванович Мальцев "Конвейер ГПУ".

Вячеслав Григорьевич Науменко "Великое Предательство: Казачество во Второй мировой войне".

Борис Петрович Плющов "Генерал Мальцев. История Военно-Воздушных Сил Русского Освободительного Движения в годы Второй Мировой Войны (1942–1945)".

Алексей Юрьевич Попов "Диверсанты Сталина. Спецназ НКВД в тылу врага".

Борис Михайлович Шапошников "Битва за Москву. Московская операция Западного фронта 16 ноября 1941 г. — 31 января 1942 г."

Свен Штеенберг "Генерал Власов".

Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт "Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение".

Владислав Вячеславович Смирнов "Ростов под тенью свастики".

Вильгельм Тике "Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942–1943 гг."

Дмитрий Александрович Жуков, Иван Иванович Ковтун "1-я русская бригада СС "Дружина".

Дмитрий Александрович Жуков, Иван Иванович Ковтун "Русские эсэсовцы".

Дмитрий Александрович Жуков, Иван Иванович Ковтун "РННА. Враг в советской форме".

Вадим Махно "Полный перечень объединений и соединений 3-го Рейха из граждан СССР и эмигрантов, а также из жителей Прибалтики, Западной Белоруссии и Украины".

Вадим Махно "Справочник военного коллаборационизма казачества во 2-й мировой войне".

Кирилл Михайлович Александров "Офицерский корпус Армии генерал-лейтенанта А.А.Власова 1944–1945".

Юрий Ненахов "Войска спецназначения во Второй Мировой войне".